

«КОРОЛЕВСТВА ЗЛОДЕЯНИЙ»

под редакцией Джеймса Лоудера

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “**Forgotten Realms**”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

1. Сколь высока цена - Эд Гринвуд - **Gdolk** и **Styrkaar**
2. Чем больше вещи меняются - Элейн Каннингем - **Elstan**
3. Значение знаний - Барб Хенди - **Elstan**
4. Замысел ворона - Элейн Бергстром - **RoK**
5. Третий уровень - Р.А. Сальваторе - **Habilis**
6. Кровавый спорт - Кристи Голден - **irene_dragon**
7. День повешения - Дэвид Кук - **RoK**
8. Всё дело в шипах - Джеймс М. Вард - **RoK**
9. Украденные заклинания - Дениз Витола - **RoK**
10. Величайший из умерших героев - Дж. Роберт Кинг - **Rogi**
11. Сумрак - Трой Дэннинг - **RoK**
12. Стены Полуночи - Марк Энтони - **RoK**
13. ...И заламывание рук - Джейн Купер Хонг - **RoK**
14. Воровская честь - Мэри Джей Герберт - **RoK**
15. Смех в языках пламени - Джейм Лоудер - **RoK**
16. Зрение - Роджер Е. Мур - **Allistain**

Редакторы: **Zelgedis, Lanjane, Дариэль, nikola26**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

Никогда ранее не публиковавшиеся рассказы о злодействах из тайных хроник истории Королевств, с участием известнейших негодяев этого волшебного мира - Артемиса Энтрери, Мэншуна из Зентильской Твердыни, Элайта Кроулнобара, зулькира Сзасса Тэма и многих других - рассказанные вашими любимыми авторами, включая Р.Э. Сальваторе, Эда Гринвуда, Элейн Каннингем, Троя Деннинга, Кристи Голден и прочих.

СКОЛЬ ВЫСОКА ЦЕНА

Эд Гринвуд

*Сколь высока цена.
Сколь охотно уплачена.
Кровь прольётся горячая
И правитель явится.
Минтипер Мунсилвер
«Баллада Тиранта»
Год Башенки*

Солнечный свет вспыхнул от самых высоких башен Зентил Кипа и отбросил великолепные отражения сквозь соседние окна. Это был горячий день Миртул в Году Сверкающей Марки.

Ледджебёрд, пролетавший мимо одного из окон, запорхал на своих ловких крыльях и запел, как беззаботная дудочка. Он ещё не знал, что жить ему осталось совсем немного...

Маншун слегка улыбнулся и согнул палец. Птица взорвалась во вспышке зеленого пламени. Напевая себе под нос последнюю песенку менестреля, волшебник наблюдал, как её опалённые перья относит в сторону.

— Позвольте птице Зентил Кипа лететь к своей гибели, — фальшиво пропел он. Всё уже не могло продолжаться по-прежнему...

Первый лорд Зентил Кипа, улыбнулся, заметив себя в овальном зеркале, плавающем вертикально в углу. Изображение, сверкая чёрной, как уголь, причёской, возвратило улыбку. Его одежды были сшиты из лучшего фиолетового шелка, прошитого золотыми нитями. Рукава были сделаны по самой последней моде, и высокий воротник был скроен в стиле городских лордов.

С еле заметным шелестом, Таерсэль отвёл висящий гобелен в сторону и негромко проговорил:

— Тот, кого Вы ожидали, здесь, повелитель.

Маншун знаками показал слуге, чтобы тот впустил гостя и вышел, но остался бы при этом ждать незамеченным позади гобелена. Чтобы показать, что он понял, Таерсэль коснулся рукоятки метательного ножа, скрытого в его декоративной застёжке пояса.

— Арглат, — объявил Таерсэль, и с поклоном вышел. Закутанный в плащ гость двигался странным скользящим шагом, как будто его ноги практически не касались пола.

— Да? — с холодом в голосе спросил Маншун.

Его гость сбросил с плеч свой плащ и ответил таким же ледяным тоном:

— Я полагаю, что вы, наконец, готовы действовать?

— Я надеюсь на это, — ровно ответил Маншун.

Формы тела его гостя были мягкими, как бы незаконченными. Приглядевшись, многие люди подумали бы, что он монгрелман – нечто, что не являлось человеком в полном смысле этого слова – после чего отпрянули бы в сторону, бормоча про себя и нащупывая руками оружие. И они действовали бы абсолютно правильно.

Волосы гостя растаяли и отпали в сторону, в то время как тело заблестело, расплылось, а затем разошлось в стороны, освобождая единственный зелёный, жидкий глаз. Пока Маншун смотрел на этот немигающий гигантский глаз, колеблющийся на конце длинной, змееподобной шеи, он вырос ещё больше. Тело же ниже осело и обвисло, как сброшенная одежда.

— Тогда говори, — холодный голос странного посетителя раздался снова. — Моего терпения не хватает на людей, которые любят разыгрывать таинственность.

Маншун вернул гостю его ледяную улыбку.

— На следующей встрече совета произойдёт открытая резня. Те, кто противостоят мне, умрут. И когда Зентил Кип станет моим, ваши соплеменники будут иметь то, чего они так желают: мощный город, полный рабочих рук, которые можно продать, свежее мясо для вашего пропитания, и мужчины, которые боятся вас и становятся на колени перед вами.

— Не думайте, что вы понимаете мой вид так хорошо, — ответило существо, подплывая немного ближе. — Более того, Маншун, не смейте думать или воображать, что вы можете командовать — *мною*.

Корчащиеся черви плоти выросли из его сферического тела.

Приглушенный вскрик ужаса раздался из-за соседнего гобелена. В следующий миг оттуда вылетел арбалетный болт, который просвистел вдоль покоев, и был отброшен невидимой магической силой резко в сторону только перед самым плавающим в воздухе огромным глазом. Болт закончил свой полет, расколовшись о стену.

Глаза открылись в концах все еще удлиняющих стеблей монстра и посмотрели в ту сторону, откуда вылетел болт. Один из них зловеще замигал.

Гобелен отбросило в сторону, обнажился провал прохода — и Таерсэль, который лежал ничком на полу, всё ещё сжимая в руках арбалет. Тонкие струйки дыма поднимались от его тела.

— Это не очень умно, — мягко заметил многоглазый повелитель, — угрожать нам.

Маншун взглянул в многочисленные глаза бехолдера и твёрдо ответил:

— Я слишком полезен для вас, чтобы вы могли убить меня — и слишком мудр, чтобы попытаться напасть на вас. — Он кивнул в сторону лежащего слуги. — Этот человек действовал из своих собственных побуждений защитить меня.

Безрассудный, он все же так же полезен мне, как и я вам. Я надеюсь, что вы ему не сильно повредили.

— Не смертельно. — Наблюдатель приблизился и все его глаза от неудовольствия пожелтели. — Когда вы в следующий раз будете выступать в совете, мы будем там. И знайте, владеющий: если вы и ваши приближённые не позаботитесь обо всём, для вас всех скоро наступит день беды.

— Если мы не позаботимся обо всём, — сказал Лорд Чесс в покоях другой башни, неподалеку от дома Маншуна, — день беды может наступить для всех нас.

Остальная знать за его столом заёрзала на своих местах. На собрании присутствовало большинство молодых дворян города. Некоторые скрывали своё волнение, часто прикладываясь к своим кубкам с львиным вином Мулхорандана. Другие надменно улыбались и принимали ещё более ленивые позы на своих больших, искусно вырезанных стульях.

— Мы не боимся выскочек волшебников, — сказал один из них, снисходительно усмехаясь. — Наши отцы и деды смешивали с грязью таких противников. Почему же мы должны бояться? Хватит одних только наших стражников, чтобы уничтожить этих Зентаримов.

— Да уж, — прогрохотал другой голос среди согласного ропота. — Позвольте седым бородам в совете таявкать, и это продлится весь день! Я не вижу ничего, что могло бы угрожать Зентил Кипу или помешало бы увеличиваться нашим богатствам. Совет беспокоится всякий раз, когда болваны в Мулмастере осмеливаются бросить нам очередной вызов, или когда какой-нибудь волшебник из Тая вводит себя в заблуждение, что он является достаточно могущественным, чтобы управлять нами. Большую часть времени совет просто держит наших отцов и остальную часть стариков занятыми — и заставляет их держать свои носы подальше от наших дел!

— И сколько же дел у вас *сейчас*, Таэрун? — с ехидцей спросил один из дворян.

— Да, на этой декаде? — добавил кто-то сквозь общее веселье.

Чесс нахмурился.

— Вас что, нисколько не заботят шпионы среди нас? Агенты Тая, Культа Дракона, даже Сембии и Калимшана — их обнаруживают каждый месяц! Их кинжалы намного ближе, чем вы можете себе представить.

— Ага, — торжествующе произнёс Таэрун, наклоняясь вперёд и облачиваясь на стол. — Вот в чём суть, Чесс. Их *обнаруживают* — и бдительные волшебники команды Маншуна, и жрецы Фзула. Именно поэтому мы терпим на первом месте этих надменных дураков в длинных мантиях! Они прикрывают наш зад, так что мы можем продолжать заниматься обогащением!

— И развратом, — пробурчал кто-то.

— И пьянкой, — добавил другой. — Кстати, Чесс, что это за помой?

— Мулхоранданское вино одного из лучших урожаев, — сухо сказал Чесс. — Я не сомневался, что ты не сможешь его узнать, Наер.

Наер сплюнул на стол.

— Вот тебе твои насмешки! Мой род настолько же стар, как и ваши!

— И настолько же распущенный, — пробормотал Таерун.

Чесс тонко улыбнулся.

— Вы вольны наслаждаться вашей беззаботностью, сколько можете, Лорды. Но учтите, что это драгоценное удовольствие будет утрачено, как только один из наших противников решится на войну с нами.

Таерун снова наклонился вперед, его глаза были холодны.

— Я действительно наслаждаюсь этим... и я буду наслаждаться. Каждое удовольствие имеет свою цену — но наша беззаботность стоит нам только крови нескольких дураков, преклоняющих колени у алтарей, и наёмников, время от времени. Это та цена, которую я заплачу охотно. Избавь нас от своих завуалированных угроз. Имя Блэкрин означает “гордый” — и я всегда готов к драке.

Мерцающие искры света вырвались из его сжатого кулака и, соединившись, превратились в декоративный скипетр, наконечник которого пульсировал и пылал.

Один из дворян раздражённо вздохнул.

— О, уберите это, Таерун! Вы постоянно пытаетесь показать, насколько вы воинственны, а вместо этого каждый раз показываете лишь отсутствие у вас деликатности и тонкости. У нас у всех есть такое же, а то и лучше! Вы что думаете, что вам единственному в Зентил Кипе хватило ума на то, чтобы пронести сюда магию, в то время как мы должны были оставить наши клинки за дверью?

Другой дворянин погладил свою неопрятную бороду и добавил:

— Да, и если Вы когда-либо используете это, Блэкрин, то прольётся кровь одного из нас. Тогда кровавая междоусобица начнётся снова. Это — *слишком* высокая цена за симпатию совета. Они, скорее всего, превратят вас в собаку, чтобы вы провели остатки вашей жизни, патрулируя территории к северу от Глистера... в течение тех нескольких дней до того, как вы встретите свою смерть.

Он выпрямился, распрямляя ноги, и добавил:

— Достаточно резких слов. Достань ещё вина, Чесс, и Расскажи-ка мне о той девице с зелеными волосами, с которой ты был накануне! Я её прежде не замечал. Где вы её прятали?

Чесс улыбнулся, в то время как серебряный поднос, уставленный бутылками и графинами, поднялся с полированной стойки перед ним и медленно опустился на стол.

— Да, ее волосы вчера вечером были зелёными. Ее называют Шадоусил. Она одна из волшебников Маншуна, так что даже не думай приударить за ней, Элдарр. Она может убить нас всех одним движением своей руки.

— И это, Таэрун, — сухо заметил Наер, — также будет слишком высокой ценой за симпатию совета!

Упитанный человек в роскошных одеждах, сшитых по последней моде Калишита с разрезами и отворотами, впервые подал голос этой ночью.

— Я был очень далеко отсюда и лишь недавно вернулся, — сказал он, — но слухи о Зентариме: темных волшебниках, безжалостных убийцах, которые набрали

могущественную магическую силу, разошлись повсюду. И я хотел бы узнать больше. Расскажите мне по порядку: что происходит в нашем городе? Чего вы боитесь, и что лежит в основе ваших страхов?

Лорд Чесс отпил немного вина и ответил:

— Маншун, лидер этих Зентаримов, стал первым лордом совета. И его планы простираются намного дальше, чем просто председательствовать на заседаниях ссорящихся торговцев. Он говорит о Зентил Кипе — “мой”, как будто он уже его король!

Несколько дворян иронически было рассмеялись, и Чесс поднял руку, призывая к молчанию.

— Маншун – могущественный маг. Он собрал вместе волшебников, сильных и слабых, которые поддерживают его. Он убил или изгнал прочь большинство чародеев, которые могли бы противостоять ему. Эти Зентаримы работают сообща. Задумайтесь над *этим*, лорды, и подумайте, что вы будете делать, если к вам на банкет явятся двадцать человек, которые выпьют гораздо меньше, чем они покажут, и которые затем атакуют вас заклинаниями!

Ответом ему стал угрюмый ропот. Чесс тяжело оглядел присутствующих.

— Червяки — вы так можете подумать о них, но эти червяки могут убить нас всех. Разве вы не замечаете, сколько наших великих лордов — даже наш последний боевой лорд – чувствуют себя больными и прикованы к своим кроватям? Старость, да.... Но что, если им помогают побыстрее сойти в могилы? Прежде, чем усмехаться, подумайте: заклятья, возможно, и не пробьют защиту всех этих дорогостоящих оберегов и амулетов, которые мы носим, но ведь есть и другие способы. Я хорошо знаю Маншуна. Мы росли вместе. Он — мастерски использует медленно действующие, иссушающие яды, которые убивают постепенно и не вызывают никаких подозрений. Подобным образом он убил своих родителей, и заполучил их деньги.

Чесс оставил в сторону свой кубок, и его голос стал более настойчивым.

— Каждый день Зентаримы становятся всё более надменными. Я боюсь, что уже очень скоро они захватят власть, используя магию, чтобы повлиять на совет. Маншуну нужно начать действовать до того, как совет одобрит открытие школы магов, которую спонсирует Белдинстоун, и, которая привлечет в наш город много независимых волшебников. И заключительное обсуждение этого вопроса, с последующим одобрением, состоится на следующей встрече совета.

— Арргх! Хватит этой болтовни об опасности! — прорычал Таэрун. — Мы слышали все эти ваши разглагольствования и раньше, Чесс! Как может какой-нибудь волшебник, или даже группа волшебников, действующая вместе, взломать магическую защиту или обмануть внимание жрецов? А ведь именно *эти* чёрные мантии богатеют, удерживая нас в постоянной борьбе друг против друга. Жрецы не любят конкурентов! Они прихлопнут этих Зентаримов, как кучку навозных мух, как только те попробуют действовать в открытую!

— Вы действительно так думаете?

Лорд Чесс наклонился вперёд.

— А что, если я скажу вам, что Маншун часто встречается с самыми могущественными из жрецов? Например, лично с Фзулом, хозяином Черного Алтаря.

Наступила потрясенная тишина, и Чесс, со спокойствием большим, чем он чувствовал, добавил:

— Вот вам ваша – так называемая бдительность «беспристрастных» жрецов, которая охраняет совет от магических уловок. Может так случиться, что она окажется лишь заблуждением и иллюзией.

Он снова взял в руки свой кубок, его усыпанные драгоценностями пальцы ощутимо дрожали.

— Есть что-то ещё, не так ли? — спросил Наер, глядя в лицо хозяина дома.

Лорд Чесс кивнул.

— Таерсэль рассказал мне, что Маншун встречается с кем-то ещё более сильным в волшебстве, чем даже он, — кем-то, кого он держит в тайне от Первосвященника Фзула. Вы все слышали слухи о бехолдерах, бродящих по городу ночью...

Он оглядел их тихие, бледные лица.

— *Теперь-то* вы боитесь, мои лорды? — Он осушил свой кубок и добавил: — Поскольку следующая встреча совета состоится завтра, уже может быть слишком поздно что-либо делать, *кроме как бояться*.

Соглядатай был повержен. Всюду была расплёскана кровь, и внезапно обезглавленное тело корчилось и билось на полу, как выброшенная на берег рыба.

Лорд Рорст Амандон, боевой лорд Зентил Кипа, провёл рукой над своим всевидящим кристаллом, заставляя кровавую сцену исчезнуть.

— Итак, надежда Лорда Хаэля не оправдалась, — пробормотал он. — Едва ли этому стоит удивляться — и вероятно незваные посетители Башни Маншуна будут далеко не единственными, кто встретятся этой ночью со своими богами. Такие ничтожные нападения уже не остановят Зентарим. Хотя... Шпионы Хаэля прошли дальше, чем я ожидал.

Дрожащей рукой старый лорд потянулся к графину около кровати. Этреф – старый слуга, стоящий там специально для этого, вложил кубок с питьём в парализованную руку. Владение всевидящим кристаллом, который мог проникнуть за магические щиты заклятий, означало смерть, если бы только жрецы или волшебники города узнали об этом, но Лорда Амандона это уже давно перестало заботить. Он одной ногой стоял в могиле и знал об этом. К тому времени, как яд Маншуна был обнаружен, его разрушительное действие зашло слишком далеко для того, чтобы можно было что-то исправить волшебством в его возрасте. Самые дорогостоящие мудрецы не знали никакого противоядия от уже принявшегося за работу яда. Его было достаточно, чтобы убить Лорда Амандона.

Старый воин устало оглядел свою спальню, задержав взгляд на своём любимом мече и на портрете жены, умершей долгих семь лет назад. Он может присоединиться к ней уже на рассвете, независимо оттого, когда это должно произойти по планам этих чокнутых волшебников.

— Я... больше не могу ждать, Этреф, — негромко проговорил он. — Мое тело сильно сдаёт. Уже сейчас я могу только пить без вашей помощи.

Подняв голову, он заметил блестящие, еле сдерживаемые слезы в глазах его верного слуги. Рорст отвернулся, чтобы не видеть этого. Годы, когда они были вместе, когда он вел армии Зентил Кипа, чтобы с бесчеловечной жестокостью взять под контроль Тар и северное побережье Лунного моря — то, чем он всё меньше и меньше гордился, те годы прошли. Он никогда раньше не замечал седины, пробивавшуюся сквозь волосы Этрефа, и того, что усы у него были белее снега!

Боевой лорд с трудом сел, переворачивая подушки.

— Время пришло, — прорычал он. — У меня для тебя есть последний приказ, мой добрый Этреф: пойди и вызови того, о ком я тебе говорил.

— Прямо сейчас, Лорд? И ... оставить вас одного? Что, если...?

— Я могу справиться и сам, — решительно сказал лорд, — пока тот, с кем я должен поговорить, не появится здесь. Иди, Этреф, иди ради чести рода Амандонов.

Он поставил на место свой кубок, который заплясал и загрохотал в его дрожащей руке. Рорст неодобрительно посмотрел на него, а затем снова поднял жестокие глаза.

— Иди, — он сказал грубо, — если ты вообще беспокоишься обо мне.

Старый слуга одно мгновение постоял, глядя на него, затем, с похожим на еле сдерживаемое рыдание звуком, повернулся и выскочил прочь.

Рорст Амандон же глядел на затемненный всевидящий кристалл и задавался вопросом, сможет ли он протянуть достаточно долго для того, чтобы увидеть эту финальную битву. Время от времени его глаза отклонялись в сторону портрета Дезил, напиваясь ее знакомо нарисованной красотой, а затем поворачивались обратно к всевидящему кристаллу. «Я — человек боя», размышлял он с бледной улыбкой на лице, и испытывая нестерпимое желание участвовать в этой борьбе до последнего.

Хорошо смазанная дверь тайного выхода из зала закрылась за последним гостем, и Лорд Чесс сидел в одиночестве. До краев полный кубок стоял перед ним нетронутым, тогда как он лениво крутил обычное кольцо вокруг пальца.

Маншуна сейчас мог бы остановить только разгневанный бог. Первый Лорд был настолько могущественен в колдовстве, насколько искусен в стратегии. Еще до того, как выпадет снег, он станет правителем Зентил Кипа. Еще год назад об этом и помыслить было нельзя, при всех этих лукавых, закаленных в боях дворянах Кипа, этих надменных магах, при обладании городом.

Старый Йорлтар объявил Маншуна своим преемником, наследником титула Первого Лорда — под магическим воздействием, как многие думали. На десятый день многие из самых гордых дворян — либо не жаловавших нового Первого Лорда, либо владевших сильной магией — заболели. Причин не смогли найти, однако в трактирных сплетнях была заключена правда. А теперь в этих же трактирах уже в открытую велись разговоры о том, что Зентарим убивает соперников. Когда же начались волнения, многие полагали, что у Маншуна есть некое тайное оружие, нечто более мощное, чем все заклинания его постоянно растущего сборища магов-лизоблюдов.

Самые богатые из обычных Зентарим всячески вставляли палки в колеса зарвавшемуся Зенту, но все втуне. Купцы еще раньше поняли, что ничто не спасет, если твой противник – маг. Что касается черни... Смерды никогда не играли особой роли в политике, кроме как будучи вовлеченными в тот или иной грамотно срежиссированный спектакль. Совсем как народ в Срединных Землях. Кольцо, которое вертел Чесс, сверкнуло, что привлекло его внимание. Он внимательно осмотрел кольцо. Одна банда стояла ему нескольких лучших наемников, он заплатил самым дорогим наемным убийцам, чтобы убить их, когда они отказались работать на него. Однако это стоило затраченных усилий. В те дни он носил кольцо, не снимая. В обладании секретным оружием в Кипе Маншун был не одинок. Чесс мог с помощью кольца призвать верного дракона тогда, когда это было нужно. Пригубив кубок еще раз, он мрачно подумал: «Возможно, этот день наступит завтра».

— Враги у нас были дольше, чем я помню, — сказал Лорд Амандон, вставая. Его гость пришел и в самом деле быстро.

От попытки встать на лбу старого Лорда выступила испарина. Через мгновение он почувствовал, как невидимые руки переносят его в постель, устраивают среди подушек. Боль и дрожь ушли – но он едва сдерживался, чтобы не заплакать.

— Отдыхайте, Лорд Амандон, — сказал его гость, оставаясь в тени. — По крайней мере, я не принес вам смерти.

Старый лорд приподнял бровь.

— Миркул ждет меня у порога... Вот почему я послал за тобой. Нужно остановить, а не убить Маншуна.

— Когда и как?

— К следующему полудню. Боюсь... на собрании правящего совета.

— Собрание настолько хорошо защищено заклинаниями, что все маги, жрецы и солдаты сбегутся со всего Зентил Кипа при одной лишь моей попытке приблизиться.

— Есть способ проникнуть, — ответил Лорд Амандон, — Нужно принять облик того, кого ждут — и ты сможешь свободно пройти.

— Попахивает ловушкой.

— Да, — сказал Амандон, — Действительно... Но не для тебя. Некоторые известные мне тайные формулы, объединенные с твоей силой, могут навечно поработить живое существо. Я даю тебе свое слово – как Боевого Лорда Зентил Кипа и как Амандон – тебе ничего не грозит.

— Я верю вам, — донесся голос из теней.

Лорд Амандон вздохнул.

— Ты более надежен, чем кто-либо в городе в эти дни.

— Недостаток доверия – более серьезная проблема, чем вы думаете, — последовал сухой ответ. — А теперь... эти тайные формулы...

В центре Зала Верховных Зентил Кипа была большая, гулкая комната, как правило – пустая. Но сегодня были заняты все места, те же, кто остался без мест в комнате совета, но был достаточно важным – стояли на ступенях, ожидая чего угодно, но еще больше стараясь скрыть свое нетерпение. Город заполнили слухи о возвышении Зентарима и растущем негодовании благородных, накрыв город, подобно покрову холодной ночи. Остановят ли бесстрастные жрецы Бейна тягу колдунов к заклинаниям своими собственными чарами? Это может превратить город в арену колдовской битвы и – разрушить. Или они останутся настолько безучастными, насколько себя таковыми провозглашают?

Все утро прошло в нервном перешептывании горожан, стоящих в овальной шахте из скамей, концентрически спускающихся к главному залу для дебатов, освещенному солнечным огнем. Лорд Чесс со своего места мрачно смотрел на этот островок света и прикоснулся к одному из своих колец.

Некто стоял в одиночестве в кругу света – в богатых одеяниях, осматривавший зал так, как будто все и вся принадлежало ему. Маншун Зентарим. Тот, кого ненавидели больше всех... Первый Лорд Зентил Кипа.

Одарив амфитеатр своей мягкой полуулыбкой, вселившей страх во многих, он изрек:

— Но есть еще одно дело.

Маншун взял толстую пачку пергаментов с передней скамьи и потряс ей. Один лист выпал из стопки и отлетел. Кто-то хихикнул, но Маншун, изогнув бровь, взмахнул рукой, и листы закружились вокруг его головы медленно и безостановочно.

— В этих бумагах сообщается об увеличении агрессии со стороны наших врагов, — сказал он таким голосом, что было слышно даже на самых высоких уровнях амфитеатра. — Посмотрим же, так ли они сильны?

Он потряс одним листком.

— Здесь сообщается об убийствах горожан мерзкими, обжуленными прихвостнями дискредитированного главного сборщика налогов.

Он ткнул в стопку пергаментов.

— Тут мы читаем о бесчестных налогах и поборах, под которыми стонут наши купцы в более чем семи городах Драконова Плёса.

Палец Маншуна снова дернулся.

— Может, вам было бы приятно послушать о наших караванах, которые средь бела дня грабят разбойники, выдающие себя за Культ Дракона!

Первый лорд развел руками.

— Это ли не чудовищно? Разве не должны мы наточить свои мечи и подготовить заклятия?!

— Нет, — сказал кто-то со средних скамей, неуверенно. Раздались смешки.

Маншун продолжил давить.

— Однако есть много чего еще. ОЧЕНЬ много! На кону – само существование нашего города!

— И всегда так и было, — промолвил кто-то.

— Да, скажите же что-нибудь поинтересней!

Маншун ответил:

— Что же. Смотрите все! Внимательно смотрите!

Он покачал рукой и отошел. Зал споров потемнел. Светлячки мигали и порхали в магической тьме, постепенно собираясь в призрачную фигуру человека в балахоне. Незнакомец хихикнул и поднял руку, изобразив замысловатый жест. Беззвучная вспышка света вырвалась из этой руки и устремилась к верхним скамьям. Сидящие попятились – и тут на скамьях появились образы трех колдунов-Зентарим, известных в городе. Призрачные маги колдовали каждый по-своему.

Безвредные тени сияющих, убийственных заклинаний вспыхивали и гасли. Посреди беззвучной ярости Маншун стоял спокойно, а затем сказал:

— Я взываю к верховному жрецу Черного Алтаря!

Фзул встал и с достоинством поклонился. Взлохмаченные рыжие волосы и усы его казались застывшим пламенем на фоне мрачного великолепия его облачения.

— Неужели эти образы ложны? — громко и торжественно спросил Маншун.

В руке у Фзула был камень, мерцавший колдовским светом. Посмотрев сквозь этот камень на призрачные образы, Фзул покачал головой:

— Нет. В этих образах – правда.

Затем он снова поклонился и сел.

— Узрите, — торжествующе воскликнул Маншун, указывая на образ призрака.
— Красного Волшебника Тай!

Обведя взглядом недоумевающее собрание, Маншун добавил:

— Сражающегося в этом самом зале два дня назад!

Бесшумные заклинания вспыхивали и сталкивались друг с другом. Яростное зеленое пламя рванулось к Красному Волшебнику. И плоть корчащегося человека исчезала в адском огне, пока не остались только черные скрученные кости. Затем, под взглядами собравшихся, кости рассыпались в прах.

В наступившей тишине голос Маншуна был отчетливо слышен.

— Видели вы свиток у него на поясе?

Призрачное изображение рассеялось, когда он встряхнул рукой, но многие из собравшихся утвердительно кивнули.

— Я узнал его, — мрачно произнес первый лорд, — и проверил наши хранилища записей. Исчез морской договор, который мы недавно заключили с Тай! Мы беззащитны перед тайскими пиратами, однако уступки, на которые мы пошли ради заключения этого договора, все еще ощущаются нами.

Оглядев присутствующих, Маншун поднял руки и воскликнул:

— А ведь это всего лишь кусок бумаги! Что было бы, если этот колдун использовал бы смертоносные заклятья, чтобы лишить вас денег? Или жизни? Или для того, чтобы продать ваших детей в рабство?!

Вот уже начался возбужденный, злобный шум – лорд смотрел на лорда. Маншун позволил реву усилиться, а затем призвал к тишине.

— В нынешнее время Зентил Кипу нужны надежные защитники. Вы сами видели отвагу и способности трех Зентарим, спасших от разрушения этот зал, а может, от чего-то худшего. Я могу спасти город, имея в своем распоряжении намного

более стойких и преданных магов, нежели чем те, кто здесь присутствует. Но мне нужно ваше разрешение на это...

Маншун величаво вышел вперед так, чтобы солнечный свет выделил его фигуру.

— Мне нужны право и сила, чтобы защитить вас!

Затем, более спокойно:

— У меня должна быть свобода тренировать и снаряжать людей для защиты города. У меня должны быть все полномочия, чтобы собирать их и использовать в нынешнее время! Я требую, чтобы формальная власть первого лорда Зентил Кипа – моя власть! – была усилена.

Зал взорвался от негодования. Побагровевшие старцы били кулаками по своим скамьям с криками «Не бывать!», «Тирания!». Другие же – «Совершенно верно!». Некоторые же кричали – «Пусть лорд говорит!», «Наконец-то дельное!».

Под прикрытием шума, откуда-то с верхних мест что-то сверкнуло и, вслед, вращаясь, полетел кинжал. Маншун спокойно следил за полетом. И только в последнее мгновение, когда почти все присутствующие увидели вращающееся лезвие, первый лорд взмахнул рукой и прошептал заклинание. Кинжал взорвался фонтаном искр и пропал.

Фзул Чембрил встал и его одеяния распахнулись. Его голос загремел:

— Хаос и грызня ничего, кроме бедствий, не принесут. Чтобы ни было здесь решено – нам необходимы порядок в городе и действенные законы. Мы все слышали определенное предложение на случай бедствий, и четко видели то, чем было вызвано это предложение. Так вынесем же это на голосование. И решим этот вопрос сейчас же! – добавил он, медленно и сурово обведя взглядом зал.

— Вопросы торговли не решаются с наскока! Это неправильно! Совет никогда не решает и не действует второпях, – запротестовал один пожилой аристократ.

— Кинжалов в этой комнате тоже никогда не метали, — холодно парировал Верховный Жрец Фзул. Затем он, горделиво расправив одежды, сел на место.

— Начнем же голосование! Мы должны что-то предпринять, или мы зря потеряем время! – поднял голос молодой аристократ, в попытке перекричать яростную перепалку.

— Голосовать, голосовать! – раздались одобряющие крики. Большинство голосов, казалось, раздавалось с тех рядов, где сидели волшебники.

— Голосование необходимо, — кивнул Маншун. — Кто еще из присутствующих готов высказаться?

— Я готов! – завопил возбужденный молодой аристократ с верхних рядов, посреди шквала шепотков и шипенья.

— Уже двое высказываются за голосование, и долг этого собрания очевиден. Голосуем, – голос Маншуна разом прекратил все перешептывания.

— Согласно правилам, любое голосование за или против первого лорда должно проводиться в присутствии старшего жреца, — Фзул снова встал. — Однако, я думаю, что служителям великого Бейна не пристало вести себя столь разнузданно на столь мирском собрании Зентил Кипа. Почтит ли нас присутствием Советник Аразил?

Молодой аристократ, только что призвавший к голосованию, раздулся от гордости.

— Первый лорд требует от собрания увеличить его полномочия и полномочия тех Зентарим, которыми он командует. Кто за это предложение?

Там и сям в зале собравшиеся молча вставали с мест. Аразил пересчитал их дважды, включив себя, а затем назвал Фзулу общее число – девятнадцать – которое Фзул подтвердил.

Теперь, уже с меньшей уверенностью, молодой аристократ сказал:

— Поднимитесь все, кто против предложения.

По комнате пронеслось эхо скрипящих скамей. Аразил подсчитал и объявил:

— Сорок шесть советников!

Фзул кивнул.

— Счет верный и на нем благословение Бейна. Запрос откло...

— Подождите! – строгий и недовольный голос Лорда Фандимма заглушил слова верховного жреца. Фзул поклонился, вежливо уступая место и сел.

Старый аристократ, известный как стойкий противник Зентарим, поднялся во весь рост. Он дрожал и его почтенное лицо несколько раз скривилось в конвульсиях. Ища поддержки, он вцепился руками в скамью.

— Я... Я считаю, что мы слишком поторопились, проголосовали более сердцем, нежели разумом, забыв о безопасности нашего прекрасного Зентил Кипа. Это раздражает многих, в том числе и меня, — тут глаза Фандимма озарились яростью и он пробормотал что-то пока голос его не восстановился... — Раздражает нас, говорю, то, что столь юный лорд предпринимает то, что, по мнению некоторых, является ничем иным, как самонадеянной и опасной попыткой обрести абсолютную власть над нашим городом. Вот еще что – если мы отставим в сторону наш гнев, разве не пойдем мы, что то, что он предлагает – это единственно разумное?! Разве не видели мы опасностей, которые таятся в тенях самого этого зала?! Разве не должны м-м-мы-ы-ы..., — тут лицо аристократа снова свело гримасой, его тело дернулось, как будто невидимые руки ударили его, затем он провел дрожащей рукой по лицу и сел, пробормотав: — Мне больше нечего сказать.

— Магия! — неожиданно возопил советник. — Кто-то применил к Фандимму магию!

— Магия?! Сквозь антимагические щиты?!

— Да, магия Зентарим!

Волшебник-Зентарим в ярости вскочил.

— Отвергаю это обвинение! Прошу верховного жреца проверить Фандимма. Уверен – он чист от любых заклинаний!

Фзул снова встал и поклонился.

— Судя по ходу этого собрания, — сказал он сухо, мне лучше продолжать стоять.

С ростом напряжения стали раздаваться смешки. Фзул снова посмотрел через сияющий волшебный камень, чтобы найти малейшие следы колдовства – и вздрогнул.

— Здесь нет магии, — твердо сказал верховный жрец, — однако, есть что-то другое...

Он пошевелил пальцем и из нагрудного кармана одеяния согбенного лорда вылетела маленькая фляжка, озаряя свой путь блеском. Все могли видеть, что внутри – крепкое вино.

— Ага, — изрек Фзул в гуще неуверенных смешков, дождался, когда возгласы стихнут, вернул фляжку на место и мягко добавил: — Похоже, Лорд Фандимм слегка... взволнован... однако его глубокое беспокойство о безопасности нашего города искренне. И, следуя мудрости, дарованной столь преклонным возрастом, о каком мы и помыслить не можем, он призывает нас к повторному голосованию

Маг-Зентарим, отвергавший влияние магии, вскочил и воскликнул, торжествуя:

— Так свершится повторное голосование!

Советник Аразил почти подпрыгнул, возопив:

— Поддерживаю!

Фзул опять поклонился.

— Проведем теперь повторное голосование.

Маншун, слегка улыбаясь, беззвучно сел на переднюю скамью. Взгляд его был прикован к вспотевшему Лорду Фандимму.

Со своего возвышения Лорд Чесс увидел слабое свечение в глазах первого лорда – это была настоящая магия. Он встал.

— Хватит, Маншун, и вы, Зентарим! Прочь отсюда, из этого зала, колдуны! Советники Зентил Кипа должны принимать решения чистым разумом!

Маншун в ярости отвернулся от Фандимма, упавшего без чувств на место, уронив голову. Взгляд Маншуна был прикован к Чессу.

Аристократ неожиданно почувствовал, как неожиданная тяжесть разрывает его разум. Тут он сглотнул – и заревел от ярости, почувствовав как язык его распух и лишил его дара речи.

Первый лорд злорадно улыбался ему, так же как радостно урчит кошка, поймав свою жертву.

Чесс взирал на эту нехорошую улыбку, одновременно сражаясь с собственным телом. Малые защитные кольца на его руках дымились, охваченные маленькими язычками синего пламени – а затем сгорели. Чудовищная боль пронзила его разум. С колоссальным усилием Чесс поднял свою руку, которая двигалась медленно, будто проделала огромный путь, и посмотрел на последнее кольцо. Оно вспыхнуло.

В воздухе над центральной площадкой Зала Верховных разлилось неожиданное золотое свечение. Оно вспыхнуло ярче и взорам собравшихся предстал огромный черный дракон, мощный и укрытый толстой броней. Голова его была подобна колоссальной рогатой змее. Хлопнули мощные крылья.

Ветер, поднятый этим взмахом крыльев, пригнул людей к скамьям. Дракон зашипел – громко и сердито. В уголках его челюстей запузырилась и вспенилась кислота, наполнив зал слезоточивым чадом драконьего дыхания. Люди кричали. Дракон повернул свою змееподобную голову и в его глазах были голод и хищное наслаждение. Дракон небрежно ударил хвостом одного из присутствующих, превратив его со скамьей в кровавое месиво и груды щепок.

Вслед за этим ударом, со звоном, подобным колокольному набату, высокие окна зала разбились. Присутствующих обуял подлинный ужас.

Дракон изогнулся. Его блестящая чешуя скрипнула.

Через разбитые окна в зал влетели три шара, казавшиеся черными на фоне солнечных лучей. Вокруг единственного немигающего глаза, находящегося посреди каждой сферы, извивались щупальца с глазами поменьше. На одной из сфер раскрылся огромный рот, полный зубов. Рот кривился в жестоком хохоте.

— Бехолдеры! – завопил советник.

— Слухи верны, — поддержал другой. — Зентарим столкнулись с бехолдерами!

В зале все – советники и горожане – вопили и карабкались по скамьям в безумной попытке выбраться отсюда. Дракон взревел и плюнул в ближайшего бехолдера дымящимся сгустком кислоты, но тут воздух был пронзен множеством мерцающих лучей, исходящих из глаз бехолдера. Едва соприкоснувшись с этими лучами, кислота с шипением превратилась в пар.

Лорд Чесс почувствовал ослабление ментальной атаки Маншуна. Старик сполз за скамью и попытался завладеть разумом дракона, чтобы обратить его ярость на первого лорда, покуда Маншун не перешел к более разрушительной магии.

Воля дракона была ясной и непреклонной, она была сильнее воли старика. Занятый уничтожением своих многоглазых врагов, дракон не обращал внимания на беззвучные команды. Чесс застонал от бессилия.

А в самом зале колдуны-Зентарим работали вовсю. Ловко уворачиваясь от ударов драконьего хвоста, они использовали панику, чтобы осуществить свой тайный заговор. Их лица кривились в злорадном ликовании, когда они метали огненные шары и разряды молний в самых гордых и самых могущественных из правителей Кипа. Многие лорды выхватывали свои жезлы и посохи, с яростью обрушиваясь на противников.

Возвышаясь надо всеми, дракон, извиваясь, ревел от боли, когда лучи обжигали и пробивали его чешую. Вот уже все его тело усеяно дымящимися ранами, заливающими горячей кровью людей, сражающихся внизу. Кинжалы и мечи сверкали в руках людей, сражающихся на скамьях. Чесс снова попытался достучаться до разума дракона, но боль, которую он почувствовал, затопила его сознание, заставив закричать от боли и столь сильно скорчиться, что он ударился головой об обратную сторону скамьи. Когда к нему вернулись чувства, он извлек узкий церемониальный меч.

Мимо пробежал колдун-Зентарим. Когда рядом оказался еще один человек, Чесс встал и пронзил того насквозь.

Колдун захрипел, задержался и обмяк на мече старика. Когда Чесс выдернул свой меч, из бехолдера вырвались лучи губительной магии и ударили в дракона.

Могучий дракон мигнул и начал бледнеть с каждым ударом губительной магии, проникающим сквозь него. Вот уже Чесс мог видеть скамьи и сражающихся людей – видеть сквозь дракона!

Мгновение спустя ревуший дракон просто испарился.

Старик оглянулся, подняв меч. Колдуны-Зентарим перекрыли все выходы, магией отшвыривая перепуганных советников, не давая самой малейшей возможности уйти. Заклинания вырывали мечи из рук или превращали клинки в прах, поджигая их. Увидев, как кто-то выругался, когда меч выпал из рук на пол, Чесс почувствовал, что и его собственный меч объят огнем. Только тогда он позволил оружию упасть.

Посреди зала, открыто злорадствуя, стоял Маншун. Колдун осклабился еще шире, и взгляд его скользил по стонущим и умирающим. Затем первый лорд взглянул на трех бехолдеров.

Торжествующая улыбка перешла постепенно в громовой хохот. Бехолдер, известный Маншуну как Арглат, повернулся – и лучи его, полыхнувшие из глаз, разорвали двух его сородичей.

Одно чудище взорвалось, залив своей кровью остолбеневших жрецов и магов. Пылающее и разорванное тело другого пронеслось по воздуху, и упало прямо в кучу отчаянно верещавших колдунов-Зентарим. Бехолдер-изменник медленно проплыл по комнате. Лорд Чесс пригнулся, когда над ним зависла массивная туша с извивающимися, подобно растревоженному клубку змей, стебельками с глазами.

— Хватит убийств, — прошипел глубоким и жутким голосом глазастый монстр, погрузив весь зал в неожиданную тишину. — Пусть порядок будет восстановлен и прекратится использование магии. Все живые советники должны вернуться на свои места. Маншун, я имею в виду всех!

Первый лорд Зентил Кипа замер как вкопанный, на середине своего волшебства. Прерванные заклинания вспыхивали и гасли вокруг него, в то время, как он глядел на бехолдера. В глазах Маншуна Чесс видел страх в незримую борьбу с бехолдером.

Страх победил. На этот раз.

Второе голосование, прошедшее в присутствии бехолдера, висевшего над головами уstraшенных советников окончилось ничем – требование первого лорда об особых полномочиях были отвергнуты.

По требованию бехолдера, Лорд Чесс был назначен Лордом-хранителем собрания. Он был лишен права голоса, так же как командования армией Зентил Кипа, однако, он получил власть надо всеми аспектами управления советом. Теперь уже никто не мог незаконно обойти совет и захватить власть над городом – даже амбициозные архимаги.

Множество глаз следило за Фзулом, предположительно беспристрастным верховным жрецом Бейна, побагровевшим от ярости. Раздались сердитые перешептывания, касающиеся раскрывшегося попустительства Фзула, когда Маншун, обойдя круг скамей нагнулся над жрецом и прошептал несколько слов. Цена разоблачения была велика, но дело нужно было доделать до конца.

— Не сопротивляйтесь, — выдохнул Маншун. Его лицо было безмятежно, и только пылающие глаза выдавали страх и ярость, которые почти душили его. — Однажды я уже имел дело с Чессом, и смогу повлиять на него снова, чтобы... убедить его принять наше предложение.

Что бы ни сказал Фзул, его глаза были по-прежнему темны и страшны от гнева – но он был парализован бесстрастным, шипящим голосом бехолдера. Бехолдер медленно подплыл к двум мужчинам и завис над ними.

— Мы полагаем, — проговорило глазастое чудовище и непередаваемым сарказмом, — что события, произошедшие сегодня, указали вам на бессмысленность размахивания мечами при решении столь важных вопросов. Ведущие дела с поспешностью меняются сообразно своим поступкам – и далеко не в лучшую сторону. Потери, причиненные вам вашей же жестокостью, должны преподать вам столь же недвусмысленный и болезненный урок, как и оставшимся членам этого собрания.

Бехолдер тут же взлетел, однако, не теряя из виду двух мужчин. И добавил, почти с сожалением:

— Но, похоже, главная беда всех людей в том, что они слишком быстро все забывают.

Маншун обернулся, раскрыв рот для гневной тирады уязвленного самолюбия. Но бехолдер уже улетал сквозь выбитое окно. Его прощальные слова были: «Впредь веди себя более осмотрительно, Маншун, если хочешь рассчитывать на нас и в будущем!»

Наступила тишина. Советники сидели как статуи, онемев от ужаса перед тем, что первый лорд мог сотворить в приступе ярости.

Долго, очень долго Маншун смотрел на окно. Затем он слегка улыбнулся и поднял руку как бы в приветствии или как бы отпуская кого-то, а затем – тихо вышел из зала. Оставшиеся Зентарим, не проронив ни звука, встали и последовали за ним и их черные плащи развевались за ними, подобно крыльям стаи хищных птиц.

Лорд Чесс проводил их взглядом и только тогда перевел дыхание. Выходя из зала, он постарался не встречаться взглядом с Фзулом Чембрилом. Он нутром чуял ледяной взгляд жреца. Повелитель Черного Алтаря, говорили, в гневе был воистину страшен.

Ледяной пот стек по спине новоназначенного лорда-хранителя, когда он пересек комнату и быстро обернулся туда, куда не могли достать заклинания. Затем он вздохнул. Все еще была в воздухе натянутость, хотя ни Зентарим, ни жрецы Бэйна больше не осмеливались обмениваться магическими ударами. Затем Чесс опять вздохнул и устремился прочь, оставив за собой встревоженную охрану.

Ужас и трепет захлестнули улицы Зентил Кипа, когда над городом, в лучах солнца проплыл темный и молчаливый бехолдер титанических размеров. Не обращая внимания на насмерть перепуганных людишек внизу, он проплывал мимо шпилей и высоких башенок имея перед собой какие-то тайные и зловещие цели. Наконец, подплыв к группе башен высокого и могучего каменного замка, он остановился у одного из окон.

Затем появился клуб дыма, который, кажется, скрыл открытое окно. С земли никто не видел бородатого человека, скрывшегося в облаке дыма. Он вышел на

подоконник снаружи окна. Бехолдер отплыл от окна и его тело начало уменьшаться до тех пор, пока от него не остался клочок тьмы, полностью затем исчезнувший.

Ждать пришлось долго. Лорд Амандон прерывисто вдохнул, когда в высокое окно спального покоя распахнулось, и в него влетел ледяной северный бриз. Поверхность гадального кристалла затуманилась.

Этрет рванулся вперед с обнаженным мечом, когда он встретился взглядом с седобородым стариком, прошедшим сквозь окно и спустился по воздуху.

— Приятная встреча, Рорст Амандон – у незнакомца был сухой и глубокий голос.

— Привет и тебе, Эльминстер, – старый лорд вздохнул. Этрет застыл с открытым ртом. И только тогда он понял, что все еще сжимает меч.

Эльминстер с минуту смотрел на него, а затем, почти дружелюбно, сказал:

— Брось эту игрушку.

Лорд Амандон попытался взять слово.

— У меня... нет времени на пустые разговоры. Все прошло как нельзя лучше, Лорд-Маг. Вы сдержали свое слово. Моя цена оправданна. Я счастлив, что сделка совершилась...

Эльминстер кивнул.

— Я был обязан сдержать слово. Я в этом поклялся – ни Маншун, ни Фзул не погибнут от моей руки или моего же заклатья... сколько бы зла они ни наделали, – тут он снова кивнул. — Моя плата за имена, которые вы сообщили.

Этрет переводил взгляд с одного старика на другого. Лорд Амандон кивнул.

— Я не хочу смерти Маншуна, что бы он со мной ни сделал. Зентил Кипу нужен сильный военачальник, способный справиться с растущим числом врагов. Однако, я хотел удержать его от превращения в тирана, правящего городом, лишь немногим отличающимся от крепости, — тут дыхание Амандона сбилось, и старец долго пытался набраться сил, а набрав их, просто пожал плечами. — Так что... даже злобный старик может быть вам чем-то полезен, а?

— Воистину, — сказал Эльминстер, смотря на боевого лорда взглядом, в котором читалось грусть. — Я склоняюсь перед вами, Лорд. Сражаться с вами все эти годы было действительно великой честью.

Лорд Амандон откинулся на подушки и прошептал:

— Теперь же, я боюсь, что все это закончилось, Эльминстер, — затем, в последний раз, повернулся к своему верному слуге: — Прощай, Этрет. С тобой – мои благие пожелания и все мое наследство.

Затем его взгляд скользнул по тяжелому мечу и – к портрету Леди Амандон. Эльминстер проследил этот взгляд.

Слезы потекли ручьем из глаз Этрета и он уже не увидел, как маг поднял руку и что-то прошептал со спокойным лицом.

Секунду спустя скромная, тонкая фигура женщины с портрета как будто повернулась к Амандону, признала своего повелителя и мужа и улыбнулась. Картина

сияла, когда она сошла с нее, обрамленная призрачным белым огнем, с ликом, сияющим от радости, когда она распахнула свои ласковые объятия своему мужу.

— Дэзил, — задрожал Лорд Амандон. — О, Дэзил!

Он поднял свои немощные руки с неожиданной живостью, устремившись к ней.

Когда она подошла к нему, старец попытался встать с постели, чтобы встретить ее... и упал, растянувшись без звука на ковре.

Сияющая фигура висела над ним несколько секунд, глядя с улыбкой, прежде чем исчезнуть. Этрет сначала рванулся к своему господину, но затем взглянул на Эльминстера. Оба они поняли, что Амандон умер.

— Леди Амандон, — плача прохрипел Этрет. — О, милосердные боги! Она... — верный слуга замер и вытер слезы. — Это вы, вы сотворили чудо, призвав ее. Но почему? Почему вы помогли тому, кто был вашим врагом все годы?

Эльминстер изогнул бровь, однако голос его был чист от насмешки.

— По словам твоего господина, даже злобный старик может быть полезен. Твой господин был полезен и мне, и своему городу. И, как мы, старики, знаем, если нам суждено прожить долгую жизнь – за все надо платить...

Когда старый маг отвернулся к окну, Этрет увидел, что руки его дрожат от усталости.

Одна из рук поднялась в прощальном приветствии, когда Эльминстер, встав на подоконник и обернувшись, добавил:

— ...И не имеет значения, сколь высока цена.

ЧЕМ БОЛЬШЕ ВЕЩИ МЕНЯЮТСЯ

Элейн Каннингем

Каждый раз, когда Элайт Кроулнобар желал найти свою будущую жену, он точно знал, где искать. Он знал также, что она будет делать. Хотя эльф не считал это правильным, он давно прекратил любые попытки укрощения неистовой девушки.

Молодой эльфийский лорд торопился через дворцовый сад вниз по тропинке, что уводила его глубоко в королевский лес Эвермита. Он направлялся к травянистому, очищенному от деревьев и кустарника участку земли, затененному навесом древних деревьев. Столь же уверенная как утренняя заря, Принцесса Амнестрия была там, с мечом в руке и в юбке в складку вокруг колен. Ее голубые глаза сверкали с сосредоточенностью, так как она сражалась против самого лучшего мастера меча в королевстве, и ее бледное лицо сияло подобно влажному жемчугу. Обеими руками она держала свой тренировочный меч – длинный, широкий клинок, который выглядел слишком тяжелым для нее. Ее костяшки пальцев были белыми и руки дрожали от напряженного балансирования негабаритным оружием.

Элайт сжал челюсти. Он шагнул вперед на поляну, намериваясь переброситься несколькими словами с учителем принцессы.

Когда Амнестрия увидела красивого, сереброволосого эльфа, она уронила меч и бросилась в его объятия, как счастливый ребенок. Элайт схватил девушку и закружился с ней, наслаждаясь веселым настроением, которое она всегда вызывала в нем. Они были помолвлены, и в этом, как и во всем остальном, Элайт считал себя самым счастливым эльфом. Он чрезвычайно любил принцессу, и справедливо гордился блестящей парой.

Даже без ее королевского происхождения, Амнестрия была замечательной. Она обладала редким духом и внутренним огнем, практическим умом и необыкновенной понятливостью. Ее красота еще не была в полном расцвете, но менестрели уже начинали сравнивать ее с Ханали Селанил, эльфийской богиней любви. У нее были голубые глаза с золотыми прожилками, и волосы самого редкого среди лунных эльфов цвета: глубокие, ярко синие, которые поэты приравнивали к сапфирам. Ее черты были изящно сформированы, ее фигура была совершенной. Амнестрия была воплощением красоты лунных эльфов.

Все же что-то в ней часто казалось Элайту чересчур... человеческим. Это было наиболее подходящее слово. Несмотря на веселый характер, принцесса проявляла силу воли и исключительную сосредоточенность обычно характерные для этой энергичной, короткоживущей расы. Боевое мастерство было ее страстным увлечением, и она делила свое свободное время между мастером меча и боевым магом, который обучал ее боевому волшебству.

Вспомнив источник его гнева, Элайт опустил Амнестрию на землю и приготовился наказать ее мастера меча. Старый эльф, однако, незаметно выскользнул из поляны и направился вниз по лесной тропинке, сочувствие и ностальгия отражались на его угловатом лице.

Амнестрия заметила его уход и сморщила нос. - Мой учитель уходит от меня, прежде чем я готова прекратить, - сказала она. - Давайте состязаться на равных!

- Принцесса не должна фехтовать с капитаном королевской стражи, - произнес Элайт снисходительным, мягким тоном, который он использовал достаточно часто к девушке.

На ее щеках образовались ямочки, а глаза насмеялись над ним. - Ты просто боишься, что я лучше тебя, и тогда отец поручит твою работу мне!

- Стража существует, чтобы защищать тебя, моя дорогая принцесса, а не держать на службе. Никто из членов королевского дома никогда не служил в их рядах, и ты вряд ли способна что-то изменить, - напомнил он. - Король обращает слишком большое внимание на традиции.

Амнестрия ответила с пренебрежительным фырканьем. - Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю!

- Ты неправильно меня поняла, дамиа, - сказал Элайт убедительно, используя эльфийское выражение нежности, ориентированное на возлюбленных или детей. - Я имел в виду не неуважение к королю.

- Конечно, нет. - Амнестрия тяжело вздохнула, но ее танцующие глаза все еще дразнили его. - Надеяться не это было бы слишком многим.

- Что ты имеешь в виду? - Его тон стал резким.

- Ты милый, Элайт, но иногда я беспокоюсь за тебя. - Она остановилась, задумавшись. - Объяснить это - самое трудное дело, - размышляла она.

- Сделай попытку, - попросил он холодно.

- Ты всегда такой правильный, и ты следуешь правилам, как будто бы они высечены на гипсе. Ты, - Амнестрия осеклась, очевидно потеряв объяснения. Ее тонкие руки молотили воздух, как будто бы она могла создать воздушный поток, достаточно сильный, чтобы вытянуть правильные слова. - Ты... ты – такой эльф.

- Конечно, дамиа, - согласился Элайт, небольшое веселье снова появилось в его голосе. - Кем я еще могу быть?

- И ты никогда не думаешь обо всем этом? - она упорно продолжала с серьезностью.

Ее тонкая рука очертила дугу в направлении близлежащего дворца, удивительного замка из лунного камня, который был самым сердцем Эвермита. - Я никогда не слышала, чтобы ты удивлялся, задавал вопросы, или ставил под сомнение что-либо. Ты только делаешь то, что требуется, и ты делаешь это лучше, чем кто-либо другой. Ты - совершенный эльф, - она повторила. Ее естественное возбуждение утверждало себя, и золотые огни в глазах плясали, как легкомысленные светлячки. - Эльфийский эльф. Само воплощение эльфийского рода, - уточнила она, затем весело захихикала.

С новым изменением настроения, девушка выхватила меч и резко повернулась к своему жениху. - Сражайся со мной! - Эти слова были наполовину просьбой, наполовину требованием.

Элайт формально поклонился. - Но Ваше Высочество, разве я в чем-то провинился? Вспышка юмора в его янтарных глазах оболгала его слова, и Амнестрия снова взорвалась хохотом.

- Я полагаю, мы оба. Она стала в позу прямо как в древних, иллюстрированных книгах: кончиком меча оперлась в землю перед ней, и элегантно протянула руку. - Мой Господин, давайте мириться. Вы мой сереброволосый рыцарь, и я ваша единственная любовь, - сказала она, подражая вежливому языку эльфийских легенд.

Отвечая таким же образом, Элайт низко склонился над ее рукой и прижал ее к своим губам. С внезапным озарением, он осознал, что несмотря на свою веселую игру, Амнестрия говорила чистую правду. Он любил эту женщину-ребенка всем сердцем. Он отвел глаза от ее откровенного пристального взгляда, чтобы не раскрыть чувства, которые она еще не была готова постигнуть. Ради Амнестрии, Элайт спрятал приступ острой боли и радость этого откровения, припрятав их подобно красному дракону, охраняющему свое самое дорогое сокровище.

- Почему ты практикуешь древнюю боевую технику? – спросил он, поворачивая беседу к теме, самой дорогой для ее сердца. - Ты играешь в историческом театре масок для летних зрелищ?

- Нет! Это искусство меча, а не игра, - сказала она ему суровым голосом.

- Тогда зачем?

Ее щеки вспыхнули снова. - Ты знаком с моей двоюродной теткой Таситалией?

- Да, - сказал он решительно. Женщина-эльфийка была вольной мечницей, которая путешествовала на большие расстояния, унижая достоинство своего древнего лунного клинка, продавая свои навыки любому, кто мог предложить

золото и приключение. Рассказы наемницы захватили Амнестрию, и Элайт считал, что Таситалия плохо влияет на беспокойную принцессу. Всё же, он уважал эльфийку. Лунные клинки были редкими, и такими могущественными, что мало кто мог владеть ими. Как последний в своем роду, Элайт унаследовал такой клинок от своего деда. Он считал его своей величайшей честью, знаком наследства не менее важным, чем эльфийская принцесса, которую он любил.

- Таситалия сделала меня наследницей своего клинка! - заявила Амнестрия, протягивая ему обе руки. - Теперь каждый из нас будет иметь лунный клинок. Разве это не замечательно!

- Это безусловно замечательно, - сказал он с искренней теплотой, взяв ее за руки и легко сжав их.

- Мы должны иметь очень большое количество детей, так мы сможем выбрать самых сильных из них, как наследников клинков, - сказала она сухим тоном, который заставил щеки Элайта запылать. Видя это, девушка закатила глаза и опустила руки. Она сделала мрачное лицо и произнесла, - Неприлично говорить о таких вещах, Ваше Высочество, - шаловливо передразнив четкий, певучий голос Элайта.

- Но в любом случае, - продолжила она своим голосом, - Таситалия сказала, чтобы я начала практиковаться с двуручным тяжелым мечом. Магия лунного клинка придает необыкновенной скорости и силы удара, и она говорит, что я должна развивать силу и быстроту реакции, иначе я не смогу контролировать меч.

- Значит, ты тренируешься, готовясь унаследовать лунный клинок?

- Конечно. Разве ты меня не подготовишь?

Улыбаясь, Элайт прикоснулся к плечу к белой форме элитной стражи короля Заора. Знаки отличия там провозглашали его звание, и высококачественно сделанные значки свидетельствовали о его опыте и знаниях в ряде умений и оружия. - Всю свою жизнь я приготовил для тебя.

Прямо через улицу от самых южных доков Глубоководья стояло ветхое здание таверны, оптимистично названной «Распутная Девка». Таверну часто посещали моряки, вольные мечники в поисках приключений, торговцы капитаны, скучающие местные франты, и растерянные путешественники с сотен портов и десятков путей. Местная мудрость утверждала, что «Распутная Девка» складывала хорошую картину об Глубоководье, так как гости города находили здесь хаотичное великолепие и запущенность.

Экзотический дым наполнил воздух ароматным туманом, и деловые соглашения смешивались с непристойным смехом в веселую какофонию. Богатые купцы и дворяне с пристрастием к приключениям толкались локтями с дешевой охраной и оборванными уличными людьми. Обслуживались потребности и вкусы всех: за несколько медных монет, посетители могли наесться и утопить свои невзгоды. Расторопные девушки сутились повсюду с тарелками с рыбными блюдами и кружками пенистого пива. Была доступна и более дорогостоящая

выпивка, и на заказ могли приготовить жаркое из фаршированной дичи, но посетители редко засиживались.

Не обращая внимания на суматоху вокруг него, задуманный молодой эльф сидел за длинной деревянной стойкой, держа стакан искрящейся воды Эвереска. Его выбор напитка, такой необычный в грубых тавернах Док Уорда, заставил не одного постоянного посетителя ухмыльнуться и подтолкнуть своего соседа. Ехидные остроты произносились тихо, хотя некоторые опытные бойцы открыто бросали вызов хорошо вооруженному элфу.

Никогда Элайту не забыть ужас наблюдения за лунным камнем, хранящим магию самоцветом на эфесе его унаследованного меча, блекнущим к мертвому, молочно бледному слепому глазу. Лунный клинок отверг его, выбирая покой вместо недостойного наследника.

Эта возможность никогда не приходила в голову Элайта. Он не чувствовал ни сомнений, ни страха, когда вынимал меч из ножен, хотя он хорошо знал, что многие потерпели неудачу, пытаясь овладеть лунным клинком. Большинство этих неудачников были ударены насмерть мечами, но если эльф был последним в фамильной линии, наследственный клинок просто упал бы в дрему. Чтобы уберечь могущественные артефакты от злого использования, их создатели наделили мечи способностью распознавать характеры и побуждения. Лунный клинок, очевидно, почувствовал кое-что обо мне, отметил Элайт с глубокой горечью, какой-то изъяз, который мне еще придется обнаружить в себе.

- Твоя мать использует серых белок вместо денег!

Скрытое замечание, сказанное громко с сильным эльфийским акцентом, разрушило задумчивость Элайта. Он повернулся на табурете к мужчине, который говорил.

- Вы обращаетесь ко мне? - спросил Элайт вежливо, говоря широко используемым торговым языком, который назывался Общим.

Неприятная ухмылка появилась на бородатом лице мужчины. - Я так и знал! Эльф не глухой, только слишком гордый, чтобы говорить с кем-либо.

С опозданием Элайт понял, что человек пытался сказать. Мужчина высказал изуродованную версию оскорбления, которое эльфийские дети бросали друг другу в порыве гнева. Более развлеченный, чем оскорбленный, Элайт изучал человека с открытым любопытством.

Мужчина был ростом выше шести футов, в хорошей физической форме и очень мускулистый. Он был одет в черные кожаные доспехи, которые тесно обтягивали его широкие плечи. Кудрявые коричневые волосы спадали по плечам и густая растительность покрывала его лицо, которое было искажено усмешкой вызова. Одна мясистая рука лежала на рукоятке кинжала, и обутые в сапоги ноги были широко расставлены. Все же его браваду портила пара покрасневших глаз. Запах дешевого виски катился от него едкими волнами.

Элайт не соблазнился не этот вызов. Даже если пьяный солдат в полной мере обладал своим умом, существовали строгие правила в отношении дуэлей с меньшими по рангу противниками.

- Я не буду драться с вами, - сказал Элайт спокойным голосом. - Этого не будет. Он резко осекся, больше не казалось, что слово «благородный» относится к нему.

Человек презрительно улыбнулся, приняв колебания Элайта за трусость. - Ты будешь драться, если я скажу. Он ударил ногой стул, на котором сидел эльф.

Элайт ожидал такого поступка, поэтому легко вскочил на ноги. Стул перевернулся с грохотом, что эхом раздался по внезапно затихшей таверне, и посетители, сидящие за стойкой, быстро вспомнили неотложные дела в другой стороне кабака. Эльфу не понравилось быть в центре внимания.

Он решил прекратить дело без промедления.

С театральным взмахом, огромный пьяница вытащил кинжал и бросился на Элайта. Эльф ступил влево и схватил толстое запястье мужчины обеими руками. Небольшой поворот поставил человека на колени. Элайт швырнул мускулистую руку на стул, зажав ее в вытянутом положении. Затем он поднял одну обутую в сапог ногу и с силой наступил на локоть. Кость сломалась с громким треском. Человек потерял сознание, не издав ни одного крика.

Молчание царило в трактире лишь мгновение. Затем другой, еще более громадный мужчина, одетый в такие же черные кожаные доспехи, ступил вперед. Он кивнул на лежащего человека. - Это мой брат, - прорычал гигант.

Элайт скрестил руки на груди. - Мои соболезнования, - сказал он сухо. - Поскольку никто из нас не может выбирать себе родственников, я не буду держать на вас зло.

- Мы можем выбирать друзей, однако вы не один из моих. Наемник потянулся через плечо и вынул из ножен на спине меч. Стулья загремели по полу, так как посетители очищали импровизированное поле сражения посередине таверны, с чего можно было предположить, что такие бои были далеко не редкостью. Владелец таверны посмотрел на это, затем снова вернулся к полировке оловянной кружки.

- Бородин, - сказал мужчина твердо. - Запомни это. Это имя человека, который убьет тебя. Он поднял оружие, бросая вызов.

Элайт взялся за меч, но заколебался, когда его пальцы коснулись безжизненного лунного камня. Бородин, заметив это колебание, насмешливо фыркнул.

Что-то оборвалось в сердце эльфа.

Согнувшись, Элайт вытащил меч из-за пояса упавшего мужчины. Оружию были нужны хорошая смазка и обострение, ибо меч был туп и лезвие заметно выщербилось. Элайт мельком осмотрел оружие, затем многозначительно поднял бровь и встретил свирепый взгляд противника.

- Это нужно сделать, - сказал он. Его тон передал полное презрение как к оружию, так и к его сопернику.

Бородин высоко взмахнул мечом для режущего удара. Клинок со свистом опустился вниз, когда он ударил. Вместо доставляющего удовольствие лязга стали со сталью, боец услышал тупой глухой стук, так как его меч отрубил ножку опрокинутого стула. Мгновение спустя он тяжело врезался в стойку. Кружки посыпались с издевательским стуком.

Эльфа там просто не было. Элайт станцевал в сторону с необыкновенными грацией и скоростью. На всякий случай, он хлопнул по заду Бородина плоской стороной клинка. Грубый хохот раздался повсюду в таверне.

Бородин закружился и нанес рубящий удар сплеча. Элайт легко парировал удар, но он был поражен и потрясен силой атаки. Он не мог противостоять размеру или силе мужчины, но у эльфа было преимущество в технике и скорости.

С привычным изяществом, Элайт быстро крутанул клинком в молниеносном движении, отбросив руку с мечом Бородина в сторону. В то же движение, он вытащил кинжал из-за пояса и шагнул ближе. Кончик кинжала уколол горло Бородина, и холодные янтарные глаза эльфа пообещали смерть. Затем, ловким, направленным книзу легким ударом, Элайт перерезал кожаное шнурование куртки мужчины. Он отскочил назад, засунув кинжал в ножны, и в знак презрения, опустил руку с мечом и поманил Бородину в атаку.

- Десять медных монет на эльфа! - крикнул скрипучим голосом моряк. Другие посетители присоединялись, делая ставки и обсуждая шансы.

Мужчина наступал, его бородатое лицо стало красным, но он был полон решимости. Когда его ярость выдохлась, наемник начал сражаться в более дисциплинированном стиле. Сразу после этого, Элайт отметил, как тот парировал удары, мужчина был хорошо обучен. По стандартам эльфов, однако, Бородин не обладал ни искусностью, ни воображением. Элайт легко предугадывал каждый его удар.

К чести и обычаю, он должен был завершить дело сразу, ибо соперник его явно превосходил. Тем не менее, Элайт продолжал открыто насмехаться с мужчины, несмотря на его высокий уровень мастерства. Эльфом управляли холодный гнев, которого он никогда не знал, и ледяное настроение, что вызвали боль в его собственном сердце. В первый раз, с тех пор как он оставил Эвермит, Элайт смог отложить чувство позора и неудачи. С жестоким юмором и ошеломляющим военным искусством, он играл сражение ради развлечения и восторга грубых посетителей.

С течением минут, сильная рука Бородина с мечом замедлялась, и его дыхание участилось и сделалось затрудненным. Наконец он больше не смог драться. Он упал на колени, и затем его лоб встретился с полом с резонирующим стуком. Несколько его товарищей подошли и потянули его прочь из таверны. Они шатались от своей ноши, уходя в ночь, сопровождаемые градом насмешек.

Гул одобрения и смеха охватил таверну, и Элайт нашел себя в центре толпы, похлопывающей его по спине. Полный, рыжебородый мужчина, также носящий кожаные доспехи, предложил угостить победоносного эльфа выпивкой. - В конце концов, - сказал он, покачивая маленьким кожаным кошельком перед лицом Элайта, - ты выиграл для меня деньги! Меня зовут Рикс, кстати.

Дружественное предложение удивило Элайта, конечно, но он принял его и последовал за мужчиной к дальнему концу стойки. По знаку Рикса, бармен вручил каждому из них высокую, узкую кружку, наполненную жидкостью, столь же золотистой как мед.

- Что это?

- Огненное вино. Солдат подмигнул и отхлебнул своего напитка. - Пей до дна!

Элайт сделал пробный глоток. Вино не имело тонкости или утонченности эльфийского алкоголя, но было почти таким же сильным. Он осушил кружку с печальным удовольствием; вино заполнило его рот сухим, горьким теплом. Его новый товарищ зевнул, затем захохотал.

- Никогда не доверяй человеку, или эльфу, пока не увидишь их в бою и пьянке, - сказал Рикс весело. - И в обоих случаях, ты, несомненно, не будешь доверять!

Он вытянул шею и закричал к группе одетых в черное воинов, стоящих возле двери таверны. - Ксандер! Возьми этого эльфа! Или мы этой ночью многое потеряем.

Один из мужчин отделился от группы и направился к ним. Со смесью недоумения и глубокого интереса, Элайт смотрел как он приближается. Ксандер был мужчиной средних лет, в расцвете сил. Он был строен, высок, с кожей цвета полированного тика (это такое дерево), с волнистыми черными волосами, заплетенными в одну длинную косу, и насмешливыми черными глазами. Он шел грациозно, и Элайт отметил военную выправку и внешность лидера. Эльф мог распознать лидера в любом облике, поэтому поднялся в бессознательном жесте уважения.

Ксандер изучал эльфа долгое время. - Хорошая находка, Рикс. Скажи Малкольму, чтобы дал тебе плату вдвое больше обычной, по моему приказу. Теперь ступай. Мне нужно поговорить с нашим новобранцем.

Рыжебородый наемник поднял свою кружку и ушел, широко улыбаясь. Ксандер занял освобожденное Риксом место и жестом предложил Элайту сесть рядом с ним.

Эльф озадаченно опустил на стул. - Ты хочешь, чтобы я присоединился к твоему отряду?

- Отряду? Ох, это абсурдно! Белые зубы Ксандера сверкали в улыбке подлинного удовольствия. Он вынул из сумки на поясе блестящую черную трубку и набил ее табаком. Владелец таверны сразу протянул зажженную головешку, его поведение было очень почтительным. Ксандер попытлся минуту, затем небрежно оперся на стойку. - Я лидер группы наемников. Охотников за сокровищами.

Элайт медленно кивнул. По рассказам, люди Глубоководья были подобны драконам, запаасающим бесполезные сокровища, измеряя их успех высотой и блеском куч. Это всегда казалось странным Элайту. Бытовые приобретения были совершенно чуждыми к ценностям, что до сих пор управляли его жизнью. Однако, когда он рассмотрел этот вопрос сейчас, поразительная простота этого способа оказалась ему по душе.

- Знаешь, ты должен убить Бородина, - сказал Ксандер.

Элайт пристально посмотрел на него. Это был последний совет, которого он мог ожидать от этого удивительного человека.

- Хотя твое представление было занятным и искусство фехтования впечатляющим, ты сделал себе врага. А этого совершенно не нужно. Как правило, ты должен уничтожать врагов как только они появляются, а не создавать их и позволять создавать тебе неприятности позже.

- Я не знаком з такими... правилами.

- Их легко усвоить. Просто делай все, что необходимо сделать, чтобы разбогатеть и остаться в живых. Прежде всего, обращай внимание на свои собственные интересы. Ксандер затянулся трубкой, затем пустил кольцо дыма на эльфа. - Ты сделаешь себе хорошо, если присоединишься к Когтю.

- Ты хочешь, чтобы я присоединился к тебе? Я вывел из строя двух твоих людей!

- Что сделано, то сделано. - Лидер наемников некоторое время рассматривал Элайта, глубокомысленно потягивая трубку. - С твоим мастерством, я могу заменить двух мужчин на одного эльфа - и положить себе в карман вторую долю сокровищ.

Элайт сделал паузу, чтобы поразмыслить над непривычной логикой. - Сокровище, - он повторил, больше для того, чтобы оттянуть время, чем выказав интерес.

- Большое сокровище. Слышал когда-либо о Эрланне?

- Конечно. Эрланн был одним из больших центров эльфийской культуры Севера. Эльфы уже давно ушли, и их цивилизацию поглотил древний лес известный как Высокий Лес.

Ксандер достал металлическую трубку из-за пояса и вынул небольшой свиток пергамента. Он развернул его и указал на место возле реки известное как Бегущий Единорог.

- Говорят, что столетия назад, эльфы, хоронили своих умерших, и все их богатство среди корней дубов. Твой хороший друг Бородин, - Ксандер остановился и кивнул головой в сторону двери таверны, - нашел группу древних дубов окруженных кругом камней. Когда он убрал мох с нижнего края камней, он заметил эти знаки. Мы скопировали их на карту, а затем наняли жреца Латандера, чтобы он их перевел.

Ксандер указал на руны, нацарапанные в нижней части пергамента. - Согласно этому, Бородин нашел место захоронения.

Ограбление могил, подумал эльф с оттенком ужаса. Его тревога должно быть показалась на лиц, поскольку Ксандер поднял черную бровь в вопросе.

Мысли Элайта закружились. Ксандер предложил ему так отдалиться от порядков и дисциплины Эвермита, как эльф никогда не мог себе представить. Никаких традиций, никаких правил за исключением выгоды, никаких целей только могущество и богатство. Эльф медленно кивнул, так как новый способ мышления начал укореняться в его уме.

- Бородин еще глупее, чем я считал. Нанятый жрец не намного лучше. Это руны защиты, - сказал Элайт, постукивая по кривым символам. - Камни и дубы являются хранителями. Реальное место захоронения было бы гораздо глубже в лесу.

- Ты можешь найти правильное место? - спросил Ксандер.

- Может быть, что смогу, - сказал эльф осторожно. - Но если я присоединюсь к вам, я должен знать больше о жизни, которою вы ведете.

- Что знать? Просто делай, что тебе говорят и не трать много времени, задаваясь вопросом «почему».

Элайт отпрянул, ибо совет наемника был жутким эхом слов Амнестрии, сказанных при их последней встрече. Жизнь, которую Элайт прожил на Эвермите, чувствовалась далекой как забытый сон, но казалось, что кое-что осталось неизменным. Как Амнестрия правильно отметила, он может делать все, чего от него ждут, и делать это лучше, чем кто-либо другой.

Элайт откинулся на спинку стула и посмотрел на Ксандера спокойным, циничным пристальным взглядом. - Если я должен заменить двух человек, я ожидаю получить две полные доли сокровища.

Одобряющая улыбка появилась на темном лице наемника. Он жестом позвал владельца таверны, который принес две новые кружки огненного вина. Ксандер поднял кружку к эльфу в безмолвном приветствии. Элайт поднял свою собственную кружку и стукнулся ею с новым работодателем, поскольку видел, что так делали солдаты. Они называли это тостом, ритуалом скрепления договора.

Элайт выпил вино одним долгим глотком. Так же как золотистая жидкость обожгла его горло, так и Элайт твердо решил сжечь свое прошлое.

Много лет прошло, и Элайт редко вспоминал об Эвермите или размышлял, как сильно его жизнь изменилась с тех пор, как он покинул остров. Он не мог делать так сейчас, поскольку встретился с двумя женщинами, сидящими возле него и которых он пристально рассматривал. Одна была его дочерью; другая должна была быть.

Элайт изучал Азарию, его наследницу клинка и единственную дочь. Она сидела, опустив глаза. Ее золотые руки были скромно сложенные на коленях. Девушка воспитывалась на Эвермите как подопечная королевского двора, и была для Элайта всем. Это был ее первый визит в Глубоководье, и встреча с отцом с темной репутацией заметно волновала ее. Хотя Азария пыталась скрыть это, она также боялась Эрилин Лунный Клинок, полуэльфийки возле нее.

Эрилин спокойно ждала разговора, все время смотря на Элайта голубыми, с золотыми прожилками глазами Амнестрии. Он знал полуэльфийку годы, и наблюдал за ней со смесью восхищения и тоски. Эрилин была неистовой, упрямой женщиной, которая обладала лунным клинком своей матери. Она унаследовала красоту и дух Амнестрии, и определенную мудрость, которой эльфийская принцесса однажды пыталась поделиться с Элайтом. Именно это побудило его поручить воспитание дочери ей.

Он много вытерпел, чтобы восстановить магию семейного лунного клинка. Наследство Азарии, ее успех, были более важными для Элайта, чем его следующий вдох. Все еще изучая эльфийскую девушку и размышляя над всеми качествами, что она олицетворяла, он осознал, что было не так много различий между его старой и новой жизнью. Конечно, он накопил огромное богатство и заслуженную репутацию за предательства и жестокость. Он боялся и завидовал своему успеху, как охотящийся за сокровищами наемник, а также неофициальной власти, которой он обладал в Глубоководье. Все же перемены были больше делом стиля, чем реальностью. Он делал то, что от него требовалось, действовал способами, определенными его избранной ролью. И как Амнестрия отметила тогда на Эвермите, он делал это лучше, чем кто-либо другой.

Элайт больше не задавался вопросом, почему лунный клинок отверг его, много лет тому назад.

Эльф вручил Эрилин туго свернутый свиток. - Это история лунного клинка Кроулнобаров - его обладателей, его магии. Это - то, что Азария должна знать. Научи ее необходимым навыкам, убедись, что она понимает правила.

Элайт остановился, его янтарные глаза наполнились грустью, которая приходит в тени мудрости. - Убедись, что она усвоит правила, - повторил он тихо, - а затем, прежде всего, научи ее задавать вопросы.

ЗНАЧЕНИЕ ЗНАНИЙ

Барб Хенди

Коридоры Зала Сумерек были холодными и тихими в то утро. Иметь дело с ледяными температурами, даже ранней осенью, было общей досадой, к которой каждый гражданин Бердуска приспособлялся быстро. "Холоднее, чем Бердусканский чердак зимой" – привычное выражение повсюду в Heartlands.

Чейн Тройбан немного туже затянул свой шелковый плащ вокруг шеи, взял небольшую парусиновую сумку и проскользнул в длинный каменный зал. Он надеялся незаметно добраться до двора.

- Мастер Чейн! Мастер Чейн, постойте, - послышался раздражающий голос.

Мастер Чейн. Как пусто эти слова звучали для его ушей. Быть таким талантливым священником Огма среди числа низших мастеров знаний было более чем ничем. Быть совершенной розой затемненной огромной связкой красных гвоздик подразумевало забвение. Сжимая свою сумку, пальцами, согнутыми в скрытом выражении расстройств, он повернулся и улыбнулся.

- Да, Триска, не надо кричать. Я здесь.

В его направлении, бежа по каменном коридоре, тяжело дыша, приближался Триска, толстый ученик Мастера Минстрельвиша. Складки плоти тряслись внизу мантии молодого человека, вынудив его появиться даже смешнее, чем обычно.

- Пожалуйста, - он сделал паузу и тяжело дышал, - другие ждут. Вы должны помочь защитить двух новых просителей защиты. Вы забыли?

- Забыл? Улыбка Чейна растаяла в вежливом взгляде дружеского терпения. Он отдернул свой капюшон, выставив копну блестящих красно-золотых волос и гладкое, узкое лицо. Он хорошо знал, что его красивые черты заставляли большинство учеников чувствовать себя подчиненными. - Конечно нет, но меня вызвали в Ришеос из дипломатических причин. Я отправил сообщение Наршанне. Она не получила его?

- Я... Никто не говорил что-либо... Должен я проинформировать совет, что вы отправляетесь в Ришеос?

- Да, будьте добры, Триска. Скажите им, что я вернусь в Зал Сумерек в течении десяти дней. Я заказал проезд в караване. Река слишком вероломна в это время года.

Натянув капюшон, Чейн оставил полного ученика, который пристально смотрел в замешательство на его спину. Как только высокий священник достиг двора и нашел его оседланную в ожидании лошадь, он снова улыбнулся.

Ришеос был расположен на пути торговых маршрутов между Кормиром и Глубоководьем, в дне езды к северу от Соубара. Недавно основанный город, возникший в результате экономического подъема, суетился жизнью и цветом. Хотя все еще немного примитивный в архитектуре и обитателях, маленький город веселил Чейна, наполнял, как это было с пахнущими дымом торговыми магазинами и гражданами, желающими начать новую жизнь. Не так давно, воюющие дворяне - вместе с бродячими бандами гоблинов и орков - дали начало хаосу, так как каждый боролся за контроль над Ришеосом. Но один сильный лорд и его последователи сумели подавить все раздоры и принести повсюду вынужденный мир. Так как город процветал, возможности всплывали на поверхность для тех, кто имел храбрость схватить их. Но до сих пор, никакой мастер знаний не основал здесь храм.

Сидя в обеденном зале победоносного Лорда Тиело Ришеоса, Чейн чувствовал смысл настойчивости, щекочущей его волосы в предвкушении. В то время как город как единое целое привлекал его, эта одна комната выражала все качества, которые он находил такими желанными. Богатые запахи вина, приправленного мяса, теплого хлеба, пота, и экзотических духов били в его ноздри. Закрывая на миг глаза, он слушал звуки смеха, музыки, звона стали от фальшивых битв, и тосты за крепкое здоровье.

Он поднял свои веки и сосредоточился на серебряной чаше, наполненной великолепными фруктами. Сколько богатств было здесь, и как мало тех, кто знает, как их использовать. Его рот наполнился слюной, но он не хотел отведать пищи. Воины, богатые торговцы, и варвары заняли все стулья. Большое количество людей, эльфов, дварфов, и гномов окружало его. Это не было общением, отличавшимся от Зала Сумерек; это было чувство и настроение. Здесь не было никаких менестрелей. Ни священников. Ни бардов. Ни преподавателей любого вида. И на этот раз, все пристальные взгляды направлялись на него. Здесь он не был совершенной розой, скрытой позади дюжины других неопишуемых цветов. Эти люди Ришеоса были шипами в самом истинном смысле. Здесь он по настоящему ценился.

- Как ваша прекрасная Верховная Госпожа, Силирия? - вежливо спросил Лорд Тиело.

«О, боги», - подумал Чейн. - «Посмотрите на него, сидящего в кольчужных доспехах с пищей в его бороде, пробующего сделать приятную беседу». - Она здорова и посылает ее приветствие.

Каждый, кто знал что-либо о Бердуске, был хорошо осведомленным, что Верховная Госпожа Силирия, почти не имела отношения к управлению ее города. Она зависела от магов, воров, бардов, и священников Зала Сумерек, которые управляли городом вместо нее.

- Итак, почему вы попросили аудиенцию? – продолжал Тиело. – Какому-то делу нужно мое внимание?

Это был трудный вопрос, сердце лжи Чейна. Он не был вызван в Ришеос из дипломатических причин. Он написал Лорду Тиело несколько десятков дней назад, запрашивая аудиенцию. Эта роль должна быть сыграна осторожно. Тиело, возможно, обладал манерами козла Долины Теней, но дураком он точно не был.

- Я забочусь, милорд, - Чейн начал, - о состоянии образования в вашем прекрасном городе.

- Образования?

- Да, здесь нет никаких храмов, нет священников, чтобы преподавать знание Огма. Оказывается, у вас даже нет барда, который учил бы ваших людей музыке, искусству, или древней истории. Это вас также не касается?

Чейн обратил внимание на прелестную, темноволосую дочь купца, жадно ловившую каждое его слово. Возможно, она была заинтересована беседой. Возможно, она была просто преодолена его обаянием. Он наслаждался компанией женщин, но только если они были целиком очарованы им. Преследование романтических целей не предоставляло для него никакого интереса. Ему нравилось быть обожаемым.

- Что вы предлагаете? - спросил Лорд Тиело.

- Предлагаю? Мелочи. Недавнее прошлое Ришеоса было окрашенное кровопролитиями. Теперь, когда вы принесли порядок и правосудие, не должно ли образование быть следующим логическим шагом? Кем будут становиться ваши люди без музыки и истории?

Линии широкого лба Тиело сузились. Он прежде был воином. Сейчас он был сильным лидером, и благосостояние его города превзошло все другие. - Да, я вижу правду в ваших словах. Должен я пригласить священников и бардов, преподавателей, чтобы основать церкви и школы?

Чейн улыбнулся своей самой теплой улыбкой, повернул свое лицо в направлении света свечи, делая его кожу мягко освещенной. - Блестящая идея, милорд. Если вы хотите, позвольте мне позаботиться об этом вопросе для вас. Возможно несколько членов Зала Сумерек были бы готовы переселиться ради возможности взяться за такое достойное дело?

- Хорошо, - сказал Тиело с насмешкой во взгляде. - Сделайте это для меня, Мастер Чейн. Я ценю ваш совет.

Чейн потягивал свое вино, как будто сделка ничего для него не значила, но его сердце ускорено билось под желтовато-коричневым плащом, который он носил. Лорд выразил слабый интерес в лучшем случае, но слабый интерес был все нужным Чейну. Слуга положил половину жареного фазана на тарелку мастера знаний. В отличие от остальных вокруг него, он резал его тщательно, так чтобы соки птицы не запачкали его рукава или брызнули на соседа.

Караван на пути в Ириаэбор прибыл в Бердуск поздно ночью девятью днями позже. Барды, маги и воры Зала Сумерек не обращали внимания на пассажиров на прибывающих фургонах, только на багаж, что они везли. Они не имели представления, что один из своих путешествовал в сердце шума.

Чейн держался тихо, скрываясь между двумя фургонами, обменяв его сделанную со вкусом мантию кремового цвета на кожаные брюки и тяжелую черную тунику. Он не говорил никому о своем прибытии. Он не говорил никому в караване о его истинной личности. Насколько в Бердуске были заинтересованными, Мастер Знаний Чейн посещал Ришеос в дипломатическом деле.

Так как лошади и фургоны начали разделяться возле рынка, чтобы стать безопасно на ночь, Чейн повернул в боковую улицу и направился к западному концу города.

Место Знаний, храм Огма.

Сама мысль о храме подняла ему настроение. Много веков, множества древних книг хранились в тех священных стенах. Многовековые тексты легенд и знания дожидались его подобно блестящим драгоценным камням в освященном руднике. Надсмотрщиком храма был гном, которого звали Брансулдин Миррортор, бывший бродяга и странник, который сейчас охранял одно из наибольших собраний древних и редких текстов, которых Чейн мог когда-либо желать. И что Миррортор делал со всем своим богатством? Он просто замкнул его подобно некоторому скучному старику, запасающему монеты под матрасом.

Привычное молебствие легко шло через мысли Чейна: Знание – сила. Сила – богатство. Богатство – лесть и уважение. Этот жалкий гном не знает ничего из возможностей. Он заслуживает смерти.

Жестокая улыбка растянула губы Чейна. Как бы Тиело вознаградил мастера знаний, который знал более архаическую историю, чем любой другой священник на континенте? Что бы он заплатил, чтобы держать такого дорогого ученого в пределах стен Ришеоса? Да, в Ришеосе такой мастер знаний мог бы иметь все что он желал. Он управлял бы коллегиями и выдавал мизерную помощь другим будущим преподавателям, священникам, или бардам – до тех пор, пока они были не очень образованными и помнили их место. Жизнь окончательно была бы такой как должна ... грандиозной и славной.

Это заняло бы несколько лет изучения, конечно. После кражи текстов, ему пришлось бы отсидеться где-нибудь, чтобы читать и готовиться. Однако, с другой стороны, только думая о благодарности Тиело, чтобы командовать таким мастером знаний. Сколько сбереженных знаний находилось бы в кончиках пальцев Чейна. Он был бы почитаемым как правая рука Огма. Ничто другое не могло предложить такую идеальную жизнь. Его рот снова начал наполняться слюной.

Огромные дубовые двери храма Огма неясно вырисовались перед ним. Как продолжать действовать? Культурное обаяние всегда работало лучше всего для Чейна, но он мог пугать и грозить, если возникала потребность.

Открывая отпертые двери без стука, он вошел в пещеристую комнату. Везде вокруг него простые деревянные скамейки были расставлены в беспорядке на обширном полу. Редко заполненные полки выдвигались на трех стенах. Там не было никакого коридора или лестничной площадки. К его неожиданности, он обнаружил, что смотрит на далекую стену и стол из красного дерева. Сидящая за столом, деловито писавши, была стройной эльфийской девочкой со светлыми золотыми волосами.

Ее глаза поднялись, когда он вошел.

- Добро пожаловать, - сказала она мягко.

Чейн выругался с вздохом; все истории, которые он слышал, изображали Миррортора, живущего в одиночестве. Он не мог оставить никаких свидетелей живьем, чтобы те засвидетельствовали его присутствия в храме, так что этой несчастной девочке придется умереть также.

Миррортор был большой, эгоистичной, никому не нужной личностью, скрывающей историю от глаз мира. Что бы плохого ни случилось с ним, он на это заслуживал. Но Чейн не планировал превратить это воровство в ночь многообразных убийств. Но не было ничего, что не могло бы быть сделанным, тем не менее.

- Добрый вечер, - сказал он ровно. - Я знаю, что уже поздно, но я хочу поговорить с Миррортором.

У девочки были серьезные глаза, ясно серые, что, казалось, просматривают его насквозь.

- Один момент, - сказала она. - Позвольте мне посмотреть, не удалился ли он еще в свою комнату.

Она проскользнула через дверь позади рабочего стола. Инстинктивно он знал, что обаяние будет расточаться на нее. Сила и угрозы были только убеждением, которое эти люди могли бы понять. Все, что ему придется сделать, это вынудить Миррортора показать ему, где скрыты самые старые тексты. Дело будет легким. Убить гнома, упаковать книги в сумку, которую он скрывал внутри его плаща, возвратится в главную комнату, убить девочку, и ускользнуть. Кинжала в его ботинке должно быть достаточно, чтобы заставить замолчать их обоих.

Дверь снова открылась и девочка вошла, сопровождаемая седым гномом очевидно одетым для кровати. Не совсем то, что он ожидал, но Чейн чувствовал себя почти довольным. Возможно он бессознательно предвидел, что знаменитый гном будет выделяться внушительной внешностью, что будет одетый в одежду мастера знаний. Вместо этого Миррортор носил изумрудную зеленую ночную мужскую сорочку и фиолетовый шелковый халат с ярко-красным ночным колпаком, чья остроконечная верхушка свисала за его плечо.

- Чем я могу помочь тебе, сынок? - гном зевнул, делая очень маленькие складки на его лбу и щеках более различимыми. - Уже довольно поздно.

- Я здесь по делу для Зала Сумерек. - произнес Чейн его авторитетным голосом. - Мне нужно увидеть ваши самые древние тексты, самые старые, что вы храните.

- Зал Сумерек, ты говоришь? Дело? Силирия не говорила мне ничего о... Ты немного молодой для мастера знаний?

- Это не ваша забота. - Чейн вытащил амулет из мантии - священный символ Огма. - Покажите мне книги.

Миррорттор встряхнул головой и повернулся обратно к двери. - Нет никакой необходимости быть грубым. Тексты всегда открыты для всех желающих. Мы не имеем здесь никаких тайн. Тебе нужно только спросить.

Тебе нужно только спросить? Почему так запущенно? Если книги были легкодоступными, то почему никто не приходил сюда? Возможно другие мастера знаний читали книги Миррорттора и просто никогда не упоминали об этом.

Чейн отбросил идею как невозможную. Кто-либо в здравом уме попытался бы переместить книги в другое место и предъявить права на них. Чейн знал содержимое библиотеки Зала Сумерек наизусть. Не было никаких текстов, таких бесценных, как те, несомненно, что хранились здесь. Возможно книги Миррорттора были написаны на языках, таких старых, что мастера знаний не могли перевести их. Чейн улыбнулся слегка в темноте. Мертвые языки были его специальностью.

Когда он последовал за гномом через выход в узкий коридор, Чейн обнаружил, что ломает голову над целой ситуацией. Могло это быть так легко? Если тексты были доступны всем, то почему их до сих пор никто не похитил? И что Миррорттор надеялся приобрести, заседая на таких сокровищах подобно жирному маленькому пауку, только, чтобы позволить любому невежественному крестьянину войти и увидеть книги, как будто храм Огма был некоторой второклассной библиотекой? Ничто из этого не имело никакого смысла.

- Я хочу видеть ваше самое старое собрание, самое архаическое что вы имеете, - Чейн повторил. - Ничего, что произошло после 902 ДР, когда Гниющая Война опустошила Чондат.

- Не может твой поиск подождать до утра? Мы могли бы позавтракать перед тем, как начнем. Я - неплохой повар, ты имей в виду.

- Нет. Я должен видеть книги сегодня ночью.

В конце зала находилась другая дверь. Она открылась со скрипом, когда гном прикоснулся к ней, и они оба начали спуск по искривленной каменной лестницы. Тусклое искусственное освещение предоставляло бедную видимость, и бесконечное кружение, так как они опускались вниз, заставило Чейна потерять счет времени и расстояния.

- Как далеко? - он спросил.

- Не далеко. Почти на месте.

Но спуск продолжался. Дальше вниз, фонари заменили толстые свечи, мерцающие в железных держателях на стене. Для всего разочарования Чейна, как минимум храм непосредственно соответствовал его тайным ожиданиям – скрытые коридоры, каменные лестницы.

Возможно это было от того, как глупый гном хранил его книги. Такое спускающиеся путешествие в темноте пугнуло бы обычного вора насмерть. Но театральность ничего не значила для честолобивого священника. Нужно было бы более чем несколько хитросплетений, чтобы вынудить его потерять самообладание. Он был немного дезориентирован, но конечно он смог бы найти выход.

- Мы на месте, - наконец сообщил Миррорттор. Он ступил вниз с лестничной площадки в коридор. – Только несколько шагов. Большинство изученных текстов наверху, где свет лучше. Почти никто больше не спрашивает об этих.

- Вероятно, потому что они написаны мертвыми языками и только квалифицированный мастер знаний постиг бы их, - ответил Чейн, находя трудным скрыть презрение в его тоне.

- И ты находишь те 'мертвые тексты' самыми желательными?

- Конечно. Они подобны драгоценным камням и вину, чем старше, тем реже. Реже, драгоценнее. Я думал, что вы поняли это годы тому назад.

- Это зависит от твоего вида на будущее. Я часто нахожу, что ценность отчасти субъективна.

«Тогда ты – дурак», - подумал Чейн. Он следовал за гномом вниз по ступенькам, шесть шагов повернул налево. Они прошли, несмотря на покрытую паутиной лестничную площадку, в пыльную комнату.

При продвижении внутрь, эйфория заполнила грудь Чейна, и он вздохнул громко. - Я знал, что это будет подобно этому.

Не было даже полок, просто кипы и кипы текстов, лежащих один поверх остальных. Множества, возможно сотни заполнили его глаза, рассказы героических поисков и темных дел, корни истории Фаэруна. Вглядываясь в одну стопку непосредственно перед ним, он обратил внимание на руны вдоль корешков нескольких текстов, ярко светящихся мягким синим цветом. - Защищенные, - он прошептал. Те книги должны были быть уничтожены. Его конечной целью всегда было добиться высокого положения среди священников Огма только через профессиональные знания. Он немного знал магию.

Волшебные книги, большое количество сокровищ окружало его. Переплёты цвета лесной зелени и тёмно-серого цвета сияли в темноте более ярко, чем любые ярко светящиеся руны – тексты давно забытых мифов и правд. Он бы перевел и запомнил их целиком, затем преподавал бы истории, которых не слышал никто в возрасте дракона. Люди глазели бы на него в удивлении. Он был бы уважаемым и обожаемым.

- Это самые древние в вашем храме? – спросил он, сгибаясь вниз как будто бы, чтобы почесать ногу. Его пальцы сжали рукоять кинжала.

Никто не ответил.

- Миррортор? - Он повернулся, но обнаружил, что он сам. Куда ушел гном? Возможно он дал Чейну желаемое время почитать наедине. Это не имело значения. Он мог найти своих жертв наверху без многих неприятностей и заставить молчать их позже.

Он коснулся корешка выцветшего коричневого переплёта и холод пробежал по его руке. Носимые символы, вместо фактических слов, были гравированы глубоко в коже каким-то мастером прошлой эры.

- "Совершенствование". Он поднял книгу и открыл на первой странице. Внутри, он обнаружил, что желтые страницы куда лучше сохранились, чем переплёт. Символы были иероглифической формы и прежде использовались в старых империях Юга, Мулхоранда и Унтера. Он признал знак "варваров", и его возбуждение возросло. Может это была сводка древних войн? Он представил себя, стоящего перед толпой в обеденном зале Лорда Тиело – свет от свечей отражался от его красно-золотых волос - рассказывая рассказы тысячелетней давности.

Вытянув зачарованную сумку изнутри его мантии, он осторожно поместил книгу внутрь и начал рассматривать другую. То, что он мог читать слишком легко, он отбрасывал как слишком доступное. Он хотел только сложных, только тех, которые никакой другой мастер знаний не смог бы прочесть. После истощения возможностей в этой комнате, он планировал идти дальше в следующую. Было неизвестно, сколько скрытых сокровищ лежит в храме. И его сумка позволяла ему взять так много от Миррортора, сколько он хотел. Хотя он никогда не изучал волшебство подробно, Чейн находил некоторые его произведения вполне полезными.

Думая снова об эльфийской девочке наверху, его мучили угрызения совести, что-то сродни к вине. – Огма, возможно, раздражался вначале, - шептал Чейн, - но он уступит, когда увидит, что совершенная роза действительно я.

После того, как он ограбил первую кучу бесценных больших книг, Чейн пытался перейти к новой. Вес сумки взывал его остановиться. Книги были тяжелыми. Очень тяжелыми. Как это могло быть? После того, как он разместил только четырнадцать в сумке, она была почти полной и тяжелой для несения. Магия должна позволить ему заполнять сумку вечно. Но он видел, что волшебная сумка работает так, как будто бы была обычным мешком.

«Миррортор оказался более умным, чем предполагалось», - размышлял Чейн. Возможно он установил защиту против волшебства в библиотеке. Даже для силача подобно Чейну, четырнадцать негабаритных книг были огромной тяжестью. Разве ему придется довольствоваться этой пустяковой ношей?

Он опустил взгляд в разочаровании. Четырнадцати книг самых древних знаний на континенте было все еще недостаточно, чтобы удовлетворить его мечты. Или возможно он сможет сделать второе путешествие после убийства гнома и девочки. Подвал не был трудно находимым. Да, это было решением проблемы, сделать второе путешествие, возможно третье. В конце концов, он имел конское терпение.

Поднявшись, он повернулся, чтобы уйти. Затем он увидел, что все четыре стены комнаты содержат выходы. Странно. Он не обратил на это внимание прежде. Через который он вошел? Много стопок книг сделали направление трудно вспоминаемым.

- Миррортор, я готов отправиться сейчас, - позвал он.

Ничего.

Он вошел в эту комнату через вход слева? Да, это должно быть то - дверь слева от него. Забросив сумку на плечо, он вышел в знакомый коридор. Но был ли он знакомым? Мерцающий свет свечей на ржавых держателях все еще бросал тусклый свет на стены. Но это мог быть любой коридор в храме. Эти грязные серые каменные стены вероятно тянулись через все подземелья.

Проблема Чейна заполняла его разум, когда что-то болезненно холодно коснулось его руки. Он перепрыгнул ступеньки вниз по коридору.

- Кто здесь?

Зал был пустым. Однако Чейн снова почувствовал невидимые ледяные пальцы, пытающиеся схватить его за плечо. Обжигающий холод истощал его силы, и он бросился обратно, толкая книги вперед по земле. Чейн всегда считал себя выше таких эмоций как страх, но впервые на своей памяти он испугался.

Таща книги, он бежал, резкое дуновение быстро приближалось. В конце коридора он был вынужден выбрать между двумя лестничными клетками, одной поднимающейся вверх, второй опускающийся вниз. «Возможно я обогнал это ... существо», -он думал. Но когда он оглянулся назад, вздох ужаса вырвался с его губ.

Сероватые белые формы медленно формировались, приобретая форму. К его отчаянию, два отдельных лица и тела материализовались в туманных контурах человеческой фигуры. Они имели зубы. Их пустые глаза были голодными.

Призраки.

- Миррортор! – позвал Чейн. - Придите вывести меня. Я готов уходить.

Высокое причитание от одного из призраков ответило ему. Другой шипел от ненависти и плыл вперёд с невозможной скоростью.

Чейн вылетел вверх по правой лестничной клетке. Он был обычно быстрым бегуном, но вес книг замедлил его. Он не имел никакого серебра. Никаких заклинаний. Ничего, для боя с немертвыми.

- Миррортор, ты маленький негодяй, - шипел Чейн. - Просто перерезать твоё горло будет слишком добрым....

Холодный толчок по воротнике Чейна вынудил его потерять опору. Призрак был прямо позади него, пытался вцепиться в его мантию. Он знал, что если существо схватит мертвой хваткой его тело, то само прикосновение могло бы убить его. Он отчаянно взмахнул книгами. Возможно существо было материальным достаточно для того, чтобы быть ударенным.

К его радости, существо выпустило его. К его горю, его пальцы упустили сумку, и она вылетела из рук. Он приготовился к новому нападению ... которого не последовало. Второй призрак также переместился в поле зрения. Все же они оба проигнорировали его и разместились над сумкой, плавая в узком каменном коридоре выше его сокровища, шипя и причитая в возбуждении.

- Хранители? - он спросил сардонически, зная, что они не могут ответить. - Если вы думаете, что я собираюсь позволить паре призраков забрать эти книги, то вы жестоко ошибаетесь.

Но боль в плече Чейна распространилась к его локтю. Пальцы его левой руки не чувствовались. Он был раненым, и ему нужно было что-нибудь, чтобы бороться. Никакое количество ума и обаяния не воздействовало бы на его призрачных противников. Один из них посмотрел на него и выдал бессмысленные звуки, его лицо крутилось и искажалось. Существо выглядело почти разочарованным, что он потерял книги.

- Огма, помоги мне, - прошептал Чейн, схватывая верёвку священного символа. Он вытянул его, уверенный, что бог поможет ему. Но второй призрак только бранился странными звуками подобно первому.

Волна отчаяния омыла священника. Было это каким-то видом испытания? Или Огма забавлялся с ним, чтобы посмотреть, как хорошо он, возможно, справился бы сам? В таком случае, он должен найти новое оружие.

Своей здоровой рукой он обыскал карманы. Там должно быть что-то. Его кинжал был стальной – бесполезно. Затем он нашел кошелек с монетами. Монеты? Сорвав пояс, он вынул содержимое и улыбнулся. Серебряные монеты. Шесть штук.

Он шагнул в направлении корчащихся, сердитых существ. – Сейчас мне время уходить. Но мы должны повторить это когда-нибудь снова.

Собрав все шесть монет, он бросил их так сильно как мог, зацепив одного призрака четырьмя, и второго двумя. Чейн услышал слабые, текущие звуки металлического плескания через эктоплазму. В другое время, он остановился бы, чтобы поздравить себя с не расточением любого его ничтожного оружия. Но было не время. Оба существа закричали в боли и замешательстве, когда ненавистное серебро прошло сквозь них. Чейн рванулся вперед, крепко схватил сумку и отступил назад на ступеньки.

Он ожидал выйти где-нибудь возле коридора, что вел к изгибающейся лестнице. Вместо этого, он нашел себя у другой маленькой, квадратной комнате, заполненной пыльными стопками книг. Четыре выхода отмечали стены. «Я вернулся туда откуда начал?» - думал он. В то же мгновение, ненавистное причитание заполнило его уши.

Лабиринт!

Этот жалкий гном. Назад — чтобы найти выход нужно вернуться путем, которым я пришел. Нет, это было невозможно; призраки приближались сзади. Все мастера знаний преподавали жизнеобеспечивающие навыки, что касались лабиринтов. Чейн позволил его уму вспомнить те полузабытые уроки. Налево. Всегда поворачивайте налево. Никогда не паникуйте или вы погибнете.

Он побежал, всегда поворачивая вверх и влево. Он сосредоточился на том, что Миррортор будет чувствовать с разорванным горлом. Причитание усилилось поближе.

Затем оно остановилось. Так сделал и Чейн.

«Где они?» - он простонал в уме. «Они отступили? Нет, это было бы слишком легко. Вероятнее они пробуют обмануть меня».

Чейн отчаянно бежал. Каждый раз, когда он пробежал ступеньки в комнате или в коридоре, он поворачивал налево или вверх по следующей лестничной клетке. Лабиринт выведет его наружу, раньше или позже. Надежда успокоила его дрожащее сердце, когда он осознал, каким здравомыслящим он был. Ничто не могло остановить его сейчас. Затем наполненное яростью причитание началось снова. Только сейчас оно приближалось спереди.

Как могли они оказаться передо мной? Страх и неуверенность, ползали снова в его позвоночнике. Это не могло быть концом такого совершенного священника, чтобы умереть подобно крысе в каком-то лабиринте сумасшедшего гнома! Находясь в мертвой точке в узком коридоре, Чейн посмотрел на направляющуюся вверх лестничную клетку приблизительно десяти шагов впереди. Не было никаких дверных проемов в коридоре сзади него за исключением того к лестнице в конце. Он ненавидел отступать; продвижение вперед и налево казалось единственным жизнеспособным планом.

Воя, первый призрак следовал по его пути и приближался в его направлении. В тусклом свете факела, пылающего на стене, Чейн мог разобрать его отвратительное выражение как безумный голод, так и безумную защиту. Он знал, что призрак может обонять его теплую кровь и долго осушать его жизнь.

Без другого выбора, он бросил сумку вперед. Она приземлилась недалеко от нижней ступеньки.

- Вот, возьми это, - он сказал сердито, в горьком поражении. - Возьмите драгоценные книги вашего мастера, но вы не победите меня.

Существо остановилось над книгами и свирепо посмотрело на мастера знаний как будто, в течение мгновения, жертва не имела значения. Но призрак не оставил его пост; он продолжал свистеть и шипеть над отброшенным Чейном сокровищем.

Боль в левой руке Чейна распространилась на его плечо. Возвращение вниз в лабиринт вероятно подразумевало бы смерть. Он тяжело дышал.

- Убирайтесь с пути, - сказал он.

Стягивая его серебрянный священный символ через голову, Чейн почувствовал удар сожаления. Огма понял бы. Ситуация становилась отчаянной. Вытянув руку назад как будто бы для бросания, он повторил, - Убирайся из моего пути.

Дух бушевал и причитал. Но когда Чейн бросил символ, существо спряталась, чтобы избежать благословенного металла, оставляя достаточно места, чтобы Чейн проскочил в каменную лестничную клетку. Он надеялся, что другой призрак прекратил преследование и исчез. Но хранители больше не были его главной заботой. Левая рука Чейна была парализованной, и жажда сделала дыхание тяжелым. Его губы начали сохнуть от длинной погони.

Какой дурак. Каким полным дураком он был, думая, что может разгуливать в храме Огма, убить его надсмотрщика, забрать его сокровища, а затем просто прогуливаясь уйти прочь. Он не принес с собой никакого реального оружия. Ни воды. Ни продовольствия. Безусловно король мастеров знаний. Если он вскоре не найдет выхода, то будет королем скелетов.

Ступеньки и коридоры тянулись бесконечно. Чейн дрожал и потел в то же время. Через некоторое время начало казаться, что он путешествует кругами и комнаты начали смотреться так же. Или возможно нет? Возможно он только воображал, что это так. Как много он прошел? Казалось, что мили, но он не был уверенным, что это не этаж или два. Ледяной дискомфорт в его плече превращался в агонию. Его зубы стучали. Его ноги болели. Наконец он прислонился к каменной стене. Ноя, он сполз на пол, положив подбородок на колени.

- Я заблудился, - прошептал он через запекшиеся губы. - Это конец.

- Устал, сынок? - спросил радостный звонкий голос.

Голова Чейна резко дёрнулась при виде Миррортора в комнате, все еще в его смешном фиолетовом халате. Эльфийская девочка возле него быстро писала на ее пергаменте.

- Я близко к поверхности? – проскрежетал Чейн.

- Близко? – спросил гном. – Хорошо, это зависит от твоего вида на будущее.

«Негодяй», - подумал Чейн, но вместо этого сказал: - Если вы пришли слушать, как я умоляю о помощи, вы можете уходить. Я скорее умер бы, чем спросил вас о завтрашней погоде.

- Слушать как ты умоляешь? – спросил Миррортор. – О, перо Огма, нет. Мы пришли вывести тебя. Должно быть что-нибудь разумное в твоей чрезмерно-напыщенной голове или ты не смог бы выжить. Ты достаточно умный, чтобы оценить свою жизнь над могуществом, которого так страстно желаешь. Это должно иметь какое-нибудь значение.

Чейн пристально посмотрел на него. - Вы проводите меня?

- Да, конечно. Но я предупреждаю тебя, те существа охраняют более чем просто книги.

- Я слишком устал, чтобы сделать кому-либо больно. Выведи меня отсюда!

- Ты можешь поступить таким образом. Я считаю, что ты должен получить что-нибудь за твои неприятности. Миррортор предложил переплетённую тканью темно-зеленую книгу.

Чейн посмотрел на нее подозрительно. - Что это?

- Кое-что я записал сам несколько годов тому назад. Это - недавняя история Ришеоса перед приходом Лорда Тиело, счет войн благородных семейств. Неприятная эра. Чего-нибудь они будут желать избежать снова. Возьмите эту книгу, Мастер Знаний Чейн. Идите в Ришеос и преподавайте.

Рот Чейна скривился в отвращении. – Это ничто! Возможно несколько редких деталей, но в этой книге нет рассказа, которого не мог бы знать никакой обычный уличный крестьянин. Что удивительного может быть найдено в таких легко достигнутых знаниях?

Гном слегка улыбнулся. - The kind that matter. Знаниями мы живем и дышим и помним. Истории могут научить нас избегать глупости.

Миррортор повернулся и указал жестом на девочку впереди. Чейн взглянул на ее серьезное лицо, так как она стала на колени и сообщила ему название ее работы: *Рассказ о Чейне Тройбане, Священнике Зала Сумерек, Который Потерялся в Лабиринте Брансулдина Миррортора.*

Чейн поднял глаза, наконец осененный истиной. Знание было не только древним и неизвестным. Оно создавалось с каждым мимолетным моментом. Он был сейчас частью паутины легенды, частью паутины знания, всегда изменяющейся, всегда прядущейся.

Медленно протягивая руку, он взял зеленую книгу от Миррортора. – Да, я пойду в Ришеос. Я буду обучать этим знаниям.

Гном криво улыбнулся. – Придете потом. Ваша рука заживет в течении десяти дней. Теперь настало время уходить. Я должен был спать несколько часов тому назад.

Чейн встал и последовал за его проводниками, обратив маленькое внимание на то, какой коридор они выбрали. Скоро он был на свежем воздухе, свободный от этого лабиринта. В его уме крутились слова Миррортора. Возможно он мог сделать больше для его студентов, обучая их недавней истории, преподавая им пути избежания кровопролития и хаоса.

Вообразая себя в мантии цвета слоновой кости, стоящего перед толпой нетерпеливых слушателей, он предвидел почтение, которое, возможно, было бы предоставлено такому бескорыстному ученому, - скромный мастер знаний, посвятивший себя профессии. Он представил себе охваченные страхом лица его последователей, так как он преподавал знания недавних историй. Естественно его красивое лицо впечатлило бы их, но его мудрость впечатлила бы даже больше.

Он подошел почти к главной лестничной площадке, когда внезапная мысль пришла в его разум. Лорд Тиело, возможно, был бы весьма признателен к мастеру знаний, который знал больше деталей истории Ришеоса, чем любой другой священник на континенте. Такой священник был бы вознагражден и оценен.

Возможно...

ЗАМЫСЕЛ ВОРОНА

Элейн Бергстром

Скоро я, Лорд Шарвен Эспарский, попытаюсь самым отчаянным образом прервать череду моих злоключений. Сейчас я не буду распространяться о своих планах слишком уж откровенно; цель этой записи - дать оправдание моим действиям, а не предупредить остальных, какими они будут. Хотел бы я изложить свои слова более прямо, но, даже несмотря на то, что я молод, наследство моё внушительно. Из-за моего состояния у меня много врагов, много шпионов вокруг дома. Я слышу, как они шепчутся между собой, обсуждая детали плана, прежде чем приступить к своей работе. Если бы я мог доказать, что они предатели, то убил бы их всех. Но пока, я должен терпеть.

Даже Атера, моя любимая жена, повернулась против меня. Если бы я причинил ей боль, то не вынес этого, поэтому я солгал ей, сказав, что нам кто-то угрожает, и запер её в покоях, оставив стражу. Она попросила не пускать никого, кроме меня и её престарелого доктора, мага Ворона из Сэрлуна.

Сэрлун! О, это имя - причудливое, опасное, вызывающее ко мне даже сейчас. Сэрлун - место, где я нашёл свою самую дорогую драгоценность, мою жену.

Наш отец, вместе с другими знатными жителями нашего тихого поселения, послал моего старшего брата в этот отдалённый сембийский город заключить торговое соглашение с тамошними купцами. А я всегда отличался страстью к путешествиям, из-за которой выделялся на фоне своих суровых друзей из Эспара, и потому попросил отпустить меня с ним. Я ожидал, что отец откажет, но он с готовностью согласился. Сперва я обрадовался, но за время долгого пути на восток хорошо понял его благодушие. Гвенд, мой брат, должен был унаследовать семейные владения. Я бы мог управлять одним из меньших хозяйств, но всегда оставался бы зависимым от его милости - если только не заработал бы своё собственное состояние. Если нет - то тогда я всего лишь расходный материал.

Проезжая через город, я наблюдал здешнее богатство и мощь. Карманники чуть ли не в открытую обворовывали богатеев, не обращая внимания на своих менее удачливых и умелых товарищей, чьи гниющие тела висели на крепостных стенах, служа едой для ворон. Знать щеголяла кинжалами и мечами с инкрустированными рукоятками, и даже распоследняя уличная сирота имела при себе простой нож. И поэтому, первый раз мы остановились как раз для того, чтобы приобрести оружие. Меня бесило, что покупку для меня совершает Гвенд.

И я так и сказал ему, когда мы сидели в тёмной, прокуренной таверне, поглощая пряные колбаски и попивая местный светлый эль.

- Но ничего. В таком городе и я довольно скоро сколочу состояние, - прокомментировал я.

- Довольно скоро, - повторил Гвенд и хмыкнул; смешок, который был мне хорошо известен.

- Что такое? – насторожился я. – Что ты задумал?

- Не я, братишка. Отец. Он хочет, чтобы ты нашёл жену в Сэрлуне.

- Жену! – я уставился на девок-разносчиц, таких же пьяных и сквернословящих, как и сами посетители. – Где я найду жену в таком месте?

- Отец уже нашёл, - ответил Гвенд, а затем прикрыл уши руками, готовясь ко взрыву моего праведного гнева.

Потрясение стёрло все мои мысли, все слова, какие я мог бы произнести.

- Отец говорит, её приданое огромно, - добавил Гвенд.

- Чем больше приданое, тем страшнее невеста, - напомнил я, и мы рассмеялись.

- Что ж, ты весьма скоро её оценишь, - обрадовал старший брат. – Встреча назначена на сегодняшнюю ночь.

- А если меня от неё стошнит?

- Её отец ещё не предупредил её о браке, больше для спокойствия своей дочери, чем для твоего. Так что ты можешь быть ей отвратителем не меньше, знаешь ли.

В этом я сомневался, но тем не менее я был благодарен за то, что Гвенд купил каждому из нас возможность помыться. Мы переоделись в лучшие одежды и отправились на randevу с предполагаемой невестой.

Их особняк был в три раза больше нашего семейного дома в Эспаре, а сады пахли так же экзотически, как и выглядели. Железная изгородь вокруг участка была изящно украшена острыми наконечниками поверху, служившими как для красоты, так и для того, чтобы отпугивать нарушителей. Металлический узор повторялся и на перилах балконов, и на тонких шпилях здания. «Замок для фей», - подумалось мне.

Внутреннее убранство не привносило ничего, что могло бы развеять эту странную мысль. Высокий, украшенный аркой дверной проём выводил в залитый солнцем внутренний дворик, где в тених горшков с высокими, разлапистыми папоротниками прятались клетки с певчими птицами и пенящийся фонтан. Одетый в белое слуга с высоким тюрбаном на голове разделил нас с Гвендом. Старший брат должен был отправиться говорить с хозяином. Я – остаться во дворе.

- Моя госпожа скоро придет, - сообщил прислужник, прежде чем меня покинуть. Я уселся около фонтана и наблюдал за тем, как мелкая рябь медленно скользит по поверхности воды, надеясь, что это вялое движение успокоит моё бешено бьющееся сердце.

Она пришла одна, подойдя ко мне со стороны тёмного дома; развевающиеся юбки хлопали по её ногам. При виде её гибкой фигурки и нежных рук я воспрял духом. По её скованности, по тому, как она смотрела куда-то в точку в центре моей груди, мне стало понятно, что она ещё больше смущена этой договорённостью, чем я сам. Ещё я понял, что упустил одну очень важную деталь.

- Как тебя зовут? – спросил я.

- Атера, - раздалось в ответ. – Ты мог бы спросить и своего брата.

Мгновение она смотрела вверх, на меня; невероятная глубь её изумрудно-зелёных, раскосых глаз великолепно гармонировала с медового цвета волосами.

- Прошу прощения, - я взял её за руки. Её ногти были окрашены в светло-розовый, цвет морских ракушек. – Неужели все женщины Сэрлуна такие скромные?

Она улыбнулась и вновь подняла взгляд.

- Только я, - сказала она.

- А как здесь принято ухаживать?

- Это неважно, - пожала красавица плечами.

- Садись рядом, - предложил я.

Она сделала, как я просил. За следующий час она слегка расслабилась. Атера казалась мне намного более красивой, нежели все остальные круглощёкие девушки Эспара, и мне было интересно, почему отец согласился отдать её замуж за человека, которого даже не знал.

Но за время, остававшееся до свадьбы, я понял его решение. У Атеры был чуткий нрав, больше подходивший умиротворённому Эспару, чем постоянной опасности Сэрлуна. Во время наших редких поездок по городу она становилась беспокойной – на людных улицах, которые так нравились мне. Кроме того, она отдавала все монеты тем шустрым сиротам, которые, увернувшись от периодически раздаваемых мною пинков, смогли завладеть её вниманием. Прежде чем мы поженились, я пообещал своей невесте, что мы обоснуемся в моей родной стране. Правда, я не уточнил, когда именно.

Потому что, хоть я и любил её, этот город я любил больше.

Сэрлун, хотя и был средоточием корыстолюбия и жадности, предоставлял возможность сделать состояние. Вскоре я установил контакты с местными ворами и убийцами. Караваны моей семьи проходили нетронутыми, а мои собственные начинания процветали, благодаря купленной информации и защите. Я увеличил приданое жены в пять раз всего за год.

Но богатство имело свою цену. На одной щеке после дуэли появился шрам, придававший лицу устрашающий вид. Моя ведущая рука - порезана и сломана в уличной схватке. Ранения зажили плохо, и я потерял большую часть своей силы. Наконец, я попал в засаду воров, оставивших меня умирать. Люди, нашедшие меня, валявшегося без сознания за конюшнями, хорошо знали меня, но после полученной трёпки смогли узнать лишь благодаря кольцу с полумесяцем на пальце. У них хватило ума потребовать награду, прежде чем вернуть меня жене.

Из-за этого прошли многие дни, прежде чем я вернулся к ней. К тому времени раны на лице начали гноиться, и лихорадка сомкнула на мне свою хватку. Я мог видеть немного, но разглядел слёзы на лице Атеры, когда она взяла меня за руку. Ещё я увидел седого, темноглазого человека, поставившего компрессы на худшие из ран и пробормотавшего что-то на странном языке. Боль усилилась, принеся с собой облегчение - я потерял сознание.

Когда пару дней спустя я очнулся, Атера сидела рядом. Как только она заметила мой взгляд, то обняла меня.

- Ворон заботился о тебе, - ответила она на мой вопрос о том человеке.

- Ворон? Маг? - недоверчиво уточнил я.

- Он называет себя некромантом, но сведущ в искусстве целительства больше, чем в остальном. Мы дружим, сколько я себя помню. И он вновь доказал, что друг мне, - она подняла зеркало к моему лицу; раны почти зажили. Я сомневался даже, что они оставят после себя шрамы.

Я послал за Вороном и искренне отблагодарил целителя.

- Как я мог отказать в помощи, - возразил он. - Я поклялся повиноваться Атере и её семье. Но даже без клятвы обработать такие детские ранки вполне возможно, - с этими словами он нанёс на увечья сладко пахнущую мазь и пообещал вернуться позже, чтобы проверить состояние.

С тех пор мы часто беседовали. Я обнаружил, что он весьма умел и готов поделиться своими навыками. Меня всегда влекло к магии, к силе, которую она открывала, поэтому я отправился к тестю с просьбой передать мага под моё управление.

- Я собирался отправить его с вами в Эспар, когда вы отправитесь, - ответил отец моей жены. - Он уже так долго является врачом и другом Атеры, что я не хочу, чтобы она покидала дом без него.

Я улыбнулся. Хотя данное ему и Атере обещание вернуться в Эспар всё ещё висело надо мной, я не собирался его сдерживать. Власть, богатство, а теперь ещё и месть, владели моим разумом.

Вскоре мои шпионы узнали имена напавших на меня людей. Мои убийцы были быстры и смертоносны. А что касается завистливых торгашей, проплативших засаду – Ворон сварил подходящее зелье, от которого всё тело покрывалось медленно заживающими гноящимися язвами, оставлявшими после себя глубокие, болезненные багрово-красные рубцы. Вскоре заговорщики сами наложили на себя руки.

Ах, эти интриги Сэрлуна! Великолепный город, великолепно подходящий под мои запросы.

Но несколько месяцев спустя судьба решила, что мне пора вернуться домой. Мой отец умер. Вскорости за ним последовал и брат.

С неохотой я привёз свою невесту в Эспар, в пути сопровождаемый Вороном и наёмной стражей, охранявшей моё состояние.

По приезде я обнаружил, что земля изменилась. Нет, луга были всё такими же зелёными, а леса – такими же пышными и тёмными. Но под монотонным течением сонной городской жизни я почувствовал зло, скрытое от глаз, но не менее опасное, чем в Сэрлуна.

Местной знати были интересны подробности о жизни в Сембии, а ещё им не терпелось познакомиться с Атерой. В первые же дни после нашего возвращения нас пригласили на пир в честь нашего прибытия, устроенный соседом, лордом Ромулом – старым приятелем моего отца. Я вырос вместе с его детьми и провёл в покорении его земель множество счастливых часов. Но все равно я проявлял инстинктивную настороженность.

Заговорщики повсюду, напомнил я себе. Красавица-жена и огромное состояние делали меня основной мишенью.

Войдя в дом Ромула, я услышал, как шепчутся остальные гости. Сначала я подумал, что они обсуждают красоту моей избранницы. Позже я понял, что

предметом обсуждения был я сам. Да, я был изуродован, моя рука изувечена – но в этих разговорках крылось что-то ещё. Я стоял в стороне, мало общаясь и приглядывая за Атерой, которая сновала между гостями, точно доверчивый и счастливый котёнок.

Весь следующий месяц на всяческих приёмах я оставался настороже, не особенно распространяясь о своих делах. Как я и ожидал, как только все поняли, что не узнают от меня ничего ценного, нас с Атерой стали молча игнорировать. Лишь лорд Ромул и его жена, Лодрэль, вновь пригласили нас к себе в усадьбу.

На этой второй встрече я прямо спросил Ромула, почему он так во мне заинтересован.

- Заинтересован! – рассмеялся Ромул. – Я хорошо помню твоё детство, Шарвен. Ты всегда был одним из моих любимчиков. Мне приятно считать тебя своим другом.

- Хорошо, - ответил я. – Атере здесь так одиноко.

- Могу ли я говорить откровенно? – поинтересовался Ромул.

Я кивнул.

- Ты сильно изменился после Сэрлуна. И я говорю не о ранениях, ведь лицо мужчины они не портят. Твоя невеста чудесна и все говорят о ней лишь хорошее. Но если ты хочешь, чтобы вас приняли, ты должен быть менее подозрителен к своим соседям. Ты отсутствовал какое-то время. Людям интересно, что же ты такое прячешь, из-за чего ты так нервничаешь.

- Я ничего не прячу! – возмутился я.

- Ты разрешил говорить прямо, - мягко напомнил он. – Это мирное место, Шарвен. И люди здесь простые. Помни об этом.

Ромул хотел, чтобы я так думал. Некоторое время я пытался следовать его совету. Но достаточно скоро я понял его мотивы.

Мы обменялись быками, чтобы укрепить и умножить наши стада. Его животные выглядели здоровыми, но как только они смешались с моими, всё стадо пало жертвой странной болезни. Моя половина погибла. Его животные болели не так сильно и выздоровели. Я направил лорду Ромулу гневное письмо.

Он прибыл сразу же и вместе со мной объехал пастбища. Я с трудом поспевал за ним, правя лошадью своей здоровой рукой. Наконец, он показал на заросли копьелиста у изгородей.

- Вели своим пастухам перегонять стада почаще, чтобы они не добирались до этой отравы, - посоветовал он. – Она медленно отравляет животное, если съесть её слишком много.

- Твой скот не погиб, - напомнил я.

- Копьелист – слабый яд. На моих лугах его нет, поэтому в животных он не скапливался. Всё же, я не до конца уверен, что причина в нём, поэтому я готов возместить потери. Можешь забрать ещё дюжину коров из моего стада.

"Чтобы и остальные померли!", - возмутился я про себя. Вслух же я жёстко потребовал:

- Лучше деньгами.

- Будет лучше, если ты восстановишь поголовье, - начал было он, но, видя на моём лице решимость, сдался. - Возможно, ты просто не был создан для фермерской жизни? - устало добавил он, согласившись на все мои требования.

Пока я и Ромул были в поле, Атера заглянула в гости к леди Лодрэль. Присоединившись позже к ним, я обнаружил, что лицо моей жены покраснело, а глаза сияли.

- Я никогда раньше так сильно не смеялась, - поделилась она со мной, когда мы отправились на ужин.

За едой Ромул развлекал Атеру рассказами об окружающих Эспар холмах и лесах. Никогда я раньше не видел, чтобы она так внимательно слушала мои истории, или так охотно смеялась над моими шутками. Похоже, Ромул изо всех сил старался очаровать её.

Следующим вечером я поделился наблюдением с Вороном.

- Старик охоч до молодости, - ответил тот. - Однако, я ни разу не слышал, чтобы Атера говорила о лорде Ромула как о ком-то большем, нежели просто знакомом - или о тебе, как о ком-то меньшем, чем обожаемом муже.

- То, что чувствует Ромул, может быть не менее важным.

Ворон не ответил. Он имел право промолчать. Это вопрос касался лишь меня и жены.

Утром я начал выпытывать. Она выглядела глубоко потрясённой и расстроенной моими подозрениями.

- Лорд Ромул и его супруга - единственные, с кем мы видимся, - защищалась она. - Они добры ко мне. Я его уважаю, но ничего более.

- Ты уверена, что думаешь о нём только в таком духе?

Тут Атера сделала нечто непредсказуемое. Она влепила мне пощёчину и вихрем вылетела из комнаты. Я услышал, как она вызвала слугу. Немногим позже, я видел, как она в одиночестве скакала через поля на север, на привезённой из Сэрлуна гнедой кобыле. На север - к землям лорда Ромула.

Деньги от моего соседа поступили вскоре после того, как солнце достигло зенита - вместе с запиской, приглашавшей меня и Атеру на ещё одну встречу. Вскипев от наглости, с которой этот человек соблазнял мою жену прямо под моим носом, я вернулся в библиотеку и бросил бумажку на стол.

Атера не возвращалась до вечера, а, вернувшись, никак не объяснила и не извинилась за своё отсутствие. Этой ночью, когда я подошёл к двери в её покои, я обнаружил, что она заперта.

- Если ты этого хочешь, то и оставайся там! - прокричал я через дерево. Я приказал слугам запереть её на засов, чтобы Атера не смогла выйти. Удовлетворившись их работой, я отправился в библиотеку. Там я и заснул, пытаясь разобраться в кое-каких старых и неполных инструкциях по превращению меди в золото.

Меня разбудило странное шуршание - словно страницы окружавших меня томов на полках почему-то ожили. Дрожала даже та закрытая книга, на которой покоилась моя голова. Страшась того, что могу обнаружить, я распахнул её.

Книжные черви! Дюжины их пиروвали страницами с письменами, и их маленькие тельца были того же бледного цвета, что и их еда. Я стряхнул всю эту гадость на пол, и они тут же окрасились в цвет плитки, бросившись врассыпную, как только я начал их топтать. Когда я убил всех, которых смог найти, я перешёл к полкам, где сотни насекомых поглощали другие мои тексты. Я вытряхивал их из

каждой книги, давя сразу же, как только они касались пола. Вскоре камни пола стали скользкими от множества раздавленных трупиков. Но голодная орда продолжала свою разрушительную трапезу.

Слова сожраны. Знания пропали. Сила, даруемая этими знаниями, ушла! Обычное богатство не смогло бы возместить эту потерю.

- Ворон! – заорал я. – Ворон, иди сюда!

Повернувшись к шкафу, стоявшему ближе всех к стене, я мельком глянул в окно и заметил дым, поднимающийся от конюшен, и слуг, мечущихся туда-сюда в попытках затушить огонь. Но они опоздали. Когда двери распахнулись, пламя полыхнуло. Я слышал, как лошади ржали, как колотили копытами о дверцы своих стойл, как кричали конюхи. Если бы не проблемы в библиотеке, я бы бросился на помощь.

Мы с Вороном трудились над спасением книг, как вдруг я заметил записку лорда Ромула, сброшенную на пол. Когда я её подобрал, она рассыпалась прямо в руках.

- Мог ли он подослать яйца книжных червей? – спросил я Ворона.

Маг кивнул. Несколько часов спустя, после того, как мы спасли всё, что смогли, я вышел наружу, посмотреть на остатки конюшен. Только три скакуна смогли вырваться из пожара; гнедая кобыла Атеры была одной из них.

- Занятное совпадение, не правда ли? – осматривая ожоги на левом боку лошади, нагнул я Ворону. Я говорил без эмоций, полностью убеждённый в том, что мои подозрения верны.

- Кобыле просто повезло, - отозвался Ворон. – Я рад, за Атеру.

- Но представь, что это не удача. Представь, что Атера – участница заговора, и не позволила своему животному пострадать, - настаивал я.

Он сделал паузу, прежде чем ответить, тщательно взвешивая каждое слово.

- Атера любит тебя. Всё же, есть способы, могущие сподвигнуть её на неверность против собственной воли, - ответил колдун.

- Околдована! Да, скорее всего. Она определённо не в себе с тех пор, как мы вернулись в Эспар, - неожиданно, я порадовался, что оставил стражу у её дверей. – Ворон, что я могу сделать, чтобы прекратить все эти заговоры?

Я вспомнил о язвах торговцев и почувствовал дрожь предвкушения, подобную которой я не испытывал со времён Сэрлуна. Но слова мага разочаровали меня.

- Не уверен, позволь мне обдумать, - ответил он. – Тем временем, напиши лорду Ромулу ответ и прими приглашение.

- Разумеется! Я должен лично убедиться, что он злорадствует по поводу моих потерь.

Я отписал сердечный ответ и принёс его Атере. Когда она прочитала, я сообщил ей, что зависть сделала из меня идиота.

- Я не должен был никогда сомневаться в тебе, - убеждал я. – Прости меня.

Её красивые глаза наполнились слезами, и она обняла меня. Наше примирение было длительным и удовлетворяющим.

На приёме у лорда Ромула было всё, на что я рассчитывал. Они с женой организовали шикарный стол и даже наняли местных музыкантов, чтобы те играли во время ужина. Я старался выглядеть расслабленным, в то же время ожидая подсказок, почему же сей господин всё-таки стал моим врагом.

Я открыл причину сразу после еды – он отвёл меня в сторону, чтобы поговорить наедине.

- До того, как твой брат умер, мы обсуждали продажу северных полей, граничащих с моими пастбищами. И раз уж твоё поголовье уменьшилось, и ты не заинтересован в восстановлении, то, может, продашь их мне? – спросил он.

Поголовье уменьшилось! Да уж, он за этим проследил.

- Мой отец всегда говорил, что земля ценнее золота, - холодно отказался я.

Лорд Ромул странно посмотрел на меня.

- И так и есть. Но земля – всего лишь инструмент, как и всё остальное. Чтобы иметь хоть какую-то ценность, она должна использоваться.

- Я оставлю землю себе, - отрезал я тоном, не терпящим возражений. – А теперь, если не возражаешь, нам с Атерой пора идти.

- Я не имел в виду ничего плохого, Шарвен. Прошу прощения за любое недопонимание.

- Всё в порядке. Просто обратно далеко возвращаться, - уверил я так любезно, как только мог.

Я скрыл гнев от Атеры столь же хорошо, как и от лорда Ромула, выпустив пар только в безопасности покоев Ворона.

- Ромул хочет мою землю, - поделился я с ним.

Длинная чёрная мантия волочилась по полу вслед за ходящим туда-сюда магом. Я никогда не видел его таким оживлённым.

- Вряд ли это такой уж сюрприз. Но теперь нам нужно понять, что нам делать с его кознями.

Мы рылись в книгах до глубокой ночи. Наконец, я придумал план настолько дерзкий, что никто в Эспаре никогда не заподозрил бы моей руки. Я отправился к Атере и попросил её отправить весть всем соседям – мы устраиваем пиршество и хотим, чтобы все его посетили.

- Спасибо, Шарвен! – воскликнула она, затем поцеловав.

Весь вечер Атера писала приглашения, и всё утро рассылала с ними слуг. Большинство семей сразу же послало утвердительный ответ.

Пока Атера возилась со швеями, поварами и горничными, Ворон и я листали оставшиеся книги, подготавливая всё, что нужно для моей мести. И вот уже мы готовы, а вечер вот-вот начнётся.

Я записал всё, что мог. Позже, после того, как я расправлюсь со своими врагами и мои беды закончатся, я завершу запись.

Писать тяжело, хотя воспоминания о моей аккуратно проведённой мести все ещё ярко пылают в моём мозгу. И хотя, чтобы поместить все события на бумагу, потребуется время, я всё же сделаю это...

Свиньи и дичь уже потихоньку превращались в объединённые скелеты, когда я постучал в дверь Ворона. В комнате, полной свитков и древних фолиантов, чаш с

травами и экзотических запахов, я получил в распоряжение подготовленную им магию.

Я засунул любовное зелье для Атеры в карман и протянул руку за другим предметом, более жутким – тем, что мы обсуждали. Он вручил мне крохотное, кроваво-красное яйцо, такое лёгкое, что оно казалось пустым.

- Ты уверен? – с сомнением посмотрел я на него.

- Проглоти его, как я сказал, – велел он. – Скорлупа рассосётся и создание сольётся с твоим телом воедино.

Раз уж я теперь действительно собирался съесть эту штуковину, я не мог не озаботиться её природой.

- А что это вообще за создание? – уточнил я.

- Тёмный дух, призванный сюда из нижних планов и готовый выполнить в точности то, что ты просишь – уничтожить твоего злейшего врага.

- Тёмный дух...

Уже то небольшое, что я знал об этих сверхъестественных существах, лишало меня уверенности в том, что я должен совершить.

- Твоя жертва почувствует, как невидимая сила медленно высасывает из неё жизнь.

Именно такого конца я и желал Ромулу! Я очень осторожно проглотил яйцо, сел и стал ждать.

Несколько минут я ничего не чувствовал. Но, когда я уже собирался озвучить своё разочарование, что-то шевельнулось глубоко внутри, и ужасающая сила поглощённого мной создания взрывом наполнила моё тело. Я закричал нечеловеческим голосом, а затем своей немощной рукой поднял тяжёлое дубовое кресло и швырнул в стену. Дерево разлетелось в щепки; куски разлетелись во все стороны. Моё зрение стало чётче, а слух – болезненно острым. Ярость, подобную которой я раньше не испытывал, завладела мной. Я – и монстр внутри – были готовы убивать.

Мощь тёмного духа заставила меня почувствовать себя неудобно.

- Если кто-нибудь в Эспаре распознает волшебство, я стану изгоем на своей собственной земле, – напомнил я Ворону, поразившись силе и странной пустоте своего голоса.

- Выпущенное на волю создание видно лишь тебе одному. Даже лорд Ромул не увидит его, хотя определённо почувствует на себе его эффект. К тому же он стар. Если он погибнет на дуэли, никто ничего не заподозрит. А ты получишь удовлетворение от знания того, что ты повергнул своего злейшего врага.

С трудом, но я понизил голос – до хриплого шёпота.

- А что, если мой злейший враг – кто-то другой? – поинтересовался я.

- Ты подозреваешь ещё кого-то? – несколько встревоженно спросил он.

Я потряс головой.

- Тогда посмотри на меня.

Я сделал как велено. Сразу же он начал читать заключительные слова заклинания, закончив фразой:

- Я повелеваю духу, заключённому в теле этого человека: если плоть повреждена и кровь хозяина пролита – освободись! Найди злейшего врага лорда

Шарвена. Войди в его тело и высоси жизнь, но не уничтожай душу. Вместо этого позволь призраку негодяя вечно бродить по этому дому, оставаясь лишь беспомощным наблюдателем всего, что здесь происходит. А когда твоя миссия будет выполнена, оставь это место и возвращайся в царство ночных кошмаров.

Я слушал эти слова с величайшим удовлетворением, ибо они отражали суть моей мести. До конца наших дней дух лорда Ромула будет смотреть, как мы с Атерой проводим время вместе. Я не мог придумать более подходящего наказания для его предательства.

Когда Ворон закончил заклинание, я немного попрактиковал ходьбу, учитывая новоприобретённую силу. Решив, что показаться будет безопасно, я понёс зелье Атере.

Никогда раньше я не видел её настолько великолепной – в волосы вплетены разноцветные ленточки; из-под чёрного корсажа проглядывает блузка тех же оттенков; глаза сияют от радости и восторга.

Существо внутри меня забесновалось, пытаюсь вырваться из тела, движимое не яростью, но похотью – настолько красива была моя женщина в этот момент.

- Выпьешь со мной вина? – спросил я kloкочущим голосом, который я отчаянно пытался смягчить.

- Шарвен, что с твоим голосом? Ты в порядке? Если ты нездоров, мы можем...

- Нет, я не болен, просто возбуждён. В конце концов, я первый раз устраиваю праздник в роли хозяина поместья, - я заслонил спиной то, как я заливаю снадобье в её кубок; затем мы выпили. Я внимательно наблюдал – хотел быть уверенным, что она осушила всё до капли.

К тому времени прибыли первые гости. Я направился вниз встречать их, а Атера радостно семенила рядом.

Зелье начало действовать, когда мы приветствовали прибывших. Лицо Атеры покраснело, голос стал высоким и резким.

- Она немного нервничает, но, думаю, вино более чем успокоило её, - поделился я с одним из гостей. Я слышал, как он повторил объяснения своей жене. Вскоре весь зал знал, что Атера уже захмелела.

Лорд Ромул и леди Лодрэль оказались среди последних пришедших. Когда Атера направилась поприветствовать и их, я отстал. Мне нельзя было приближаться, только не со зверем, мечущимся внутри, наблюдающим за врагом моими глазами, требующим свободы.

Какое-то время спустя Атера и я заняли свои места во главе стола. Лорд Ромул сел справа от моей жены, леди Лодрэль – рядом с ним. После всех приготовлений к пиршеству, Атера едва притронулась к еде. Её внимание – под действием зелья – сосредоточилось на лорде Ромуле. Вскоре она как будто совсем потеряла голову. Я же делал вид, что ничего не замечаю, даже тогда, когда её рука скрылась под столом – вне сомнений, расположившись на его колене. Некоторые из окружающих гостей начали перешёптываться.

Этот фарс больше не мог продолжаться. Как только я дал знак, заиграла музыка. Я пригласил леди Лодрэль на танец.

Лорд Ромул слишком сильно оскорбил бы меня, не пригласив Атеру в ответ. Красный и настороженный, он вывел её на площадку. Танцуя с пышной Лодрэль, я

осторожно наблюдал за парой. Моя жена прижалась к Ромулу, шепча что-то на ухо. Я заметил, как он смутился. Да, вряд ли он ожидал, чтобы его жертва вела себя так фривольно.

Крепко схватив Атеру за руку, лорд повёл женщину обратно к столу. Она увлекла его дальше, к гобелену, висевшему на стене. Несмотря на тень, я и несколько других гостей увидели поцелуй. Я оттолкнул Лодрэль так грубо, что она наверняка упала бы, если бы кто-то не подхватил.

- Что всё это значит? – громогласно потребовал я объясниться.

Лодрэль проследила мой взгляд. Она видела смущение мужа, слышала сдавленный вскрик Атеры.

- Твоей жене... нехорошо, - ответил Ромул.

- Достаточно хорошо, чтобы поцеловать тебя! Это первый раз или просто самый открытый?

Гости начали переговариваться. Большинство заняло мою сторону. Другие, видя смущение Ромула, не были так уверены в его виновности. Лодрэль зарыдала.

- Она слишком часто уходила из дома, каждый раз направляясь на север! - напирал я.

- Чтобы повидаться со мной... - пролопотала Лодрэль. Атера кивнула, борясь с действием зелья. Никто не обратил внимания ни на одну из женщин. Хоть гости и были в основном хорошими людьми, они хотели крови.

- Я требую возмещения! – были мои слова. – Я буду защищать честь моей жены.

Ромул уже смирился, но всё-таки попытался образумить меня.

- Говорю тебе, твоей жене нездоровится. К тому же твоя ведущая рука нерабочая. Нет ли другого способа уладить это недоразумение?

- Честь придаст мне сил, - я услышал одобрительный ропот соседей: большинству понравился мой ответ.

- Хорошо, - вздохнул Ромул, - но ты должен предоставить мне клинок. Свой я не взял.

Я обвёл взглядом собравшихся. В дуэли не должно быть ни намёка на обман.

- У кого-нибудь найдётся меч для лорда Ромула?

Нашлись целых пять. Он выбрал лёгкий, тонкий клинок, больше подходивший для фехтования, чем для сражения – что я и ожидал от человека его лет. Ещё один из гостей протянул мне похожее оружие; я его принял. Когда всё будет кончено, никто не скажет, что оружие было отравлено.

Мы переместились в центр зала, туда, где всего несколько минут назад все танцевали. Как только клинки скрестились, я почувствовал силу посланника Ромула. Я мог окончить сражение в любой момент. Вместо этого я сдерживал порывы, двигаясь при этом скованно и напряжённо – словно уже только то, что я держу меч, причиняет мне боль.

В молодости лорд Ромул был известен смертоносными навыками владения мечом. И он не растерял свои умения. Если бы не мои устрашающие скорость и сила, он запросто одолел бы меня. Тем не менее, мой соперник продолжал играть роль невольной жертвы, отражая мои более опасные удары и пропуская остальные. Несомненно, он надеялся, что, пролив первую кровь и отмыв ею свою честь, я остановлю дуэль.

Только когда я проткнул его плечо, в глазах Ромула появился настоящий страх. Лицо его покраснело, а на бровях скопился пот. Усталость могла убить его так же просто, как и клинок - такое объяснение отлично мне подходило. Я улыбнулся. Да, глупец; да, соблазнитель моей жены, алкатель моих земель. Да, старик - как только я получу хоть один порез, ты умрёшь.

Я оттеснил его к обеденному столу, а затем, одним неожиданным движением, упал на него. Намеренно. На моей руке остался порез от его меча.

Темница потеряла целостность. Создание, заточённое внутри меня, освободилось с первой каплей крови, забрав с собой и всю силу.

- Достаточно уже? - услышал я шёпот лорда Ромула, скорчившись на полу у его ног, слишком истощённый чтобы двигаться и едва способный дышать.

Я взглянул вверх. Как мне хотелось прошипеть в ответ, что ничего не кончено - но слова застыли на языке, когда я увидел то, что выпустил.

Чёрная и бесформенная, точно тучи приближающейся ужасной бури, фигура; лишь её большие красные, пылающие хищным огнём глаза были единственными неизменными чертами в этой массе. Существо изучило стоявшего с опущенным мечом лорда Ромула, больше походившего сейчас не на врага, а на заботливого отца, случайно поранившего во время тренировки своего сына.

Оно посмотрело на стоящую у стола Атеру - дрожащую, напуганную из-за меня, Ромула и странных позывов, навеванных зельем.

Оно посмотрело на Ворона. Я подумал, что, возможно, маг соврал мне; возможно, он тоже мог видеть духа; в конце концов это он призвал призрака.

И наконец, оно повернулось ко мне. Выражение на его морде сменилось интересом, желанием. Ворон говорил, что существо убивает касанием и силой взгляда. Я хотел отвернуться, но понял, что не могу. Я попытался пошевелиться, но понял, что парализован.

- Это не я! - последовал мой крик; хотя я понял, что отныне навеки проклят, я все равно сказал эти слова: - Тебе было приказано защищать меня! А теперь, убей моего врага!

Монстр подчинился.

Его тёмная туша навалилась на меня, придавив всепоглощающей тяжестью. Сердце бешено застучало, а тело похолодело.

- Шарвен! - вскрикнула Атера. Она хотела кинуться ко мне, но Ворон удержал. Слезы на её лице были настоящими, а горе терзало мою душу. Я бы попросил прощения за всё, что сделал неправильно... если бы у меня ещё оставались силы говорить.

Немигающими глазами мертвеца я смотрел, как Ворон встаёт за спиной моей жены, как мягко оттаскивает от моего тела, как она бесконтрольно рыдает в его объятиях. Я увидел выражение его лица, когда он посмотрел на меня поверх её плеча - триумф. Он победил. Неожиданно я понял, что он выглядит гораздо моложе, чем мне казалось.

Всё верно; для возвращения молодости есть заклинания, равно как и для восстановления силы.

Я вспомнил всё, что он мне говорил, и только теперь понял истинное значение его речей. Надо отдать должное, существо, призванное для меня Вороном, сделало в

точности то, что я и требовал - нашло моего злейшего врага и убило. Теперь остался лишь мой призрак.

Ворону не нужны были заклинания, чтобы Атера полюбила его, хотя он и воспользовался одним, чтобы смягчить боль от потери. Я не ненавижу его за это; для ненависти есть куда более веские причины.

Стоя в зале, среди остальных гостей, я смотрел, как он женится на моей жене. Я последовал в комнату с алтарём; ярость придала мне сил, и я отправился в маленькую комнатку, в которой я брал у Ворона уроки. Потребовалось огромное усилие, но всё же я смог взять перо, поставить на пергамент и закончить эту запись.

Может быть, Атера однажды прочтёт её. Более вероятно, Ворон найдёт это письмо раньше и уничтожит. В этом случае я вновь запишу свою историю, и буду записывать столько раз, сколько будет нужно.

Сладка даже такая жалкая месть. Ворон никогда не почувствует себя в безопасности в моём доме.

ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ

Роберт Сальваторе

Темные глаза юноши обшаривали окрестности. Такова жизнь - всегда в движении, всегда настороже. Он заметил шевеление слева, между двумя ветхими хижинами из дерева и глины.

Ребенок. Играющий ребенок, благоразумно держится в тени.

Что-то справа - женщина в глубокой нише за окном. Окно дыра в стене: никто в этом районе Калимпорта не был настолько богат, чтобы застеклить окна. Женщина стояла, не шевелясь, наблюдая за ним, не догадываясь, что и он, в свою очередь, наблюдал за ней.

Он чувствовал себя хищной кошкой, пересекающей равнину, женщина - казалась ему одним из многих оленей, надеющихся, что он ее не заметит.

Молодому Артемису Энтрери нравилось это ощущение власти. Он работал на этой улице - если можно назвать улицей это случайное скопление облезлых лачуг, разбросанных по разбитому повозками полю - более пяти лет. С тех пор как он был девятилетним мальчишкой.

Он остановился, медленно повернулся к окну, и женщина отпрянула при малейшем намеке на угрозу.

Энтрери улыбнулся и продолжил свою инспекцию. Это была его улица, думал он, место, которое он объявил своим, спустя три месяца после прибытия в Калимпорт. У места не было официального названия, но теперь, благодаря ему, оно обрело индивидуальность. Квартал - хозяином которого был Артемис Энтрери.

Какой путь прошел он за эти пять лет, добираясь на перекладных всю дорогу от Мемнона. Артемис усмехнулся выражению "всю дорогу". По правде говоря, Мемнон был ближайшим к Калимпорту городом, но в бесплодной пустыне Калимшана, даже до ближайшего города дорога была долгой и трудной.

Безо всякого сомнения дорога была трудной, но Энтрери преодолел ее и выжил, несмотря на тяжести работы, взваленной на него жестокими караванщиками. Несмотря на определенные предложения одного развратного старика, вонючего небритого тупицы, который, кажется, подумал, что девятилетний мальчик –

Артемис вытряхнул эту мысль из головы, отказываясь следовать проторенной тропинкой памяти. Он пережил дорогу и обокрал купцов на второй день по приезду, когда узнал, что они взяли его с собой лишь для того, чтобы продать в рабство.

Не стоит вспоминать ни то, что было до этого, ни путешествие из Мемнона, ни ужасы, которые выгнали его из дома. Но до сих пор его преследовали образы отца и дяди, и того развратного старика.

Боль воспоминаний уступила место ненависти, в темных глазах заблестела сталь, напряглись точеные мышцы на руках. Он смог. Остальное не в счет. Это его улица, безопасное место, где никто не смеет ему угрожать.

Артемис возобновил наблюдение за своими владениями, изучая глазами окрестности. Он видел каждое движение и каждую тень - он был хищной кошкой, выискивающей добычу, а не угрозу.

Он не мог не усмехнуться пренебрежительно, глядя на грандиозность своего "королевства". Его улица? Только потому, что ни один другой вор не озаботился взять ее себе. Артемис мог трудиться шесть дней подряд, обворовывая каждого из многочисленных пьяниц, валяющихся в грязи, в этом обнищавшем районе и, при этом, едва наскрести монет, что бы прилично поесть на седьмой день.

Все же, этого было достаточно для беспризорника. Это кормило его и поддерживало в нем гордость все эти годы. Теперь он был молодым человеком, четырнадцати лет - или почти четырнадцати. Артемис не помнил точно дату своего рождения, помнил только, что это было перед коротким сезоном дождей, когда обстановка у него дома была не так ужасна.

И снова молодой человек вытряхнул из головы нежелательные мысли. Он решил, что ему четырнадцать; как бы в подтверждение этого он посмотрел на свое прекрасно тренированное, гибкое тело, весящее едва ли шестьдесят килограмм, но каждый дюйм которого был покрыт тугими мышцами. Ему было четырнадцать, и он был справедливо горд, потому что выжил, и преуспел. Он инспектировал свою улицу, свои владения, и его маленькая грудь вздымалась. Даже старые пьяницы боялись его, обращаясь к нему с должным уважением.

Он это заслужил, и все в этом маленьком квартале Калимпорта - города, состоящего из тысячи таких маленьких трущоб, сгрудившихся вокруг беломраморных, отделанных золотом купеческих дворцов - уважали его и боялись.

Все, кроме одного.

Новый бандит, молодой человек, вероятно тремя или четырьмя годами старше Артемиса, объявился в начале недели. Не спросив разрешения у Артемиса, он начал грабить бродяг, и даже являться в дома при свете дня и терроризировать жителей.

Пришелец заставлял "подопечных" Артемиса готовить ему еду или предоставлять другие "лакомства".

Это злило Артемиса больше всего. У Артемиса не было ни любви, ни уважения к простому народу его "королевства", но он встречал людей, подобных этому бандиту и раньше - как в своем ужасном прошлом, так и в тревожных ночных кошмарах. По правде сказать, на улице двум головорезам места хватало. За пять дней, что новый бандит был тут, они с Артемисом даже ни разу не встретились. И, конечно, ни один из несчастных информаторов Артемиса не просил защиты от новой напасти. Никто из них не осмеливался даже заговорить с юношей, если он не задавал прямого вопроса.

Но оставался еще вопрос чести, и его нельзя было отбросить.

Артемис выглянул из-за угла хижины, осматривая грязную улицу. - Точно по расписанию, - прошептал он, когда пришелец показался на другом конце относительно прямой дороги. - Предсказуем, - Артемис презрительно скривил губы, предсказуемость - это слабость. Это следовало запомнить.

У бандита, как и у самого Энтрери, были темные глаза, и волосы черные как воды Кандадского Оазиса, настолько черные, что отливали всеми цветами радуги. Уроженец Калимшана, решил Артемис, вероятно, человек не сильно отличавшийся от него самого.

Какое мучительное прошлое толкнуло захватчика на его улицу? размышлял юноша. Для сочувствия не может быть места, одернул себя Артемис. Жалость приводит к смерти.

Сделав глубокий вдох, Артемис вновь сосредоточился и стал равнодушно смотреть, как пришелец повалил на землю шатающегося старика и рывком сорвал потертый кошелек несчастного. Очевидно не удовлетворившись скудным содержимым, молодой человек оторвал полусгнившую доску от ближайшей лачуги, и с размаха ударил свою жалкую жертву по лбу. Старик жалобно заскулил, но бандит ударил снова, разбив ему нос. Старик стоял на коленях, яркая кровь текла по лицу, он плакал и умолял, но получал удар за ударом, пока не уткнулся разбитым лицом в грязь, заглушившую его всхлипы.

Артемис не испытывал жалости к старому бродяге. Однако его возмущало то, что старик признал хозяином этого пришельца, который явился незванным во владения Артемиса Энтрери.

Энтрери опустил руки в карманы, нащупывая единственное оружие, которое он озаботился носить с собой - две пригоршни песка и камень с острым краем. Он вздохнул, чувствуя трепет возбуждения от предстоящей битвы, и понимая ее неизбежность. Он собрался выйти из-за угла, но помедлил, проверяя свои чувства. Он был хищной кошкой, хозяином здешних мест, и он законно защищал свои владения. Но было грустно оттого, что ничего нельзя изменить.

Где-то в глубине, загнанное, запечатанное испытанными им ужасами, жило чувство, что так не должно быть. Но осознание этого не отвратило его от предстоящей драки. Наоборот оно еще больше разозлило его.

Животное рычание сорвалось с его губ, когда Артемис выступил из-за хибары на открытое место, прямо на пути врага.

Тот остановился, также разглядывая своего соперника. Конечно, он знал об Артемисе, точно также как тот знал о нем.

- Наконец-то, ты показался, - самоуверенно произнес пришелец. Он был крупнее стройного Артемиса, и его фигура не была отягощена лишним весом. Его плечи были накачены возрастом, большим количеством лет тяжелой жизни. Мышцы его, хотя и не были массивными, переплетались как крепкие веревки.

- Я искал тебя, - сказал он, медленно приближаясь. Его неторопливость предупредила наблюдательного Артемиса, что под напускной храбростью парень нервничал сильнее, чем хотел показать.

- Я не прятался, - ответил Артемис, - ты мог найти меня в любое время.

- С какой стати?

Артемис обдумал глупый вопрос, и пожал плечами, решив не достаивать хвастливую реплику ответом.

- Ты знаешь, зачем я здесь, - сказал, наконец, парень, более резким тоном, что лишний раз указывало на то, что его нервы были на пределе.

- Забавно, я думал это я нашел тебя, - ответил Артемис старательно пряча озабоченность тем, что этот негодяй пришел на его улицу, с целью более важной, чем он предполагал.

- У тебя не было выбора, - твердо заявил захватчик.

Вот опять, намек на более глубокий смысл. И Артемису пришло в голову, что этот мужчина, ибо он был действительно мужчина, а не уличный беспризорник, уже должен быть выше того, что бы заявлять свои права на такую убогую территорию. Даже если он был новичком в деле, эта линия поведения не подходила взрослому бандиту. Он должен быть связан с одной из многих воровских гильдий в этом городе воров. Тогда, почему он пришел? И почему один?

Может, его вышвырнули из гильдии?

На мгновение Артемис испугался, что такой противник ему не по зубам. Его оппонент был взрослым, и, вероятно, опытным вором. Энтрери отбросил эту идею, как не здравую. Молодых выскочек не "вышвыривали" из воровских гильдий Калимпорта; они просто исчезали - и никто не задумывался об их внезапном отсутствии. Но этот соперник, очевидно, не был ребенком, в одиночку вышедшим в жизнь.

- Кто ты? - прямо спросил Артемис. И тут же пожалел о сказанном, опасаясь, что невольно открыл негодюю свою слабость. Артемис был абсолютно одинок в этом мире. Вокруг него не было никакой организации, никаких союзников, представляющих хоть какую-то ценность, и он мало понимал о том, кто действительно правит Калимпортом.

Бандит усмехнулся, и долгое время изучал своего противника. Артемис был мал, и, вероятно, быстр и опасен в драке, как и указывалось в сообщениях гильдии. Он стоял спокойно, ладони все еще в карманах потрепанных штанов, его голые смуглые руки были маленькими, но мышцы были неплохо развиты. Бандит знал, что у Артемиса нет союзников, ему сказали об этом, перед тем как послать сюда. Тем не менее, этот паренек - а в глазах опытного вора Артемис был действительно ребенком - стоял легко и казался спокойным не по годам. Но мужчину беспокоило другое.

- У тебя нет оружия? - с подозрением спросил он.

И, опять, Артемис в ответ лишь пожал плечами.

- Ну, ладно, - сказал головорез твердым тоном, как будто только что принял решение. Чтобы подчеркнуть это, он взял доску, с которой все еще капала кровь старика и, резким движением, поднял ее к плечу. Поднял, как понял Артемис, в более удобную позицию. Бандит был едва в шести метрах, когда начал движение к нему.

В этот момент Артемис понял, что за происходящим скрывается нечто большее, и захотел выяснить правду.

Три метра.

Артемис продолжал стоять в уверенной и спокойной позе, но его мускулы напряглись.

Мужчина был не более чем в полутора метрах от него. Рука Энтрери выскочила из кармана, швырнув облачко мелкого песка.

Дубинка ушла вверх, и человек отвернул голову, смеясь.

- Пытаешься ослепить меня горсткой песка? - спросил он с издевкой. - Как умно, пустынный воин догадался использовать песок!

Конечно, это был пресловутый "старейший трюк" в толстой книге по технике коварного уличного боя любого калимшанского плута. За ним последовал второй старейший трюк, когда Артемис снова запустил руку в карман и кинул вторую горсть песка.

Бандит смеялся, уже закрывая глаза, отводя от себя атаку. Он быстро моргнул, всего на мгновение, на долю секунды. Но этого мига хватило, что бы одинаково хорошо владеющий обеими руками Артемис, извлек из кармана левую руку и метнул острый камень. У него была лишь одна возможность, миг, квадратный дюйм мишени. Он должен быть безупречен - это стало принципом жизни Артемиса, с тех пор как он был ребенком, с тех пор как он вышел в пустыню, которая не прощает малейших ошибок.

Острый камень просвистел мимо поднятой дубины и ударил бандита по шее, чуть в стороне от центра. Он рассек дыхательное горло и отклонился налево, разрезав стенку артерии, прежде чем отскочить в воздух.

- Чч...? - начал бандит, и остановился, явно удивленный любопытным присвистом, неожиданно появившимся в его голосе. Кровь фонтаном забила из гола, заливая щеку. Свободной рукой он схватился за рану, пытаясь пальцами зажать ее, остановить поток. Он еще сохранял хладнокровие, держа свою импровизированную дубину, чтобы не дать Артемису возможности подойти, хотя юноша уже убрал руки в карманы и не двигался.

Он был хорош, решил Артемис, искренне аплодируя спокойствию человека продолжающего защищаться. Он был хорош. Но Артемис был безупречен.

Поток крови почти остановился, но артерия была перерезана, а с ней и дыхательное горло.

Бандит зарывал, приближаясь. Артемис даже не шелохнулся.

Бандит внезапно остановился, широко раскрыв темные глаза. Он пытался заговорить, но лишь выплюнул яркий сгусток крови. Он попытался вдохнуть, но вновь лишь забулькал - его легкие быстро наполнялись кровью - и упал на колени.

Умирал он долго. Калимпорт был безжалостным местом. Нужно быть безупречным.

- Неплохо, - слышался голос слева.

Артемис обернулся и увидел двух человек, небрежно выходящих из узкого прохода. Он сразу понял - это были воры, вероятно, члены гильдии. Артемис был уверен, что только наиболее умелые мошенники могут подойти так близко к нему незамеченными.

Артемис поглядел на труп у своих ног, и в его голове завертелись тысячи вопросов. Тогда он понял с холодной уверенностью, что это была не случайная встреча. Бандита, которого он убил, подослали к нему.

Артемис усмехнулся, скорее, насмешливо фыркнул, и метким пинком отправил кучку грязи на лицо покойника.

Не будешь безупречен - и тебя убьют. Безупречных, как Артемис скоро выяснил, приглашают в воровскую гильдию.

Артемис с трудом привыкал к тому, что любая еда была доступна по мановению руки. Еще ему предоставили мягкую постель, но он побоялся, что такая роскошь расслабит его. Ночью он спал на полу.

Тем не менее, это было важно. Артемиса мало заботили богатства и удовольствия, но ему было очень важно, что ему их предлагали.

Это было преимущество членства в Кликке Бассадони, одной из наиболее влиятельных воровских гильдий города. На самом деле преимуществ было много, но для такого независимого молодого человека, как Артемис Энтрери, недостатков было не меньше.

Лейтенант Тиблис Роюзет, которого паша Бассадони назначил персональным наставником Энтрери, был одним из них. Он олицетворял тех людей, к которым Энтрери испытывал отвращение: обжора и лентяй. Его тяжелые веки, вечно слипались. Его зловонные коричневые волосы, вьющиеся от природы, были слишком сальными и грязными, чтобы торчать. На его рубаше всегда виднелись остатки последних четырех обедов. Тиблис ничего не делал быстро, кроме одного движения, которым он отправлял последнюю пригоршню еды в свои чавкающие челюсти, но в интеллектуальном плане мужик был проницателен и опасен.

А еще он был садистом. Несмотря на явные физические ограничения, Тиблис занимал второе, после паши Бассадони, место в иерархии гильдии, вместе с полудюжиной других лейтенантов.

Артемис ненавидел его. Тиблис раньше был торговцем, и, как многие другие поставщики Калимпорта, нажил себе неприятности с городской стажей. Тогда Тиблис использовал свое богатство, что бы купить себе место в гильдии и уйти в подполье, избежав, таким образом, ужасных тюрем Калимпорта. Видно, это богатство было немаленькое, чтобы паша Бассадони принял этого опасного слизняка в гильдию, не говоря уже о том, что бы назначить его лейтенантом.

Артемис был достаточно сообразителен, что бы понять, что Бассадони выбрал садиста Тиблиса, его персональным наставником, для настоящей проверки верности новой "семье".

Тяжелейшей проверки, осознал Артемис. Он стоял, облокотившись на обтесанную каменную стену комнаты в подвале гильдии, скрестив руки на груди, и нетерпеливо постукивая пальцами в толстых перчатках. Чем дальше, тем сильнее он скучал по своей улице, скучал по тем дням, когда он ни слушался никого, кроме себя, и своих инстинктов выживания. Те дни закончил хорошо нацеленный бросок острого камня.

- Ну? - снова напомнил Тиблис, опять пришедший с неожиданной проверкой. Он извлек что-то довольно большое из своего широкого плоского носа. Как и все остальное, что попадало в его пухлые, похожие на детские, ручонки, это быстро отправилось в рот.

Артемис не пошевелился. Он перевел глаза с Тиблиса на пятидесяти литровый стеклянный ящик на другом конце плохо освещенной комнаты. Эта комната находилась почти на десять метров под землей, но она была сухой и пыльной.

Покачиваясь на каждом шагу, толстый лейтенант подошел к ящику. Артемис послушно последовал за ним, но только после быстрого кивка мошеннику, сторожившему дверь, тому самому вору, что встретил Артемиса на улице после убийства бандита. Этот человек по имени Танцор был другим слугой Тиблиса, и одним из многих приятелей, которых молодой Артемис завел, попав в гильдию. Танцор кивнул в ответ и выскользнул из комнаты.

Он мне доверяет, подумал Артемис. За это он считал Танцора дураком.

Артемис поравнялся с Тиблисом возле ящика. Толстяк внимательно смотрел на маленьких оранжевых змей, сплетающихся внутри.

- Прекрасные, - сказал Тиблис. - Такие гибкие и изящные, - он посмотрел на Артемиса из-под набрякших век.

Артемис не мог с ним не согласиться. Это были Тесальские гадюки, смертоносные "Два-Шага". Если такая укусит, человек завопит, пройдет два шага и упадет замертво. Действенно. Прекрасно.

Доить яд из ужасных гадюк, даже в толстых перчатках, было незавидным заданием. Но, похоже, у гнусного Тиблиса Роюзета был пунктик - никогда не давать Артемису простых поручений.

Тиблис долго глядел на движение змей, потом снова взглянул вправо. Он с трудом подавил свое удивление, когда понял, что Артемис неслышно обошел вокруг него к дальнему концу комнаты. Он повернулся к молодому мошеннику и, скривившись, тихо хохотнул, этот пущенный свысока смешок остро напомнил Артемису, что он здесь всего лишь подчиненный.

И в этот момент Тиблис увидел вращающийся столик, частично скрытый ширмой. Удивление на мгновение отразилось на его заплывшем лице, потом он одернул себя и успокоился.

- Твоих рук дело? - спросил он, приближаясь к ширме, указывая на маленький круглый стол со стеклянной столешницей, с каждой стороны которого было по большому рычагу.

Артемис медленно повернулся и посмотрел через плечо на Тиблиса, но не удосужился ответить. Артемис был сборщиком яда. Естественно стол был "его рук делом". Кто еще, кроме его жирного начальника, захочет приходить в эту комнату?

- Ты нашел много союзников среди низших членов гильдии, - заметил Тиблис. Из всего, что Артемис от него слышал, это наиболее походило на похвалу. На самом деле Тиблис действительно был под впечатлением. Это было прямо-таки героической ловкостью со стороны новичка, что бы передвинуть имеющий дурную репутацию вращающийся столик в удобное, тихое место. Но, немного поразмыслив, Тиблис не особо удивился. Этот обаятельный юноша, обладал характером, внушавшим уважение головорезам гораздо старше него.

Да, Тиблис знал, что Артемис Энтрери не был обычным малолетним карманником. Он может стать великим вором, одним из самых лучших. Он может принести Клику Бассадони огромную выгоду. Или может причинить серьезные неприятности.

Не оборачиваясь, Артемис перешел комнату и сел на одно из двух кресел, поставленных с противоположных сторон вращающегося стола.

Конечно, это не было полной неожиданностью. Тиблис пережил несколько подобных сцен с юнцами, проходившими у него жестокое обучение. Более того, молодой Артемис уже, несомненно, знал, что это Тиблис послал в труппы бандита, который бросил вызов подростку. Тиблис догадывался, что Танцор уже рассказал Энтрери об этом. Он сделал себе заметку поговорить с Танцором, когда закончит с Энтрери. Тихо посмеиваясь, толстяк прошелся по комнате и встал возле сидящего воришки. Он увидел, что четыре стакана, стоящих в равномерных углублениях по периметру стола, были до половины налиты прозрачной водой. В центре стола стоял пузырек из-под яда.

- Надеюсь, ты понимаешь, что я близкий друг паши Бассадони, - сказал Тиблис.

Я понимаю, что если ты сядешь в это кресло, ты добровольно примешь вызов, - ответил Артемис. Он протянул руку и убрал пузырек. По четким правилам состязания, на столе не должно быть ничего лишнего, только четыре стакана.

Тиблис затрясся от смеха, но Артемис ничего другого и не ожидал. Артемис знал, что у него нет права на такой вызов. Но он испытал некоторое облегчение, когда Тиблис похлопал его по плечу и начал обходить стол. Толстый лейтенант остановился и, как будто что-то заметив, внимательно посмотрел в каждый стакан.

Он блефует, убеждал себя Артемис. Яд Тесальской гадюки был абсолютно прозрачен, как вода.

- Ты налил достаточно? - абсолютно спокойно спросил Тиблис.

Артемис не пошевелился. Он знал, так же как и толстый лейтенант, что было достаточно одной капли.

- И ты отравил только один стакан? - задал Тиблис еще один риторический вопрос, потому что правила этого состязания были четко определены

Тиблис сел в предложенное кресло, по-видимому, принимая вызов. Спокойствие Артемиса чуть не дало трещину, и он едва сдержал вздох облегчения. Лейтенант мог отказаться, он мог приказать выволочь Артемиса из зала и выпотрошить его за одну только мысль о том, что он достоин бросить вызов вышестоящему члену гильдии. Но Артемис подозревал, что жестокий Тиблис не пойдет таким простым путем.

Тиблис ненавидел его так же сильно, как и он ненавидел Тиблиса, и он делал все что мог, чтобы подпитывать эту ненависть в течение последних нескольких недель.

- Только один? - опять спросил Тиблис.

- А это имеет значение? - ответил Артемис, полагая себя умным. - Один, два или три отравленных напитка - мы рискуем одинаково.

Лицо толстого лейтенанта приняло кислое выражение.

- Это Стол Четвертей, - сказал он снисходительно. - Четверть. Одна четвертая. Это правило. Когда столешница раскрутится у каждого из нас есть один шанс из четырех глотнуть отравленного питья. И по правилам может быть отравлен только один стакан, и только один из участников может умереть.

Отравлен только один, - подтвердил Артемис.

- Это яд Тесальской гадюки, и только он? -

Артемис кивнул. Такому настороженному сопернику, как молодой плут, заданный вопрос мгновенно раскрыл тот факт, что Тиблис не боится этой отравы. Конечно, он не боялся.

Тиблис кивнул в ответ и сделал серьезное лицо.

- Ты уверен в том, что делаешь? - голосом, полным торжественной важности, спросил он.

Артемис не упустил из виду скрытый смысл слов опытного убийцы. Тиблис претворялся, что хочет дать ему возможность передумать, но это была всего лишь уловка. И Артемис стал подыгрывать. Он нервно огляделся, а на его лбу показались капли пота.

- Может быть... - начал он осторожно, делая вид, что не уверен в себе.

- Да? - подсказал Тиблис после долгой паузы.

Артемис начал вставать, как если бы он действительно передумал бросать такой вызов. Тиблис остановил его резким словом. Выражение удивления на юном и таком хрупком лице Артемиса казалось искренним.

- Вызов принят, - зарычал лейтенант. - Ты не имеешь права передумать. -

Артемис упал в кресло, схватил край стола и сильно рванул. Столешница, как рулетка, тихо и плавно завертелась на центральной оси. Артемис взялся за длинный рычаг у своего бока, один из тормозов стола, и Тиблис, самодовольно улыбаясь, сделал то же самое.

В этой игре нервов, Тиблис, сцепившись взглядами с Артемисом, в первый раз, начал подозревать всю опасность своего юного противника. В этот момент Тиблис оценил чистейшее коварство безжалостного Артемиса Энтрери. Но он не боялся, не расслабился, и заметил легкое движение глаз Артемиса, указывавшее на то, что юноша следил за вертящимися стаканами более внимательно, чем хотел показать.

Артемис поймал незначительное мерцание, неуловимую вспышку, отблеск с поверхности стола, затем вторую. Задолго до того как Тиблис навестил его, он слегка поцарапал край одного из стаканов. После этого Артемис старательно выравнивал стол и свое сидение. С каждым вращением крохотная насечка на стакане отражала мерцание факела горящего в ближайшем канделябре - но только для его глаз.

Артемис тихо считал время пролетающее между вспышками, оценивая скорость движения стола.

- Почему ты так рискуешь? - спросил настороженный Тиблис, пытаясь сломить концентрацию юноши. - Неужели ты так меня возненавидел за несколько коротких недель?

- За несколько долгих месяцев, - поправил Артемис. - Но вообще-то еще раньше. Моя драка на улице не была случайностью. Это была подстава, проверка, между мною и человеком, которого я должен был убить. И это устроил ты. -

То, как Артемис описал своего противника "человек, которого я должен был убить", указало Тиблису на мотивацию юноши. Незнакомец на пыльной улице, скорее всего, был первой жертвой Артемиса Энтрери. Лейтенант улыбнулся про себя. Некоторые слабаки находят, что убийство трудно принять. Либо первое убийство, либо неизбежная дорога, на которую оно привело молодого человека, не нравились Энтрери.

- Мне нужно было узнать чего ты стоишь, - сказал Тиблис, признавая свое участие. Но Артемис уже не слушал его. Молодой мошенник снова погрузился в трудно уловимое наблюдение за вертящимися стаканами.

Тиблис отпустил свой тормоз, заметно замедляя вращение. Ось была хорошо смазана - некоторые даже утверждали, что не обошлось без магии - столешнице не нужно было сильного толчка, что бы продолжать вертеться.

Артемис не выказал ни малейшего беспокойства от внезапного изменения скорости. Он оставался полностью сосредоточен и снова начал считать. Помеченный стакан отблескивал точно на одну восьмую окружности от кресла Тиблиса. Артемис настроился на ритм, что бы каждый полный поворот происходил на счет восемь.

Он увидел вспышку, сосчитал до девяти и резко потянул тормоз. Столешница резко остановилась, жидкость в стаканах заплескалась, капли разбрызгались по столу и по полу.

Тиблис уставился на стакан перед собой. Он подумал, что надо указать молодому воришке на то, что он не понимает должного протокола вращающегося стола, ибо предполагалось, что тормозить надо медленно, по очереди, и окончательная остановка делается вызванной стороной. Толстый лейтенант решил не делать из этого проблемы. Он знал, что его провели, но не волновался. Он ожидал этого вызова уже почти десять дней, и у него в крови было достаточно противоядия, что бы противостоять яду сотни Тесальских гадюк. Он поднял свой стакан. Артемис сделал то же, и вдвоем они сделали по большому глотку.

Прошло пять секунд. Десять.

- Что ж, - начал Тиблис, - похоже, что никто из нас не нашел сегодня смертельную четверть. - Он вытащил свою огромную тушу из кресла, - Конечно, о твоей наглости будет полностью рассказано паше Бассадони.

Лицо Артемиса ничего не выражало. Он не дрогнул. Тиблис подумал, что молодой мошенник скрывает свое удивление, или, что он кипит от злости, или пытается вычислить, как ему избежать этого нежданного бедствия. Секунды бежали, и спокойствие юноши начинало нервировать толстого лейтенанта.

- Ты получил одну попытку, - неожиданно громко огрызнулся Тиблис, - Я жив и таким образом ты проиграл. Готовься дорого заплатить за свою дерзость.

Артемис не пошевелился.

“Весьма неплохо, для юного выскочки”, подумал Тиблис прищелкнув пальцами. Уходя, он стал обдумывать множество способов наказать мальчишку.

Как восхитительна будет эта пытка, и на этот раз Бассадони не сможет его остановить. Глава гильдии, который по оценке Тиблиса, сделался к старости слишком мягким, много раз вмешивался, защищая Энтрери, и останавливая Тиблиса, когда узнавал, что толстый лейтенант планирует жестокое наказание для молодого новичка. Но только не на этот раз. В этот раз Бассадони не сможет вмешаться. На этот раз Энтрери точно заслужил наказание.

Первое куда направился Тиблис, придя в свои роскошные апартаменты, это набитый доверху буфет. Известно, что сыворотка от яда Тесальской гадюки, вызывает сильный голод после его принятия, а Тиблиса никогда не нужно было уговаривать поесть. Он извлек двухслойный пирог, огромную, посыпанную сахаром выпечку, украшенную самыми сладкими фруктами.

Он взял нож, что бы отрезать кусочек, но пожал плечами и решил съесть пирог целиком. Обоими руками он потянул пирог ко рту.

- Сообразительный парнишка, - поздравил Тиблис своего подопечного, возвращая пирог на стол. - Хитрость внутри хитрости, притворство внутри притворства! Конечно, ты знал эффект противогадючьей сыворотки. Конечно, ты знал, что я сразу побегу к своему буфету! И у тебя было время, не так ли, Артемис Энтрери? Умный паренек!

Тиблис посмотрел в окно, и уже собрался выкинуть пирог на улицу. Пусть бездомные бродяги найдут ошметки и съедят, и все попадают замертво! Но пирог был великолепен. Он не мог его выбросить, и он был так голоден.

Вместо этого он прошел в глубь комнаты к своему бюро. Он тщательно отпер защищенный ловушкой ящик, проверил восковую печать, чтобы убедиться, что никто не лазил сюда до него, что Артемис не испортил его запасы. Удостоверившись в этом, Тиблис открыл секретное отделение в дне ящика и извлек оттуда очень ценный флакон. В нем была янтарного цвета жидкость, магическое снадобье, которое нейтрализует любой яд, принятый человеком. Тиблис посмотрел обратно на пирог. Был ли Артемис так умен, как казалось Тиблису? Понимал ли молодой мошенник концепцию хитрости внутри хитрости?

Тиблис вздохнул и подумал, что Артемис мог оказаться настолько сообразительным. Флакон с универсальным противоядием стоил очень дорого, но пирог выглядел так аппетитно!

- Я заставлю Артемиса Энтрери заплатить за другой флакон, - решил оголодавший лейтенант, проглатывая противоядие. Он протопал по комнате и откусил маленький кусочек от края пирога, пробуя на вкус. Пирог был действительно отравлен. Опытный Тиблис сразу догадался об этом по едва заметному кислому привкусу.

Лейтенант знал, что противоядие с этим справится, не позволит юному выскочке провести его с такой прекрасной едой. Он потер свои пухлые ручки и взял пирог. Он давился, заглатывая огромные куски, вылизывая серебряную тарелку.

Той же ночью Тиблис умер страшной смертью. Он проснулся в страшной агонии. Его внутренности горели огнем. Он пытался позвать на помощь, но захлебнулся кровью.

Слуга нашел его на следующее утро, со ртом полным свернувшейся крови, подушка была в коричневатых пятнах, живот был покрыт воспаленными синими рубцами. Многие в гильдии слышали от Танцора про брошенный вчера вызов, и, таким образом, вывод о причастности молодого Артемиса Энтрери напрашивался сам собой.

Молодого ассассина поймали на улицах Калимпорта только через десять дней, но он заставил побегать всю разветвленную шпионскую сеть могущественной гильдии паши Бассадони. Он был скорее спокоен, нежели напуган, когда два дородных убийцы раздраженно вели его обратно в здание гильдии.

Артемис верил, что Бассадони накажет его, может быть даже убьет, но знание того, что Тиблис Роюзет умер в муках, этого стоило.

Он никогда раньше не бывал в верхних палатах гильдии, никогда не мог представить какие богатства находятся там. Прекрасные женщины, сверкающие драгоценностями, бродили по комнатам. Огромные мягкие лежа и разбросанные везде горы подушек, и, за каждой третьей аркой - ванны с теплой надушенной водой.

Весь этот этаж был местом, посвященным всевозможным наслаждениям. И все же Артемису оно казалось скорее опасным, чем соблазнительным. Его целью была безупречность, а не удовольствие. Это место делало человека мягким.

Он был несколько удивлен, когда, наконец, оказался перед пашой Бассадони. Артемис первый раз по настоящему встретился с ним. Маленький кабинет Бассадони был единственной на этом этаже комнатой, не захваченной комфортом. Немного простой мебели - деревянный стол и три незамысловатых стула.

Паша соответствовал своему кабинету. Он был миниатюрным человеком, старым, но полным достоинства, скромно и не броско одетым, седые волосы тщательно уложены. Его взгляд, как и его осанка, были идеально прямыми.

Почти сразу Артемис понял, что этого человека нужно уважать, даже бояться. Смотря на пашу, Артемис в который раз задался вопросом, как не к месту был здесь такой слизень как Тиблис Роюзет. Энтрери догадался, что Бассадони должно быть глубоко ненавидел Тиблиса. Эта идея подарила ему надежду.

- Так ты признаешь, что сжульничал за Столом Четвертей? - спросил Бассадони, специально затянув паузу, после того как изучил Артемиса также внимательно, как и тот изучал его.

- Разве это не часть состязания, - быстро нашелся Артемис.

Бассадони хихикнул и кивнул.

- Тиблис ожидал, что я буду жульничать, - продолжал Артемис. - Флакон из-под универсального противоядия был найден в его комнате.

- А ты его испортил?

- Нет, - честно ответил Артемис. Озадаченное выражение лица Бассадони побудило молодого плута продолжать.

- Противоядие сработало, как и предполагалось, и пирог был действительно отравлен, - признал Артемис.

- Но... - проговорил Бассадони.

- Но ни одно противоядие в Калимшане не защитит от толченого стекла.

Бассадони покачал головой.

- Хитрость на хитрость внутри хитрости, - сказал он. - Притворство на притворстве внутри притворства. - Он с любопытством поглядел на умного парня. - Тиблис был способен мыслить до третьего уровня обмана, - рассудил он.

- Но он не верил, что я могу, - быстро отпарировал Артемис. - Он недооценил своего противника.

- И, таким образом, заслужил смерть, - после небольшой паузы подвел итог Бассадони.

- Вызов был принят добровольно, - быстро заметил Артемис, напоминая старому паше, что любое наказание по законам гильдии будет несправедливо.

Бассадони откинулся на стуле, постукивая кончиками пальцев друг о друга. Он смотрел на Артемиса долго и внимательно. Молодой ассассин рассуждал достойно. Но он уже почти приказал убить Артемиса, ясно видя жестокость и абсолютное отсутствие сострадания в его черном сердце. Он понимал, что никогда не сможет полностью доверять Артемису Энтрери, но также он понимал, что молодой Артемис вряд ли обернется против него, старика и потенциально ценного учителя, если только он сам не вынудит его. Бассадони также знал насколько ценным имуществом является такой умный и хладнокровный убийца, каким может стать Артемис Энтрери - особенно когда еще пять честолюбивых лейтенантов дерутся за место главы гильдии, в надежде что он скоро умрет.

“Возможно, я, все же, переживу этих пятерых”, с легкой улыбкой подумал паша. Артемису же он сказал - Я не буду тебя наказывать –

Артемис не выдал своих эмоций.

- Ты действительно хладнокровный негодяй, - продолжил Бассадони, не удержав улыбки, с искренней симпатией в голосе. – Теперь оставь меня, Лейтенант Энтрери. - он махнул старческой рукой, как будто все происходящее ему наскучило.

Артемис собрался уйти, но остановился и оглянулся, только сейчас понимая значение того, как обратился к нему Бассадони.

Два дюжих охранника по бокам от новоиспеченного лейтенанта тоже это поняли. Один из них обеспокоено ошетинился, уставившись на молодого человека. Лейтенант Артемис Энтрери? казалось недоверчиво спрашивало суровое выражение его лица. Мальчишка, в половину его ростом, попавший в гильдию всего несколько месяцев назад. Ему же всего четырнадцать лет!

- Наверное, первой моей обязанностью будет проследить за продолжением твоего обучения, - сказал Артемис, холодно смотря в лицо качка. - Ты должен научиться лучше скрывать свои чувства.

Момент злости сменился у человека откровенным ужасом, когда он, в свою очередь, посмотрел в эти бессердечные расчетливые темные глаза, глаза слишком полные зла для того юного возраста, в котором находился Артемис Энтрери.

Ближе к вечеру Артемис Энтрери, вышел из здания гильдии Бассадони, чтобы совершить короткое путешествие, которого он долго ждал. Он вернулся на свою

улицу, на территорию, которую он выкроил среди нищеты Калимпорта. Пыльный оранжевый закат отмечал конец еще одного жаркого дня, когда Артемис повернул за угол и ступил на то же место, что и его жертва, тот бандит, которого Артемис вынужден был убить.

Артемис покачал головой, чувствуя себя полностью подавленным. Он выжил на этих улицах, пережил вызов, брошенный ему Тиблисом Роюзетом, и свой ответный вызов ему. Он выжил и преуспел, и стал полноправным лейтенантом в Клике Бассадони.

Медленно Артемис прогуливался по грязной дороге, скользя взглядом справа налево и обратно, как он делал когда-то, когда был здесь хозяином. Когда это были его улицы, когда жизнь была проста. Теперь его путь простирался перед ним, среди таких же вероломных людей, как и он. И всегда с этих пор он должен будет ходить, повернувшись спиной к стене - твердой стене, которую он уже проверил на наличие смертельных ловушек и секретных проходов.

Все это произошло так быстро, в течение всего нескольких месяцев. От уличного босняка до лейтенанта Клики Бассадони, одной из самых могущественных воровских гильдий Калимпорта.

И все же, смотря на дорогу, что привела его из Мемнона в Калимпорт, из его грязного переулочка в отделанные полированным мрамором покои воровской гильдии, Артемис Энтрери начал задумываться, не было ли это превращение куда менее чудесным. Ничто не случается так быстро, он шел к этому, казалось бы волшебному превращению, годами оттачивая свои уличные навыки, годами бросая вызов и побеждая жестоких людей, таких как Тиблис, старый развратник в караване или отец...

Шум со стороны привлек внимание Артемиса к боковой улочке, где шумно бегала стайка мальчишек. Половина чумазой толпы перебрасывала друг другу маленький камешек, в то время как другая половина пыталась его отобрать.

Артемис Энтрери испытал настоящий шок, когда осознал, что эти дети - его ровесники, а возможно даже немного старше. Это причинило боль.

Мальчишки вскоре скрылись за следующей хибарой, смеясь и крича, оставляя за собой облако пыли. Артемис выбросил их из головы, подводя итог, снова думая о том, чего он добился, и какие высоты славы и власти лежат перед ним. В конце концов, он купил себе право на такие темные мечты, ценою своей юности и невинности - тех ценностей, которых он не понимал, пока не растратил.

КРОВАВЫЙ СПОРТ

Кристи Голден

— Как я понимаю, ты привыкла находиться по другую сторону этих железных прутьев, — сказала женщина, которую называли Акулой. Холодными черными

глазами смотрела она через зарешеченное окно тюремной камеры Мистльдэйла. — Ведь ты была капитаном Наездников, да? Тебя называли Ринн «Законопослушной», верно? Ну да, это было до того, как ты предала тех людей, которых поклялась защищать.

Заключенная Ринн, лунный эльф с иссиня-черными волосами, не ответила. Только стиснутые руки, тонкие руки в железных наручниках, выдавали ее напряжение.

Акула открыла дверь ключом, который дал ей новый капитан Наездников. Высокая, мускулистая, небрежно прислонилась она к холодной каменной стене камеры. Взгляд эльфийской женщины стал враждебнее, хотя она отчаянно дрожала. На загорелом лице Акулы появилась злобная улыбка. Ее функциональная мужская одежда — шерстяная туника, брюки и плащ — хорошо согревала ее даже в середине месяца Молота. На Ринн Ориандис была только поношенная туника, которую до нее носили десятки арестантов. Ее кожа, бледная, как у тех, за кем приглашали охотиться Акулу, была покрыта мурашками.

Акула опустилась на колени, ее лицо оказалось в дюйме от лица Ринн.

— Все выплыло наружу, Ринн. Я хочу этого вампира.

— Меня не волнует, какую ложь тебе наговорили. Он заслуживал, чтобы его отпустили.

— Ах, вы, эльфы, защищаете друг друга, так? — Губы Акулы изогнулись в усмешке. — Я еще никогда не слышала об эльфе-вампире. Мне не терпится с ним повстречаться.

— Раса тут не при чем...

— Раса тут при всем! — оборвала ее Акула. — Во всяком случае, в том, что касается твоего поведения. Ты забыла только одно: это существо больше *не* эльф и потому не заслуживает твоего дурацкого покровительства. Он — вампир. Они — твари чистого зла. Они не знают расы, и единственное, чего они «заслуживают» — кол в сердце. Дай мне информацию, которую я хочу, или же я просто заберу ее у тебя.

Глаза Ринн остались твердыми.

— Пробуй меня как хочешь. Я не сломаюсь.

— А я не была бы в этом так уверена. Меня называют Акулой, потому что я — охотница за хищниками. Я сражалась с двадцатью двумя вампирами и бесчисленным множеством людей, и я каждый раз убивала. — В ее словах прозвучала гордость. — А теперь — она быстрым движением вцепилась Ринн в волосы — помоги мне, и ты сохранишь свой разум и, возможно, получишь свободу. Сражайся со мной — она сжала руку, и Ринн слегка охнула — и у тебя не будет ни того, ни другого.

Акула прочитала заклинание, пальцы с твердыми ногтями впились Ринн в голову. Ринн выгнулась от боли, зазвенели наручники, но сопротивляться она не могла. Акула вскрыла разум эльфийской женщины.

Чувства этой женщины были, очевидно, смущены волшебным очарованием вампира, потому что она видела в нем существо доброе и прекрасное, а вовсе не чудовище, которым он был на самом деле. Акуле уже случалось подобным образом читать разумы других, и всегда в памяти жертвы кровопийца оказывался просто святым. Акула сосредоточилась на внешности эльфа, его имени, его цели, а Ринн изо всех сил пыталась скрыть эту информацию. В ослабленном своем состоянии Ринн не

смогла вынести ментальное вторжение. Рот ее открылся в беззвучном крике, и она потеряла сознание.

Ей повезло больше, чем она думает, подумала Акула; если бы она сопротивлялась и дальше, попытка защитить вампира уничтожила бы ее разум.

Торжествующая Акула отпустила Ринн. Следуя минутной прихоти, она швырнула на пол рядом с эльфийской женщиной ключи. Может быть, Ринн придет в себя и освободится раньше, чем ее тюремщики это поймут. Может быть, она сумеет бежать. Может быть, ее убьют. Это не имеет значения. Акула накинула на голову капюшон и исчезла благодаря волшебству, заключенному в плаще. Спокойно вышла она из маленькой тюрьмы и прошла мимо двух стражников. Ее лошадь ждала за тюрьмой, там, где стражники ее не видели. Акула бесшумно села на лошадь и направилась к единственным воротам Мистльдэйла. Снег заглушил стук подков. Идиоты-стражники у ворот ничего не заметили.

В соответствии с тем, что удалось узнать у Ринн, чудовище хотело вернуться в Эвермит, на родину эльфов. Акула презрительно фыркнула. Этот кровосос что, действительно думал, что он сможет пересечь воду? Нет, ему придется остаться на Побережье Меча. Скорее всего, он в Глубоководье. Он уже опередил ее на три месяца. Чтобы догнать его, ей придется гнать изо всех сил.

Акула повернула лошадь на запад, в сторону города, известного как «Город роскоши», и яростно прищипорила животное.

Охота началась.

Из «Головы Орка» неслась веселая песня. Акула, в женской одежде выглядевшая обманчиво хрупкой, вошла в шумную таверну. Стряхивая снег с плаща, она оглядела веселую, слегка пьяную толпу и спокойно прошла к столику в уголке. Кровососа здесь пока не было, но она наводила справки, и ее заверили, что сегодня вечером он непременно придет.

Как только Акула села за столик, хорошенькая молодая официантка поставила перед ней пенящуюся кружку эля. Девушка была невысокой, но с округлой фигуркой и чудесными золотыми волосами.

— За счет заведения, — объяснила официантка. — Шаллен Ласкул — девушка кивнула на необыкновенно красивого юношу, окруженного веселыми приятелями — женится завтра. Он угощает всех в память о своем потерянном холостячестве.

— Ну что ж, за Шаллена и его невесту. Он, похоже, популярный молодой человек, — заметила Акула, надеясь втянуть официантку в разговор. Возможно, этот Шаллен знаком с кровососом.

— О, да. Очень дружелюбный. И талантливый. Говорят, что он делает самые симпатичные безделушки по эту сторону от Эвермита.

— Но он ведь и сам симпатичная безделушка, правда? — пошутила Акула. Не успела девушка открыть рот, как распахнулась дверь, и глаза официантки

вспыхнули радостью. Акула проследила за ее взглядом — и ее собственные глаза вспыхнули возбуждением.

Появился стройный эльф с большой корзиной в руках. Нажал на дверь, чтобы закрыть ее за собой. На нем поверх голубой туники был серый плащ, но волосы его были непокрыты — блестящие, присыпанные снегом пшенично-золотые волосы до плеч. Откинутый капюшон плаща не скрывал красивые черты и бронзовую кожу. Его глаза оглядели таверну с тонким вниманием, которое Акула узнала. Серебряный взгляд на секунду задержался на ней — и оставил ее.

Вот он, ее эльфийский вампир.

Она внимательно смотрела, как он изящной походкой подошел к свободному месту около двери и поставил свою корзину. И тут его заметил Шаллен.

— Ах, вот и вы! — счастливо вскричал молодой человек, высвобождаясь из толпы менее внимательных собеседников. — Кирра приказала мне уговорить вас непременно прийти завтра на свадьбу.

— Боюсь, не смогу, — ответил эльф. Жители Мистльдэйла не преувеличивали, когда описывали голос кровососа как нежный, подобный музыке. — Но вот это, возможно, сгладит горечь моего отказа.

Небольшим кинжалом он разрезал веревку на корзине и вытащил небольшую статую. Вырезанная из мягкой сосны, фигурка была не больше восьми дюймов высотой, но, как только эльф вытащил ее на свет, все глаза обернулись к нему и его работе.

На золотой его ладони стояла миниатюрная Ллийра, Наша Госпожа Радости. Она танцевала в откровенном веселье, ее длинные волосы развевались, сливаясь с кружащимся платьем. Одна рука была поднята и повернута ладонью вверх, а вторая обвивалась вокруг тела, следуя складкам одежды.

— Ее рука пуста, но вот здесь есть небольшая полость, — указал эльф. — Положи сюда какой-нибудь драгоценный камень, имеющий значение для вас с Киррой. Наша Госпожа Радости завтра будет присутствовать у вас на свадьбе вместо меня.

Голубые глаза Шаллена изумленно распахнулись, в них поблескивали слезы. Акула прищурилась. Как же легко было обмануть их всех — Ринн, Шаллена, и, возможно, эту маленькую официанточку, судя по тому, как рада была она приходу эльфа. Этот дар, как и вампир, который его сделал, был прекрасен, но, безусловно, очень опасен.

— Спасибо. Я... — У Шаллена перехватило горло, и он обернулся к стойке, смущенный своими чувствами.

— Слишком много выпил, — договорил за него приятель. Неловкое мгновение разрешилось смехом, и музыканты снова заиграли свою мелодию. Музыка была достаточно громкой, чтобы заглушить почти все разговоры в таверне, но Акула была готова подслушивать. Она опустила подбородок на ладонь, словно заслушавшись пения. При этом она поднесла к уху крохотный, великолепно выполненный рог — его легко было спрятать в ее черных пышных волосах. Она прошептала заклинание и отчетливо услышала голос официантки.

— Это, должно быть, заняло несколько месяцев! Что такого Шаллен сделал для вас, что вы дарите ему такую чудесную вещь?

Эльф оглянулся на ювелира.

— Он носит свою юность и счастье, словно красивое одеяние, не скрывает их и щедро делится со всеми. Это немало, Майя. А когда ты будешь выходить замуж, я подарю тебе и твоему мужу что-нибудь еще более красивое. Обещаю.

Майя ответила неуверенным смехом.

— Не знаю, будет ли у меня когда-нибудь муж.

Худенькими нервными руками девушка указала на свое тело, слишком зрелое для скромности, и на красивое лицо с выражением слишком жестким для невинности.

— Большинство мужчин предпочитают незанятую территорию, господин Джандер, а я больше похожа на их собственный задний двор.

Вампир накрыл рукой ее внезапно задрожавшие руки и ласково сказал:

— Ты уже говорила мне нечто подобное полгода назад, когда я нашел тебя в Городе Мертвых. Я тогда сказал тебе, что твое прошлое необязательно должно разрушать твое будущее. И я оказался прав — Курнин сразу же взял тебя на работу, верно?

На ее полных губах заиграла неуверенная улыбка.

— Да, — признала она. — Но, господин Джандер, никто из этих людей не знает, что я такое! — ее голос превратился в еле слышный шепот.

Дразнящее выражение лица эльфа сменилось суровым.

— Ты неправа, Майя. Они знают, что ты такое. Они не знают, чем ты *была*, а это больше не имеет никакого значения.

— Вы так думаете?

— Я знаю.

Как и Шаллен мгновение назад, Майя, казалось, вот-вот разрыдается. Она сморгнула слезы и позволила себе улыбнуться по-настоящему. Суровая маска исчезла, и на лице ее вспыхнула чистая, подлинная красота.

— Вы очаруете и птичек на ветках! — рассмеялась она, пытаясь разогнать мрачное настроение.

Как он, очевидно, очаровал тебя, подумала Акула с легким презрением. Очаровал, чтобы ты стала его следующим обедом.

Майя отправилась наполнять кружки празднующих, а эльф занялся своими делами. Он осторожно вытащил из корзины по меньшей мере дюжину небольших резных скульптур, перевернул корзину и расстелил на импровизированном столе свой плащ.

Сердце Акулы забилось сильнее в предвкушении. То, что она собиралась сделать, было рискованно, но это была часть смертоносной игры, которую она любила, игры, которая была ей необходима. Она встала и отправилась знакомиться со своей жертвой.

Вампир поднял голову, заметив, что на него упала тень. Акула заметила — словно бы ей нужны были дальнейшие доказательства — что неупокоенный в мигающем свете светильников сам не отбрасывал тени.

— Ваша работа впечатляет. — Она спокойно встретила взгляд серых глаз вампира. Пока что ни один кровосос не сумел ее зачаровать, но ей нравилась

флиртовать с возможной опасностью. К ее разочарованию, этот золотой вампир даже не попытался. Он просто продолжал расставлять фигурки на корзине.

— Благодарю вас.

— У вас свой магазинчик в Глубоководье?

— Я предпочитаю работать днем, а вечерами торговать в тавернах.

Еще бы, заметила про себя Акула. Она провела пальцем вдоль палубы крохотного, с невероятными подробностями сделанного эльфийского кораблика.

— Промочив глотки, люди охотнее расстанутся со своими деньгами, как я понимаю?

Он вежливо улыбнулся.

— Возможно. Вам нравится эта фигурка?

— Да, но у меня сейчас с собой недостаточно денег, — ответила Акула, притворившись разочарованной. — Нельзя ли мне завтра прийти к вам домой и купить ее?

— Я предпочитаю одиночество, когда работаю, — ответил вампир чуть-чуть торопливо. — Я вернусь сюда завтра вечером. Мне оставить ее для вас?

— Завтра вечером я занята, но я пришлю за ней одну из моих служанок. Кого ей спрашивать?

— Джандер Санстар, — ответил эльф. — А вы?

— Шакира Казаар. Спасибо, что согласились оставить для меня фигурку.

— Обычная деловая практика. Я не хотел бы потерять выгодную сделку, — ответил Джандер.

В этих серебряных глазах было странное выражение, и Акула почувствовала легкую тревогу. Она что-то сделала не так. Где-то она была неосторожна. Эта мысль была для нее как пощечина. Она улыбнулась, надеясь усыпить его подозрения, и почувствовала облегчение, когда он в ответ безыскусно, очевидно искренне улыбнулся — так же, как он на ее глазах улыбался другим, своим «друзьям». И все же, уходя, она чувствовала спиной его взгляд.

Выйдя из таверны, Акула перешла улицу и скользнула в аллею. Удостоверившись, что за ней не следят, она натянула на голову капюшон своего плаща. Сотканный и зачарованный ее собственными руками много лет назад, этот плащ не только делал ее невидимой, но и скрывал ауру, создаваемую теплом тела — нечто, что могут видеть вампиры. Ветер, усыпанный снегом, был силен, но она шла так, чтобы он дул прямо ей в лицо. Хотя теперь она была невидима и для людей, и для вампиров, она не хотела рисковать быть обнаруженной по запаху.

Ждать ей пришлось недолго. Скоро гостиница закрылась, и появился вампир. С ним была официантка Майя. Осторожно, бесшумно Акула направилась следом за ними. Она заметила, что Джандер нарочно оставляет следы в снегу, поддерживая иллюзию, что он всего лишь обыкновенный эльф. Слишком много кровососов, привыкших ходить, не оставляя следов, забывали об этой мелкой детали.

Майя и вампир тихонько беседовали, пока он провожал девушку до дома — до небольшой комнатки в двухэтажном здании над магазином портного. Акула ждала неизбежного. Глупая девчонка, загипнотизированная этим существом, непременно пригласит его зайти к ней. Ну конечно, он согласится, а там уж напьется досыта. Так происходило всегда, и Акула никогда не вмешивалась. Она усвоила после одного

особенно неприятного случая в Сюзейле, что не слишком мудро беспокоить питающегося вампира.

Ее ожидания оправдались. Майя пригласила вампира войти — привычно, словно часто так делала. Кровосос вежливо согласился. Акула ждала с привычным терпением, не обращая внимания на холод. В конце концов вампир вышел, спустился по лестнице и пошел вдоль улицы — по-прежнему не забывая оставлять следы. Охотница отправилась следом, слегка озадаченная. Вместо того, чтобы принять облик летучей мыши или расплыться туманом, Джандер предпочел остаться в облике эльфа и просто пойти пешком. Но он казался напряженным и часто оглядывался через плечо.

Внезапно она поняла: он думает, что за ним кто-то следит. Откуда он знает?

Акула снова стала припоминать встречу в гостинице и наконец поняла, почему у кровососа возникли подозрения. Она не спросила о цене фигурки. Стыд и страх обрушились на нее, горячая кровь прилила к невидимому лицу. Идиотка! беззвучно закричал ее разум. Как она могла так глупо проколоться? Ее неосторожность могла бы стоить ей жизни — и все еще может. В этот момент Джандер остановился и мгновение смотрел прямо на нее. Сердце Акулы замерло... Но нет, он ее не увидел. Кровосос повернулся и отправился дальше.

Наконец он остановился у маленького каменного особнячка на окраине города. И только когда Джандер вытащил ключ и отпер дверь, Акула с некоторым удивлением поняла, что это и есть дом вампира. Деревянная притолока и дверь были крепкими и в хорошем состоянии. Под заколоченными окнами стояли зимние скелеты розовых кустов, высаженные ровными рядами, тщательно подстриженные и укутанные. В последний раз встревоженно оглядев улицу, Джандер аккуратно стряхнул снег с ботинок и вошел внутрь.

Акула почувствовала вкус разочарования, словно пепел во рту. Какой интерес иметь дело с вампиром, который выращивает *розовые кусты* ? Какой азарт в сражении против такого слабого врага? Она-то думала, что нечто столь экзотическое, как эльф-вампир, должно было потребовать весь ее опыт без остатка, весь ум и все способности! Она почти собралась прямо сейчас войти внутрь и разделаться с этим существом — у нее было ощущение, что у нее при этом даже испарины не появится — но недавняя неосторожность удержала ее от этого шага. Завтра она придет и убьет его. Конечно, это нетрудно, но все же необходимо разработать запасной план — просто на случай, если что-нибудь пойдет не так.

С последним разочарованно-презрительным взглядом на уютный особнячок, служивший домом вампиру, она отправилась обратно в центр города. Этой ночью ей предстояло сделать еще одно дело.

Защищенная ото всех взглядов своим волшебным плащом, Акула пришла к особняку вампира на следующий день. Дом вампира был частью небольшого ряда домов, в которых, похоже, никого в это время не было: свадьба Шаллена Ласкула на

другом конце города действительно собрала кучу народу. Акула быстро и умело вскрыла замок и проскользнула внутрь. Закрыв за собой дверь, она постояла, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте, и огляделась.

На этом, нижнем этаже двухэтажного здания, она не увидела ничего зловещего, кроме наглухо заколоченных ставен да тщательно законопаченных щелей. Там был большой верстак, на котором были аккуратно разложены инструменты для резки по дереву. На полках терпеливо стояли незаконченные деревянные скульптуры. Там, где не было полок, на стенах были красивые рисунки или гобелены. В одном углу хранились тщательно смазанные кольчуга, меч и щит. Без сомнения, реликвии тех времен, когда вампир был живым существом. Каменный пол был посыпан свежими опилками. Из-за занавеси у дальней стены доносился слабый писк. Акула осторожно подошла к занавеси и отодвинула ее.

В большой клетке по полу кружили десятки крыс. Несколько мгновений она внимательно смотрела на них, зная, что иногда вампиры контролируют таких простых животных, но крысы вели себя вполне обычно. Сморщив нос от запаха, она отпустила занавесь.

— Закуска, — негромко сказала она. Большинство вампиров держало у себя под рукой нечто подобное.

Она поискала в деревянном полу спрятанные люки, но не нашла. Озадаченная Акула нахмурилась и взглянула на лестницу, которая вела на второй этаж. Большинство неупокоенных предпочитали прохладные, темные логова, подземные, если возможно. Акула пожала плечами. Наверху, внизу — для нее значения не имело. Она бесшумно поднялась на несколько ступенек, осторожно подняла голову и чуть не вскрикнула от удивления.

У этого вампира не было гроба. И он не лежал вытянувшись, с аккуратно сложенными на груди руками. Он спал, распростершись на полу, руки и ноги его были согнуты под неестественными углами. Прекрасные черты, улыбавшиеся прошлой ночью в свете светильников, были искажены чем-то вроде страха. На мгновение Акула заколебалась. Она еще никогда не видела, чтобы кровосос спал в таком положении. Может быть, она ошиблась?

Нет, решила она в следующее мгновение. Она никогда еще не ошибалась в том, что касалось кровососов. Она бесшумно поднялась по лестнице и осторожно подошла к Джандеру. Грудь его не шевелилась. Он, безусловно, был мертв — но почему такое положение? Потом до нее дошло. Кровососы спят в той же позе, в какой умерли, а большинство из них было положено в гроб и похоронено. Джандер Солнечная Звезда, очевидно, встретил свою вампирскую судьбу менее спокойным образом и не удостоился положенного погребального ритуала.

Она наклонилась вперед, чтобы получше разглядеть его, и капюшон упал ей на глаза. Она раздраженно сбросила капюшон на плечи, немедленно став видимой. Это не имело значения. Джандер, как и все кровососы, которых она убивала, был беззащитен, не только сражаться — двигаться-то не мог в дневное время. Он тоже умрет. Единственное, что ее сейчас занимало — как она его убьет. Ее сильные руки скользнули по широкому поясу, где она держала свои инструменты. Скорченное положение Джандера не давало ей возможности выстрелить наверняка из ее любимого оружия — маленького, специально сделанного арбалета, с которым

можно было справиться одной рукой. Придется обойтись традиционными инструментами — колом и молотком.

Слегка повернув неупокоенное тело, она приставила конец заостренного кола к его груди. Она подняла молоток и произнесла слова, которые всегда произносила, прежде чем убить:

— Акула посылает тебя в Девять Преисподних.

Потом разочарованным тоном произнесла:

— Это было слишком легко.

Золотистая рука схватила ее за левое запястье. На нее взглянули серебряные глаза.

— Не так-то легко, — ответил вампир.

Акула оправилась от потрясения почти мгновенно. Быстрым движением запястья она высвободила из рукава маленький стеклянный шарик. Внутри аккуратно выдутый шарика плескалась жидкость — святая вода. Она швырнула шарик вампиру в лицо, но он был невероятно быстр. Отпустив ее руку, собственной рукой он моментально заслонил лицо. Стеклянный шарик разбился, но, вместо того, чтобы обжечь его глаза, освященная вода обожгла ему пальцы.

Пока чудовище не расплылось туманом и не сбежало, Акула отскочила, вытащила из мешка за спиной арбалет, прицелилась и выстрелила. Гладкая деревянная стрела глубоко вошла вампиру в грудь. Его тело немедленно начало сохнуть; плоть ссохлась и из золотой стала темно-коричневой. Вздрагивая, он упал на колени на деревянный пол. Акула внимательно смотрела, наслаждаясь болью этого существа. Она не ожидала, что вампир сохранит столько от своей прежней расы, что сможет двигаться днем. Но она его достала, несмотря на...

Золотые руки сомкнулись на стреле, и Акула поняла, что, хотя деревянная стрела и ударила Джандера в грудь, а может быть, даже вонзилась в сердце, она не проткнула этот важнейший для вампира орган насквозь. Могучим рывком Джандер вырвал стрелу. Золотая окраска моментально вернулась к нему, и черты приняли свою обычную форму — но вот мягкости в его лице уже не было.

Акула рванулась к лестнице, Джандер в ярости бросился за ней. Она не смогла справиться с ним здесь, сейчас, и сосредоточилась на том, чтобы спасти собственную шкуру. За спиной она услышала жуткое рычание и поняла, что он принял облик волка. Она отпустила перила и скатилась по ступенькам на первый этаж, но острые зубы клацнули в нескольких дюймах от ее пальцев.

Она докатилась до пола, вскочила и побежала прочь от лестницы. Сунув левую руку в одну из сумочек на поясе, она достала липкую смесь экскрементов летучей мыши и серы.

— На двенадцать футов впереди, в трех футах от пола! — приказала она и указательным пальцем правой руки указала на дальнюю стену особнячка.

На кончике пальца у нее появился маленький огненный шарик и полетел к дальней стене, по пути разрастаясь. Врезавшись в стену, он взорвался и поджег множество прекрасных работ Джандера. В особнячок ворвался солнечный свет, и Акула головой вперед прыгнула в пролом.

Несмотря на толстый слой снега, упала она тяжело, и удар выбил воздух у нее из легких. На одно дикое мгновение она подумала, а может, этот вампир, вдобавок к

способности двигаться днем, еще и не боится солнечного света. Но Джандер не последовал за ней.

Акула перекатилась на спину, задыхаясь. Наконец она поднялась на ноги и посмотрела на дыру в стене. Его, конечно, не было видно; он прятался от обжигающего света. Она порадовалась, что прошлой ночью не пожалела времени, чтобы подготовить план как раз на такой случай.

— Вампир! — позвала она. Молчание. — Вампир! Я знаю, что ты меня слышишь!

— Я слышу тебя. — Тот же голос, что и прошлой ночью, мелодичный, но на этот раз в нем звучали боль и гнев. Это ей понравилось. Там, на втором этаже своего дома, он оказался для нее сюрпризом. Теперь у нее есть сюрприз для него.

— Майя у меня.

Молчание, потом:

— Ты лжешь.

— Я проследила за вами обоими от гостиницы прошлой ночью, потом вернулась назад и взяла ее.

Наградой ей было низкое рычание, и это ей понравилось еще больше.

— Не причиняй ей вреда... Пожалуйста. Она невиновна. Она обо мне ничего не знает. Это меня ты хочешь! — Акула услышала его шаги. — Я... Я выйду.

В ее голове прозвучала тревога:

— Нет! — закричала она с большим чувством, нежели хотела бы. На эту удочку она уже однажды попала — позволила вампиру добровольно умереть на солнечном свету, а кровосос оказался к тому же еще и магом и наколдовал вокруг себя и вокруг нее шар темноты. Ее рука невольно метнулась к горлу, коснулась зажившего шрама. Ее покусали, но она победила — и получила урок, касающийся предательской натуры вампиров.

Но если этот кровосос играет, то он великий актер. Акула слышала в его голосе подлинную боль.

— Зачем тебе это? — спросила она. — Что такое Майя, что ты сдаешься ради нее?

Ей хотелось услышать его ответ, но она стояла наготове, ожидая любой возможной атаки.

В доме прозвучал негромкий голос Джандера:

— Она красивая, а я ценю красоту.

Акула ухмыльнулась.

— Стало быть, прошлой ночью у нее в комнате ты просто восхищался ее красотой.

Пауза, потом:

— Она нетронута. Я хожу к ней каждую ночь. Я учу ее читать.

— Словом «нетронута» я вряд ли стала бы описывать грошовую шлюшку, а что до чтения...

— Что она делала, чтобы заработать себе на хлеб, меня не волнует. — В прекрасном голосе зазвенел гнев. — Я забочусь о том, чем она является сейчас и чем может стать. Она хочет учиться. А я хочу помочь ей.

— Ты хочешь помочь, а не убить, правда?

— Некогда некто дал мне возможность искупить свое прошлое. Как же могу я не сделать того же для Майи?

Акула не выдержала и расхохоталась. Неужели он думает, что она поверит такой дурацкой выдумке?

— Вы очень здорово сочиняете, Господин Эльф. Но меня вы не убедили. Если ты действительно хочешь обеспечить Майе приятное будущее — сделай это. Мои условия просты: твоя нежизнь за ее истинную жизнь. Приходи сегодня вечером на встречу со мной к памятнику в Городе Мертвых. Если ты не покажешься — что ж, эта шлюшка для меня ничего не значит.

Еще одна пауза.

— Большинство тех, кто охотится за *носферату* — святые люди, чистые душой и помыслами. Ты не такова, Шакира Казаар. Если бы ты была такой, я радовался бы тому, что ты меня нашла, я знал бы, почему за мной охотятся. Ты задавала мне вопросы, теперь я спрошу у тебя: почему ты смогла так использовать ни в чем не повинную Майю? Почему ты хочешь убить меня, когда я никому в этом городе не сделал ничего плохого?

Акула была озадачена неожиданным вопросом. Еще никогда никто не задавал ей подобных вопросов. Она убивала, потому что умела это делать и только это и делала всю жизнь — сначала для самозащиты, потом за деньги в качестве наемной убийцы. Когда удовольствие от отнятия человеческой жизни поблекло, она занялась охотой на неупокоенных. Кровососы были серьезными противниками, и все хотели, чтобы их уничтожали. Она больше не была воровкой Шакирой, испуганной и одинокой. И не была безымянным наемным убийцей, который всю жизнь проводит в тени. Она превратила себя в Акулу, которая всегда настигает свою жертву, чье владение тонким искусством убивать находило большой спрос и широко превозносилось. Но сейчас в ее словах прозвучало совсем другое. Она ядовито бросила:

— Потому что Капитан Ринн Ориандис хочет, чтобы тебя уничтожили, ты, богами проклятый кровопийца.

Тихий вскрик Джандера заставил почерневшее от ненависти сердце Акулы на мгновение замереть. Этот дурак мне верит! Ее лицо исказилось гримасой, которую она сочла улыбкой, и она ушла, оставив вампира одного — страдать до вечера.

Для места, посвященного смерти, Город Мертвых был очень популярен среди живых. Много поколений самых разных жителей Глубоководья обратилось в пыль бок о бок в простых могилах и великолепно отделанных мавзолеях: воины, морские капитаны, купцы, простолюдины. Их прижизненная борьба перестала что-либо значить, когда, объединенные своей смертностью, они уснули последним сном. Густая трава, тенистые деревья и прекрасные статуи придавали этому месту очарование покоя. Днем этот маленький «город» был тихой гаванью для посетителей. Ночь, однако, приводила на кладбище людей другого рода — тех, кто

занимается делами, которые лучше делать в слабом свете луны и звезд, подальше от посторонних глаз.

Центром Города был гигантский монумент, возведенный всего несколько лет назад. Предназначенная для того, чтобы почтить основателей Глубоководья, статуя была великолепным произведением искусства. Монумент шестидесяти футов в высоту составляли десятки отдельных каменных скульптур, изображавших воинов в натуральную величину, сражающихся со всеми разновидностями противников-нелюдей. Широкий у основания, памятник с каждым уровнем становился все уже, и на самой вершине стоял одинокий герой. Замершие навеки в момент высочайшего деяния своей жизни, орки насаживали своих противников на копья, меченосцы убивали медвежуков, и все — и герои, и чудовища — умирали в драматических позах.

Здесь несколько месяцев назад вампир повстречал Майю, занимавшуюся своей неаппетитной работой. Здесь он надеялся снова увидеть ее сегодня ночью.

Джандер пришел в облике эльфа, но следов не оставлял. Приблизившись к памятнику, он остановился. Огромную статую окружало бледно-белое кольцо, и холодный ночной воздух был полон резким запахом чеснока. Послышалось приглушенное рыдание, и он посмотрел вверх. С нарочитой иронией Акула привязала официантку к каменному герою, стоявшему на горе из воинов с поднятыми в жесте триумфа руками. Девушка была надежно связана веревкой по рукам и ногам. Кусок ткани, засунутый ей в рот, заглушал слова, но не страх.

Джандер медленно прошел вдоль чесночного круга, пока не подошел к двухфутовому разрыву в непреодолимом для него барьере. Он колебался всего мгновение, прежде чем вступить в круг. Это, очевидно, была ловушка. Но какой у него был выбор?

У основания памятника Джандер вскрикнул и упал. Его нога попала в умно замаскированный острый капкан, сделанный из дерева, а не стали. Второй капкан сомкнулся у него на руке. Зубы капканов были облиты освященной водой. На ранах вампира зашипели пар и кровь, поблескивая черным в лунном свете.

Здоровой рукой Джандер расщепил дерево, вцепившееся в его ногу и запястье. Сразу же вскочив на ноги, он огляделся, явно ожидая следующей атаки. Ее не последовало.

Дальше к статуе он шел осторожнее, глядя на снег перед собой, а не на сам памятник. Там были еще несколько спрятанных капканов, ждавших его. Он их осторожно обошел.

— Я здесь, Майя, — позвал он. — Больше тебе ничего не грозит.

Прямо перед ним была каменная фигура женщины-воительницы с длинными волосами, заплетенными в косу. Он потянулся к ней, чтобы забраться на памятник и освободить Майю. Но статуя улыбнулась и ожила. Иллюзия рассеялась, и Акула вытащила маленький арбалет и выстрелила деревянной стрелой прямо Джандеру в грудь. Она была всего в двух ярдах от него.

Джандер от удара охнул, но стрела отскочила от его тела и упала на траву.

Акула вскрикнула. Вампир улыбнулся и постучал себя по груди золотым пальцем. Звякнуло; слишком поздно Акула вспомнила кольчугу, которую видела у Джандера в особнячке. Натянув на голову капюшон, она стала невидимой и

отскочила. Рука вампира схватила ее за плащ, но она вырвала плащ и бросилась бежать.

Джандер немедленно последовал за ней.

Акуле понадобилась секунда, чтобы сообразить, что кровосос видит ее следы на снегу. Она немедленно подпрыгнула, схватилась за могучую руку каменного орка и взобралась на него. Она отодвинулась влево, осторожно балансируя на каменном шлеме и плече, потом замерла, задержав дыхание.

Некоторое время золотой вампир стоял неподвижно, сам — словно статуя, оглядываясь вокруг, словно мог разглядеть Акулу сквозь скрывшее ее волшебство с помощью одной только силы воли. Его взгляд скользнул по ней и за нее. Потом Джандер повернулся и начал взбираться вверх.

Когда он был на полпути к вершине памятника, Акула как можно тише спустилась вниз. Она поправила капюшон плаща, чтобы он не соскользнул случайно. Она надеялась, что сможет завершить свою задачу раньше, чем вампир заметит выдающие ее следы.

Она торопливо подкралась к чесночному кругу и перекрыла разрыв оставшимися у нее клубнями. Теперь у него не будет выхода — он даже не сможет перелететь через кольцо. Она вернулась к статуе и последовала за вампиром наверх.

Его движения были быстрыми и уверенными, но не до неестественности. Джандер прилагал огромные усилия, чтобы не открыть Майе своей истинной природы. Пока что этот обман был Акуле на руку. Она быстро следовала за ним, легко поднимаясь по сражающимся воинам, словно по ветвям очень узловатого и ветвистого дерева.

Вот он достиг вершины. Наступила тишина, и Акула знала, что кровосос устался на священные символы, которые она разместила у Майи по всему телу. Осторожно, бесшумно охотница продолжала лезть наверх, все время прислушиваясь.

— Латандер, защити меня! — послышался полный ужаса голос Майи, когда Джандер вытащил кляп у нее изо рта. — Не убивайте меня! Пожалуйста! Она — она сказала мне, что вы такое. Я сделаю все, что вы хотите, только, пожалуйста, не убивайте меня!

Ошарашенное молчание. Акула подтянулась на умирающем лучнике, со злобной радостью ожидая ответа кровососа.

— Нет, Майя, — прозвучал голос Джандера, полный древней усталости, — я тебя не убью. Я просто... вот, дай-ка я тебя развяжу.

Теперь Акула его видела. По-прежнему невидимая, она напряженно смотрела, как Джандер подошел ко все еще перепуганной девушке и принялся развязывать ее. Он успешно развязал ей руки и опустился на колени, чтобы добраться до узлов у нее на ногах. Из маленького розового медальона, спрятанного в юбках Майи, вырвалась яркая вспышка света. Заклинание Акулы сработало прекрасно.

Вампир взмахнул руками, закрывая глаза, пошатнулся и упал с монумента. Акула поспешила вперед. Схватившись одной рукой за умирающего тролля, охотница наблюдала, как Джандер падает. Его тело замерцало, превращаясь в маленькую коричневую летучую мышь. Он полетел обратно к вершине монумента.

Акула услышала, как за спиной у нее всхлипывает Майя, развязывая узлы на ногах. Потом, хныча, официантка принялась слезать с памятника. Акула не обратила на нее внимания: Майя свое дело сделала.

Вместо этого охотница сосредоточилась на вампире. Осторожно наклонившись над поднятыми каменными мечами и копьями, торчавшими вниз, она прислонилась к статуе тролля и вытащила из кармана небольшой мешочек. Пшеничные зерна дождем осыпали летучую мышь. Это был любимый трюк Акулы, предназначенный для вампиров в облике летучей мыши. Пшеница должна была сбить грызуна с толку, заставить его дико заметаться. А это даст Акуле возможность подготовить другую, более смертоносную атаку.

Но Джандер не заметался. Маленькая летучая мышь на мгновение бешено завертелась, потом продолжала полет прямо в лицо Акуле. Никакой плащ невидимости не мог защитить ее от обостренных чувств вампира в облике летучей мыши. Вот он уже у самых ее глаз. Она видела, как открываются крохотные челюсти грызуна, усеянные острыми зубами.

Вздвогнув, Акула увернулась. Ее нога соскользнула с усыпанной снегом опоры, и она упала — а внизу были острые каменные копья. Она не закричала, только охнула, когда смертельное падение внезапно прекратилось. Ее плащ зацепился за копьё в руках одного из медвежуков. От внезапного рывка на горле у нее появился синяк, но она была жива.

Акула повисла, болтая руками и ногами, слегка раскачиваясь взад-вперед. Она призадумалась и выругала себя. На этот случай она не приготовила никаких заклинаний — ни парения, ни полета, ни превращения. Охая от напряжения, она потянулась вверх, пытаясь схватиться за каменное копьё. Но дотянуться до него ей не удалось. Она потянулась направо, надеясь ухватить безобразное свиное рыло орка, убивающего несчастного каменного героя. Ее руки схватили только воздух.

Перепуганная больше, чем когда-либо за последние несколько десятилетий, Акула выгнула шею и посмотрела наверх.

Кровосос был эльфийским силуэтом на фоне звездного неба. Он наклонился и посмотрел на нее. Потом медленно двинулся вниз. Одна рука потянулась к ней.

Неосознанно плача, Акула увернулась. В плаще у нее появилась дыра, и она упала вниз на четыре дюйма. По крайней мере, вампир был слишком высоко, чтобы достать ее — но, о боги, он может ползти...

— Дай мне руку.

Секунду она не могла понять, что он говорит, так неожиданны были его слова. Джандер вытянул руку еще немного.

— Дай мне руку. Я не могу до тебя дотянуться!

Плащ разорвался еще чуть-чуть. Акула посмотрела на нижний ярус сражающихся воинов и их острое каменное оружие. Падать на них ей было по меньшей мере двадцать футов.

— Я сейчас, Шакира. Держись. — И действительно, золотой вампир пополз вниз, чтобы достать ее.

И вдруг она поняла, поняла с глубокой, внутренней уверенностью, что Джандер Санстар не собирается ее убивать. Он собирается спасти ей жизнь, выручить ее. Она, Акула, женщина, которая всю жизнь совершенствовала искусство убивать, в конце

концов потерпела неудачу. И, потерпев неудачу, она будет обязана жизнью тому самому существу, которое хотела уничтожить. Если его прощающие руки сомкнутся на ней, она больше никогда не сможет поднять оружие. Она больше не будет Акулой.

Ей даже думать не пришлось. Подняв руки, она схватилась за плащ.

— Акула посылает тебя в Девять Преисподних, — вслух сказала она, но на этот раз эти слова предназначались для ее собственных ушей.

Когда пальцы вампира коснулись ее, Акула улыбнулась, как тот хищник, которым она была, плюнула в его прекрасное, отчаянное лицо, и разорвала плащ до конца.

ДЕНЬ ПОВЕШЕНИЯ

Дэвид Кук

Они не походили на опаснейших из воров. На отчаянных - возможно, ведь они сидели за шаткими столиками, заставленными наполовину полными кружками, из-за пролитых лужиц прилипшими к дереву. На пьяных - тоже. Шла ещё только первая половина дня, но четверо бродяг уже осушили два бурдюка самого дешёвого эля трактирщика Гурина, и явно не собирались останавливаться.

Разумеется, на их пьяных лицах не были написаны все их преступления. Никто не смог бы посмотреть на самого низкого из них и понять, что это тот, кто отравил всех питомцев на псарне лорда Бриона - просто для того, чтобы заткнуть сторожевых псов. Сгорбившаяся над выпивкой женщина также не была похожа на ту, кто мог бы кинуть факел в ювелирную лавку для прикрытия побега. Как и старик, сидевший напротив - тем, кто мог бы прервать войну за территорию одним метким броском ножа с крыши. Здесь, в таверне Гурина, все они ничем не выделялись на фоне остальных жалких пьянчужек.

Но это были не единственные посетители трактира. Здесь хватало и других выпивох, выглядевших не менее грустно. Четвёрка сгрудилась над столиком у задней стены. В своём тёмном уголке, вдалеке от стоек и скамей, из-за которых маленький кабачок казался ещё более людным, они пили и разговаривали - по привычке негромко. Никто не выказывал компании никакого интереса - забегаловка Гурина была серьёзным заведением для серьёзных возлияний. Принимая во внимание грязный пол и ветхую мебель, больше здесь было делать нечего.

- Плесни ещё! - потребовал Фейкаблук, полурослик, самый низкорослый из них. Откинувшись на спинку большого стула, их пронырливый товарищ мог лишь нетерпеливо болтать волосатыми ногами над полом. Детские черты его лица исказились раздражением по поводу опустевшей кружки.

- Всё, что тебя волнует - твой стакан! - проворчал худой старик, оседлавший стул рядом с халфлингом. Этот человек был лыс и весь покрыт отметинами от оспы, что придавало его и так жутковатому виду облик ходячей смерти. - Сегодня последний

день пребывания Тэрина на этой бренной земле. Может, подумаешь о нём больше, чем о выпивке? - тем не менее, старикан поднял мех и наполнил кружку низкорослого приятеля - и свою заодно.

- Ну, пусть лучше он отправляется на сук, чем я, Коррик, - поддразнил полурослик, расколов грецкий орех и оторвав кусок мяса.

- Фей, ты ужасное создание, - всхлипнула сидевшая слева женщина, не трезвее прочих. Возможно, когда-то она была красива; теперь же - просто потрёпана. Слишком много бессонных ночей и слишком много выпивки привели к тому, что лицо её покрылось сетью кровавых линий; её коричневые волосы растрёпанной копной падали на пышную грудь. - Мой бедный Тэрин ждёт, когда его повесят...

- Ага, бедный Тэрин! - хмыкнул Коррик, сдувая пивную пену с губ. - А до этого был бедный Эмерсар, а ещё раньше тот олух-варвар...

- Ксаркас не был олухом! Он мог бы стать великим разбойником. Скакать и владеть мечом у него получалось лучше, чем когда-нибудь получится у тебя, никудышный сопляк, - огрызнулась женщина. Её пальцы выделяли над столом узоры, которых не замечал никто из тех двоих. - Ксаркас мог бы быть ужасом всех караванов на Пути Бердаск...

- Если бы не обпился дешёвым пойлом Гурина до смерти, - хихикнув, влез халфлинг. - Ты умеешь выбирать, Мэйв.

Женщина затряслась от пьяной ярости. Преувеличенно широко размахнувшись, она воздела руки - щепотка воска в одной, кусочек пёрышка в другой.

- Посмотрим, как вам двоим понравится быть...

- Мэйв, прекрати. Не будем здесь колдовать, - нарушил молчание четвёртый товарищ, голос его холоден и каменно-спокоен. Тёмные глаза внимательно изучали женщину поверх края поднятой кружки. Они светились уверенностью в том, что волшебница не посмеет ослушаться. То были глаза, отражавшие проседь его кудрявых чёрных волос. И хотя мужчина о чём-то размышлял, взгляд его оставался незамутнённым и спокойным, словно у шулера за игрой.

Издалека он не казался ни высоким, ни низкорослым, ни темноволосым, ни белокурим. Это был обычный человек, из тех, что найдутся в каждой толпе. Примечательными были лишь его одежды - лён, толстый бархат и, местами, кожа. В какой-нибудь другой таверне случайный наблюдатель мог бы решить, что это богач, которого вот-вот надурят остальные трое. Но здесь, в пивной Гурина - хотя он все равно казался здесь не к месту - народ был более знающим. Это был Пинч, отчаянный лихач и главарь банды. К Гурину он заглянул для того, чтобы кое-кого помянуть - ведь это его человека сегодня ждала виселица.

- Нет магии - нет проблем, Мэйв, - в этих словах крылось ожидание беспрекословного подчинения.

Женщина остановилась сразу же, как только он заговорил. Какое-то мгновение она под действием винных паров вызывающе смотрела в ответ - но лишь мгновение. Может быть, её заставили передумать слегка поджатые губы, напомнив волшебнице о том, какой безграничной бывает его месть. Как бы то ни было, Мэйв неохотно опустила руки.

- Это неправильно, Пинч, - невнятно пробормотала она, машинально приложившись к кружке. - Сегодня день повешения. У них нет права такое говорить, только не в этот день.

Колдунья ненавидяще уставилась на парочку, пробудившую её гнев.

- Конечно же нет, Мэйв, - мягко согласился Пинч, играя женщиной словно меченой картой. - Коррик, Фей, оставьте её в покое.

Только после этих слов он повернулся посмотреть на остальных участников перепалки. Под тяжёлым взглядом мужчины Коррик неуютно заёрзал на стуле, в то время как халфлинг как ни в чём не бывало принялся рассматривать горку ореховых скорлупок на столе.

- Просто небольшое соревнование, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, - пока полурослик оправдывался, выражение его лица сменилось с пьяно-озадаченного на по-детски невинное.

Пинч нацедил ещё одну кружку эля и нахмурился. Наивная улыбка его маленького товарища могла провести простаков, которых тот обманывал, но смягчиться Пинчу она не помогла.

- Хватит. Мэйв права. Нельзя насмехаться над казнью Тэрина, - он осушил свой сосуд одним длинным залпом, всё это время не сводя своих тёмных глаз с собеседников.

- Не то чтобы мы не видели, как людей вешают, Пинч. Даже наших, - Фей подался вперёд, положив подбородок на край стола. Он начал играть маленьким кинжалом, взявшимся как будто из ниоткуда, втыкая его между пальцами в поверхность деревянного стола. - К тому же, для дела полезно, когда кого-то вешают. Всегда толпа собирается. Нам нужно бы обчистить зевак, пока их кошельки ещё полны.

- Нам нужно бы убираться из города, вот что нам нужно. Не сидеть здесь и напиваться, - зарычал Коррик. - У Тэрина ещё есть время, чтобы сдать нас.

Услышав это, Пинч приподнял бровь. Это был его выбор, сделать Тэрина своим приближённым. Главарь воров с быстротой змеи протянул руку, схватил Коррик за потрёпанный воротник и притянул старика к себе, так близко, что их скулы практически соприкоснулись.

- Скажи мне, Гран, - прошептал он, - кто здесь вожак, я или ты?

Пока Пинч задавал вопрос, одна его рука скользнула к ножу за голенищем.

Старый Коррик съёжился, в его глазах мелькнула паника, когда он заметил, куда двинется волосатая рука лидера.

- Ты, Пинч. Кто же ещё, - выдохнул он искренне.

- Неужели? - усмехнулся Пинч, позволив грязной рубахе подчинённого выскользнуть из хватки. Старик вместе со стулом отодвинулся подальше от той стороны стола, за которой сидел главарь. Его собственная рука тоже потянулась к ножнам.

- Эй, эй! Пинч! Коррик! Ваши кружки опустели, - оживлённо переключил внимание Фейкаблук. Он приподнялся на стуле, стащил обе ёмкости в центр стола и выцедил остатки выпивки, наполнив стаканы до самых краёв.

- За Тэрина, - произнёс халфлинг, подняв свою собственную кружку.

Ни Пинч, ни Коррик не пошевелились, по-прежнему глядя в глаза друг другу.

- За бедного, дорогого Тэрина, - нервно добавила Брюнетка Мэйв, звякнув своим стаканом о поднятый в тосте.

Выражение на лице предводителя шайки сменилось слабой улыбкой, когда он поднял приготовленную для него тару в воздух. Так он и держал руку, пока Коррик не последовал примеру. Оба они всё ещё наблюдали друг за другом, не обращая внимания на товарищей за столом.

- За Тэрина – и чтобы все дети мои были такими же верными, - отозвался вожак и стукнул своей кружкой о кружки Фей и Мэйв.

- За Тэрина – и пусть его язык останется за зубами, - с этими словами, Коррик, наконец, разорвал зрительную связь с предводителем. Ёмкости звякнули вновь, и Фей вполголоса пробормотал благословение всей компании.

Пинч откинулся на спинку, выпрямив повреждённую ногу – напоминание о той жестокой стычке во время ограбления.

- До сих пор Тэрин молчал. И будет держать рот на замке до самого конца, - уверенно предположил главарь.

Оправившийся от молчаливого противостояния Коррик потряс своей лысой головой, в который раз расплескав повсюду золотистую пену напитка.

- Понимание того, что праотец скоро отпустит ему все грехи, меняет человека, - возразил он.

- Я доверяю Тэрину, - хвастливо отозвался Пинч, будто бы совсем позабыв о своём неудовольствии минуту назад.

- И всё же как бы я хотела, чтобы он не попадался Всадникам Ада, - вставила Мэйв. – Ко мне он всегда был доброжелателен. Той ночью мы как раз собирались на дельце. Я едва успела спуститься вниз из окна, когда Всадники ворвались в дверь.

- Надо было брать хату на первом этаже, - съязвил Фей, усевшись обратно. – Всё же, балор их задери, быстро они до него добрались после этого дельца с Фирдулом.

- Да, не так уж и медленно, - согласился Пинч. – Если бы они не застали его прямо с добычей, я мог бы найти кого-нибудь, кто поклялся бы на суде, что Тэрин выпивал с ними, когда грабили старого Фирдула, – слова его превратились в усталое бормотание: - Слишком быстро, слишком. Очень уж странно.

Скрип открывающейся входной двери прервал размышления мастера-вора. С дальней от них стороны пивнушки послышался гомон голосов, вскоре превратившийся в удивлённый, настороженный ропот:

- Всадники Ада!

Пинч, всегда сидевший спиной к углу, первым увидел заходящих в помещение солдат и коротко кивнул, предупреждая остальных.

Вошедших было шестеро, все одеты в легкоузнаваемые кожаные доспехи, выдававшие в солдатах людей лорда. Полоски металла, пронизывавшие красную кожу, блестели безукоризненной полировкой. Во время ходьбы их клинки звенели о сталь. Они шли от столов к стойке, грубо хватая посетителей и тщательно досматривая. В их гуще Пинч разглядел приземистую фигуру командующего Уилмарка, высокомерного подлеца-офицера. Уилмарк вымогал деньги у подобных Пинчу товарищей, проводя аресты только тогда, когда ему светило повышение. Единственным его достоинством была жадность. Пинч едва не моргнул, догадавшись, что этот боров, вероятно, разыскивает его компанию.

- Прекратите трепаться и поминайте. Мы скорбим по Тэрину, ясно? - прошипел Пинч, схватив кружку и приложив её к губам.

- За беднягу Тэрина, - громко возвестил Фей, всегда готовый быстро последовать за предводителем в чём угодно.

- И за то, чтобы он не мучился, - добавил Пинч, запустив второй круг тостов. Он намеренно отвернулся от приближающихся стражников.

Бокалы ещё не закончили звенеть, как закованная в латы рука тяжело опустилась на плечо главного вора.

- Мастер Пинч, - раздался гнусавый голос Уилмарка. - Чегой-то не на повешении? Я был уверен, что ты посетишь мероприятие, - офицер привычным движением забрал со стола мех с вином. - Кончилось, - грустно заметил он, поболтав пустым мешком. - Трактирщик! Ещё выпивки, да кружек моим людям. Уверен, наш друг может это позволить.

Как только Гурин поспешил прочь, Пинч стряхнул руку с плеча и развернул стул, чтобы лицезреть капитана стражи.

- Знаешь ли, для некоторых это печальный день, Всадник, - произнесено это было бесцветным голосом.

- Потеря одного из членов шайки - всегда печально, э? - поглумился Уилмарк, одновременно протягивая кружку конюху и ожидая, пока тот наполнит её. - А по мне так отличный денёк.

- У тебя есть к нам какое-то дело? - поинтересовался мастер-вор. - Нет? А то из-за тебя тут пахнет, как в нечищенных конюшнях.

Уилмарк покраснел, и его гнусавый голос стал звучать на тон выше.

- Я могу арестовать тебя по обвинению в воровстве на Торговом Ряду прошлой ночью! Пропали кое-какие весьма ценные пакеты.

- И потом в суде, найдётся немало свидетелей, которые будут утверждать, что прошлой ночью я сидел здесь и заливал своё горе, - парировал Пинч. - Давай, выстави себя на посмеище, Уилмарк. Видимо, они отрезали тебе и мозги, ну, когда сделали из тебя конелюба-евнуха.

- Конелюба-ев...? Да пошёл ты, жалкий ублюдок! - взорвался Всадник. Его тело затряслось так сильно, что даже металлические вставки звоном оповестили о его ярости. За его спиной при виде такого унижения заухмылялись солдаты.

- Я поймал твоего Тэрина, и доберусь до остальных! - наконец, прохрипел он.

Отполированным до блеска сапогом Уилмарк пнул ножку стула предводителя воров, разломав хрупкое дерево. Пинч вскочил с места ещё до того, как он упал. Вор принял стойку, пальцы его подрагивали от желания схватиться за нож. В другой время Пинч вспорол бы Всаднику живот, даже не задумываясь. С толпой солдат за спиной последнего, всё же сейчас был не самый подходящий момент. Окружающие пьяницы внезапно оживились, их блестящие глазёнки наблюдали за перепалкой. Руки потянулись за стаканами, клинки слегка повыскальзывали из ножен, а Гурин кинулся убирать побитую посуду подальше. Поддержка Уилмарка напряглась.

Пинч плавно выпрямился - опасность ситуации была понятна всем, кроме самого Уилмарка.

- Небольшой совет, командир, - наконец, промолвил вор. - Никогда не нападай на человека в его собственном доме.

Только после этих слов Всадник заметил то же, что и его люди - маленький Фейкаблук скрылся под столом, поглаживая кинжал, Мэйв с отсутствующим видом выводила магическую руну на влажной поверхности стола, даже Коррик - и тот нагревал свой нож в пламени свечи.

Уилмарк усмехнулся, развернулся и протолкнулся через ряды своих подчинённых, отступавших к двери.

- Хэй, да храбро вступили в битву они... - раздался из толпы чей-то громкий, соблазнительный голос, повторивший вступление известной песни. Вся дешёвая таверна зашлась подвывающим хохотом, весельем, оставшимся неразделённым лишь Всадниками. Уже через несколько мгновений разухабистую песенку подхватил и местный бард, проводив ею ретировавшийся патруль.

- Возблагодарим же богов за то, что Уилмарк такая задница, - фыркнул Пинч, подтягивая другой стул.

Коррик отвлёкся от очищения копоты с клинка и вперил горящий взгляд в предводителя.

- Может быть, но всё-таки это он поймал Тэрина на раз-два.

- Говорят, Уилмарк получит за это повышение, - добавил Фей, выбравшись из-под стола. - Похоже, Тэрин хоть на что-то сгодился.

- Что-то не так - простонала Мэйв, плюхнувшись на место и неуклюже попытавшись пнуть Фей. - Его *повысят*, а Тэрина – *повесят*. Что-то не так!

- Точно, подозрительно - проследить его до твоего собственного дома, Мэйв, - задумчиво протянул Пинч, откинувшись на кресле и сплетя пальцы под подбородком. Фей, Коррик и Мэйв терпеливо наблюдали, узнав то самое настроение для размышлений.

Внезапно затуманенный взгляд Пинча прояснился.

- Двух зайцев. Точно! Двух зайцев! - он наклонился и притянул остальных поближе. - Мы унизим Уилмарка, вытащив Тэрина прямо из седла трёхной кобылки!

- Из петли? - подавился элем Фей.

- Ты с ума сошёл! - заорал Коррик.

Промолчала только Мэйв, вяло перебиравшая в уме все возможности. Пинч не обратил внимания на протесты.

- Фей, старые катакомбы - они ведь проходят под Рынком Шиарры, так? - его глаза замерцали дьявольским огнём.

- Так, - осторожно отозвался халфлинг, - но не рядом с виселицами.

- Ты сошёл с ума. Я не собираюсь рисковать шеей ради этого дурака Тэрина, особенно следуя очередному твоему безумному плану, - Коррик откинулся назад, покинув кружок заговорщиков, и помотал лысой головой.

Прежде чем старый пройдоха смог встать, Пинч схватил его за руку и с силой сжал.

- Ты сделаешь это, потому что я так сказал, Коррик, или я удостоверюсь, что следующим перед толпой окажешься ты. Может быть, мне даже удастся наладить отношения с Уилмарком, если я сдам тебя ему. Усёк?

Худое лицо Коррика побледнело. Старик кивнул.

- Отлично, - промурлыкал Пинч, не ослабляя схватку. - Коррик, ты раздобудешь нам быструю повозку с хорошими лошадьми. Фей, выясни, насколько близко мы сможем подобраться к Тэрину.

Полурослик приподнял кустистую бровь в подтверждение.

- Замётано, - подвёл итог Пинч, отпустив руку Коррика. - Приступайте, парни. Я встречу с Тэрином, просто чтобы дать ему знать, где его друзья.

Главарь добродушно похлопал Коррика по плечу.

- Мы не сможем освободить его, не позволив прежде повесить. Выполняйте. Встретимся там, где улица Драконьего Глаза выходит на Рынок Шиарры, за час до казни.

Скорость и уверенность Пинча в принятом решении ошеломили парочку.

- Шевелитесь, - пришлось повторить жожаку, прежде чем они действительно начали шевелиться. - И Фей. Пока держи свои шаловливые пальчики при себе. Я не хочу, чтобы тебя поймали до повешения.

Выражение лица халфлинга сменилось с озадаченного на разочарованное.

- Там все эти кошельки, а мне нельзя их трогать. Единственная выгода, которую можно было извлечь из всего этого, - ворчал он, сползая со стула и направляясь к двери. С глазами, полными подозрений, поднялся и Коррик, последовав за маленьким товарищем. Он помял грязную шерсть своей накидки, разминая сдавленное Пинчем место.

- Что насчёт меня, дорогуша? - поинтересовалась Мэйв. - Что ты приготовил мне?

Прежде чем заговорить, мастер-вор оглянулся на дверь, убеждаясь, что их сообщники ушли. Когда она захлопнулась, Пинч снова повернулся к женщине.

- Мэйв, моя дорогая Мэйв, так ты сказала, что это странно, что беднягу Тэрина захапали вот так просто?

- Я сказала, что что-то не так, только это.

Пинч плеснул ей напиток из заказанного Уилмарком бурдюка.

- Так и есть, Мэйв. То, как они нашли твой дом - весьма *необычно*. Ты права - что-то не так. Всё это дело выглядит хуже, чем завешание фальшивомонетчика, - он подтолкнул кружку к приятельнице. - Скажи, Мэйв - ты знаешь, сколько времени занимает повесить человека?

Высокое трёхэтажное каменное здание, известное как Главная тюрьма, было одной из наименее известных странностей Элтуреля. Никакой другой город того же размера не мог похвастаться тем, что предоставил столь величественное здание под казематы для недобросовестных элементов общества. Дэлт, лорд Элтуреля, в минуту просветления приказал построить это место, "для исправления всех оставленных богами существ, содержащихся внутри". Здесь пленники, ранее томившиеся в промозглых подвалах Главной Залы и дворцов знати, могли рассчитывать на то

человеческое отношение, которого они ещё заслуживали. По крайней мере такова была первоначальная задумка.

Пинчу не было дела до того, какие были причины у Верховного Всадника. Главная тюрьма являлась просто ещё одной частью его жизни, как, например, водяная морось, надуваемая со стороны реки Чионтар. Ожидая снаружи, вор поднял воротник повыше, чтобы туман не собирался в холодные капли на шее. Наконец засовы задребезжали, и ворота со скрипом распахнулись. Петлям старой деревянной двери всегда не хватало масла - возможно, чтобы их резкий скрежет вселял ещё чуточку ужаса в каждого входящего. Можно было подумать, что вора - а особенно вора, прошедшего за этими стенами некоторое время - наверняка охватит дрожь, когда он будет стоять у входа. Если Пинчу и было неуютно, вида он не подал.

- Утро, Даузабэль, - Пинч поприветствовал отворившего ворота тюремщика. - Как идёт торговля?

- Не так хорошо, как тогда, когда ты заплатил за комнату в Крыле Главарей, - проворчал Даузабэль. Это был плечистый, но сутулый здоровяк, к тому же полностью слепой на один глаз. Пятнадцать лет назад его самого посадили за огромные долги. Теперь он работал тюремщиком, чуть ли не управляя всем заведением и собирая «плату» с заключённых, не желавших очутиться в самых жутких камерах из тех, что это место могло предложить. Навар обычно оказывался неплохим. - Я так понимаю, хочешь повидаться с Тэрином, мастер Пинч?

- Пара добрых слов в последний день, - сказал вор, проходя внутрь и кладя монету в протянутую руку ключника. - Вот оплата. Теперь води.

Даузабэль не двигался до тех пор, пока не изучил врученный Пинчем серебряк, поднеся его к зрячему глазу, чтобы убедиться, что перед ним не работа фальшивомонетчика. Наконец он засунул его в карман брюк и зашаркал по прихожей, ведущей в залы.

Их путь не лежал в Крыло Главарей, где у узников были хоромы, включавшие ванну и слуг, или в Крыло Рыцарей, обставленное чуть похуже. Тэрин, у которого деньги никогда не задерживались надолго, не мог себе позволить ничего из перечисленного, хотя у него хватило средств заплатить за неплохую камеру в Общем крыле.

Наконец они остановились в начале ряда деревянных дверей, протянувшегося через зал с устланным соломой полом. В дальнем алькове стоял маленький пыльный алтарь. Закутанный в рясу священник, сидевший за разбитым столом, с интересом взглянул на вошедших, а потом продолжил возносить молитвы за осуждённых. Слова сливались в монотонное бормотание и не несли в себе какой-либо убеждённости; жрец всё время смотрел на Пинча. После нескольких десятков дней нескончаемой скуки любое нарушение рутины сходило за желанную передышку.

Вор ждал, когда служащий нащупает ключ, отпирающий одну из камер.

- К тебе посетитель, Тэрин. Оденься, - прокричал он через толстую деревянную дверь. Возясь с ключом у замка, ключник продолжал рассказывать:

-Тэрину живётся не так хорошо, как вам тогда, господин. Ну то есть, Общее крыло весьма далеко от Крыла Главарей. Я думал, он ваш друг, - замечание Даузабэля содержало в себе определённую степень замешательства.

Штифты внутри замка заскрежетали, когда ключ повернулся.

- Нет смысла тратить деньги на приговорённого, - холодно отрезал Пинч. В это время стражник отодвинул засов и толкнул дверь. Воздух был пропитан вонью выгребной ямы настолько сильно, что вор-главарь прикрыл лицо надушенным платочком.

Тэрин сидел на жёстком ложе у дальней стенки камеры. Свет здесь давало только маленькое, забранное решёткой окошко высоко над полом. Непроницаемая тьма окутывала пленника, наполовину скрывая очертания его большого тела, повидавшего работу в поле. Будучи обладателем широких плеч и длинных рук, Тэрин совсем не выглядел вором, но Пинч обнаружил, что его размеры весьма и весьма помогают держать остальных членов шайки в подчинении.

- Мастер Пинч! – ошеломлённо выдохнул громила, когда главарь вошёл в маленькую, грязную каморку. Узник вскочил и кинулся отряхивать матрас. От взмахов его руки с кровати посыпались маленькие чёрные точки. – Пожалуйста, садитесь!

Пинч проигнорировал предложение и вложил три золотых в ладонь Даузабэля.

- Составь жрецу компанию в его молитвах. Я хочу побыть с Тэрином наедине. Понятно?

Привратник посмотрел на деньги в своей жирной руке, затем молча закрыл дверь. Пинч слышал, как засовы и замки возвращаются на места.

- Приятель, - начал главарь, знающий, что сказать даже обречённому на смерть, - я...

- Магистраты уже нашли основание для моего заявления? Они отменили казнь? – выпалил Тэрин с надеждой человека, понимающего, что его шансы уже потеряны.

- Нет. В полдень тебя отправят на виселицу, Тэрин, - прямо заявил Пинч сквозь прижатую к носу тряпицу.

- Вы пытались оспорить приговор? – беспомощно поинтересовался его собеседник.

- Все кончено. Ты сам видел. Приговор законен, - мастер-вор опустил платок, проверяя, привык ли он к запаху. С первым вздохом его ноздри затрепетали, и ему пришлось бороться с приступом дурноты, который вскоре прошёл. Убрав платок, Пинч заглянул прямо в молящие глаза Тэрина; ему не понравилось увиденное там отчаяние.

- Слушай внимательно, Тэрин. Тебя застали прямо с товаром. И не было ни одного свидетеля, кто мог бы встать на твою сторону. Тебя собираются повесить.

Тэрин повалился на койку, обхватив голову, и простонал:

- Я всё ещё могу кого-нибудь сдать. Может, они простят меня за...

- Заткнись, если хочешь жить! – рявкнул Пинч. Он схватил приговорённого за подбородок и поднял его лицо так, чтобы их глаза встретились. – До сих пор ты держался молодцом и не выдал нас. Храни молчание и, может быть, удастся избежать петли – усёк?

Глаза Тэрина расширились от удивления и приобретённой надежды

- Вы выкупили меня? – словно утопающий, он вцепился в вельветовую рубашку Пинча.

- Типа того, - солгал вор. – Ты был нам предан, и я не забыл этого. – Пинч опустился на колени рядом с товарищем, чтобы можно было говорить приглушённо. – У меня есть план.

При этих словах плечи Тэрина облегчённо опустились. Он знал, что когда мастер Пинч что-то замышлял, для него не было ничего невозможного.

- Какова моя роль?

- Слишком незначительная и, быть может, слишком большая, - загадочно ответил Пинч. – Когда они повезут тебя по улицам, как следует исповедайся в своих грехах. Мне нужно будет время.

- Взгляните, граждане, и учитесь! Бесчестно прожил я свою жизнь, и вот что получил в итоге! – торжественно провозгласил пленник, поднявшись на ноги и деланно изображая благочестие. – Ну как?

- Сойдёт, - констатировал Пинч. – Только запомни, что бы ни произошло после, как бы скверно дела не шли, не теряй голову.

Тэрин сел обратно, подавшись к предводителю.

- Не потеряю. До сих пор я справлялся, так ведь?

- Именно так, Тэрин, именно так, - покалеченной ноге совсем не нравилось долгое стояние на коленях, и Пинч всё-таки сдался на милость блохам, усевшись рядом с товарищем. Он отсутствующе смотрел в никуда, размышляя над загадкой, невидимой никому другому.

- Расскажи мне, Тэрин, - наконец, нарушил он молчание, - расскажи ещё раз, как тебя взяли.

Заключённый отозвался на забавную просьбу смешком:

- Зачем? Вы же уже слышали.

Пинч не ответил ничего, лишь молча ждал, когда Тэрин продолжит. Когда тот, наконец, осознал, что главарь не шутит, то начал вспоминать. При попытке собрать все факты воедино его брови сошлись на переносице, но он начал рассказ:

- Я как раз закончил работёнку на улице Стилкрик, ну, то дельце с Фирдулом, которые мы планировали. Я был исполнителем, Коррик – наводчиком. Позаимствовав несколько неплохих кусков серебра у ювелира, я отправился к Мэйв, показать товар. Почти сразу, как только я туда добрался, поднялась шумиха. Прежде чем я смог добраться до перекупщика, нагрянули Всадники.

- Где был Коррик?

- Мы собирались встретиться у Гурина, разделить добытое и немного выпить.

Бывший фермер ждал других вопросов, но предводитель, казалось, неожиданно потерял всякий интерес к беседе.

- Как Мэйв и сказала, что-то не так, - в конце концов пробормотал Пинч, приложив платок обратно к лицу.

- Вы думаете, кто-то сдал меня? Коррик?

- Возможно, всего лишь возможно.

- Что вы собираетесь с ним делать? – спросил Тэрин с отчаянием мертвеца, жаждущего мести.

- Прямо сейчас – ничего. Я приказал ему раздобыть повозку и лошадей. С этим он должен справиться.

Их размышления были прерваны скрежетом замка.

- Время вышло, мастер Пинч, - донёлся с той стороны двери голос Даузабэля. – Святой отец пришёл, твоему человеку пора исповедаться.

- За ваш план, мастер Пинч, - прошептал Тэрин в пустом тосте.

- Заткнись, Даузабэль уже здесь.

Дверь распахнулась и вошёл тюремщик. За ним следовал тощий жрец, набожно тиская в руках молитвенник.

- Он твой, Патрико, хотя я бы и не ждал от него много покаяния.

Священник успел бросить на Даузабэля кислый взгляд, прежде чем дверь разделила их.

Ключник довёл Пинча до ворот в полной тишине, но всё это время он выглядел необычно бдительным, словно выискивая желающих подслушать. Главарь воров знал это поведение. У Даузабэля были глаза и уши повсюду, как и нюх на прибыль. Ясно было, что у него есть что-то на продажу – если Пинч сможет позволить себе это купить.

Когда Даузабэль закончился возиться с воротами и отвернулся, он обнаружил золотую монету, лежащую на скамье у входа.

Хотя его жадные глаза слегка расширились, тюремщик закинул золотой в карман, будто это был медный пенни. Знаком он велел Пинчу последовать за ним в уединённый альков.

- То, что я знаю, стоит больше, - поведал ключник, когда они укрылись в тенях. – Аванс, - Даузабэль протянул руку.

- Мне судить, - холодно отозвался Пинч, поведив под носом тюремщика ещё одну монету.

Даузабэль нахмурился.

- Твоего человека сдали.

- Это не стоит даже того, что я уже дал тебе. Я и так знал.

- Но ты не знаешь, кто это сделал. Уилмарк напился и болтал об этом в таверне пару ночей назад. Я слышал это от его людей.

- И что же они говорили? Кто на этот раз, Фей или Коррик? – расставил ловушку Пинч.

Челюсть тюремщика отвисла, точно парус в безветрие.

- Коррик, - пробормотал он.

Презрительно хмыкнув, мастер-вор сунул в карман рубахи собеседника вторую монету.

- Ты всегда был слишком жаден, Даузабэль. Когда-нибудь это тебя доконает.

Тюремщик закрыл створки ворот, и Пинч зашагал под усиливающимся дождём, его ум уже работал над хитросплетениями шестерёнок планов внутри задумок.

На улицах, ведущих к Рынку Шиарры, всегда сложно было заблудиться, но сегодня отыскать площадь смог бы даже слепой чужеземец. В Элтуреле день повешения был практически праздником. На мероприятие отправилась большая

часть города, народу было так много, что всё живое двигалось только в одну сторону. Пока Пинч пробирался по смоченным дождём улицам, три разных разносчика предложили ему купить "Правдивую и трагичную историю Тэрина Джека-а-Нейвза, подтверждённую им самим", всего за пару монет. Судя по мелькавшим перед носом обложкам, все три работы отличались друг от друга. Они были слишком уж преувеличенными, если не сказать лживыми - ведь в них Тэрин представал предводителем всей банды. Пинч задумался, какие же враки напишут о нём в тот день, когда его, наконец, вздёрнут.

К тому времени, как он добрался до площади, пространство уже было заполнено возбуждёнными зрителями. Большинство городских подмастерьев исхитрились сбежать от наставников и прийти поглазеть. Да и их учителя скорее всего тоже были здесь, слепо уверенные в том, что их помощники управляют магазинами без них. Какой-то бард забрался на возвышающуюся над площадью крышу и исполнял песни для своей аудитории - в то время как зазывалы выбивали из неё денежки. Пинч подавил желание засунуть пятерню и выудить монетку-другую из шляпы пробежавшего паренька, но зато внимательно изучил музыканта. Сегодня ночью у этого певца будут деньжата - может быть, стоит последить за ним.

Мастер-вор неохотно отвлёкся от мыслей о других делах и продолжил прокладывать путь до улицы Драконьего Глаза. Нервы были на пределе - на кону стоял план. Если Коррик или Фей подведут его сейчас, всё пойдёт прахом. Пинч меньше беспокоился о Коррике; он полагал, что старый пройдоха будет притворяться преданным хотя бы для того, чтобы избежать разоблачения. Другое дело - Фей; предводитель банды мог только надеяться на то, чтобы полурослик не совал ручонки в чужие карманы.

Нервное ржание лошадей и тень повозки оповестили Пинча о том, что как минимум один член шайки только что прибыл. Мастер-вор просочился сквозь толпу, прямо в закоулок, где ждал Коррик с добытым транспортом.

Но там его ожидали все трое - Фей, Коррик и Брюнетка Мэйв. Последняя успокаивала лошадей, напуганных скоплением людей. Он похлопал животное по крестцу, проходя мимо.

- Будь настороже, - приказал он женщине, прежде чем повернуться к другим. Коррик сидел на облучке, держа поводья, а Фей свесился через перила, чавкая яблоком - которое он, вне сомнений, стащил из корзины какого-нибудь торговца. Халфлинг никогда не платил за что-то, что не было под замком.

- Всё готово? - требовательно поинтересовался главарь.

Коррик улыбнулся щербатой улыбкой и махнул в сторону повозки.

- Лучшее из того, что я смог достать, Пинч, - прихвастнул он.

Впрочем, животные никак не походили на повод для хвастовства - оба тощие, с пятнами от чесотки и шеями, заглубившимися от многих лет ношения хомутов. Но хотя бы фургон был достойным. Над задней частью раскинулся холщовый навес, под которым все они могли укрыться. Где-то там, подумалось Пинчу, в поисках своей телеги мечется какой-то тряпичник.

- Итак, Фей? Канализация - как близко мы сможем подобраться?

Халфлинг выбросил огрызок и перебрался на сиденье. Он показал поверх голов на магазинчик в дальнем конце площади.

- Ближе, чем я думал. Видите магазин тканей? Чуть дальше, может, в броске камня от него – виселицы.

С такого расстояния казалось, что от лавки до места экзекуции – рукой подать.

- Сможешь провести нас по туннелям?

- Уже отметил путь этим утром, босс.

Пинч подавил желание поздравить себя. Работа ещё не выполнена.

- Молоток.

Предводитель дал знак присоединиться к нему, что его последователи и поспешили сделать.

- Мэйв, вы двое, слушайте внимательно. План таков. Мы заберём тело. Мэйв уже пустила слухок, что группа магов хочет заполучить труп для экспериментов. – Волшебница присела в насмешливом реверансе при упоминании своей сыгранной роли. – Это должно отлично подогреть толпу. Внушить им страх того, что кто-то воскресит Тэрина после смерти.

Фей нахмурился – он всегда настороженно относился к разграблению могил и прочим связанным со смертью вещам, но Пинч добавил:

- Всё это для того, чтобы мы могли подъехать поближе. Затем, прямо перед спуском рычага, Мэйв использует свою силу, чтобы вырвать Тэрина из петли. А когда это произойдёт, Коррик направит лошадей прямо в толпу. Мы доберёмся до выхода, который покажет Фей, и свалим отсюда прежде, чем кто-либо поймёт, что случилось.

- Это твой план? – недоверчиво уточнил Фей. – Похоже, старина Коррик был прав – нужно было уже направляться в другой город.

- Ну, мы тут, и уже нет смысла куда-то направляться, Фей, - прокричал Коррик. – Дадим Пинчу шанс. Разве не всегда его задумки срабатывали?

- Хватит терять время, - рявкнул главарь. – Быстро все в повозку.

Изящным движением он запрыгнул назад, помогая затем менее проворной Мэйв последовать за ним. Фей завалился рядом и потянул полоску ткани, пряча от чужих глаз всю компанию. Из темноты телеги троица имела отличный вид на всё ещё пустовавшее оборудование для казней.

Толпа зашлась рёвом, когда на подмостки виселицы взобрался глашатай с зажатым под мышкой свернутым приговором. Представитель властей зазвонил в колокол, тщетно пытаясь утихомирить собравшихся.

- Коррик, пошёл.

Старик тронул вожжи, и лошади потянули сильно качающуюся повозку вперёд. Пассажиры заболтались внутри, когда колёса колымаги покатались по булыжной мостовой.

Яростный крик, наполовину дикий, наполовину радостный поднялся над людьми, когда фургон въехал на площадь. Вопли стихли сразу же, как только зеваки поняли, что это не повозка палача. Отчаянно хлеща кнутом несчастных животных, и случайных прохожих, Коррик смог проложить путь через плотный заслон из человеческих тел.

Пока Коррик был занят управлением, Пинч склонился к слегка пушистому уху халфлинга и прошептал:

- Фей, слушай сюда. Мне нужно пятьсот нобелей. Можешь по-быстрому насобирать?

Глаза маленького мошенника расширились при упоминании столь значительной суммы.

- Пять сотен – прямо сейчас?

- Или Тэрина повесят. Это единственный выход.

- Да к обитателям ада его! – проворчал Фей вполголоса; однако Пинч рассчитывал на его любовь к вызовам, а не к Тэрину.

- Пять сотен?.. – повторил Фей, оглядывая людскую массу, оценивая количество простаков. И среди собравшихся их было предостаточно – заплывшие жиром богачи, наслаждающиеся компанией своих спутниц; измотанные работой трудяги, позабывшие о кошельках; пьяные мастера; даже благородные вельможи с их окружением.

- Я и Резец сдюжим, - хвастливо согласился полурослик, вытащив маленький кинжал из привязанных к поясу ножен.

- Тогда вперёд и с песней, парень, - нетерпеливо отозвался Пинч. После этих слов маленький воришка легко спрыгнул с повозки и растворился в толпе.

Снаружи донёсся новый рёв - горожане узнали повозку палача, в этот раз правильно. Она уже приблизилась к виселицам; на площадь телега выкатилась с одной из боковых улочек, чтобы избежать возбуждённых зевак, поджидающих её на главных дорогах. Пинч видел стоящего во весь рост Тэрина, воодушевлённо машущего толпе скованными руками. Рядом с ним ехал безразличный ко всему окружающему палач, накинув на голову капюшон с вышитым на нём черепом, служившим приговорённому напоминанием о том, с кем он делит эту повозку.

Толпа колыхнулась в направлении телеги. Люди так сильно жаждали зрелища, что едва не перевернули колымагу, заставив палача с несвойственной ему поспешностью вытолкать Тэрина на платформу.

Человеческая волна послужила и шайке воров, уменьшив напор на них спереди. Коррик правил повозкой на всей скорости, на которую были способны старые клячи, направляя их в просветы. Когда они приблизились, Мэйв передала Пинчу принесённые с собой старую рабочую одежду, потрёпанную шляпу и накидку, всю в потёках крови. Главарь быстро прикрыл свои шёлка полученной одеждой. Кое-где поправившись, Пинч, выглядевший теперь словно помощник хирурга, взгромоздился на место рядом с Корриком. Когда повозка, дёрнувшись, остановилась у основания виселиц, времени оставалось совсем чуть-чуть.

Отряд Всадников Ада окружил место повешения стеной, их красно-серебряная броня сверкала на солнце. Двадцать или около того солдат сдерживали натиск толпы, выставив копья кольцом. Внутри шнырял бородатый капитан, отдававший людям приказы приготовиться.

- Наш мастер, маг Шилдрис, послал нас выкупить тело, чтобы мы могли затем его исследовать, - крикнул замаскированный Пинч офицеру. Для пущего эффекта он поднял кошель и многозначительно позвенел. Наполнен он был, конечно, обычными медяками, но капитан этого не знал. Вновь ложь сошла с губ Пинча легко, не менее гладко, чем и правда.

На возвышении глашатай зачитывал смертный приговор, пока палач подгонял петлю под размер. Наблюдая за выполнением плана Пинча, Мэйв неуютно поёжилась; Коррик не ослаблял хватку на поводьях.

Капитан отряда алчно ухмыльнулся и кивнул подчинённым - те расступились, пропуская повозку через ошетилившийся оружием круг. Когда телега со скрипом двинулась вперёд, маленькая фигурка Фея мелькнула в толпе, запрыгнув в колымагу. Халфлинг подмигнул и кивнул - и это всё, что нужно было Пинчу, чтобы понять, что полурослик преуспел.

Рядом с Тэрином священник Тира зачитывал инкантиацию по мёртвым. Всё, что теперь оставалось – мешок на голову да поворот рычага.

Пинч коснулся Мэйв и знаком велел приготовиться. Коррик, Фей и Мэйв вывалились из повозки. Пинч уже было последовал за ними...

- Я же сказал, что рано или поздно доберусь до тебя, *разбойничек*, - раздался пронзительно-гнусавый голос, как только мастер-вор перемахнул через борт. Пинч приземлился и резко развернулся – чтобы очутиться лицом к лицу с командующим Уилмарком, выскользнувшим из толпы. Когда солдаты расступились, пропуская командира, Коррик шмыгнул на его сторону.

- А теперь, не без некоторой помощи твоего друга, я заполучил всех вас, - позлорадствовал Всадник-коротышка.

Фейкаблук и Мэйв, окружённые частоколом мечей, могли лишь беспомощно наблюдать.

- И да свершится правосудие Тира, - донеслись с пьедестала заключительные слова молитвы жреца.

Толпа затаила дыхание.

- Пинч, спаси меня! – прорезало тишину жалобное верещание Тэрина.

По щеке Мэйв скатилась одинокая слезинка.

Рука Пинча медленно скользнула к кинжалу.

С грохотом распахнулась дверца люка, в следующую же секунду раздался восторженный визг людской массы. В этом крике почти потонул звук щелчка натянутой струны – это верёвка размоталась до конца. Всё ещё дергающиеся ступни Тэрина почти коснулись дна повозки, прежде чем вновь отправиться в воздух. Сборище ревело при каждом таком скачке.

- Ты неудачник, Пинч! – прокаркал Коррик со своего места, в безопасности под крылом Уилмарка. – Ты исчезнешь, а я – нет! Угадай, кто будет править городом? Командующий и я пришли к взаимопониманию.

- Правда? – Пинч позволил руке упасть с рукояти кинжала. Даже сейчас, с болтающимся над головой Тэрином, кровожадной толпой вокруг и окружённый забором острых клинков, главарь шайки оставался абсолютно спокоен. Мэйв вот уже рыдала - наверно, больше по себе, чем по ушедшему товарищу. А Фей, похоже, и вовсе был готов обратиться в веру – в любую веру.

- Быть может, командующий и я тоже могут прийти к взаимопониманию. Фей, ты готов? – уточнил Пинч, ни на секунду не отводя взгляда от Уилмарка и Коррика. Старый пройдоха приподнял бровь при виде такого поворота событий.

- Да, более чем. Набрёл на богача, ага, - нервно отозвался халфлинг, вложив кожаный мешочек в протянутую руку предводителя.

- Будет лучше, командор, если мы переговорим наедине, - Пинч кивнул в сторону крытой повозки. - Тэрин не сможет вечно отвлекать толпу.

Уилмарк колебался, переводя взгляд с Пинча на Коррика и обратно - словно собака, пытающаяся выбрать одну из двух костей.

- Заведите обоих внутрь, - приказал он ближайшим стражникам, указав на Пинча и Коррика. - И следите за теми двумя - чтобы никаких глупостей. - Уилмарк исчез в сумраке повозки; стражники затолкали Коррика следом.

Мастер-вор медленно забрался внутрь, попутно отметив, что Тэрин всё ещё висит на перекладине, а его ноги слегка подёргиваются. Во тьме фургона, главарь смог разглядеть Уилмарка - меч наготове, но сам он сбит с толку игрой Пинча. Стараясь не нервировать его резкими движениями, Пинч бросил кожаную сумочку к ногам командующего. Она громко звякнула, стукнувшись о деревянный пол. Уилмарк отпрянул от неожиданности.

- Там больше пятисот золотых нобелей, - объявил Пинч. - Если согласишься, то завтра последует ещё пятьсот, при условии...

- Условии?

- При условии, что ты отдашь тело Тэрина ипустишь нас, - лидер шайки не смог сдержать улыбку, зародившуюся внутри - дьявольскую, холодную, будто кошачий оскал. Уилмарк попался - Пинч знал это. От такого предложения этот подлец не смог бы отказаться.

Офицер метнул взгляд на своих людей, ожидавших снаружи.

- Мне понадобится тело на замену Тэрину, - медленно протянул он.

- И ты его получишь, - последовал уверенный ответ Пинча.

- Оно должно выглядеть так же.

- Будет.

Глаза старого Коррика расширились при этих словах, едва слышных за гулом толпы.

- Пинч, ты же не...

- Его тело, - предложил предводитель воров командиру солдат.

- Стой, - вскрикнул Коррик, - я...

Внезапным выпадом меча, командующий Уилмарк прервал невнятное напуганное лопотание старика.

- Вор мёртв, - прокричал он своим подчинённым, - спустите его!

Не дожидаясь исполнения команды, Пинч сорвался с места, высунул голову наружу из передней части воза.

- Мэйв, заклинания. Фей, тащи сюда Тэрина.

Смуглая Мэйв, внезапно ставшая спокойной и невозмутимой, загрузилась в фургон и встала на колени у тела Коррика. Водя над трупом руками, она пробормотала несколько слов заклинания. Морщинистая плоть старого вора размякла и пошла волнами, и вот уже перед ними на досках лежит Тэрин. Фей уже затягивал через задний вход снятого с виселицы, находящегося без сознания, но вполне ещё живого настоящего Тэрина. Пинч помог ему затащить ношу внутрь. Лежащие друг рядом с другом тела, казалось, принадлежали умершим близнецам.

Толпа, всё ещё жаждущая впечатлений, подалась к платформе в безумной попытке завладеть трупом. Всадники Ада быстро приступили к выполнению своих

прямых обязанностей, пытаюсь сдержать напор кровожадных людей, но не желая использовать против честных граждан оружие.

- Тебе пора, - крикнул Пинч, едва ли не вытолкав Уилмарка из повозки. Напрягшись, предводитель воров вышвырнул зачарованное тело Коррика следом. – Отдай на растерзание толпе – тогда вопросов не будет! – посоветовал он напоследок, взобравшись на место кучера.

Не теряя времени, мастер-вор бешено заработал хлыстом, понукая лошадей вперёд, сквозь толпу. Началась неразбериха, вызванная тем, что оказавшиеся на пути фургона отчаянно старались убраться с дороги, в то время как остальные пытались прорваться к оставшемуся позади телу. Обернувшись в последний раз, прежде чем повозка скрылась на задворках Элтурэля, Пинч предположил, что толпа побеждает.

Десять дней спустя, четверо путников сидели за заставленным бутылками столом в одной из винных лавок Скорнубеля. Двое из них, маленький полурослик и бледная женщина с каштановыми волосами, уже давно вырубались. Два других человека всё ещё выпивали. Было уже поздно, но владелец не возражал – эти двое денег не жалели. Периодически старший из них, невзрачный мужчина, одетый слишком уж хорошо, разминал ногу, как будто бы она задеревенела. Другой, огромный работяга, отличался столь же странной привычкой поправлять шарф вокруг шеи.

- Я же говорил, что у меня есть план, - проворчал старший, неаккуратно налив ещё стакан.

- Отличный план – повесить и выкупить. Попробуйте его на своей шкуре, - пробормотал фермер. – Клянусь задницей Цирика, как эти шрамы чешутся! Откуда вы знали, что я не умру?

- Я не знал, - устало промолвил другой.

- То есть, я мог склеить ласты?

- Это неважно. Ты был лишь частью плана.

- Частью... Коррик! Вам нужен был Коррик.

- Но ты же выжил...

- А тот, кто сдал меня, мертв. Вы с самого начала знали, кто всё это провернул.

- Я подозревал. Всадники нагрянули прямо к Мэйв – слишком уж просто. Кто-то стал перебежчиком, - темноволосый отмахнулся от вопросов рукой.

Первые проблески рассвета пробивались в щели ставен таверны, подсвечивая бутылки.

- Значит, весь этот план вовсе не заключался в моём спасении, так?

Старший из них поднял бокал, рассматривая, как вино искрится и играет в лучах утреннего солнца.

- Я предпочту назвать это уроком преданности.

ВСЁ ДЕЛО В ШИПАХ

Джеймс М. Вард

Лепившийся к высокому холму и присматривавший за незначительным поворотом реки Иммер небольшой, бесполезный замок по большому счёту ничего и не защищал. Военачальники соседнего Кормира не считали эту крепость - известную как Замок Стоун - стоящей тех потерь, что повлечёт её взятие, поэтому оставили в покое, заклеив «стратегически нецелесообразной». Шестьдесят с лишним обитателей деревеньки, примостившейся у крепостных стен, считали по-другому. Они безумно гордились тем, что Замок Стоун никогда не поддавался ни одной осаде. Ничего удивительного - на эти гранитные башни да дубовые ворота никто и не покушался.

По правде говоря, только необычный замковый сад представлял собой хоть какой-то предмет для гордости. Посаженные двести лет назад в маленьком скверике в центре главной площади ростки дикой розы превратились в ошеломляющей красоты цветы, красные, словно свежeproлитая кровь, и сплошь усыпанные шипами, точно моргенштерны. Скорее удача, нежели сила, позволила им десятилетиями цвести и благоухать, но однажды владелец замка объявил кусты своими - из-за их выдающегося насыщенного цвета. С тех пор и поныне на всех флагах правителей крепости красуется эмблема в виде кроваво-красной розы.

Эти же флаги последние два дня развевались на середине шпилей - их приспустили, когда смерть посетила старого лорда. Новый лорд Стоун, полный свойственной юности глупости, мнил себя создателем империй. Он реорганизовал свою армию (из шестидесяти человек), привёл в порядок счета и заменил всех старых советников отца более молодыми и дальновидными.

Нечего и говорить, что помыслы свежееиспечённого лорда были направлены только на отдалённые от замка дела. Погрузившись в раздумья, молодой правитель размышлял, не стоит ли ему установить для своей вотчины новый символ, единорога, например, или большого дракона - что-то, что принесёт ему уважение, ну или хотя бы просто меньшее количество ехидных замечаний от его врагов. По крайней мере, сейчас точно наступило время избавиться от садовника. Старый пьяница занимал эту должность уже как минимум пять десятков лет.

Удовлетворённый своим решением, лорд Стоун отослал своего камергера, снабдив соответствующими приказами. Управляющий двором поспешил подчиниться желаниям господина, под аккомпанемент стука своего скипетра по каменному полу. В свою очередь, правитель перешёл к следующей проблеме, решить которую было жизненно необходимо для дальнейшего процветания крепости - составлению меню на ужин.

Он едва только определился с выбором супов, когда звук постукивания скипетра вернулся вновь.

- Есть небольшая проблема, милорд, - пробормотал глава двора. - Садовник Грим... отказывается уходить.

- Что?! - взвыл лорд Стоун. - Когда я отдаю приказ, я жду его выполнения!

- Понимаю, милорд, и полностью согласен.

- Ну тогда в чём же дело?

Сенешаль нервно теребил цепь своей ливреи.

- Я пытался объяснить Гриму, что ваш приказ делает ему честь, и что увольнение служит наградой. Однако ему так не кажется, - громко сглотнув, он добавил: - Он всё ещё там, копается в розах. Мне с трудом удалось дозваться его. Грим служил - при всём моём уважении - ещё Вашему отцу и деду. Он пользуется популярностью среди остальной прислуги, и произошедшая сцена могла обеспокоить обитателей замка.

- Обеспокоить! - молодой правитель прыжком поднялся с трона и гневно потопал к выходу. - Это мы ещё посмотрим!

Всё, что Грим когда-либо хотел делать, это ухаживать за розами Замка Стоун. Оставив прочие ремёсла - включая многообещающее ученичество у странствующего мага - немогущий и согбенный садовник вырос, набрался ума и постарел среди любимых растений его лордов. Иногда он с теплотой вспоминал своего отца, бывшего садовником ещё до него - как он привёл тогда ещё мальчика в замок, показать ценные кусты. Их огромные бутоны и мягкий аромат заворовали его уже в том нежном возрасте; маленький Грим разбил свой собственный садик, заботливо ухаживал с любовью и магией, изученной им почти инстинктивно, но ни один из его подопечных не мог сравниться с замковыми розами. Тогда же он поклялся, что уход за этими особыми цветами станет его жизнью.

- А теперь, после всех этих лет, они хотят, чтобы я ушёл. Если бы старый лорд Стоун был жив, уж он-то им показал. Ох, вот был человек! Человек, понимающий, какая забота нужна этим розам.

Грим всаживал мотыгу в землю с силой большей, чем обычно. Каждый взмах инструментом чередовался с красочным, но безмолвным эпитетом, направленным новому лорду Стоуну.

Раздавшийся в саду звук шагов, наконец, вывел старика из мрачных мечтаний. Обернувшись, он увидел нового лорда и его нового придворного советника. Садовник склонил голову в знак уважения, но не встал на колени, как сделал бы это при виде прежнего владельца замка.

Лорд был хорошо откормленным, сильным молодым мужчиной в самом расцвете сил. Спуск от тронной залы до скверика ничуть не утомил его, чего нельзя было сказать про камергера. Хотя он и был тех же лет, что и его повелитель, сейчас он стоял, сложившись пополам и жадно заглатывая воздух. Кроме того, обе его руки плотно стиснули скипетр, чтобы только его владелец мог хотя бы стоять.

- Грим, я слышал, ты не хочешь уходить? - начал лорд Стоун без предисловий. - Послушай, всем нужно уходить, раньше или позже. Пришло время дать свежей крови дорогу сюда, в Замок Стоун, людям с новыми идеями - в *каждую* сферу деятельности. В этом и заключается Прогресс. - Он ждал, что Грим кивнёт в подтверждение, но старый садовник просто стоял и безучастно смотрел, поэтому

лорд продолжил: - Должно быть, я не совсем ясно выразился. Будь другом, уходи. Мы отдаём твою должность кому-то другому. Для тебя всё кончено.

Лорд развернулся и собрался уходить; хорошо выполненная работа вызвала улыбку.

- До конца ещё очень далеко! – воспротивился Грим. – После всех этих лет службы, я не позволю себе оказаться выброшенным в кучу навоза только потому, что ваша светлость настолько глупы и думают, что закончили иметь дела со мной! – Каждое слово было громче предыдущего, и вот уже садовник кричит почти во весь голос: - Я работал в этом замке, на лордов этой крепости ещё до того, как ты родился! У тебя нет права поступать так со мной!

Лицо старого Грима угрожающе покраснело, почти приняв оттенок одного из его обожаемых бутонов. Он видел, что гнев вздымается и в молодом лорде, но ему было уже наплевать. Он поднял мотыгу, подчёркивая сказанное: - я не...

Для лорда Стоуна это оказалось последней каплей. Никто из его подчинённых – особенно этот сморщенный старый земляной червяк – не смел угрожать ему оружием. Он схватил тощего старика, без усилий поднял над головой и с силой швырнул о холодную каменную стену перголы. При ударе тело Грима издало хруст, затем с влажным звуком соскользнуло по камню. Не выдержала тонкая кожа, не выдержали древние кости; не выдержало и сердце старого садовника.

Кровь хлестала из разорванной плоти, впитываясь в землю любимого им розового садика, но Грим нашёл в себе силы поднять глаза на убийцу:

- Будь проклят ты и твоя жи...

Последние слова садовника остались неслышанными – лорд уже направился прочь из сада. В конце концов, он был занятым человеком, а вопрос с выбором блюд на ужин предстояло ещё решать и решать.

- Убери здесь всё, - через плечо бросил лорд своему управляющему. – И убедись, что ни одна из отцовских роз не пострадала.

- Да, мой лорд. Займусь этим прямо сейчас.

Сенешаль добросовестно обошёл розовый сад по кругу, с облегчением отметив, что повреждённых среди цветов нет. Сделав в уме пометку о том, что нужно до завтра найти нового садовника, он поспешил заняться другими делами.

Прошло около часа, прежде чем стража смогла приступить к устранению тела Грима – лорд Стоун отослал большую часть своей армии в деревню, где они сустились, точно свиньи в поисках трюфелей. К тому времени все в замке и в деревне знали, что произошло. И те из жителей, кто посетовал, что безвременная кончина старого садовника не сулит ничего хорошего, оказались абсолютно правы.

Кровь Грима, отравленная проклятием, сочилась на вскопанную поверхность и стекала по внутренней стене сада. Впитываясь в хорошо взрыхлённую землю, багровый поток омывал корни самого большого розового куста. Несколько часов растение кормилось этой влагой, а потом... преобразовалось. Корни и усики заглубили и стали толще. Земля у основания растения вспучилась и зашевелилась.

Верхняя, открытая часть куста не менялась, пока не наступила ночь, принёсшая с собой лунный свет, заботливо обнявший листья растения. Оно выразило своё удовольствие мягким шелестом гибких стеблей. Разрастаясь и становясь толще,

листья и отростки ползли во все стороны под немыслимыми углами, стараясь захватить как можно больше сияния ночного светила.

Удвоившись, даже утроившись в размерах, проклятая роза быстро распространила своё влияние. Она слилась с остальными кустами сада, сплела свои корни с чужими, образовав под землёй огромную, пульсирующую сеть. Шипы превратились в большие полые кинжалы, усыпавшие гибкие лозы-щупальца. Кайма каждого лепестка обзавелась шипастыми зубьями, высасывавшими жизнь из мух, бабочек и прочих насекомых, оказавшихся слишком близко. А под поверхностью земли корневая система занималась своим делом, выискивая и накалывая каждого червяка, личинку или жука.

В середине монстроподобного растения образовался гладкий плод, размером с арбуз. Белые отметины на нём пульсировали в лучах заходящей луны. Создание чувствовало присутствие множества живых существ в стенах замка – существ, которые могли предложить больше питательных веществ, чем поглощаемые до сих пор насекомые. Осторожно и скрытно, куст послал свои побеги на разведку.

Жестокий, невыносимый свет взошедшего солнца, однако, заставил ускин-шпионы отступить прежде, чем они смогли разузнать что-либо ценное. Куст-монстр сжался, спрятался под защиту стен, затаив тело в тень. Он раздумывал над другими способами исследования замка, когда со стороны садовых ворот донеслись звуки голосов, привлекая внимание. Конечно, растение не понимало, о чём говорят эти существа, но это было и неважно. Беседа его не интересовала; нет, этот интерес был из тех, что относят к примитивным инстинктам.

- Сад с розами – позади этих ворот. Здесь никогда нет охраны, поэтому можешь приходить и уходить, когда вздумается.

- Хорошо, господин управляющий.

- Отнесись к своим обязанностям серьёзно, это большая честь.

- Хорошо, господин управляющий.

- Трудись каждый день, не покладая рук. Лорд Стоун, да и все остальные, очень трепетно относятся к этим цветам.

- Хорошо, господин управляющий.

- Теперь за работу, - камердинер потопал прочь, разбираться с сотней менее-чем-волнительных заданий, выданных ему молодым лордом Стоуном.

Фоули Початок – тот самый человек, которого оставили стоять перед входом в сад – уж точно не считал себя счастливым. Его выдернули с полей и сообщили, что должность садовника Замка Стоун теперь за ним. Не то, чтобы эта работа сама по себе ему не нравилась; просто лорд Стоун не платил достаточно, чтобы фермер мог полностью забросить свои собственные угодья, и парень даже не представлял себе, как будет трудиться и там, и там. И конечно, не стоило забывать о причине, по которой его предшественник поспешил в Королевство Мёртвых.

Всё же фермер ничего не мог со всем этим поделать. Когда толпа вооружённых стражников сообщает тебе, что лорд очень расстроится, если его предложение отклонят – ну, остаётся только много кивать и улыбаться. Смирненно вдохнув, Фоули отправился в обход своих новых владений.

- Так, и что у нас тут?

В первый момент, при виде невероятного наполнения сада, глаза Фоули расширились. В голове осталось только удивление по поводу размера и оттенков цветов. Он слышал про них от старого Грима, но простым жителям никогда не позволялось посещать сады лорда, чтобы увидеть их лично.

Цветы и вправду поражали воображение. Каждый бутон был размером с человеческую голову, а все розы повернуты к садовой дорожке. Как будто... как будто они смотрели на него! Липкий холодок ужаса пробежал по спине парня.

- Ну что ты в самом деле, Початок! У тебя есть задание и лучше уже к нему приступить, - он задумчиво постучал по подбородку и осмотрелся. – Вот с чего надо начать, этому тут явно не место.

Загрубевшие руки Фоули потянулись во тьму за ягодой, не уступавшей по размеру арбузу. Потянув его, фермер заметил мешанину необычайно толстых, усеянных шипами стеблей, тянущихся к земле. Один из шипов царапнул ладонь, но пореза не оставил; Фоули уже больше десяти лет возился с растениями, и кожа на его руках стала толще воловьей.

- Такой плод давно следовало срезать. О чём только старый Грим думал? – садовник грубо повертел арбузик в руках. – Может, он просто не заметил тебя, а?

Чудовищное растение попыталось вжаться обратно, но садовник лишь крепче ухватил его. Роза-монстр страстно желала высосать это существо досуха, но кожа его рук была твёрдой, точно камень. Может быть, стоило попробовать другой способ...

Щупальца с длинными полыми шипами заползли за спину фермера. Они оплели ноги Фоули и оттянули его руки прочь от плода, плотно прижав к бокам. Колючки пронзили шею и начали высасывать жизненную силу человека. Но с кровью и костным мозгом они впитали кое-что ещё – волю мужчины и его разум.

Поражённое внезапным открытием, которое позволил сделать ум Фоули, растение остановило свою трапезу. Оно не убило садовника, как привыкло поступать с мухами да червяками. Нет, оно поглотило только то количество живительной влаги, которого хватило бы для продолжения существования, только ту часть рассудка парня, без которой он превратился в беспомощного раба. Насытившись, куст отстранился.

Ослабевшая от усилий, ошарашенная новой картиной мира, роза-монстр теперь отдыхала. За это время Фоули убрал некоторые мешающиеся камешки, а потом следил за покоем нового хозяина до тех пор, пока солнце не село и сад не окунулся в нежный лунный свет.

Набравшееся сил и уверенное в том, что сможет вновь защитить себя от посягательств, растение отослало человека – с остекленевшими глазами – прочь, приказав вернуться на рассвете и привести с собой ещё кого-нибудь из его вида.

Поздним утром следующего дня лорд Стоун прогуливался около сада. Он только что закончил обсуждать с капитаном стражи цвет новой формы его гвардии, а ещё раньше они с управляющим бурно спорили насчёт некоторых подробностей меню. Отмеряя шаги, лорд разговаривал сам с собой; эту привычку он выработал в тот день, когда объявил себя единственным достойным собеседником во всей крепости.

- Что ж, отлично поработал с утреца! – рассмеялся лорд. Он не мог понять, как это замок вообще смог продержаться все эти годы за отсутствием его мудрого правления.

- А сейчас самое время для недолгой тренировки с мечом, - оповестил он сам себя. – Мне нельзя слишком уж терять форму – хотя, когда сидишь весь день на троне, такое легко допустить. Итак, отправляюсь на тренировочный двор. Для войска будет полезно, если они увидят, что их предводитель трудится в поте...

И тут в нос ударил *запах*.

- Во имя незрячих очей Тира, что за вонь? Как будто кто-то построил скотобойню прямо посреди сада! Фоули! – закричал лорд, распахнув ворота и ворвавшись на территорию скверика, - что ты тут...

Фоули и замковый повар только что вылили в землю целую бочку крови; они так и стояли там, с открытыми ртами и остекленевшими взглядами, уставившись на лорда Стоуна.

Лицо правителя приняло то же выражение, только в его случае причиной тому было потрясение. Любимые розы его отца превратились в монструозные создания, с шипами длиною с кинжалы. Всюду валялись наполовину обглоданные свиньи и курицы, опутанные лозами. А потом он увидел нанизанных на шипы троих стражников и кузнеца, с застывшими на их израненных лицах выражениями ужаса.

Небольшой круглый плод поднялся над землёй, покачиваясь на усыпанном колючками стебле, и двинулся к лорду Стоуну. Правитель вскинул меч и с силой замахнулся, но задубевшие лозы перехватили клинок на полпути. Другие отростки вонзили шипы в оголённые руки и шею лорда. Как Фоули и повар до этого, он тут же проникся новым чувством – безмерной преданности розе.

- Это растение должно процветать и хорошо питаться, Фоули, - безучастным голосом пробубнил лорд Стоун, когда цветок покончил с ним. – Я распоряжусь выделить тебе больше помощников. А ещё лучше удвоить стражу вокруг замка. Безопасности много не бывает, да?

- Стоять! – приказал стражник у ворот. – Кто вы такие, что пытаетесь проникнуть в Замок Стоун без какого-либо на то разрешения? – угрюмый солдат, поддерживаемый тремя не менее угрюмыми товарищами, поднял пику, не позволяя всадникам пересечь широкий подъёмный мост.

Самый низкорослый из двух путников – одетый во всё красное сквайр – ощущал себя весьма важной персоной. Он отъехал от своего лорда на несколько шагов вперёд и остановился.

- С каких это пор есть необходимость отвечать на вопросы, чтобы попасть в крепость – особенно такому важному рыцарю, как мой учитель? Любой король или барон, достойный носить свой титул, с радостью разделит бы с ним стол!

Сквайр оглянулся назад, надеясь получить одобрение, но лицо наставника оставалось нахмуренным. Наверно, ему стоило дождаться, пока рыцарь заговорит первым, но этот наглый стражник неимоверно разозлил его!

- Отвали, щенок, - пренебрежительно фыркнул главный привратник и помахал оружием. – Со мной будет говорить твой хозяин, не то вышвырну вас обоих отсюда в

мгновение ока. Итак, кто вы такие и что вам нужно от добрых обитателей этого замка?

- Ты спрашиваешь, кто я такой? – в голосе рыцаря сквозило напряжённое удивление. Он направил своего огромного боевого скакуна вперёд. Животное фыркнуло, казалось бы, столь же пренебрежительно, как и стражник минутой ранее. – Это Замок Стоун?

- А то ж, - стражник упёр конец пики в землю, наставив острый наконечник на закрытую доспехами грудь большого коня. «Останови скакуна и остановишь наездника», - как любил говаривать его отец.

- То есть это всё ещё Замок Стоун, управляемый *моим хорошим другом*, стариной лордом Стоуном? – прежде чем страж смог ответить, рыцарь поднял красивое лицо к небу и добавил: - И не в зените ли сейчас солнце – единственное время дня, когда двери замка открыты для странников, желающих укрыться от зноя? – теперь в голосе воина звучало неподдельное недоверие.

- Кое-что поменялось, - холодно ответил стражник. – Но это я не буду обсуждать, если не скажешь, какие у тебя дела в этом замке. – Привратник подал сигнал отряду арбалетчиков занять позиции на стене.

Рыцарь опустил забрало, готовясь при необходимости выдержать несколько ударов. Сквайр повторил движение, к тому же взяв на изготовку моргенштерн.

- Я – сэр Ганитар, известный как «Рыцарь Молота», или просто Молот. Почётный член Гильдии Героев Хаймура. Я только что вернулся из трёхлетнего, и весьма успешного, странствия по руинам Павшего Королевства, если так уж хочется знать. И теперь собираюсь как минимум месяц не вылезать из ванн единственной таверны этого замка, есть что-нибудь отличное от сухпайков и проводить дни, рассматривая каждую хорошенькую девушку, достаточно смелую, чтобы пройти мимо меня. Какие-то проблемы с этим? – последнее сказано с надеждой, словно бы рыцарь желал поединка.

Стражник быстро опустил копье и передал его одному из товарищей, а затем распустил стрелков. Презрительное выражение его лица сменилось потрясением, если не сказать открытым ужасом. Если всё, что он слышал об этом воине – правда, то он не хотел оказаться тем, кто вызовет уничтожение главных ворот замка.

- М-молот, - запинаясь, пробормотал вояка. – Эээ, прошу прощения, не признал.

Стражник знал легенды о сэре Ганитаре Молоте так же хорошо, как историю своей собственной жизни. Говорили, что его зачарованный молот выковали сами боги. Другие рассказывали, что Ганитар мог невидимым пробраться в любое сколь угодно хорошо охраняемое место и взять там, всё, что ему нужно.

Солдат поклонился и ретировался было, но именно в этот момент в воротах появилась группа всадников, появившихся со стороны внутреннего двора. Заметив лидера процессии, Молот приветственно помахал рукой - вёл этих людей не кто иной, как молодой лорд Стоун. Уж теперь-то он разберётся с этой ситуацией!

- Мой лорд, как дела во владениях?

Молодой воин проигнорировал приветствие и продолжил путь, не обратив абсолютно никакого внимания на Ганитара и его оруженосца. Такое оскорбление вывело рыцаря из себя. Мальчишка обязан был проявить хотя бы вежливость – кто

качал этого скулящего щенка на коленях много лет назад? Нет, такое поведение нельзя спустить с рук, совершенно нельзя.

Одним взмахом рыцарь поднял молот. Круговерть магических молний сорвалась с чистого неба и ударила в землю вокруг боевого скакуна сэра Ганитара. Закалённый в боях конь устрашающе заржал; более мелкий жеребец сквайра безуспешно попытался повторить этот впечатляющий звук.

Лошади патрульных такой стойкостью не отличались – при виде молний они в панике заржали и попятились. Не отступил только конь лорда Стоуна.

Ганитар поднял забрало и прокричал:

- Теперь-то ты меня узнаёшь? Рад снова тебя видеть! Я хотел бы выпить с твоим отцом. Кстати, хорошо выглядишь, - последнее было ложью, пусть и с благими намерениями. Молодой лорд выглядел измождённым, как будто ему было больше лет, чем на самом деле.

- О... Ганитар. Рад встрече, - невнятно поприветствовал лорд Стоун. – Не заметил тебя. Радует, что ты жив и в порядке. Замку сейчас пригодятся все доблестные воины, которых только можно найти.

- Что случилось? Кто-то собирается напасть? Ты же знаешь, мой молот всегда к твоим услугам.

- Нет, не напасть. Пять дней назад отец умер. Очень неожиданно. Сердце просто остановилось, - молодой лорд сделал движение, будто собирался проехать дальше, но сэр Ганитар был слишком сбит с толку, чтобы позволить этому случиться. Рыцарь пришпорил коня, преградив правителю путь; оруженосец последовал за учителем и зажал лорда сзади.

Молот глянул сверху вниз со своего высокого седла на нового правителя замка.

- Друзей обычно приглашают на ужин, если не виделись с ними несколько лет. Давай же отобедаем да помянем твоего отца.

На лице молодого правителя отражались его душевные муки. Очевидно, он не горел желанием делить стол с Ганитаром, но обнаружил, что отказаться не так уж просто.

- Я не так часто свободен в последнее время. Замок и кое-какие локальные вопросы требуют всё больше моего времени. Уверен, какие-то из твоих старых деревенских приятелей захотят услышать о твоих последних приключениях.

- Я тоже; но ни с кем другим я не хотел бы преломить кусок хлеба больше, чем с тобой.

Лорд Стоун моргнул, словно его ударили.

- Да будет так. Приходи на ужин на восходе сегодняшней луны. К тому времени я уже должен буду вернуться из патруля. Выпьем бокал-другой, поговорим об отце.

- Тогда договор заключён! – улыбнулся Молот. – Позволь представить моего спутника и оруженосца. Томкин Вудмансон, собственной персоной.

Сквайр, парнишка лет пятнадцати, в странствиях с сэром Ганитаром обычно немногословный, весьма обрадовался тому, что оказался представлен именно этому знатному господину. Родом из земель, окружающих Замок Стоун, он видел молодого лорда на ярмарках. Парень поклонился настолько низко, насколько позволяло седло.

- Ганитар, кажется, ты не из тех, кто предпочитает заводить оруженосцев? – лорд замка оценивающе окинул мальчика взглядом.

- Ну, он, конечно, не идеален, но зато спас мне жизнь.

Изумление так явно читалось на лице лорда Стоуна, что Молот пояснил:

- Довольно долгая история. Если вкратце, я пробирался через лес, когда меня врасплох застала виверна. Тварь сшибла меня с лошади и прижала к земле. Стал бы трупом, если бы этот глупый мальчишка одним ударом топора не пробил монстру грудь. А в качестве награды он попросил сделать из него такого же воина, каким я сам являюсь, - Ганитар тонко улыбнулся. - Расскажу больше за сегодняшним ужином. А сейчас хотелось бы смыть дорожную пыль со своей старой шкуры. Итак, до вечера, мой лорд?

- До вечера, раз уж так нужно, - лорд Стоун повернулся и обнаружил, что патруль вновь собрался в группу. Он кивнул рыцарю и сквайру, проехал мимо них и умчался прочь.

- Он и взаправду такой великий правитель, каким его описывают старые истории? - с жаром спросил Томкин.

- Его отец точно был. А этот приятель, который так спешно нас покинул, и раньше был немного заносчив. Только время покажет, каким правителем станет он, - рыцарь прищурился, глядя вслед удаляющемуся патрулю. - Но с ним что-то совсем не так. Думаю, мы с тобой разнюхаем, что именно, во время ужина.

- Кажется, он не хотел бы, чтобы я обедал с такими, как вы.

- Не имеет значения, чего он там хотел бы. Ты мой оруженосец, и всюду ходишь со мной, - Ганитар хлопнул юношу по плечу. - Ты должен учиться служить мне. Верная служба так же важна для сквайра, как и искусство войны. Понимаешь, мальчик?

- Да, сэр, я всегда буду служить вам изо всех сил. Сделаю всё, что скажете, сэр Ганитар.

- Нет, нет, нет, приятель! Я не этого хочу. Старайся *предвидеть*, что мне может понадобиться. Прозорливость - ещё одно важное качество рыцаря. Пойми, что мне нужно, и предоставь до того, как я об этом попрошу. А я научу, как проделывать то же с врагами. Это особенность хорошего воина. А теперь, давай-ка подготовимся поглощать отличную еду. Знаешь, они тут выращивают замечательные арбузы, хвастаются ими как одними из лучших на Фаэруне - хотя розы в качестве герба замку подходят больше, да, Томкин?

Сквайр кивнул, лишь в пол-уха слушая, что говорит учитель - его ум усваивал только что преподанный рыцарем урок.

- Предвосхищать, вот что я должен делать, - тихо повторял Томкин, когда они вдвоём, в этот раз непотревоженные, направились к замку.

- Две тарелки. Лорд Стоун точно не хочет видеть меня на ужине.

Облачённый в полное обмундирование, с притороченным к спине двуручником, Томкин определённо казался себе одетым слишком вычурно и чувствовал себя весьма глупо, разглядывая маленький столик за пределами садовых ворот.

- Чепуха, приятель. Лорд Стоун нашёл время, чтобы устроить ужин в этом прелестном садике. Не могу не заметить, в саду сейчас как-то странно пахнет, но за ужином мы выясним, почему, вместе. Ещё одну тарелку легко раздобыть.

- Нет! - пискнул сквайр, боясь, что правитель замка может услышать, как они шепчутся у ограды. - Я не могу есть у него на виду, и буду всё время бояться пролить суп на скюртук. Почему бы мне не поесть вместе с лошадьми?

Ганитар, вспомнив былые дни, когда он сам ходил оруженосцем, сжалился над бедолагой.

- Ну хорошо, парень. Можешь не посещать трапезу. Но я хочу, чтобы ты остался у ворот и охранял их даже ценой жизни, если придётся. Никто не должен беспокоить нас во время ужина без моего на то разрешения. Хочу до конца разобраться во всех странностях, что здесь происходят.

С глубоким облегчением Томкин приступил к выполнению задания, в то время как Молот вошёл в сад и встретился с лордом Стоуном.

- Предугадывание, предугадывание, предугадывание..., - вполголоса бормотал паренёк, снова и снова. - Интересно, должен ли я обнажить меч? Или, может, лучше стоять в дверях, а не перед ними? Нужно ли звать на помощь при нападении или лучше молча умереть, защищая своего учителя? - на лбу сквайра проступил пот, когда он начал оглядываться во все стороны, готовясь дорого продать жизнь.

Стоя прямо на пороге входа, бывший дровосек, а ныне оруженосец, вертел головой туда и сюда, пытаясь держать в поле зрения и Молота, и вход в крепость. Мальчик так увлёкся этим занятием, что едва слышал слова беседы двух человек.

- Я больше не правитель этого замка, - сказал лорд Стоун. - Я служу другому - и вот кому!

Томкин мельком заметил большой арбуз, лежащий на побегах розы. Это выглядело необычно, но в лесу растущие рядом с арбузами дикие розы не были чем-то странным. Розы Томкин не любил, в отличие от арбузов.

Листья на арбузном стебле выглядели больше, чем обычно - вытянутые, словно наконечники копий, и размером с тарелки. Всюду вокруг растения змеились трёхсантиметровой толщины лозы. Раздутые, кроваво-красные бутоны состояли из необыкновенно толстых и как будто покрытых маслом лепестков.

Томкин оторвал взгляд от сада. Даже самые странные растения не должны отвлекать его от обязанностей. Если Молоту так хочется ужинать среди этих необычных кустов, это его личный выбор. В своих странствиях они видели куда более дикие вещи.

Осмотрев площадь вокруг сада, Томкин вновь заглянул внутрь; он увидел, что его наставник тянет розовый стебель, ведущий к арбузу. Такие же стебли обвились и вокруг спины.

Оруженосец покачал головой. Какую глупую игру они затеяли! Он и его друзья частенько проводили в лесу такие состязания в силе, но для этого они использовали молодые деревца - гнули, пока не переломятся. А это перетягивание арбузов не выглядело испытанием для внушительной силы его господина. Это зрелище к тому же смутило сквайра - рыцарь строго-настрого запрещал играть с едой, а этот плод выглядел уже поспевшим и готовым к употреблению.

Томкин вновь покачал головой. Неисповедимы пути сильных мира сего, а он едва только вступил на путь воина, чтобы иметь право осуждать их. Он вздохнул и отвернулся, продолжая нести дозор.

- Предсказывать, предсказывать, предска...

Тычок со спине отправил Томкина кувырком по земле. Сэр Ганитар и лорд Стоун пронеслись через ворота, даже не заметив, что сшибли паренька. Оруженосец оглянулся и увидел, что еда по-прежнему лежит на тарелках. Скользнув взглядом по учителю, он рассмотрел жуткое выражение на лице рыцаря - скулы покраснели, а глаза остекленели.

Должно быть, их состязание перешло в потасовку, решил Томкин. Засунув меч в ножны, сквайр последовал за наставником прочь от сада.

Сэр Ганитар ответил на беспокойство мальчика неловким взмахом руки.

- Нет, всё в порядке. Сегодня ночью мы спим в холле. Завтра нас ждёт много работы - и поездка.

Это определённо было очень странно. Парень слышал, как всего пару часов назад Молот потребовал, чтобы ему готовили специальные ванны - каждый день на протяжении месяца. А ещё он заказал припасы для большого пиршества. Томкин самолично доставлял приглашения всем местным друзьям рыцаря, и ещё больше отправил в Гильдию Героев Хаймура.

Томкин надеялся, что не совершил ничего, что послужило предметом спора между лордом Стоуном и его наставником. «Похоже,- с ужасом осознал сквайр, - я всё-таки не смог предугадать, что же понадобится сэру Ганитару за ужином». Рыцарь совершенно точно был в ярости, поскольку ушёл, не попробовав ни кусочка.

Холодное молчание Молота, продолжавшееся и во время подготовки постели рыцаря, лишь усилило подозрения парня. Совсем упав духом, Томкин приступил к выполнению ежевечерних обязанностей - хотя он едва мог поднять магическое оружие, ему приходилось класть молот на нужное место, чтобы Ганитар быстро мог схватить его в случае ночного нападения. Особый плащ тишины, сапоги длинных прыжков и пояс невидимости также вверялись заботе оруженосца каждый вечер. Молот решил, что никто не заподозрит молодого юношу во владении столь примечательными вещицами.

Прежде чем заснуть, Молот отправил сквайра спать на койку за единственной дверью комнаты. Томкин выполнил, что было велено, но спящим лишь притворялся. Немного погодя, услышав храп сэра Ганитара, мальчик поднялся. Он облачился в плащ, чтобы не дать страже услышать его движения. Ботинки позволят ему прыгать на большие расстояния и ступать по любой поверхности, словно пёрышко. Пояс, чья магия включалась одним словом, известным лишь им двоим, скрыл его фигуру от чувств людей, животных и растений. Экипировавшись, оруженосец смог наконец приступить к «предвосхищению» желаний учителя.

Ганитар Молот и все рабы розового куста видели один и тот же сон - огромные стебли обвивают их и выдавливают жизнь. Двадцать заколдованных мужчин и женщин, спящих в замке, вертелись и извивались на своих кроватях, борясь с кошмарами, захватившими их разумы. Шипы впивались в тела, вырывали ещё бьющиеся сердца. Люди пытались кричать, но лозы забивались во рты.

А потом неожиданно кошмары кончились, и каждый из слуг чудовищной розы погрузился в глубокий, спокойный сон.

- Сэр Ганитар! Проснитесь! Смотрите, как я умею предугадывать!

Ганитар вскочил с оружием наготове. Первое, что он увидел - лишь глупая ухмылка на лице оруженосца.

- Ты надел мой плащ! - прогремел рыцарь. - И сапоги! И пояс!

А потом он заметил в его руках большой посеребрённый поднос.

- Мне очень жаль, что что-то пошло не так во время ужина с лордом Стоуном вчера, - сказал Томкин. - И, раз уж вы отправились спать, не поев, я предположил, что утром вы будете голодны. Я нашёл блюдо и подготовил завтрак до того, как вы проснётесь.

Сквайр поднял крышку, открыв глазам наставника отменный крупный арбуз, срезанный с розового куста в саду.

При виде потрясённого лица учителя, парень покраснел:

- Вы недовольны тем, что я отрезал от него кусок, да? - расстроено пробормотал оруженосец. - Простите, я просто хотел убедиться, что он уже поспел. На вкус очень даже ничего, но непохоже на другие арбузы, которые я пробовал. И слегка пахнет розами. Наверно потому что рос рядом с ними.

УКРАДЕННЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ

Дениз Витола

На висящей снаружи магазина Баррина Тикара вывеске красовалось изображение крутящегося колеса, с подписью под ним: «Магические компоненты и инструменты для каждодневного пользования». Я рассмотрел дверь, подметив глубокий, насыщенный цвет и изгибы деревянной резьбы. Потрясающий образец искусства, представитель славной старины, причём вырезанный из материала, доступного только в Кормире. У владельца такой двери должно быть достаточно денег, чтобы приобрести магический замок. Замок, из-за которого воры – такие как я – останутся стоять на улице.

Я только что прибыл в Кендил, тихую деревушку у подножия Закатных гор, совсем недалеко к востоку от Асбрауна. Было в селении что-то меркантильное – большая часть зданий представляла собой ухоженные, побелённые до блеска домики, декорированные длинными цветочными горшками и причудливыми национальными узорами. Таверна выходила на подметённую мостовую, а ещё дальше вниз по улице расположилось маленькое святилище, прославляющее Съюни Огневласую, богиню красоты и покровительницу любви.

Пощупав карман безрукавки, я удостоверился, что кое-какая полезная магия, имеющаяся и у меня, все ещё на месте. У вора всегда полно трюков и чар, а знание

того, что я прибыл сюда отлично подготовленный, вселяло в меня уверенность перед встречей с владельцем заведения.

Зайдя внутрь, я остановился и осмотрелся. Здесь никого не было, кроме старого толстого продавца в зелёном фартуке, запустившего мясистую руку в копну своих седых волос. Он стоял перед стеной полок, заставленных рядами стеклянных и жестяных банок, различных коробок и корзин мудрёного плетения. И хотя свет от толстых коротких свечей, расставленных промеж товаров, отражался от этих обыденных сокровищ яркими искорками, из-за значительного количества тёмного дерева большая комната оказывала гнетущее впечатление.

Торговец покосился, когда я распахнул дверь и остановился пригласить бороду и поправить косу.

- Баррин Тикар? – уточнил я, подходя к отполированной каменной стойке.

- Н-да, - отозвался он, - а кто спрашивает?

- Меня зовут Арек Адар. По торговому пути в Триэль прошло сообщение, что ты хочешь отыскать где-то в Закатных горах определённый эликсир. Со мной говорил эльф по имени Латин Огнеход.

Купец не ответил сразу, вместо этого внимательно изучив. Наконец он улыбнулся, при этом его губы скрылись за сетью морщин, из которых, казалось, состояло всё его лицо.

- Огнеход заходил часом раньше и велел ожидать тебя, - склонившись, он продолжил вполголоса. – Он сказал, ты умеешь доставать труднодоступные древние предметы.

Я кивнул. Из его уст это звучало так, будто я какой-то заурядный добытчик фамильных ценностей, но правда-то была далеко не столь ординарна.

Я – похититель магических предметов. Я крал даже иконы, из всех городов, усыпавших берега реки Чионтар. Странствия заводили меня и в Кормир, и дальше. И да – я люблю древности. В этих старинных артефактах столько романтики, столько очарования. В наше время всё по-другому – из-за магов, сотнями заповивших Сердцеземье и толкающих свои грубые магические поделки. Какая скука.

- Так это правда?

- Возможно.

Когда он скривил губы, я заметил кончик языка, выстрельнувшего, чтобы смочить их.

- Оглянись вокруг, - предложил торговец. - В этом магазине я продаю магические настои и бальзамы. Всё это сварено народами южной гряды Закатных гор; раньше элита больших городов с презрением относилось к такому, но теперь это не так. Я нанял нескольких агентов, и они отправились по отдалённым уголкам в поисках вещичек, которые я мог бы продавать. Один из них вернулся из деревни Урлок и рассказал, что они варят там Эликсир Весны. Он настолько действенный, что не только омолаживает человека, но и возвращает силу юности.

- Ни разу не слышал, ни об эликсире, ни о деревне.

- Я могу дать карту.

- Путешествие в неизведанные земли Закатных гор может получиться опасным. Сам знаешь, Жентарим и всё такое. Красные Плащи, опять же. Ну и прочие монстры тоже.

Баррин Тикар затряс головой.

- Да, да, понимаю. Дополнительная премия за опасные условия труда будет включена в вознаграждение. Хочешь попытаться?

- Сначала расскажи побольше об этом Эликсире Весны.

- По-видимому, его добывают из какого-то секретного источника. Расположение его хранится народом гор в тайне, так же, как и заклинание для создания самого зелья. Мой коллега уверен, что именно в этом причина долголетия и крепкого здоровья населения Урлока.

- И почему бы твоему помощнику тогда просто не отправиться в деревню и не купить для тебя некоторое его количество?

- Мы пытались - но Джиг Элбари, тот самый дворф, который и варит тоник, не хочет его продавать.

- Так ты хочешь, чтобы я украл его?

- Именно.

Я всегда делаю паузу, разогревая клиента простым способом - подозрительностью, с которой отношусь к нему и его заданию. От воров люди ждут осторожности. Это часть нашего маленького ритуала, позволяющего набить себе и своим услугам цену. Лично я вдобавок обнаружил, что это отличный способ направить переговоры в нужное мне русло.

Купец повернулся налить себе чаю из отдельно стоящего самовара и наконец-то нарушил повисшую тишину.

- Ну хорошо. Я воздам за твои усилия и возмещу твоё время с лихвой. Если добудешь Эликсир Весны, я утрою твою плату. Ну как, подсластил пилюлю, а?

Два дня спустя я, вместе со своим верным вороным конём Стелсом, двигался по узкому пути, ведущему через южный отрог Закатных Гор, намереваясь выполнить задание Тикара. С трудом различимая дорога была усыпана опавшей листвой и мокра от бархатистого тумана, стелющегося клубами под копыта моей лошади. Мы пробирались через тёмный, мрачный лес, к тому же начинало смеркаться. Вокруг уже начали пикировать ночные насекомые, приветствуя ночь незамысловатой симфонией.

На пути я встретил множество заброшенных дворфских шахт. Заросли здесь закрывали солнце, и когда я проходил эти места, воображение подпитывало моё беспокойство. В какой-то момент мне даже почудились голоса призрачных трудяг, кромсающих камень своими кирками и молотами. Хуже того, карта Баррина мало чем помогала добраться до Урлока.

Я уже подумывал, а не разбить ли мне лагерь на ночь, когда Стелс в очередной раз повернул и остановился, зафыркав и замотав головой. В стороне от дороги, загороженная скопищем валунов и низкой стеной запутанной растительности, открывалась большая поляна. Прищурившись, я разглядел прыгающие между деревьями огоньки маленьких ручных фонарей. Прислушавшись в том направлении, я расслышал возбуждённые голоса и скрежет доспехов.

Направив Стелса вперёд, я зашёл в тень от камней, намереваясь скрыть наше осторожное приближение. Остановившись, я несколько раз моргнул - воровской приём, позволяющий глазам приспособиться к темноте.

Гоблины. Мне доводилось утаскивать мечи у их подобных, а потому я уверенностью мог сказать, что суматоха на поляне вызвана гоблинами. Уродливыми, вонючими, трусливыми гоблинами. Ну и где Красные Плащи, когда они на самом деле нужны?

Гоблины - самые отчаянные бандиты с большой дороги во всех Королевствах, им не важно, на кого нападать. Я огляделся, высматривая тех из существ, кто мог затаиться в зарослях вдоль дороги. Я даже взглянул наверх, подумав, что они в любой момент могут прыгнуть на меня с деревьев. За исключением гама на поляне, кругом было тихо. Я спешился.

Укрываясь за камнями, я подобрался достаточно близко для того, чтобы насчитать шестерых гоблинов и одну женщину-дворфа. Она пыталась удержать толпу на расстоянии отчаянным рёвом и деревянным посохом. Твари отвечали тычками своих мечей. Один размахнулся дубиной. Дворфийка увернулась, огрев другого нападающего посохом. Тот упал, и женщина удостоверилась, что он не поднимется, завершив свой манёвр сильным пинком.

Учитывая, что я всё-таки не герой, должен признать, что сперва я хотел развернуться и убежать от этой проблемы. Я здесь для того, чтобы найти Эликсир Весны, а не спасать народ от мерзких маленьких грабителей. Кроме того, там, где есть гoblin, найдётся и багбир, а то и парочка огров. Дрожь пробрала меня, когда я представил такую возможность.

И всё же, оставление дам - любой видовой принадлежности - в беде не входило в список проступков, которые я мог легко себе простить. Поразмышляв над ситуацией, я к тому же понял, что перспектива напугать этих монстров до потери сознания доставляет мне удовольствие. В моей голове внезапно сложился план, когда я вспомнил о своём светолове.

Я добыл его во время незначительного дельца в доме мелкого лорда в Скорнубеле. Светолов, удобная штучка, благодаря заклинанию позволял тушить пламя в радиусе ста шагов, при этом создавая такую густую тень, что даже чультской пантере было бы непросто в ней ориентироваться. Оформленный в виде цилиндра и выкованный из обработанной латуни, предмет был толщиной с предплечье эльфа.

Вернувшись к лошади, я тихо и на ощупь расстегнул седельную сумку, осматривая темнеющий лес на наличие рыскающих огров. Когда пальцы нащупали нужный мне инструмент, я поспешил вернуться с ним к камням.

Я тихонько крался к месту драки; меркнувший дневной свет выступал моим союзником. Мне было видно, как гоблины дразнят дворфа, и из-за этой игры они не замечали моего приближения.

Остановившись под нависшей кроной ивы, я направил латунную трубку на врагов и пробормотал простое заклинание, освобождающее магию. В ту же секунду пламя фонарей погасло, и поляна погрузилась в непроницаемую тьму. Гоблины заорали хором. Я быстро рванул; мои собственные глаза едва успели подстроиться под темноту, прежде чем мой кулак коснулся челюсти первого гоблина. Он всхрюкнул, и я тут же двинул в ту сторону светолов, ориентируясь на звук – в результате с силой заехав по морде. Повинуясь инстинктам, я присел, почувствовав движение меча и краем глаза заметив мельтешение. Схватив второго гоблина, я

впечатал его в дерево. Оставшиеся бросились врассыпную, оступаясь на скользкой тропе.

Может, герой из меня и никакой, но добрую драку я люблю - особенно когда знаю, что выйду из неё победителем.

Я прочитал отменяющее заклинание, и те из фонарей, что ещё остались, вновь вспыхнули, заставляя тьму отступить. Я наклонился за одним, мимоходом бросив взгляд на перепуганную дворфийку, всё ещё сжимающую в руках посох.

- Я не причиню тебе вреда, - сухо бросил я, - благо, не убийца.

Несколько мгновений женщина просто пялилась на меня. Заметив, что её борода того же светлого оттенка, что и моя, я не смог сдержать лёгкой улыбки и попытался скрыть её, притворившись, что свистнул Стелсу.

- Я твоя должница, уважаемый, - сказала дворфийка, опустив оружие. - Если бы ты не появился вовремя, я была бы уже мертва.

- Пожалуйста, - отозвался я.

- Что я могу сделать, чтобы вернуть долг?

- Рассказать, есть ли поблизости таверны. Не хочу разбивать лагерь, когда кругом носятся гоблины.

Она кивнула и показала на дорогу.

- Таверна есть в деревне под названием Урлок. Она где-то в пяти километрах выше по дороге, но её тяжело найти - она скрыта в глубокой ложине. Я покажу.

Кивнув, я поймал поводья Стелса и пристроился за ней. Какое-то время мы шли в тишине, пока я не догадался спросить у неё про дворфа Джига Элбари.

- Я о нём слышала, - подтвердила она. - Но этот старый дворф из скрытных, настоящий отшельник.

- Как я понимаю, у него есть кое-какие старинные магические штуковины.

- Да, он этим занимается. Варит для народа настойки и зелья. Когда-то даже работал доктором в одной из близлежащих шахт, так что, думаю, он многое знает о путях предков.

- Что-нибудь знаешь о его Эликсире Весны?

Дворфийка рассмеялась.

- Каждый в этих краях о нём знает, - она затихла, вперив в меня задумчивый взгляд. - Ты не отсюда, а раз так, то ты, должно быть, агент очередного торговца из низин. Они продолжают доставать нас!

С начала следующего дня прошло уже много времени, прежде чем я нашёл глубокое ущелье, которое, по словам трактирщика из Урлока, должно привести меня в Сияющую Лощину, где и обитает Джиг Элбари. Я осадил Стелса, рассматривая заросший папоротником и лишайниками проход передо мной. Вокруг меня сомкнулись деревья, а солнце почти село; издалека доносились раскаты грома.

От таких замкнутых, мрачных мест по моей спине бежали мурашки. Будучи подростком, я слышал наставления о том, как тщательно стоит избегать их. На

самом деле, конечно, я знал, что это просто способ держать горного паренька в послушании и в безопасности; тем не менее, я не мог избавиться от ощущения, что по этим диким коридорам можно добраться до ведущих в само Подземье туннелей.

Минутная слабость от помыслов о возвращении невольно заставила меня крепче обхватить бока Стелса. Конь заржал и забил копытом по заросшей мхом земле, словно был недоволен мой трусостью. Всё же здравый смысл говорил мне, что обитатели Урлока могли и соврать насчёт дороги к убежищу Элбари. Ведь они не горели желанием указать направление предыдущему агенту Баррина Тикара – поэтому здесь оказался я. И хотя спасенная мной от своры гоблинов дворфийка очень настойчиво просила трактирщика помочь мне, не уверен, что тот прислушался.

Глубоко вздохнув, я дёрнул поводья – мы двинулись вглубь расщелины.

В этом ущелье царил прохлада, почти холод, но несмотря на это пот струился по моему лбу, похоже, забирая с собой всю влагу, в том числе изо рта. Едва уловимые лесные звуки окутывали меня всё плотнее, и с каждым свистом и шорохом желудок сжимался всё крепче. Гром приближался.

Копыта Стелса врезались в kloкочущий по дну оврага поток. Вода нежно пела, заполняя воздух журчанием и заглушая моё беспокойство. Сосредоточившись на звуке, я не ослабил бдительности, ожидая каких угодно ужасов, которые могут здесь таиться. Прошёл час, прежде чем я смог вновь свободно вздохнуть.

Хозяин таверны сказал, что в конце этого маленького каньона будет дом. Когда каменные стены немного разошлись, я и вправду его увидел – лачугу из полуосыпавшихся камней и прогнившего дерева. Похоже, в большей степени её обитателя от разгула сил природы охраняли всё же обступившие строение деревья, образовавшие в вышине плотный навес. Но всё равно земля кругом оказалась влажной, и Стелс дважды поскользнулся на ведущей к домику тропке.

- Эй? – позвал я. – Кто-нибудь дома? Эй?

Через ущелье пронёсся ветер, не перекрытый ничьими голосами. Я подтолкнул Стелса вперёд, решив последовать вслед за потоком воздуха, мимо развалившейся хибары.

За годы моих скитаний по Закатным горам, я встречал множество таких лачужек. Было время – тогда молодость ещё составляла мне компанию – когда я устремился бы внутрь в поисках сокровищ, но в большинстве своём я натёкался на защитные заклинания. То, что проникновение в такие жилища стоит слишком многих усилий, я усвоил отлично.

Ущелье, однако не закончилось, и большие папоротники вновь заслонили и без того тусклый свет. Коню пришлось сбавить темп и ступать осторожно; звук шагов заглушала вода. Вскоре поток влился в тихое озерцо. Там, окружённый армией стеклянных бутылей, стоял старый дворф, склонившись над кромкой воды.

Моё приближение застало его врасплох. Он отшатнулся, уронив с головы остроконечную коричневую шляпу. Та упала прямо в озеро и осталась покачиваться на волнах, словно бумажный кораблик с полным прорех парусом.

- Ты кто? – осведомился дворф.

- Меня зовут Арёк Адар. А ты Джиг Элбари?

Он кивнул.

- Я пришёл спросить твоего мудрого совета, для бабушки - зрение подводит её.

Старый дворф пристально посмотрел на меня, а потом неожиданно залился смехом, перемежая гогот писком и присвистами.

- В поисках мудрого совета? Для человека? Ох, сомневаюсь. Правду говори, что тебе от меня нужно?

- Я могу заплатить.

- Конечно можешь, юноша, - старец наклонился далеко вперёд, доставая головной убор из водоёма. Нахлобучив его на голову, он уставился на меня пронзительными, тёмными глазами.

- Ты ведь один из этих надоедливых торговцев из низин?

Вор может учуять добычу с десяти шагов; Джиг Элбари уже попался. Может, ему было одиноко или скучно. Неважно. Он присоединился к игре.

Ждать ответа дворф не стал.

- Что ж, у тебя есть деньги, у меня - зелье. То, что ты так далеко забрался, многое говорит о твоей храбрости. Не видел огров или троллей по пути сюда?

- Нет, - ответил я, почувствовав, как на затылке вздымаются волосы.

- Ну, на обратном пути наверняка встретишь, - хихикнул он вновь.

Я понаблюдал, как он наполняет бутылки чистой водой из озера.

- Знаешь про Эликсир Весны? - какое-то время спустя спросил старый дворф.

- Никогда не слышал о таком, - буднично соврал я.

- Очень дорогой, но того стоит. Одна фляга может омолодить человека. А знаешь, это просто вода. В эликсире нет никакой магии, хотя большинство и считает, что какие-то волшебные слова придают ему его свойства. Чепуха, - Джиг широко ухмыльнулся и дёрнул себя за волосы. - Но воду нужно набирать в ночь голубой луны, и только один месяц в году Селуна появляется на небосклоне целиком дважды. Мы увидим такое ещё раз в Мидвинтере, но не раньше.

- При всём этом, я всё ещё не понимаю, почему он должен быть дорогим. Ты можешь запасти сразу несколько флаконов.

- Я так и делаю, но не всё так просто, - возразил дворф. - Зелье должно настояться, состариться. Выпьешь до того, как оно будет готово - а это около пятидесяти лет - и толку не будет. Кроме того, нужно не только приготовить его во второе полнолуние, но и выпить потом во время него.

- И как понять, что тебе досталась бутылка именно с готовым зельем?

Старец рассмеялся.

- Никак. В том-то и проблема - большинство хочет гарантий. Они просто не верят, когда я убеждаю, что снадобье готово.

- Я так понимаю, у тебя найдётся бутылочка с настоявшимся эликсиром? - уточнил я.

Он кивнул.

- Найдётся. Ты хорошо умеешь судить простых смертных, юноша? Веришь ли в мою честность и правдивость? Хочешь ли купить Эликсир Весны?

- Может быть.

- Тогда следуй за мной к дому, поговорим, - дворф собрал свои склянки и позвонел прочь, скрывшись за стеной папоротников.

Я проехал за ним, и он пригласил меня внутрь своей развалюхи, не раздумывая.

Шахтёрский фонарь на краю сухой раковины давал немного света, но местечко все равно казалось серым и тесным, заставленным расшатанными стульями и двумя кривыми деревянными столами. Каждый свободный сантиметр и каждая ровная поверхность были заставлены бутылками. Ёмкости стояли везде, переливаясь и поблёскивая в сиянии фонаря. Элбари скинул свежую порцию на сиденье комковатого кресла.

- Всё сделано на основе воды из источника? - поинтересовался я.

- Верно. Смешать с кое-какими горными травками – и водица поможет против всего, что беспокоит тебя, - он подвёл меня к самому маленькому из шатких столиков и начал ковыряться в бутылках. Отыскав то, что нужно, дворф вручил это мне. – Вот бутылочка эликсира. Единственная, что у меня есть.

- Сколько она стоит?

- Тридцать тысяч трикраунов за штуку.

Неудивительно, что Баррин Тикар решил нанять меня украсть её!

- Ты что, спятил? Это возмутительно!

- Я же говорил, что зелье дорогое. Неужели твоя бабушка не настолько дорога тебе? С этим она вернёт и зрение, и молодость.

- Мне не по карману.

- И ты не можешь быть уверен, что оно сработает, - добавил он.

- Если оно настоящее, почему ты сам его не выпьешь? – спросил я.

- Я не хочу снова быть молодым. Один раз в жизни – этого для меня достаточно. Я предпочту деньги, - потеревив свою длинную, жёсткую бороду, он осмотрел комнату. – Что ж, стоило попробовать. Уж зрение вернуть я могу помочь. Понадобится немного бальзама из рутворта, усиленного заклятием прозрения.

Старец подошёл к раковине – и я не упустил свою возможность.

Большинство воров всегда носят с собой стандартные инструменты, которые легко можно купить – отмычки и резак стекла. Некоторые также могут использовать волшебные предметы, добытые где-либо – такие, как магические мешки с наложенными на них заклинаниями уменьшения больших предметов, для простоты транспортировки. Но всё же одна из вещей, на которые полагается хороший вор, это врождённая способность. В те годы, когда я зарабатывал на жизнь мошенничеством, ловкость рук являлась самым полезным из моих навыков. Дворф отвернулся, потеряв драгоценную бутылочку Эликсира Весны из виду и предоставив мне шанс её стащить.

Слегка двинувшись, я немного развернулся в сторону, закрывая от дворфа поверхность стола. Поскреба склянкой по дереву, я сделал вид, что вернул её на место. За несколько мгновений, однако, я плавно передвинул соседнюю ёмкость ближе к свободному пространству и сунул Эликсир Весны за подкладку рукава накидки.

Продолжая искать, Элбари переместился к другому столу.

- А, вот же она, - воскликнул он, развернувшись затем ко мне. – Пять золотых, и твоя бабуля снова сможет видеть. Нужно использовать бальзам три раза в день.

- Я прослежу за этим, - улыбнувшись, успокоил я.

После визита к Джигу Элбари я понял одну вещь: Баррин Тикар – обманщик и скряга. Он мог бы купить эликсир по исходной цене, но вместо этого предпочёл украсть. Не могу, конечно, винить людей в том, что они выбирают подобную тактику – иначе я лишился бы работы. И всё-таки подобные персонажи беспокоили меня, если скрывали свои мотивы.

Стоя в центре магазина, я перенёс вес тела на ноги, на случай, если придётся рвануться к двери. Баррин Тикар облизал губы и посмотрел на своих помощников. Оба являлись лунными эльфами, чья тронутая серебром красота придавала им вид статуй, ждущих, когда заклятье какого-нибудь волшебника освободит их из темницы камня. Расположившись по бокам старого торговца, каждый из них опирался на поблескивающий, упирающийся остриём в пол скимитар. В завершении картины, язычки пламени сотни свечей трепыхались на полках позади стойки. Красивое зрелище, только моя настороженность не позволяла им любоваться.

- Эликсир у тебя? – потребовал Тикар.
- А моя плата? – задал я встречный вопрос.
- Разумеется.
- Тогда покажи.
- Сначала товар.
- Нет.

Он щёлкнул пальцами и эльфийские статуи ожили. Они приближались, подняв оружие.

- Обыщите его, - приказал их хозяин.

Я медленно отходил, готовясь встретить наёмников и вытаскивая охотничий нож из ножен. Почувствовав, как на внутренней стороне бедра натянулась кожа моих брюк, я какое-то мгновение пытался вспомнить, какой из своих трюков я спрятал в сапоге. Эльфы напали прежде, чем мне это удалось.

Я замахнулся на одного, но клинок прошёл слишком далеко от цели, разрезав лишь воздух и только разозлив нападающего. Тот ударил меня наотмашь по лицу, и боль звоном отозвалась в ушах. Я зарычал и пнул его сообщника в живот. Эльф на секунду скрючился, быстро оправившись с ответным рыком. Отступая, я пытался прорваться к двери, но наёмники прижали меня к стене. Обездвиженный, я не мог ничего сделать, пока они обыскивали меня.

- С собой нет, - сообщил один из эльфов.
  - Где ты его спрятал? – допытывался Баррин Тикар.
  - Договор расторгнут, торговец, - бросил я, - от меня ты ничего не получишь.
- Отправь одного из своих прихвостней в горы за зельем.

- Ты собирался получить деньги и сбежать.

На этих словах я получил ещё один удар по голове; комната закружилась.

- Последний шанс, - предупредил Тикар. – Где эликсир?

Сплюнув кровь, я разразился проклятием:

- Иди ты к Шар! И пусть Леди Потерь преследует тебя по пятам!

От моего ответа стало только хуже.

- Убедись, что он ещё не скоро сможет что-либо украсть, - отдал приказ торгаш.

Я извивался в сильных руках, удерживающих меня на месте. Выбитый из моей хватки нож куда-то отлетел, а мои ноги оказались заблокированы ногами наёмников. Один из них схватил кисть моей руки. Прежде, чем я смог отреагировать, прежде, чем смог выпутаться, эльф заломил её и резко крутанул. Волна агонии побежала вверх, вырвав крик из моего горла. Они выбросили меня на пустую улицу и захлопнули дверь, отрезая мои вопли.

Я лежал в сточной канаве, уставившись на небо. Как долго – не могу сказать. Орудия метлой, прошёл мимо дворник, поглощённый выполнением вечерних обязанностей и не обращающий на меня внимания. И всё это время боль в руке только росла, а вместе с ней и ярость. Наконец, я перекатился, поднялся и вернулся к резной двери лавки Баррина Тикара. Заглянув в окно, я увидел только пустоту и темноту внутри – старый торгаш и его телохранители покинули помещение через какой-то задний ход.

Вытянув здоровую руку, я нащупал во тьме один из стыков витого орнамента деревянной двери. Сунув пальцы в глубокую выемку, я вытащил наружу маленький пузырёк Эликсира Весны, спрятанный мной ранее.

Месть притупляет чувства. Ничто не имеет больше такого же значения, как желание поквитаться с обидчиком, и, раз дело касается меня, я заставлю Тикара страдать. За то, что он сделал со мной, старый торгаш поплатится тысячекратно.

Рука искалечена. Священник, при всей его целительной магии, не был до конца уверен, что я смогу полностью восстановиться. Мне повезло – моё хранилище добытых ценностей по крайней мере обеспечит мне пропитание, пока я не приобрету былую подвижность. Услышав прогноз, я возвратился в своё укрытие в Закатных горах.

Сопровождаемый луной, я держал путь к стене кустарников и камней, скрывающей от чужих глаз вход в убежище. Водопад, питаемый ручьём, переваливался через гранитную грань верхнего уступа горы, и я свернул, двигаясь на звук его ласкового пения.

Стелс пробрался в широкий лаз, образованный несколькими большими валунами, и остановился, достигнув двери в логово. Я не спешил слезать, медлил, вдыхая холодный воздух, что заполнял лёгкие и бодрил дух, и никакой треклятый эликсир не смог бы сравниться с ним. Конь издал тихое ржание, будто соглашаясь со мной. Наконец я соскользнул наземь, застонав, когда повязка на руке зацепилась за седельное крепление, и хлопнул Стелса по крупу. Мой четвероногий спутник побрёл в укрытие своей каменной конюшни.

Моя нора располагалась в глубокой пещере в склоне горы, с которого хорошо просматривался Остров Дуба - кусочек земли, нарушающий гладь широкого горного озера. Там виднелись развалины деревни, где я вырос – руины, остатки домов. Я часто сюда возвращался, хотя селение уже оставили на растерзание призракам да воспоминаниям. Люди - включая и мою семью - ушли, променяв горную волю на жизнь в низине.

Дверью служил вращающийся кусок скалы, насаженный на стержень. Оттянув врезанную в камень ручку, я вошёл, почувствовав умиротворение при виде знакомого окружения.

Зажёгши стоящий на полке около входа фонарь, я плечом закрыл каменную дверь. Взгляд скользил по выхваченным из темноты восхитительным вещцам, которые я здесь хранил, и с каждой минутой настроение становилось всё лучше. Я прошёл вглубь, но, как обычно, задержался, чтобы прикоснуться к старинным магическим артефактам. Многие из них были созданы в Сердцеземьи, и не меньшее количество прибыло в Закатные горы по старым торговым путям.

Я крал как и у крестьян, так и у вельмож. Знать обычно обладала редкими, забавными безделушками, которые я любил и которыми украсил свой дом - такими, например, как банкетный стол, вырезанный из пород северного дерева в Год Высокой Мантии, когда король Азун Четвёртый захватил Кормир. Давным-давно он был отполирован до блеска каким-то умельцем, и так же гладко, словно шёлк, обволакивала его магическая сила. Три коротких слова нараспев перед торцом стола - и заклинание начинает действовать; вкуснейшие, изысканнейшие блюда появляются на обеденной поверхности.

Спрос на классический антиквариат был огромен, и цена ему не уступала. Местные торговцы не могли себе такое позволить, а потому предпочитали скупать более приземлённые товары, добытые у простых жителей. Особенно пользовались популярностью сшитые при помощи магии одеяла, согревающие даже в самые холодные из дней, и листья драцены, раньше росшей в вымершем городе Шун и используемой тамошними магами для призыва *фен-шуя* - удачи.

Я зажёг ещё фонарь, благодаря чему пещеру заполнил тёплый оранжевый свет. Моей целью являлась определённая вещь, припрятанная здесь. Открыв верхний ящик сундука-хранилища, я достал и освободил от мягкой бумаги мою любимую ценность. Аккуратно сняв обёртку полностью, я держал на весу старую домотканую шаль.

Прошита золотом и платиной, расчерченная линиями маленьких бронзовых бусинок, шаль имела форму наконечника стрелы, не имея при этом бахромы или каймы, что только подчеркивало простоту её покроя. А что насчёт ценности и древности платка? За границами понимания.

Я выкрал этот кусок ткани, вместе с сопутствующим заклинанием, у одного горного волшебника, который использовал его для пленения врагов. Применив немного изобретательности, можно было заточить жизненную силу цели в самой канве артефакта. Когда я заполучил его, то обнаружил, что в нём уже заключено много людей. Обратив чары, я освободил их - целыми и невредимыми. Благодарные за свободу и за предоставленный шанс отомстить человеку, сотворившему такое, пленники покинули меня. Пустая накидка была тщательно запакована и убрана подальше, но я знал, что однажды мне представится возможность использовать её магию на ком-то наподобие Баррина Тикара.

Воры - мастера маскировки. Она помогает свести к минимуму вероятность обнаружения при выполнении задания, и, со своей стороны, я к таким возможностям отношусь серьёзно. Слишком много я кочую по городам и деревням Сердцеземья, слишком велик риск быть узнанным моими многочисленными врагами.

Этой ночью я шёл по Кендилу в грубой коричневой льняной одежде. Длинные светлые волосы и борода окрашены тёмным. Завершая образ, я нанёс ещё пару штрихов - ложный шрам через скулу и повязка на глаз. Добавив хромоту, я

понадеялся, что она отвлечёт ненужное внимание от грязных бинтов на повреждённой руке.

Я зашёл в лавку Тикара прямо перед закрытием, тихо ожидая у двери, когда торгош закончит с покупателем. Старик посмотрел на меня и как будто собрался вызвать своих головорезов.

Понизив голос до появления хрипотцы, я начал прежде, чем торговец перейдёт к действиям:

- Ты владелец магазина?

- Ну. Что надо?

- Я только что прибыл в город; люди говорят, ты любишь скупать старинные ценности?

- Кто это сказал?

- Какой-то лунный эльф в таверне. Он был пьян, но я всё же решил, что стоит проверить. Тяжёлый год, запасы на исходе. Распродаю скарб, знаешь ли.

Торгош смотрел на меня – молча, недоверчиво и что-то прикидывая. Через какое-то время любопытство взяло верх над осторожностью.

- Что у тебя?

Я доковылял до стойки, широко улыбнулся и наклонился, не забыв дыхнуть на него. Старик аж дёрнулся от запахов лука и ржаного хлеба.

- Что у меня? У меня шаль, - заговорщицким тоном сообщил я. - Пропитанная могучей магией с гор.

- Дай взглянуть, - потребовал тот.

Я распахнул свою сумку и осторожно вытащил ткань, разложив её на каменном прилавке. Пряжа замерцала в свете магазинных свечей. На секунду глаза Баррина Тикара расширились, но потом, будто их владелец вспомнил о своём статусе, он вновь натянул маску безразличия.

- Что она делает? - уточнил он.

- Создает монеты прямо из воздуха - золотые, серебряные, платиновые, ну и медные.

Рот торговца приоткрылся при этих словах, но после короткого прерывистого вдоха, старик покачал головой.

- Никогда не слышал о таких вещах. Это подделка.

- Нет. Видишь эти волокна в пряже? Они полны металла, даже светятся. Именно эти нити проводят магическую энергию, создающую деньги. Жаль, я больше не могу её использовать.

- Почему?

- Стоит прочитать заклинание, как сила платка рассеивается. Каждому владельцу она вывалит гору золота, серебра и платины, но лишь раз. Я использовал свою возможность, и теперь могу получить лишь медяки, и то немного.

Толстяк наклонился и легко коснулся шали.

- Говоришь, она очень старая? Насколько? Откуда она взялась?

- Принадлежала жившему в Закатных горах дворфу, сшита ещё до начала Первой Войны Врат Орков в Тае.

- Настолько старая, значит? - удивился Тикар. - Есть подтверждающие документы?

Я засмеялся.

- От дворфа? Спятил? - на смену усмешке пришло хмурое недовольство.

Он фыркнул и скрестил руки, оперев их на своё объёмное пузо.

- Нужна демонстрация. Даже если ты можешь создавать только медяки, сделай это - чтобы я увидел, что свойства шали действительно соответствуют твоим словам.

Прежде, чем кивнуть, я сосчитал до десяти. Выпрямился. Подобрал магический платок со стойки и накинул себе на плечи. Мягкая, волнистая, невесомая, точно паутинка, ткань. Как она сияла, по сравнению с моей грубой льняной одеждой! Медленно заворачиваясь в неё, я слегка изогнулся и схватил подсвечник. Ноздри Тикара затрепетали.

Будучи по природе осторожным, я провёл некоторое время, планируя эту встречу. Я сшил маленький кожаный мешочек, скроив его так, чтобы он тут же раскрылся, стоило только потянуть тонкую, почти незаметную нить, ведущую к застёжке. Такая кропотливая работа – с моей-то повреждённой рукой – заняла дни, но в итоге всё работало, как надо. Поместив горсть монет внутрь и регулируя натяжение нити, я мог высвободить сразу несколько штук. Перед посещением лавки Баррина Тикара я перекинул мешочек через плечо и закрепил под плащом.

Теперь, стоя посередине магазина, я пробормотал бесполезную фразу и высыпал медяки. Три штуки покатались по полу.

Старый торговец нахмурился.

- Давай-ка ещё раз.

Я повторил движения и словесную чепуху, высыпав остатки содержимого. Выглядело неплохо – будто шаль и вправду работает.

- Теперь я попробую, - потребовал торгаш. – Дай сюда.

Я покорно подчинился, наблюдая, как он пакует своё тело в платок.

- Что там надо сказать, чтобы сделать золото? – потребовал он.

Покопавшись в кармане штанов, я выудил клочок пергамента. Заклинание, призывающее истинную силу шали, я записал на нём.

- Умеешь читать?

Вместо ответа он выхватил огрызок и прошептал слова древнего заклятья.

Шаль засветилась. Со своего места я чувствовал исходящее от окутанного магией человека тепло. В свете свечей я мог рассмотреть, что обволакивающий его пузырь приобрёл чёткую текстуру, подобную плетению ткани; он искрил и сиял. В какой-то момент мне даже пришлось отвернуться – настолько ярким стало свечение. Прошла минута, и теперь было уже слишком поздно - торговцу не выбраться без моей помощи.

Он понял, что оказался в ловушке. Растущий страх лишь питал сдерживающую силу накидки; старик начал молить о пощаде, но оболочка заглушала его голос. Я смотрел, как по его жирным щёкам скатываются слёзы безысходности, пока, наконец, он не прижал руки к вискам и не открыл рот в крике. Но прежде, чем он успел издать хоть звук, шаль поглотила его.

С искрами и мерцанием он исчез, а шаль упала на пол с тихим шелестом. Я подобрал её, ощутив тяжесть – сама сущность торговца теперь была вплетена в канву. Накинув платок на плечи, я пошатнулся под его весом, но через мгновение

накидка вновь стала невесомой и шелковистой. Медленно повернувшись, я улыбнулся, а затем и рассмеялся. О, какая сладкая месть!

Баррин Тикар останется в своей плетёной тюрьме на годы, всё понимающий, но тем не менее беспомощный. И только когда я состарюсь и пойму, что следующая голубая луна станет для меня последней, я всё-таки освобожу его. А когда сделаю это – заставлю смотреть, как я глоток за глотком выпиваю принадлежащий ему, такой желанный Эликсир Весны.

ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ УМЕРШИХ ГЕРОЕВ

Дж. Роберт Кинг

Штормовые ветра, поднимающиеся со стороны Великого ледяного моря, часто пригоняли в цитадель Кюриг скверные вещи. Сегодня, в дополнение к метели и бушевавшей буре, ветер принес ужасно злобного мужчину.

Никто не знал, что это за человек, когда он вошел через побитую дверь «Воющего Камыша». Все видели в нем лишь огромного, завернутого в темный плащ и облепленного снегом незнакомца. Те, кто сидел ближе к двери, отпрянули от ветра и вынырнувшего из него громадного силуэта; отпрянули, когда дверь за промокшей фигурой захлопнулась, гулко врезавшись в раму. Не обтрусив снег со своих сапог, незнакомец, прихрамывая, направился по полированному полу через весь зал «Камыша» напрямик к дрожащему огню камина. Там он низко склонился, подбросил еще пару бревен в огонь и встал, закрыв все тепло очага, чем бросил огромную тень на все помещение.

Шум разговоров в «Камыше» затих, как только все пристальные взгляды в крошечной пивной оказались прикованы к потрепанной фигуре.

Силуэт незнакомца на фоне очага был похож на какое-то большое, неправильно собранное чучело. У него не было руки, его правый рукав был приколот к левому плечу, а левая рука выполняла все команды скверно пахнущего тела. Неспешно, единственная рука откинула часть одежды, под которой промокший незнакомец уже не казался таким бесформенным. Несмотря на все свои действия, он не снял капюшон с головы – головы, которая, похоже, была раза в два меньше, чем должна была быть для его тела. Под капюшоном скрывалось старое спокойное лицо с обветренными губами, аккуратной черной бородкой, и крючковатым носом. В целом он выглядел так, словно огромный мужчина, скрывавшийся под одеждами, управлял какой-то кукольной головкой с неправильно подобранными пропорциями, которая служила ему лицом.

Когда он заговорил, присутствующие слегка вздрогнули от его басистого скрипучего голоса.

– Быть может, кто-то из вас не пожалеет серебра на тарелку супа и глоток эля?

Кроме пустых отрицательных взглядов, никаких ответов не последовало. Даже Гораций за барной стойкой не предложил незнакомцу стакан воды. Очевидно, что все скорее предпочтут гнев незнакомца, чем накормят его за свой счет.

Мужчине, судя по всему, был знаком такой ответ, поэтому он медленно покачал головой и рассмеялся сухим, как опавшие листья смехом. Несколько неуверенных шагов привели его к стулу, который еще не успел остыть после предыдущего клиента. Там он и рухнул, тяжело выдохнув, словно кузнечные меха.

– В землях Соссала, откуда я родом, любой может заработать на еду и выпивку, рассказав добротную историю. И так уж вышло, что у меня есть такая история, ведь моя страна взрастила величайшего из героев, что когда-либо жили. Возможно, его история сможет заработать мне что-нибудь тепленькое.

Те, кто предпочел бы отделаться от него пустыми взглядами и грубым молчанием, попытались отвернуться и продолжить свои разговоры. Гораций, в свою очередь, вышел через створчатую дверь на кухню, к грязной воде и гряде посуды.

Не смотря на все это, потрепанный старик начал рассказ, хрустнув своими посиневшими пальцами. Зеленые искры вспыхнули в воздухе, закружились подобно лопастям вокруг незнакомца и разлетелись в стороны, освещая темноту. Эти огоньки осветили всех находящихся в пивной, а затем – погасли между жирных складок кожи у кустистых бровей завсегдатаев.

Тихий треск магии был нарушен единственным звуком – шипением незнакомца, призывавшим к тишине. Через мгновение все снова замолчали, и рассказ начался:

– Когда-то земли Соссала защищал благородный рыцарь, сэр Парамор, величайший герой из когда-либо живших на свете...

Златовласый, с глазами цвета платины, закованный в броню, сэр Парамор шел через тронный зал короля Каэна. Любого другого рыцаря уже разоружили бы и заставили снять доспех еще на подходе к залу, но только не благородного Парамора. Приблизившись к королевскому помосту, он двинулся вперед, размахивая своим сокрушающим заклинания мечем, Нэумой, и волоча за собой мешок. Король, принцесса, взволнованная свита прекратили свое совещание и взглянули на рыцаря. Лишь оказавшись на расстоянии взмаха меча от его величества, Парамор покорно преклонил колена.

Король, чье лицо было обрамлено рано посидевшими волосами, заговорил:

– Так ты задержал тех похитителей?

– Лучше, милорд, – ответил Парамор, поспешно поднявшись, что можно было бы посчитать высокомерием, будь на его месте кто-то другой.

Рыцарь потянулся к мешку и показал отвратительную кучу из пяти голов похитителей, которых он прикончил.

Дочь короля отшатнулась. Только тогда король Каэн и сам заметил на холодной плитке широкую, скользкую красную линию, которую оставил за собой мешок сера Парамора.

– Милорд, вы смотрите на лица бандитов, которых искали, – пояснил рыцарь.

В последовавшей тишине волшебник Дорсум подошел сзади к трону, месту, где его губы, обросшие черной бородой, привыкли нашептывать королю на ухо.

– Ты должен был привести их сюда для допроса, Парамор, – сказал волшебник, – а не отрывать им головы.

– Спокойно, Дорсум, – упрекнул король жестом. – Пусть рыцарь расскажет, как все было.

– Все просто, милорд, – ответил Парамор. – Я сам допросил похитителей и, когда понял, что у них закончились ответы, отсек их пустые головы.

– Что за бред, – заявил Дорсум. – Ты мог просто взять и отрезать головы первых пяти попавшихся крестьян, а затем принести их сюда и объявить их виновными. Должен был состояться суд. И даже если эти пятеро и были виновными, что мы теперь уже никогда не узнаем, как и не узнаем о том, кто нанял этих разбойников для их отвратительной задачи.

– Они – похитители, которые украли детей у этих благородных людей, собравшихся вокруг нас, – ответил Парамор уже более жестко. – Если уж на то пошло, я был слишком милосердным.

– Ты воспрепятствовал суду...

– Придержите язык этого червя, – потребовал Парамор у короля, выставив свой могучий меч напротив надоедливого мага. – Или, возможно, сперва должны этим заняться мои воины!

Большие двери тронного зала неожиданно широко распахнулись, и раздался топот ног... маленьких, детских ног, радостно бегущих по залу, за их спасителем. Пока они бежали, их звонкие голоса возносили молитвы сэру Парамору.

Увидев детей, придворные спустились с помоста и бросились обнимать своих дочерей и сыновей, которых так долго держали в плену. Плач и причитания заглушили протесты Дорсума, который молча отступил назад, на свое место за тронном. Казалось, будто сами звуки радости вынудили его вернуться в темноту.

Ухмыляющийся Парамор обратился к королю, заглушив возбужденные голоса:

– Полагаю, повелитель, вы у меня в долгу. Как мне было обещано, за спасение этих дорогих малышей, я прошу изящнейшей руки во всем Соссале. Руки вашей прекрасной дочери, принцессы Даэдры – вот чего я прошу.

Требование Парамора поддержали возгласы детей, оставивших своих родителей, чтобы столпиться у ног своего спасителя. Со своего места они горячо умоляли удовлетворить просьбу рыцаря.

Молочно-белые щеки Даэдры покраснели, а губы сложились в кроваво-красную линию. Лицо короля застыло в раздумьях. Но прежде чем кто-либо успел что-то сказать, просьбы ребятни были заглушены сердитым криком:

– Умолкните, дети! – приказал худощавый придворный, его черные глаза сердито сверкали под такими же черными бровями и волосами. – У ваших желаний здесь нет веса. Рука принцессы была обещана мне еще со времен моего детства, еще со времен ее рождения. Этот выскочка-рыцарь, – последнее слово он произнес так, словно это было чем-то гадким, – не может украсть ее у меня, как и ваше наигранное мяуканье.

– Так и есть, – грустно сказал король, качая головой. Он замолчал, словно слушая чей-то тихий голос, шепчущий из-за трона. – Я вынужден согласиться, Парамор, и отдать руку принцессы лорду Фэррису.

Сэр Парамор убрал меч и сердито скрестил руки на груди.

– Проклятый маг, – сказал рыцарь, – выйди из тени великого человека, за которой ты прячешься. Твои нашептывания не смогут разубедить моего повелителя и монарха в том, что его, а что – мое, и чего желает сердце принцессы.

Сказав это, Парамор коснулся рукояти своего могучего меча, Нэумы, чтобы развеять любое заклинание, которое Дорсум мог наложить на короля. Затем он хрустнул пальцами, и от этого хруста в воздухе родились крошечные искорки. Королевская свита и сам король, будто пробудившись, повернулись к магу, скрытому тенью. Дорсум угрюмо ответил на призыв и вышел на свет.

– Милорд, не обманывайтесь трюками этого...

– Умолкни, маг, – спокойно оборвал король Каэн, смотря на Дорсума очищенным взглядом. Затем он повернулся, чтобы обратиться к худощавому придворному: – Лорд Фэррис, я знаю, что рука моей дочери была обещана вам еще тогда, когда вы не понимали, что это значит. Но время шло, и вместе с тем оно выявило более благородного человека, который заслуживает руки принцессы. И в самом деле, он покориł ее сердце, так же как и мое, многими великими делами, ни одно из которых не сравнится со всеми делами вашей жизни.

– Но...

Король поднял руку, а выражение его лица стало суровым.

– Теперь я твердо в этом убежден. Вы не сможете меня переубедить, только разозлить, поэтому помолчите, – его железный взгляд смягчился, когда он взглянул на Парамора. – Королевским указом, пусть все знают, завтра, ты женишься на моей дорогой дочери.

От всех присутствующих послышались приветственные крики, за исключением лорда Фэрриса и Дорсума, конечно же. Радостные голоса доходили до самого основания дворца и каменного свода над ними.

Лишь жалобный и пронзительный крик служанки заставил всех замолчать:

– Мой Джереми! – закричала она, перебирая светло-голубой шарф в нежных, маленьких руках, когда вошла в двери. – О, сэр Парамор! Я искала и осмотрела всю эту толпу, и проверила за дверями у стражи, его здесь нет. Где мой Джереми?

Сэр Парамор ступил вниз со своего заслуженного места перед королем, слезы текли по его лицу:

– Даже я не смог спасти твоего сына, после того, что эти мародеры сделали с ним...

– Ее плач было горько слышать, – низким голосом пробормотал незнакомец, и все слушатели впитали в себя этот хриплый звук, – это было так горько, что даже злобный Дорсум закрыл уши...

– Ну, все. Больше никто из вас не получит эль. Мне плевать, насколько сильная сейчас буря снаружи; буря внутри куда сильнее, и она сейчас надерет задницу этому чужаку!

Это был Гораций, толстяк Гораций, который следил за этой пивнушкой в крошечной щели в Криптгарденских горах, который кормил яйцами и колбасой дедов, отцов и сыновей тех, кто собрался тут. Добрый народ цитадели Кюриг научился доверять инстинктам Горация касательно погоды, времени засеять, политики и людей. Но даже несмотря на это, в эту самую ночь, из-за одного единственного человека, Горация никого не одарил приятным или дружелюбным взглядом.

– Заткнись, Гораций, – вскрикнула Анната, жена рыбака. – Ты даже не слушал, гремя там своей посудой так, что нам пришлось напрягать слух, чтобы разобрать хоть что-то.

– Да, – послышался одобрительный хор.

– Я достаточно услышал из кухни, достаточно, чтобы понять, что этот страхолуд выдает чушь за правду! Он рисует короля Каэна бесхарактерным и несобранным простаком, когда все мы знаем, что он сильный, справедливый и полностью владеет собой. А что до Дорсума, так разве он не показан каким-то злобным магом, когда, на самом деле, он мудр и добр? И лорд Феррис тоже?

Финэас, странствующий жрец Торма, заговорил:

– Я целиком за правду, как вы все знаете, но у каждого барда своя правда, как и каждого хозяина таверны свой бренди. Так пусть он расскажет свою историю, Гораций, а ты и дальше подливай бренди, и меж двух этих зол мы согреемся в такую свирепую ночь.

Сам незнакомец протянул дрожащую левую руку, которая была вынуждена работать за обе, и сказал своим скрипучим голосом:

– Это твое заведение, дружище. Прислушаешься к желаниям своих постояльцев или вышвырнешь меня?

Гораций скривился:

– Я даже бешенную собаку не выброшу наружу в такую погоду. Но выброшу тебя сразу же, если только ты не заткнешься, дружище. Мало того, что ты врешь, так еще и насылаешь сонный, ненормальный вид на постояльцев, а я не люблю, когда платежеспособные клиенты засыпают у меня.

Этот комментарий встретило еще больше протестов, которые Гораций безуспешно попытался унять.

– Хорошо. Я позволю ему говорить. Но помяните мое слово: он завладел вашими душами. С помощью своих слов, он приворожил вас магией. Я, к примеру, не собираюсь это слушать.

Кивнув своей затененной и мокрой головой, незнакомец увидел, как Гораций исчез на кухне, а затем, похоже, принялся яростно изучать его сквозь стену, когда рассказ продолжился.

– И хотя острый язык лорда Фэрриса придержали перед королем, знатью и детьми тем утром, никто не смог бы сдержать рук лорда ночью, когда он прокрался сквозь слабоосвещенный замок в личные покои сэра Парамора.

– Но другое дитя ночи – призрак бедного мертвого Джереми – было несогласно со зловещими планами Фэрриса. И действительно, призрак Джереми чувствовал зло и поэтому нес призрачный дозор на лестнице у покоев Парамора. Когда он заметил лорда Фэрриса, излучающего тьму у основания лестницы, призрак полетел с предупреждением к кровати своей бывшей подруги Петры...

Петра была русой девочкой и предводителем местной своры знатных детей. Джереми обнаружил ее в постели в одной из комнат замка, поскольку король Каэн предложил детям и их родителям провести ночь здесь. Бедный Джереми наблюдал своими грустными призрачными глазами за покоящейся Петрой, теми самыми глазами, которыми он недавно смотрел на свое собственное бездыханное, безжизненное и обезглавленное тело.

– Проснись, Петра. Проснись. У меня ужасные вести о нашем спасителе, сэре Параморе, – заскрипел голос мальчика-призрака.

Его призрачный голос был высоким и напряженным, будто голос взрослого, который пытался пародировать ребенка.

И Петра проснулась. Когда она взглянула на своего почившего друга, ее храброе девичье сердце затрепетало: в отличие от высших призраков, увешанных прозрачной паутиной, у бедного Джереми не было даже тела, на которое можно было бы повесить такое украшение. Он был бестелесной головой, зависшей в шаге от ее кровати, но даже так из его шеи медленно капала кровь, которая недавно была ключом. Картина была настолько абсурдной и ужасной, что храбрая девчушка не смогла выдавить из себя и слова приветствия для своего мертвого друга.

– Это лорд Фэррис, – впопыхах сказал мальчик-призрак. – Он планирует убить нашего сэра Парамора там, где он сегодня ночует.

Петра справилась с заиканием и испуганным взглядом.

– Ты должна остановить его, – призывал призрачный голос.

Она встала с пухового матраса, кутая ноги одеялом. Грустными глазами маленького мальчика, который видел в маленьких девочках матерей, сестер, возлюбленных и врагов – всех сразу – бедный Джереми смотрел на нежные руки Петры, пока она собиралась.

– Я скажу маме... – наконец прошептала она.

– Нет! – его голос был пронзительным и резким. – Взрослые не поверят. Кроме того, сэр Парамор спас наши жизни этим утром. А ты можешь спасти его жизнь уже сейчас, этой ночью!

– Я не смогу остановить Фэрриса в одиночку.

– Тогда собери остальных, – прорычал Джереми. – Разбуди Баннина и Лизель, и Ранвена, и Парри, и Маб, и Кару, и всех остальных тоже. Скажи пусть возьмут отцовские ножи. Вместе вы сможете помочь нашему спасителю так же, как он помог нам.

Петра уже затягивала узлом одеяло на груди и, затаив дыхание, натянула тапочки.

– Быстрее, – командовал Джереми. – Уже сейчас лорд Фэррис поднимается по лестнице в покои сэра Парамора!

После такого резкого пояснения, Петра ахнула, а Джереми – исчез.

Оповещенные и собранные в течение следующей пары мгновений, дети последовали за Петрой по лестнице. Это была длинная и извивающаяся лестница, которая вела в высокую башню, где сэр Парамор решил остановиться. Ступени было плохо видно, они освещались в основном слабым свечением звезд сквозь редкие узкие окна-бойницы, которые использовали при обороне для стрельбы из лука. Но когда Петра и ее дети-воины начали подъем, то они заметили впереди расплывчатое, мерцающее сияние свечи.

– Тихо, – прошептала Петра.

Баннин, парень с русыми волосами и вполтину младше ее, серьезно кивнул и взял ее за руку. Близнецы Лизель и Ранвен подбадривающе улыбнулись друг другу. Тем временем, Парри, Маб, Кара и остальные собрались в задней части их отряда и положили руки на ножи.

– Это должно быть свеча лорда Фэрриса, – сказала Петра, указывая на свет. – Нам нужно вести себя тихо или он догадается, что мы идем.

Дети кивнули, ведь они обожали Петру так же сильно, как Джереми, когда он был жив. Они последовали за ней, стараясь изо всех сил вести себя тихо и скрытно, хотя у детей свои понятия на этот счет, отличающиеся от взрослых. Они продолжили движение на цыпочках, звуки шагов глухо отбивались от кривой стены столовой, пока детские губы громко перешептывались. Пока они поднимались, свет стал ярче, а страх – сильнее, а их голоса задрожали от всего этого напряжения.

Учитывая их бубнеж, неудивительно, что пройдя по кривой и холодной каменной лестнице, они встретились с лордом Фэррисом, который навис над ними; его худощавое тело подобно паутине закрыло узкий проход.

– Что это вы здесь делаете? – спросил он тихим голосом, от которого повеяло холодом вниз по лестнице, мимо детей.

Отряд юных храбрецов затрепетал от грубого приветствия, но не дрогнул.

Петра, единственная, кто даже не шелохнулся, твердо спросила:

– А вы что делаете?

От этого глаза лорда вспыхнули, и его рука в перчатке упала на кривую рукоять кинжала.

– Ступайте, – сказал он.

Группа заколебалась, некоторые позади даже невольно шагнули назад. Но Петра сделала что-то невероятное. С кошачьей скоростью и гибкостью молодой девушки, она проскользнула мимо укутанного в черный плащ мужчины и его ножа. Затем она остановилась, загородив ему путь вверх.

– Мы остаемся. Вы – уходите, – непринужденно заявила Петра.

Губы лорда Фэрриса скривились в гримасу. Рукою он схватил девочку за плечо и резко дернул вниз по лестнице. Петра не смогла устоять на сырой каменной кладке, и нога неестественно изогнулась под ней. Затем раздался хруст, похожий треск

зеленого дерева, и короткий всхлип. Петра скрутилась на каменной лестнице и бессильно шлепнулась рядом с детьми, тяжело дыша и замерев у их ног.

Все они замерли в ужасе. Малыш Баннин наклонился к ней уже рыдая. Остальные дети взглянули на ее покалеченную ногу и яростно бросились на лорда. Их юные голоса издали такой вопль, который даже взрослым не под силу, и друзья Петры хлынули на завернутого в черный плащ дворянина, который неуклюже пытался увернуться от них.

Дети вогнали отцовские ножи в бедра мужчины. Он рухнул сверху на них и ответил лишь слабой атакой, ударив рыжеволосую Маб между косичек; потом, упав на колени, он поразил Карна в шею. Первые две жертвы сражения пали бездыханными под ударами, а ступени под ними неожиданно покрылись кровью.

Казалось, будто изначальная покорность была притворством: дети сражались с яростью берсерков. Они безжалостно избивали и кололи ранее бесстрашного мужчину, повалившегося на них, взывавшего и умолявшего Фэрриса. В какой-то момент драки Парри припал к земле, чтобы схватить окровавленный клинок из охладевшей руки Маб, и затем не один раз вогнал его в спину дворянина.

Но лорд Фэррис отчаянно цеплялся за жизнь. Его локти подались назад и разбили голову Лизель о каменную стену, девочка, обмякнув, рухнула. Следующим был ее близнец Ранвен, который, видимо, почувствовав смерть сестры, неподвижно замер, когда упавшая свеча лорда подожгла окровавленное тело девочки. Точно такой же неуклюжий удар оборвал жизнь Равена.

Помимо тел, которые заграждали путь и сделали его еще менее проходимым, залив кровью, лорду Фэррису осталось сразиться лишь с бедной Парри и двумя другими детьми. Одно только преимущество в весе делало его грозным соперником, потому оставшиеся дети спустились, чтобы оказаться ниже него по лестнице, а не выше. Таким образом, на месте остались лишь хныкающий Баннин и покалеченная Петра, причем оба были не в состоянии сражаться.

Мужчина встал у искалеченных ног упавшей девочки, затем медленно наклонился к Баннину и Петре.

– Уберите ножи, – сказал он, брызгая кровью из пробитых легких.

Мальчик, еще совсем ребенок, с залитыми кровью глазами и криками, звеневшими в ушах, испуганно отступил на несколько шагов. Петра же отступить не могла.

– Я же сказал вам уйти, мелкие отродья! – прорычал лорд Фэррис. – Посмотрите, что вы наделали!

Баннин подался еще дальше, его хныканье переросло в настоящее завывание. Но Петра, проявив необычайное усилие, поднялась. Ужасный хруст в ноге не смог сдержать ее выпад.

– Смерть злу, – прошипела она сквозь окровавленные зубы, вогнав клинок Парри в живот лорда.

Только после этого, торопясь, сер Парамор спустился по лестнице, как раз вовремя, чтобы увидеть, как избитый лорд Фэррис тяжело рухнул возле победившей его Петры. Она улыбнулась ему, стоя в луже алой детской крови, а затем замертво рухнула на пол.

Смерть ребенка в истории странным образом совпала со смертью огня в камине; бушующая ночь достигла своего темнейшего времени. Но восторженная толпа, сидевшая как загипнотизированная, не заметила ни углубившихся теней на лице рассказчика, ни тусклости, ни даже холода. Однако, Гораций, стоявший на кухне, заметил.

Именно ему пришлось выйти в метель за дровами. Он ненадолго задумался, почему никто из постояльцев не пожаловался на холод или тусклый свет в помещении, они ведь неустанно жаловались последние дни и годы. Как только вопрос прозвучал у него в голове, ответ сразу же появился: история незнакомца зажгла более теплый и яркий огонь сегодня вечером, и именно им люди и согрелись.

Даже если не принимать во внимание вранье о короле Каэне, Дорсуме, то что, теперь еще и Фэррис мертв? Горацию было интересно, нет, он боялся, что большая часть истории могла быть правдой, хотя сам незнакомец не совершил ничего преступного, даже борща не украл или кусок хлеба. И когда Гораций подумал, что народ разойдется по домам, история по-прежнему удерживала людей на своих местах. Что-то явно было не так с этим незнакомцем. Волосы на шее Горация, возможно, из-за природы скрипа дверных петель, которые долгие годы служили верой и правдой, встали дыбом, когда усыпанный снегом чужак только вошел. Пока темнота сгущалась, а Гораций слушал обрывки дурного рассказа, который держал остальных в трансе, его беспокойство только росло. Мужчина был не просто скользким обманщиком. Он был самым злом.

Но, несмотря на эту уверенность, несмотря на крик каждой струны самого его существа, Гораций знал, что не сможет прогнать мужчину, иначе он сам станет причиной драки. И все равно, когда он сложил дрова на натертую, привыкшую к труду внутреннюю часть руки, Гораций поднял замерзший топор и положил сверху, а затем занес внутрь.

Внутри незнакомец доводил свой рассказ до логичного завершения...

Многое случилось после жестокого убийства невинных детей: сэр Парамор был в шоке от покушения, пронзительные крики родителей, чьи дети покинули их навсегда, трепещущая похвала короля за дела почивших, родители на спинах поднимали пустые и опускали полные ведра с винтовой лестницы, отчищая ее, и охрана, приставлена для защиты принцессы...

А после всего этого сэр Парамор долго молил губительные и непостоянные небеса, молил Бешабу, Цирика и Ловитар, ища какой-то смысл за этими ужасными происшествиями. Когда его потрясенный разум стал слишком слабым, чтобы и

дальше нести свою службу, а его колени слишком дрожали, чтобы держать его прямо; сэра Парамор повесил свой разрушающий заклинания меч Нэуму у стойки кровати, а сам закутался в одеяла, тщетно пытаясь уснуть.

Без предупреждения или шороха, и как только рыцарь оказался безоружен и без защиты, маг Дорсум вошел, закрыв дверь на засов. Сэр Парамор вскочил, замечание застыло на его губах, когда он сел.

Но маг, хитро зашипев, заговорил первым:

– Я знаю, что ты натворил, страхолюд.

Рыцарь встал, бросив сердитый и изумленный взгляд, прежде чем дотянуться к своему мечу. Его рука так и не коснулась рукояти, ведь за мгновение до этого маг наложил заклинание, из-за чего тело Парамора застыло, словно скованное льдом.

Увидев, что рыцарь беспомощен, Дорсум промурлыкал:

– Большинство людей в этих краях считают тебя доблестным рыцарем, но я-то знаю, что это не так. Ты – монстр, злобный и жестокий махинатор.

И хотя Парамор не мог пошевелить ни ступней, ни ногой, ни рукой, язык обездвижен не был.

– Пошел вон! Точно так же как мои юные рыцари убили подосланного тобой убийцу, я прикончу тебя!

– Не шути со мной, – ответил чернобородый маг. – Твой меч рассеивает магию только когда находится в твоих руках, без него ты ничего мне не сделаешь. Кроме того, ни Фэррис, ни я не были истинными убийцами. А вот ты – да.

– Стража! Спасите меня! – закричал Парамор на закрытую дверь.

– Я знаю, как ты подстроил похищения детей. Я знаю, как ты нанял тех пятерых, чтобы они похитили детей дворян, – сказал маг.

– Что? – прорычал рыцарь, изо всех сил стараясь вернуть себе контроль над телом, но лишь вызвал судорогу в ногах.

Стража снаружи стучала и кричала, требуя объяснений.

– Я знаю, что ты встретился с похитителями, чтобы заплатить им за работу, – продолжал маг, – но в качестве награды они получили лишь твой топор.

– Стража! Выбейте дверь!

– Я знаю, что ты взял одежду одного из убитых похитителей, переоделся, и, замаскировавшись, на глазах у детей убил Джереми. Знаю, что позже под видом благородного рыцаря, которым ты никогда не был, ты разыграл спасение остальных детей, – заявил маг, впервые теплые нотки появились в его голосе.

Стража выбивала запертую дверь, которая уже начала трещать.

– Во имя всего святого! – надрывно закричал Парамор.

– Ты сделал все это ради руки принцессы, ты даже детей убил, чтобы заполучить ее. Ты подстроил похищение, сыграв и злодея, и героя, чтобы получить возможность потребовать брак за спасение.

Дрожание в ногах сэра Парамора усилилось; простое касание пальца ноги к кровати встряхнуло ее, как и покоящийся в ножнах меч.

– Я знаю, что ты написал эту записку, – маг вытащил из кармана смятую бумажку и поднял перед собой, чтобы ее было видно. – Лорду Фэррису, ты просишь его увидеться с тобой ночью, и знаешь, что твои «рыцари» натолкнутся на него.

– Это даже не мой почерк, – выкрикнул Парамор.

Он яростно тряся, и дребезжащий меч скользнул в сторону его окаменевшей ноги.

Удары ботинок о дверь стали громче. Треск дерева тоже стал громче. Но простым жестом Дорсум бросил на дверь синее свечение: магия сделала дерево твердым как сталь.

– А в этом мешке, – огрызнулся маг, зная, что у него достаточно времени, – том самом мешке, в котором не так давно лежали пять голов похитителей, лежит и голова Джереми – голова, которую ты отрезал, чтобы сделать куклу, что появилась у кровати Петры!

Маг нагнулся к мешку с головами, но его рука так и не сомкнулась на ней. В этот самый момент, могучий меч Нэума пошатнулся и ударился об обездвиженное тело Парамора, рассеивая наложенное заклинания. Спустя мгновение этот же меч выскользнул из ножен, чтобы опуститься на шею чародея.

Как только острая сталь рыцарского клинка отрубила голову придворного мага, заклинание с двери также рассеялось. Стража, ворвавшаяся вовнутрь, увидела лишь потоки крови, а затем – отделившуюся голову, которая улетела на кровать, разбрызгивая еще больше крови, и тело Дорсума, упавшее у основания мешка, снова окрасив его в красный.

Поняв все неправильно, стражники бросились на Парамора, сдерживая его. То ли из-за позднего часа, то ли отвратительных конвульсий волшебника или потому, что драка была «двое на одного», сэр Парамор пытался отбиваться от клинков стражников, и, в результате, пырнул одного из них в глаз. Трусливый друг раненного стражника упал и закричал, подняв тревогу, у основания лестницы. Тем временем Парамор, жалея мужчину, в чей глаз воткнул меч, вогнал его еще глубже, в мозг, чтобы избавить несчастного от мук.

Крики тревоги прошли по всему замку.

– Парамор – убийца! Остановите его. Убить его!

Сэр Парамор посмотрел, как второй стражник сорвался с места и убежал, а сам рыцарь упал на колени перед телом у своих ног. Слеза прокатилась по его благородной щеке, он со слепой ненавистью смотрел, как разрушается его счастливая жизнь. Не забыв о человеке, который все разрушил, он взял голову Дорсума и сердито с глухим стуком запихнул ее в мешок. Затем Парамор торжественно встал, вдохнул пропитавшийся кровью и потом воздух, и вышел из комнаты, зная, что даже если выживет, то его несправедливо изгонят. Так и случилось.

– Вот вам, дорогие друзья, – прохрипел укутанный незнакомец, а его левая рука погладила черную бороду, – и печальная история о величайшем герое, что когда-либо жил.

Не считая потрескивания огня и завывания бушующего ветра, на комнату обрушилась мертвая тишина. Люди, которые раньше косились на это сломленное

подобие человека, теперь смотрели на него с благоговением и трепетом. И дело было не в его словах. Не в его истории, а в чем-то в нем самом, в чем-то мистическом и едва уловимом. Магия. Те, кто ранее отказали ему в глотке воды, сейчас с охотой угостили бы его всем самым лучшим со своих ферм, с радостью отдали бы ему своих мужей и сыновей в солдаты, или жен и дочерей, чтобы ублажать его. И это почтение только усилилось от следующих его слов.

– Вот вам, дорогие друзья, печальная история о том, как я оказался среди вас, – даже огонь и ветер затихли, чтобы услышать то, что последовало далее. – Как вы понимаете, я и есть сэр Парамор.

На этом он отбросил все еще мокрое тряпье, обволакивавшее его, и из огромной кучи, которая была незнакомцем, возник молодой, изящный и могучий воин с глазами цвета платины. Его лицо сильно отличалось от того замерзшего, с которым он говорил. И в конце, он снял отрубленную голову Дорсума, которая была насажена на правую руку воина, словно марионетка. Даже тогда мертвые уста волшебника продолжали двигаться благодаря тому, как устроились пальцы воина на костлявом нёбе и сухом языке. На протяжении всей ночи, на протяжении всей истории собравшиеся жители слушали марионетку, сделанную из головы мертвеца.

Голос старика исходил изо рта молодого воина, когда его пальцы двигали челюстью и языком.

– Поверьте ему, люди! Он величайший герой, что когда-либо жил.

Коричнево-черная жидкость стекала по предплечью Парамора.

Один только Гораций, ввалившийся в зал, был в ужасе от зрелища; кошмар не коснулся никого даже в меньшей мере.

Простой народ из Кюригской цитадели встали со своих стульев и с удивлением приблизились к возвышающемуся рыцарю и его ужасной марионетке. Они окружили его прямо, как дети из рассказа. Раздались крики, смешанные со стонами и выражениями слишком уж восторженными для человеческого языка:

– Научи нас, о сэр рыцарь! Веди нас, Парамор! Защити и спаси нас от врагов!

В центре сияющее солнце их обожания вытянуло свои окровавленные руки и обняло их.

– Конечно же, я спасу вас. Только следуйте за мной и будьте моими воинами, моими рыцарями!

– Мы умрем за тебя!

– Позволь умереть за тебя!

– Парамор! Парамор!

Восхищения перекрикивали порывы ветра и рычание огня, а поднятые руки людей могли бы снести крышу этой лачуги, если бы Парамор только приказал им.

Поклонение было таким сильным, что никто – даже сам богоподобный Парамор – не заметил сверкнувшее лезвие топора Горация, пока оно не стало красным от журчащей из горла крови рыцаря.

СУМРАК

Трой Дэннинг

Мир был молод.

На берегу Холодного Океана сидела женщина, чьи размеры и фигура напоминали гору - большие бёдра, словно утёсы, и крепкие груди, точно скалистые холмы. А ещё острый подбородок, нос как орлиный клюв и плоские, будто горные плато, щёки. Глаза её - круглы и черны, как пещеры, белые волосы - ниспадают локонами, словно сдуваемый с величественных пиков снег.

Улутиу, Король Океана, не знал имени женщины, да оно и не интересовало его - лишь бы она почаще приходила окунать ступни в его море. И тогда он забирался на её плечи, а затем, скатываясь с них вниз, проскальзывал своим волнообразным телом между её холмов, скользил по животу и дальше, по расщелине промеж плотно сжатых бёдер, заканчивая маленькое путешествие прыжком с её колен и всплеском ледяной воды. И так сильно нравилась Морскому Королю эта игра, что он готов был выбираться на льдистое побережье и повторять её вновь и вновь, не задумываясь о голоде, или усталости, или о чём угодно, кроме наслаждения, равно духовного и плотского.

Да и женщина - имя ей было Отейя - тоже любила эту забаву. Она жаждала ощущать прикосновения влажной шкуры Улутиу на коже, совсем как её лёгкие жаждали глотка воздуха. Её нравилось откинуться, оперевшись руками о промёрзшую землю, и не думать ни о чём, лишь только о ледяных удовольствиях, терзающих тело. И тогда она цепенела, впадая в ступор, столь блаженный, сколь и леденящий, и в конце концов заходила в абсолютном экстазе. И тогда тело её сотрясало, дрожью отзываясь в отдалённых землях, размётывая зеленеющие луга на куски и сбивая с горных вершин снега, которые затем скатывались в ущелья со всепоглощающей мощью, не уступающей по силе её удовольствию.

И всё это видел Аннам Всеотец. Яростен был его гнев, и ещё яростнее становился он оттого, что мог он читать мысли их и чувствовать их вождение - таково было его проклятие. Поднялся он из каньона, в котором лежал, и даже сокрушающий поток вновь оживших вод реки не был столь же свирепым, сколь его негодование. Сплюнул он с отвращением - и буря с дождём и снегом разразилась над седыми просторами Холодного Океана.

Анна устремился вперёд. Так тяжела была его поступь, что все воздушные создания покидали свои гнёзда и упархивали прочь - гуси и гарпии, орлы и драконы; и так много их было, что само небо потемнело, заслонённое их крыльями. И земные твари бежали, сминая и срывая копытами и когтями растения на своём пути; и морские, плавниками и жабрами взбивая океан в холодную пену.

И понял тогда Улутиу, что перешёл дорогу высшему богу. Смотрел он на его приближение поверх колен Отейи, дёргая усами и прижав уши к голове.

- Отейя! – голос Аннама катился по берегу, словно бушующий ураган, и не было на свете ничего, что могло бы сравниться с ним по силе ярости. – Что я говорил насчёт твоих развлечений?

Тёмные глаза Улутиу расширились от ужаса, и он скрылся за громадной фигурой Отейи. Услышал Аннам всплеск воды Холодного Океана, и не понравилось это ему. Двумя размашистыми шагами он сократил расстояние до моря и встал на колени, а когда высмотрел размытый тёмный силуэт, удаляющийся от берега, то вытянул свою длинную руку и выхватил Короля Океана из ледяных пучин.

- Аннам, не вреди ему! – голос Отейи разнёсся по ледяному взморью, словно грохот курящейся горы, и ясно было, что это приказ, а не просьба. – Здесь нет вины Улутиу, он просто играл.

- Я отлично знаю, что порождают такие игры! – Всеотец поднялся во весь свой впечатляющий рост и повернулся к Отейе, а холодная вода срывалась с его руки на землю, проливаясь дождём. – Фирболги, вербииги, фоморы, эттины!

- Только не эттины, - поправила Отейя, а когда продолжила, не выказывала ни малейшего страха перед Аннамом. – Этих *ты* породил.

- Может и так, но мы сейчас не об этом.

Несомненно, Аннам был бы и рад отрицать этот факт, но Всеотец понимал, что это он создал этих монстров, а Отейя не напомнила бы об этом, будь вместо него кто-то другой. То, что она отказалась пощадить его чувства, ещё больше усилило его гнев, и он подумал, что наказание будет воистину суровым.

Недовольная прерванной игрой, Отейя не обращала внимания на негодование Аннама.

- В чём *проблема*, Супруг?

- Ты должна быть Королевой-Матерью *гигантов*, - ответил Аннам. – Должна заселить Торил моим потомством – настоящими гигантами, а не мусорными расами от Улутиу!

- Торил пуст и молод, - возразила Отейя. – На нём хватит места роду великанов.

- Я слышу то же оправдание, что и после твоего танца с Вапраком, того, с крысиным лицом? – требовательно поинтересовался Аннам. – А теперь огры заполонили Осторию! Они повсюду, они точно чума, охватившая империю моих детей, точно вредители, вгрызаются в её поля.

- Возможно, твои дети слабы, а Вапрака – нет.

- Мне следовало утопить самого первого огра, которого ты родила! – разбушевался Аннам, и снежная буря пронеслась над берегом на крыльях ревущих ветров. – Мне следовало раздавить череп Вапрака за то, что он посмел меня обмануть! Но я не сделаю одной ошибки дважды.

Всеотец усилил хватку. Визг, вырвавшийся из горла Морского Короля, был длинным и громким – и всё же просто порыв ветра по сравнению с силой злости Аннама. Улутиу видел свою смерть, и отбивался руками-ластами, пинался ногами-плавниками. Но ничто не могло освободиться из кулака Аннама, сильнейшего из сильных.

- Не смей! – тон Отейи оставался резок.

Аннаму не успокоился.

- Это будет тебе уроком.

Всеотец сжал кулак; кости хрустнули, органы лопнули. Улутиу взвыл, и в ответ в пустой дали Холодного Океана вздыбился огромный вал. С ужасающей скоростью он нахлынул на взморье и врезался в выскающую фигуру, захлёстывая с головой, пытаясь вырвать тело Короля Океана.

Но даже море не могло превзойти Аннама. Стоял он, незыблемый, посреди потока, как колонны его дворца; отступающие воды не вихрились больше вокруг его талии, но всё ещё он держал Улутиу. Морской Король обмяк и затих, однако сердце его ещё билось. Слабо и хаотично, а потому Аннам решил, что наказание оказалось достаточным.

- Как я поступил с Улутиу, так поступлю со всеми твоими любовниками, - объявил Аннам. Всеотец повернулся и махнул рукой в сторону центра Холодного Океана – тело Улутиу взмыло к небесам и устремилось затем вниз, точно падающая звезда. – Больше никаких рас-отродий в королевстве моих детей!

Долго смотрела Отейя на полёт, пока Улутиу не превратился в тёмное пятнышко в небе. Смотрела она, и когда это пятнышко начало спускаться по широкой дуге; смотрела, и когда полёт окончился всплеском посреди айсбергов, где-то далеко в сердце Холодного Океана. Только после этого перевела она взгляд на Аннама, и слезы в её глазах были размером с озёра.

- Не будет больше подобных гигантам, - процедила Отейя.

- И это хорошо, - улыбнулся Аннам, показывая, что его удовлетворил такой ответ. – Ибо я их не потерплю.

Но не было на лице Отейи ответной улыбки. Нет, женщина изогнула губы в оскале, неистовству которого мог бы позавидовать и демон.

- Как и самих гигантов.

- Что? – не поверил Аннам, вновь недовольный.

- Я не порожу больше ни одной расы для тебя, - повторила Отейя. Черный жемчуг гнева блестел в её глазах, ярость столь холодающая, что слёзы застыли, превратившись в лёд, и лавинами покатались по её щекам. – Я люблю детей Улутиу больше, чем твоих. С тобой покончено.

- Я – Всеотец! – голос Аннама вцепился в лицо жены, как бешеный ветер вцепляется в горные склоны. – Ты не можешь не повиноваться мне!

- Почему нет? – отрезала Отейя. – Или ты и *меня* накажешь так же, как Улутиу? Ну так я только приветствую это!

Злость Аннама взметнулась столь сильно, что он смог только зареветь – и сразу ветры взвыли так, как никогда раньше не выли, неся на своих крыльях осколки льда, срезавшие траву с земли, и саму землю с камней. Снял с пояса Всеотец свой могучий топор, Небесный Секач, и занёс для удара.

Но не испугала Отейю эта вспышка, ибо правдивы были её слова – с радостью последовала бы она за Улутиу. И когда понял это Аннам, гнев его сменился потрясением. Небесный Секач выскользнул из его руки, пролетев далеко над равнинами, приземлившись в конце на гору и разделив её надвое, и так появился Расщеплённый Пик.

Ничего этого не видел Аннам, ибо мысли его метались как безумные драконы, кружась в голосе диким водоворотом, больше свойственным простым смертным, нежели божеству. Он же Всеотец. Владеть Отейей – его право, и он мог применить

силу, если бы захотел. Но Аннам не являлся злым богом, и не обрадовало бы его, если бы результат такого мерзкого союза отправился на этот молодой мир. Эттинов и так достаточно. Что-нибудь худшее могло полностью уничтожить государство его отпрысков, а не усилить его.

Но не мог он и уступить Отейе. Предвидел бог, что Торил будет миром многих народов – не только огров и гигантов, но и людей, дворфов, и даже ужасных существ, поклоняющихся тёмным началам. Понимал Всеотец, что если дети его хотят процветать, то их империю должен вести мудрый и сильный король.

И сказал тогда он Отейе:

- Ты выносишь мне ещё одного великана, величайшего из всех, мудрого, сильного и справедливого, ибо будет он королём великанов.

- Я уже родила тебе титана, - возразила богиня, - пусть он будет их королём.

- Нет! – вскричал Аннам, его мощный голос сотряс Отейю до кончиков пальцев. – Да, титан умён, силен и решителен, но также горд и тщеславен. Империя моих детей заслуживает лучшего короля.

Аннаму вдохнул, проталкивая воздух не в грудь, но глубже, до самой поясницы, задерживая его там.

- Желай чего хочешь, - ответила Отейя. – Я не подчинюсь.

Всеотец выдохнул, и выдох был не бурей, но благословенным ветерком, полным тепла наступающей весны и обещанием новой жизни; направил Аннам этот поток на Отейю, и омыл он её тело, укрыл, точно вуаль лицо невесты. Затрепетала Королева-Мать.

Помрачнело лицо Отейи, и ни один обсидиан не смог бы сравниться с ним по черноте.

- Что ты сделал, Аннам?

Всеотец улыбнулся, довольный своей маленькой хитростью.

- Не чувствуешь ли ты ответ в своём чреве? – спросил он, и взгляд его был схож со взглядом заметившей добычу виверны. – Внутри тебя – король!

- Король, которому не суждено родиться! – равнины прорезала бездонная трещина, настолько сокрушителен был гнев Отейи. – Я буду вынашивать его до конца времён!

- Ха! Ты не сможешь этого сделать, - возразил Аннам. – Если попытаешься, он будет расти внутри, пока не расколет твоё тело.

Королева-Мать обдумала слова своего мужа, а потом произнесла:

- Тогда я вытолкну его раньше срока и призову наследников Вапрака. Они никогда не откажутся от столь нежного корма!

Рот Аннама раскрылся, исторгнув громы и молнии.

- Он и твой ребёнок! – взревел Всеотец. – Ты не скормишь его ограм!

- Нет, если ты уйдёшь, - заявила Отейя, и кривая усмешка исказила её словно вырезанные из камня губы.

- Предлагаешь сделку?

- Покинь Торил, и тогда я буду носить дитя до тех пор, пока оно само не найдёт путь наружу из чрева, - сказала Отейя. – Но если вернёшься раньше срока, тогда я вытолкну его, и сыны Вапрака будут пировать твоим.

Столь холоден был её голос, что даже облака замёрзли в небе и упали наземь, став горными ледниками.

Улыбнулся Всеотец:

- О, такая игра мне по нраву, ибо семя моё сильно и не будет долго тянуть, - уверил он. - Я вернусь, когда моё дитя – будущий король – позовёт меня по имени, и тогда я буду только наблюдать, как государство моих отпрысков ширится со скоростью ветра, заполняя весь Торил.

Анна взмахнул рукой в небо. Вырвалась из ладони пяти цветная радуга, встал он на неё и удалился наверх шагами длинными, словно реки.

Отейя смотрела, как Всеотец уходит, а когда свод небесный поглотил его, перевела она взгляд в сторону сердца Холодного Океана. И хотя расстояние было неизмеримо огромным, увидела она последствия ужасной мести своего мужа. Там, на покрытой сетью багровых струек глыбе льда, лежал Улутиу – и тело изогнуто под углами, недоступными живым существам. Из ушей струится тёмная кровь, а в пасти пузырится кровавая пена, стекая в серые воды его моря.

- Клянусь – голос дитя Аннама никогда не раздастся вне моего чрева, - и хотя Отейя произнесла это шёпотом, волны поймали слова и донесли до ушей Морского Короля. - Хотела бы я отомстить за твою смерть лучше, но Всеотец всемогущ, и это лишь немного, что я могу сделать.

Улутиу поднял голову, и улыбка озарила его морду. Он потащил своё тело по льду, туда, где Холодный Океан лизал кромку его смертного одра, а потом погрузил свою лапу в рубиновую воду. Так он лежал долгое время, неподвижно, пока, казалось бы, жизнь не покинула его, и Королева-Мать не закричала от горя. Из рта её тогда исторглась Стодневная Ночь – и поэтому в северных землях зима и тьма идут рука об руку, как брат с сестрой.

Но Улутиу ещё не отошёл в мир иной. Король Океана перекатился на спину и вытащил конечность из студёной воды – на кончиках пальцев образовались пять кристаллов льда, цветом, соответствовавшим драгоценным камням: изумруду, сапфиру, рубину, янтарю, и один прозрачный, словно чистейший алмаз. Морской Король содрал кристаллы с когтей и прижал к шее, и там они и остались висеть, будто на цепи.

Тогда только Улутиу закрыл глаза, и из глотки вылетел длинный вздох – дух его покинул Торил, поднявшись, словно туман от холодной воды, и колышущаяся рябь цветов воспарила от каждого кристалла, затанцевав, подобно призракам, высоко в небе. Так появились Северные Огни. А потом Холодный Океан окружил его смертное ложе водяным смерчем, засыпая изломанное тело вуалью ледяной крошки. Быстрее закружился смерч, и вуаль превратился в саван; ещё быстрее – и саван становится толще... и вот это уже гроб. Прошло совсем немного времени, и слой льда стал напоминать саркофаг.

Смерч крутился всё быстрее и быстрее, слой за слоем покрывая гробницу снегом, пока насыпь не стала сугробом, сугроб – холмом, а холм затем горой, продолжая расти. Ветры бесновались всё яростней. Море замёрзло, превратившись в бескрайнюю белую пустошь, а небеса стали серыми, словно сталь. Снежные каскады струились с неба. Буря загоняла снежинки во все концы Холодного Океана, на восток

и на запад, на север и на юг, и всюду между, и весь пустой простор ледяного моря скрылся, погребённый под белой мглой шторма.

Буря продолжалась, и не было ей конца – месяц за месяцем складывались в года, года в столетия. И всё это время Отейя наблюдала, и хотя голод был внутри неё, словно окружающая метель, еду она не принимала. Семя Аннама терзало её изнутри, прося пропитания, но Королева-Мать неумолимо отказывала ему, поддерживая в себе жизнь только водой из Источника Здоровья. Не мог ещё не рожденный король-великан накопить сил, чтобы освободиться, и Отейя часто возвращалась к Холодному Океану, смотреть, как снежная гора растёт слой за слоем. Море превратилось в нависшую стену льда, такую высокую, что она скребла небо; наконец она выросла до таких размеров, что даже дно океана не могло её уже сдержать – вылезла она на древний берег и поползла на юг, медленно и неумолимо.

Раздался тогда хохот Отейи, похожий на гул далёкого вулкана, полетев над землёй – ибо на пути великого ледника лежала гордость Аннама, Остория, Империя Великанов.

На полу лежала сфера голубого льда, чья безупречная поверхность была гладка, точно стекло, а внутренность – прозрачна, словно воздух. Создатель сего предмета, титан Ланаксис, стоял рядом. С двух сторон его обступили Нициас, правитель облачных великанов, и Масуд, хан огненных. Ещё здесь были Вилмос, предводитель грозового племени, Оттар, ярл ледяного, и все остальные Сыны Аннама, рожденные Отейей бессменные монархи, коим было уготовано судьбой править расами великанов до тех пор, пока стоит Остория.

С тех пор, как Отейя изгнала их отца, прошла тысяча лет, но даже лишённая опеки, Остория росла и набирала могущество. Она расширилась настолько, что даже за две декады Ланаксис не мог бы добраться с одного края на другой. Почти так же далеко империя протянулась и на юг, где поднимали головы королевства дворфов и людей. Каждая раса великанов владела своей областью обширных земель – Сыны Аннама разошлись повсюду.

Редко когда все Сыны собирались на совет, но когда это происходило, то местом всегда был Мрачный Дворец, обитель Ланаксиса. Сегодня титан собрал своих собратьев на продуваемой всеми ветрами веранде. Ни стены, ни колонны не заслоняли здесь вид на север, где над промёрзшей степью высилась громада Великого Ледника, неотвратимо ползущего на юг, стремящегося поглотить их государство.

- Я собрал вас вместе по важной причине, - оповестил Ланаксис присутствующих. Пока он говорил, чернильные клочья собрались в глубине ледяного шара. Великаны не выказали ни тени удивления: искусство магии для титанов было так же естественно, как для горных великанов – искусство лупить.

- Я отыскал гробницу Улутуи, - продолжал Ланаксис. – Теперь мы можем уничтожить его кристальное ожерелье, и Великий Ледник вместе с ним.

Одобрительное гудение пробежало по рядам Сынов Аннама, ибо ничто другое не ненавидели они так, как Ледник. Голос лишь одного из них, Данмора, тана лесных великанов, не вливался в общий гвалт.

- Ты созвал всех впустую, - голос тана твёрд, как ствол железного дерева. – Разве Отейя не запретила нам подниматься на Великий Ледник?

- Мы не скажем ей, что собираемся туда.

Ещё не закончив предложение, Ланаксис смерил Данмора взглядом. Тан был карликом среди великанов, худого телосложения и едва доходившим до бедра титана. Безволосое тело, слишком большая голова, кожа цвета дуба – всё это делало его больше похожим на представителя одного из родственных великанам существ, нежели на истинного великана; Ланаксис часто удивлялся, а не солгала ли Отейя о настоящем отце лесного гиганта.

- Ты не можешь послушаться Отейю! - вздрогнул Данмор, - Её наказ...

- Я слишком сильно люблю нашу страну, чтобы дать куску льда стереть её с лица Торила, - прервал Ланаксис. – Я спасу Осторию – и после этого с радостью понесу любое наказание, которому Отейя меня подвергнет.

- Я покажу, где лежит Улутиу, - переключил он внимание на других великанов, - и буду надеяться, что вы поклянётесь мне помочь.

Титан отступил от ледяной сферы и произнёс тайную команду. Чёрный туман рассеялся, явив картину зимней ночи с натянутым через темноту, словно занавес из цветного шёлка, северным сиянием. Огни танцевали всего секунду, затем, поглотив их, из глубины шара вырвалось белое облако ревущего шторма. Ещё мгновение спустя, сквозь шторм проступили очертания зазубренной вершины горы.

Пик приближался, пока, наконец, вся горная громада не заполнила внутренность шара – и тогда изображение как будто проникло внутрь породы. Скала состояла не из камня, но из чистого голубого льда, расчерченного теми же цветами, что пестрели Северные Огни. Сфера плыла всё ниже, следуя за пляшущей аурой вглубь горы, пока не добралась до озера багровой крови, вмёрзшего в древний лёд в самом сердце ледяного монумента.

И в центре этого озера, обхваченный льдом, висел покрытый мехом и чешуей труп существа – наполовину человека, наполовину выдры. Тело его было тощим, широкие плоские руки заканчивались длинными пальцами с натянутыми между ними перепонками, а ноги вывернуты наружу, напоминая китовый хвост. На груди покоилось ожерелье из пяти кристаллов, из каждого из которых вырывался один из Огней.

- Ледяная гора находится в центре Великого Ледника, - сообщил Ланаксис. Холод сходный с тем, что излучала магическая сфера, пробежал по его спине, ибо титан ненавидел ледник больше, чем всё остальное на Ториле. – Чтобы спасти Осторию, мы должны пойти туда, достать тело Улутиу и раздавить эту побрякушку.

- Легче сказать, чем сделать, - пробурчал Оттар. Пока ледяной гигант говорил, дыхание клубами срывалось с его синих губ, закрывая белое лицо и льдисто-голубые глаза. – Великий Ледник огромен, да и Вечная Буря не облегчит поиски пути.

- Шторм беру на себя! – хвастливо отозвался Вилмос, правитель грозowych великанов. Ростом он был почти с самого титана, но имел фиолетовую кожу и гладкую серебристую бороду. – Но что насчёт ледника? Когда мы достигнем горы,

нам ни за что не пробиться через весь этот слой. Может, он километра три толщиной!

На этот вопрос ответил Нициас, облачный великан:

- Лёд меня не тревожит, брат, - голос его был так же невесом, как и его белые волосы. - Вместе мы, Сыны Аннама, можем многого достичь.

Ланаксис широко улыбнулся, удовлетворённый тем, как много братьев его поддержало.

- Нициас, как всегда, ты говоришь мудро и верно.

Нициас вежливо кивнул и продолжил:

- Но я спрашиваю себя, нужно ли нам обсуждать то, как добраться до Улутуи, вместо того, *стоит* ли это делать. Ослушаться Отейю - такое совершить непросто. Хорошие сыновья чтят матерей.

- Если бы мать любила нас, то остановила бы ледник ещё до того, как он поглотил половину наших земель! - взревел хан Масуд, огненный великан с угольно-чёрной кожей и пламенно-рыжей бородой. - Я за план Ланаксиса, и в печь Отейю!

Возмущённый великан заполнил воздух серными парами, но даже это удушающее облако не помешало остальным присутствующим разразиться приветственными воплями.

Нициас приподнял белую бровь и окинул взглядом веранду, после чего развёл руки, будто бы принимая поражение.

- Похоже, вопрос уже рассмотрен и решён, - облачный гигант бросил уничижающий взгляд на Масуда. - Но я надеюсь, что твоё высказывание о том, как бы бросить Королеву-Мать в печь, всего лишь преувеличение.

- Почему бы и нет? - деланно удивился Данмор, и отвращение ясно было нарисовано на его деревянном лице. - Если они готовы послушаться Отейю, значит, готовы на что угодно.

- Мы не хотим причинять ей вред, - в безучастных глазах Оттара не было ни тени эмоций, когда он отвечал лесному гиганту. - Как не хотим и того, чтобы она причинила вред государству.

- Отейя дала жизнь нашим племенам! Что государство по сравнению с этим! - возмутился Данмор. - Если бы Королева-Мать попросила, я бы разметал собственный дворец голыми руками.

- А я бы лучше сжёг, - хмыкнул Масуд. - Но разве это значит, что я настолько глуп, чтобы повторять то же самое? Думаю, нет.

Издёвка огненного великана вызвала несколько довольных смешков.

Данмор печально покачал головой и прошёлся глазами по лицам своих братьев:

- Я не буду принимать в этом участие, - тан отошёл от остальных и закончил: - Сейчас я испью из Источника и уйду.

- Выпить можешь, - разрешил Ланаксис. Сыны Аннама периодически пили из Источника Здоровья, прежде чем покинуть Мрачный Дворец; волшебная вода сохраняла разум ясным, а тело - здоровым. - Уйти - нет. Боюсь, ты собираешься рассказать Отейе о наших планах, а потому я настаиваю на твоём нахождении здесь до нашего возвращения. Мои слуги проследят, чтобы ты ни в чём не нуждался.

- Как ты добр, Ланаксис, - в голосе лесного великана горечи было не меньше, чем в древесном подкорье.

Титан улыбнулся, затем глянул в сторону трёх пещероподобных проходов, ведущих внутрь дворца.

- Джульен, Арно! – крикнул он. – Сюда, есть задание для вас!

Как только Ланаксис позвал слуг, Данмор развернулся и бросился к магической сфере, врезавшись в неё с сокрушительной силой. Шар разлетелся на сотни кусочков, высвободив воющую круговерть снега и ветра. Ослеплённые мечущейся бурей, Сыны Аннама взревели от неожиданности и начали беспорядочно метаться туда-сюда, наполняя воздух звуками ударов и стонами при столкновениях друг с другом.

Ланаксис упал на четвереньки и пополз к центру комнаты, шаря руками в растущем слое снега. Тяжёлая ступня опустилась на его запястье, и когда он выдернул руку, рядом свалился на пол великан. Титан, не обращая на него внимания, продолжал водить руками по земле, пока не наткнулся на осколок ледяной сферы. Схватив его, он произнёс управляющее магией слово, в этот раз задом наперёд. Бушующий ветер тут же стих, летающий снег потихоньку начал собираться в толстое одеяло на полу. Как только неразбериха улеглась, пара ног прошлёпала по снегу и остановилась перед Ланаксисом.

- Вызывали? – раздался мягкий голос Джульена.

- Явились быстро! – поддакнул Арно. Его голос был полной противоположностью – низкий и резкий. – Что нужно?

Титан поднял глаза и обнаружил перед собой два абсолютно непохожих друг на друга лица его двухголового слуги-эттина. Черты смуглого Джульена были привлекательны, особенно в сочетании с его тёмными кудряшками и подбородком с ямочкой. Арно же имел внешность бледного курносого громилы с двойным подбородком, украшенным остатками нескольких его последних трапез. Их шеи спускались до общей точки, венчавшей широкоплечее туловище, которое, впрочем, по настоянию Джульена, они поддерживали в относительной чистоте.

Ланаксис поднялся и огляделся в поисках тана, но единственным, что напоминало здесь о лесном гиганте, были полузасыпанные отпечатки ног, ведущие к одному из выходов Мрачного Дворца.

- Похоже, Данмор скрылся, - констатировал Нициас. – Не сомневаюсь, чтобы сделать, то, чего ты опасался – сообщить Отейе о нашей задумке.

Великаны молчали – все они знали, как силён будет гнев Королевы-Матери, когда она узнает об их намерениях.

- Я пойду следом, - предложил Масуд, двинувшись в направлении одного из проходов. – Остановить это отродье не займёт много времени.

Нициас схватил меньшего великана за плечо.

- Сыны Аннама не воюют друг с другом.

- Как и не подводят своих братьев! – Масуд перевёл пылающий взгляд на Ланаксиса, ожидая поддержки. – За это я предлагаю кинуть его в плавильню!

- Не нужно сжигать его, - отозвался титан. – Просто верни обратно, эттин позаботится о нём.

- Нет! Когда Масуд догонит его, между ними произойдёт схватка, - Нициас всё ещё цепко держал огненного великана за плечо. – Данмор пострадает – или даже погибнет.

- Лучше так, чем отпускать! – прогремел Ланаксис. – Если Данмор расскажет Отейе о наших планах, никто из нас никогда не попадёт на Великий Ледник, и Остория будет потеряна!

- Если мы нападём на собственного брата, или даже сделаем его пленником – это будет означать, что мы уже её потеряли, - отрезал Нициас. – Я этого не сделаю.

- А я не позволю леднику смести нашу империю! – сердито уставился Ланаксис на Нициаса.

Облачный гигант возвратил взгляд. В глазах Нициаса не было злости или страха – только решимость, и Ланаксис знал, что его противник не уступит в споре. Гнев титана воспылал жарче, чем печи Масуда, кулаки зачесались от желания нанести удар, но он прижал руки к бокам и не двигался. Многие великаны безмерно уважали Нициаса; ударить его – значит ввергнуть Осторию в хаос, в резню, которая уничтожит государство почти так же верно, как и Великий Ледник.

Вилмос положил ладонь на плечо титана:

- Сожалею, брат мой, - прогрохотал грозовой великан. – Возможно, Нициас прав. Обернёмся против Данмора – уничтожим дух Остории; уверен, никто из нас не желает быть частью такого.

С этими словами Вилмос, как и Нициас, развернулся, намереваясь покинуть веранду. Остальные великаны зашевелились, собираясь последовать за ними. Все знали, что без помощи предводителей облачного и грозowego племён даже у Ланаксиса не хватит сил, чтобы добраться до тела Улутиу. Как никто не предложил и открыто противостоять Отейе – столь велика была мощь Королевы-Матери, что только глупец осмелился бы бросить ей вызов.

И всё же Ланаксис не мог спокойно смотреть, как они уходят, ведь вместе с ними его покидало и будущее его родной империи.

- Стойте!

Великаны застыли и посмотрели на титана.

- Прими нашу судьбу, - посоветовал Нициас. – Дай Остории умереть спокойно.

- Я не прошу вас выдвигаться против Данмора, - произнёс Ланаксис. – Я прошу всего лишь дать мне время. Останьтесь до утра. Может быть, я найду способ убедить Отейю позволить нам спасти Осторию.

Нициас и Вилмос переглянулись, и первый из них спросил:

- Ты не поднимешь руки на нашего брата?

- Я оставлю тана в покое, - пообещал титан. – Всё, чего я хочу – время. Если для Остории ещё есть надежда, я найду её сегодня ночью.

Облачный великан кивнул.

- Тогда мы вместе постараемся что-нибудь придумать, - он посмотрел на остальных. – Встретимся у Источника Здоровья завтра на рассвете.

На этом Нициас и другие ушли с веранды в залы Мрачного Дворца. Когда они все исчезли из виду, Ланаксис обернулся и уставился на ледник, горой нависший над его родиной.

- Предатели! – хотя титан произнёс это слово шёпотом, оно эхом разнеслось над равнинами, как будто он прокричал его с вершины самой высокой горы. – Разве им есть дело до Остории?

- Труссы! – поддакнул Арно, - Они боятся сде...

- Тихо! – прошипел Джульен. – Не видишь – Ланаксис думает?

- Нет, Арно прав, - согласился Арно, - они и в самом деле трусы – как и я, дрожащий в тени Отейи.

Титан с силой опустил кулак вниз, и так он был поглощён растущей яростью, что даже не заметил, что этот удар разрушил целую секцию ограждения веранды.

Джульен приподнял бровь.

- Их осмотрительность – всего лишь мера предосторожности. В конце концов, Отейя – богиня!

- Полу- богиня, - поправил Ланаксис. – С меня хватит послушания. Она – мой враг, и я буду относиться к ней соответствующе!

- Что? – подавился Арно. – Напасть на неё? Она перебьёт нас как скот!

Но возражение осталось для Ланаксиса лишь далёким эхом, ибо мысли о гнусном деянии уже заманили его в свою тёмную паутину. Титан стоял и смотрел на ледник вдалеке, на протяжении многих минут, а потом резко развернулся и зашёл в один из проходов в Мрачный Дворец.

- Раздобудьте пустой сосуд и принесите в мою комнату – и побыстрей. До рассвета нужно многое сделать, - распорядился он. – Ничего не говорите моим братьям. Пусть завтрашние события станут для них сюрпризом.

Вставшее солнце зависло над заснеженным горизонтом, и его багровый диск заполнил собой дальний конец колоннады. Розоватые лучи светила пронизывали галерею по всей длине, скользя почти параллельно полу, и лишь слегка касались бурлящей воды Источника Здоровья, подсвечивая её в рубиновый. Несмотря на яркие цвета, для Ланаксиса в колоннаде было так же холодно, как и на вершине Ледника.

Братья титана уже собрались здесь, но никто из них не поднял взгляд, не посмотрел в его глаза, когда он вышел из Мрачного Дворца. Даже не спрашивая, Ланаксис знал, что великаны так и не нашли пути к спасению Остории. Они возложили тяжесть этого задания на его плечи, но теперь им придётся заплатить за это цену.

Ланаксис приблизился к Источнику. Эттин следовал по пятам, неся поднос с кубками, подобранными по размерам для каждого великана.

- Выпьем, братья.

Нициас и остальные, наконец, подняли взгляд на хозяина замка.

- Значит, ты пришёл к тому же выводу, что и мы, - протянул облачный гигант. – Осторию не спасти.

Ланаксис не ответил. Вместо этого, он взял с подноса две самых больших чаши и протянул их Нициасу и Вилмосу.

- Зачерпните из Источника Здоровья, - титан улыбнулся, не забыв удостовериться, что гости увидят, как тяжело ему далось это проявление храбрости. – К этому моменту Данмор наверняка уже нашёл нашу мать. Скоро она будет здесь.

Нициас не принял протянутый сосуд.

- Мы все собирались предать нашу родительницу. Мы все должны принять последствия.

Улыбка Ланаксиса застыла на его лице. Титан никак не ожидал столкнуться с претензиями на благородство. Вымотанный долгой ночью трудов, он какое-то время размышлял над подходящим ответом.

- Глупо страдать всем нам, - наконец, сказал он. В голове сердитый голос кричал его трусливым братьям «Выпейте и уходите!» Нужно было подготовить Источник к приходу Отейи. – К тому же, вся вина лежит на мне.

Ланаксис собирался продолжить, но тут пол под его ногами дрогнул. Серия далёких раскатов донеслась с противоположной стороны Мрачного Дворца, каждый громче предыдущего. Отейя приближалась.

- Сожалею, братья, - провозгласил усталый титан, - но, похоже, сегодня у вас уже нет времени пить из Источника. Джульен и Арно сопровождают вас до выхода.

Эттин поставил поднос с чашами на скамью и пошёл вниз по галерее. Масуд и большинство великанов сразу последовали за ним, но Нициас и Вилмос заколебались.

- Мы не позволим тебе встретить гнев Отейи в одиночку, - голос облачного великана был лёгок, словно вздох. – Мы останемся.

- Я попросил вас покинуть Мрачный Дворец, - ответил Ланаксис, изо всех сил стараясь оставаться спокойным. – Неужели вы не почтите моё желание?

- В таком случае, у нас нет выбора, - согласился Нициас. – Но нам это совсем не нра...

- Мне плевать! – Ланаксис указал пальцем на проход. – Уходите!

Челюсть Нициаса отвисла – великан был слишком поражён, чтобы шевелиться. Ланаксис схватил ладонь Вилмоса и вложил в неё руку облачного гиганта. Титан подтолкнул обоих в сторону остальных великанов, которые уже достигли конца галереи.

- Уведи его! – закричал Ланаксис. Королева-Мать была уже настолько близко, что он мог чувствовать, как пол сотрясается от её поступи.

Вилмос кивнул, и его полный восхищения взгляд остановился на лице Ланаксиса.

- Слушаюсь, - грозовой великан развернулся, утаскивая с собой ошеломлённого облачного. – Но мы не забудем того, что ты сегодня сделал, мой брат.

- Я знаю, - рука титана скользнула в карман одеяний и обхватила склянку, содержимое, которое он готовил всю ночь. Шёпотом он добавил: - Никто не забудет.

Едва дождавшись, когда два великана отвернутся, он извлёк маленькую бутылочку из кармана. Колонны коридора теперь сотрясались постоянно – настолько тяжелы были шаги Отейи. Титан подозревал, что, если бы не разделяющая их громада дворца, богиня уже бы смотрела на него.

Ланаксис вытащил пробку и направил поток крошечных голубых кристалликов в пузырящуюся воду Источника. Несколько клубов бирюзового дыма поднялись из водоёма, затем вода приобрела обычный цвет; титан понял – яд растворился.

Галерея тряслась так сильно, что вода выплёскивалась из Источника. Ланаксис увидел громадную фигуру, появившуюся из-за угла Мрачного Дворца и плавнодвигающуюся к концу колоннады.

- Стойте, трусы! – грохотал голос Отейи. – Вернитесь и встаньте со своим братом.

Нициас и Вилмос, только что добравшиеся до последней колонны, остановились и преклонили колена. Ланаксис разглядел, что далеко на промёрзшей равнине остальные братья развернулись и неохотно побрели назад.

Тёмно-сиреневая, сумрачная тень заслонила галерею, когда гороподобная Отейя вышла на открытое место, заслонив красный диск солнца. Хотя Королева-Мать была всё такой же огромной, как и раньше, из-за долгого голодания черты её лица стали острее и резче, а её кожа, даже несмотря на выпиваемые богиней порции воды из Источника, стала серой как у мертвеца.

- Возьмите у Отейи кубок, - обратился Ланаксис к эттину. - После дороги она, должно быть, умирает от жажды.

Эттин поклонился Королеве-Матери, затем поковылял вниз по проходу, выполняя приказ Ланаксиса.

Отейя внимательно изучила титана чёрными глазами, но ничего не сказала, дожидаясь, пока его братья не вернутся, становясь на колени рядом. Явился даже коротышка Данмор – хотя он позаботился о том, чтобы встать подальше от своих братьев.

Масуд вернулся последним.

- Мои братья и я – не трусы, - сплюнул огненный великан, бросив обвиняющий взгляд на титана. - Ланаксис отправил нас прочь, потому что мы не заслуживаем твоего гнева. Мы не сделали ничего плохого, разве что выслушали его.

- Данмор рассказал другое, - возразила Королева-Мать. Её грохочущий голос, казалось, заставлял вибрировать сами каменные колонны и гранитный пол. - Он сообщил, что вы все собирались отправиться на Великий Ледник. Сказал, что все вы хотели найти гробницу Улутиу.

- Данмор рано ушёл, - возразил Оттар; ледяной великан избегал смотреть на Ланаксиса. - И не мог слышать то, о чём мы говорили позже.

- Это правда? – Отейя обратила взгляд своих чёрных глаз на титана.

- Вполне, - на этих его словах как раз вернулись Джульен и Арно, притащив внушительных размеров чашу Отейи, и склонились на колени у края водоёма, наполняя её. Ланаксис продолжал: - Это была моя идея, послушаться тебя. Всё, что делали остальные – всего лишь внимали.

Титан встретил взгляд Королевы-Матери и смолк; ледяное спокойствие овладело им. Он не ощущал ничего – ни страха, ни злости, ни даже нетерпения. Не имело значения, какое наказание выберет Отейя для него. Скоро она выпьет, и тогда Остория будет спасена.

Уголки камнеподобных губ богини дёрнулись, как будто она вот-вот улыбнётся. Как только эттин поднялся и понёс её чашу обратно, она посмотрела на братьев титана.

- Ланаксис будет наказан за вас всех.

Многие великаны выдохнули с облегчением, а Масуд спросил:

- Значит, мы можем идти?

- Можете, - согласилась Отейя. Она наклонилась забрать свой кубок из рук эттина. – Но до того момента, как Ланаксис вновь пригласит вас выпить воды из Источника Здоровья, может пройти какое-то время. Думаю, мои сыновья Джульен и Арно должны наполнить и ваши чаши, прежде чем вы уйдёте.

Когда эттин повернулся забрать ёмкости, мозг Ланаксис заволокло белой мглой, его мысли бросились вскачь, будто погоняемый ветром снег. Он не мог позволить братьям выпить, но не мог и остановить их, не раскрыв план. Титан посмотрел на кубок Отейи – он ещё не был поднят. Может быть, она знала, что вода отравлена? Ждала, чтобы посмотреть – даст ли он выпить её и братьям?

Ланаксис отчаянно пытался вернуть контроль над разумом, утихомирить бурю сомнений, затуманивающую мысли. Чтобы спасти Осторию, он должен довести игру до конца – независимо от последствий. Ему нельзя быть таким же, как его братья – боящимся жертвовать и рисковать. Если Отейя осушит свой кубок раньше Сынов Аннама, он успеет остановить их; если нет – он будет править Осторией один, без глупых и трусливых посредников между ним и его подданными.

Уже неся вместе с Арно поднос с кубками к колодцу, Джульен поймал взгляд Ланаксиса и вопросительно поднял бровь.

Ланаксис взял с подноса самый большой сосуд.

- Я сам наполню чаши моих братьев, - возвестил он, погружая ёмкость в бурлящую воду.

Пока титан набирал жидкость в каждый из кубков, холодные капли пота стекали по его лицу и телу под одеждой. Он не обращал внимания на эти неудобства; сохраняя вежливую улыбку, он кивал каждому великану, наполняя соответствующую чашу.

Когда титан закончил, он обернулся к эттину.

- Можешь отнести Сынам Аннама.

Арно побледнел, но Джульен смог сдержать себя в руках и отнёс поднос в другой конец прохода. Эттин пробирался между великанами, позволяя каждому из них забрать свой кубок. Горя от нетерпения как можно скорее покинуть Мрачный Дворец, Сыны Аннама проглотили яд, не поморщившись и не выказав своим видом, что попробовали отраву.

Лишь Ланаксису было явно нехорошо. Отейя всё ещё не подняла свой сосуд, и теперь разум титана глодала мысль о том, что он убил своих братьев зря. Ноги дрожали, ледяная слабость наполнила живот, а на лицо будто навалили снега – так ему было холодно. И чем больше великанов опускали пустые кубки, чем хуже становилось титану. К тому времени, как Данмор, наконец, забрал с подноса последнюю чашу, Ланаксиса шатало.

Данмор выплеснул содержимое ёмкости на землю. Колени Ланаксиса едва не подкосились от шока, он тяжело опёрся на колонну, стараясь взять себя в руки.

- Данмор, зачем ты тратишь бесценную воду Источника? – титан боялся, что уже знает ответ: Отейя велела тану не пить, как не выпила и сама. – Ты обижаешь меня.

Лесной великан покачал головой.

- Мои намерения – прямо противоположны. Это я навлёк на тебя гнев Отейи; негоже мне пить из Источника.

- Ты прямо высказал своё неодобрение, и я благодарен тебе за это, - успокоил Ланаксис. – Джульен, Арно, наберите для него ещё один кубок.

Данмор вновь помотал головой:

- Нет. Все Сыны Аннама должны разделить твоё наказание, - ответил он. – С моей стороны – я не буду пить из Источника Здоровья, пока ты не пригласишь меня.

Ноги и ладони титана покрылись липким потом, ледяная волна боли медленно распространилась по конечностям. Он ни на секунду не поверил Данмору – тан не пьёт, потому что Королева-Мать рассказала ему про яд.

Отейя перевела взгляд с Ланаксиса на его братьев.

- Теперь можете идти, дети мои, - сказала она. – Похоже, от ожидания наказания Ланаксису совсем плохо. Боюсь, если мы заставим его ждать ещё дольше, он свалится без чувств.

Великаны потянулись прочь из колоннады, один за другим скрываясь за громадой тела Королевы-Матери. Отейя не обратила на них внимания. Подняв свой кубок к пещероподобному рту, она одним глотком осушила содержимое. Грубая, но довольная улыбка заиграла на её устах, и она рыгнула – как и всегда, когда пила из Источника Здоровья.

К своему удивлению, Ланаксис не ощутил никакой радости. Ему казалось, что там, где должно быть его сердце, теперь глыба льда, гонящая по венам не кровь, но ледяное же крошево. Титан неконтролируемо затрясся, его кожа похолодела и онемела, но слезы, катящиеся по щекам, жалили, словно укусы гонимого ветром снега. Он спас Осторию.

Отейя склонилась, возвращая чашу эттину. Солнечный свет сиял над её спиной, омывая розовым сиянием бледную кожу Ланаксиса. Лучи казались на удивление тёплыми и уютными, и титан начал надеяться, что принятое утром ужасающее решение не погубит всё тёплое и хорошее, что в нём оставалось.

- Тебе не обязательно разделять наказание с Ланаксисом, - предложила Отейя эттину. – Можешь остаться с Вилмосом или Нициасом.

- Может, основать своё королевство? – отозвался Арно. – Устал быть слугой.

- Это невозможно, - ответила Отейя. – Ты слишком ужасен. Даже на Торице не найдётся места для целой нации подобных тебе.

- Тогда мы останемся, - ответил Джульен. Прежде чем он подошёл к титану, голова эттина отправила тоскливый взгляд вслед Данмору, замыкающему процессию удаляющихся великанов. – Ланаксис всегда был добр к нам.

- Как пожелаешь, - сказала Отейя. Королева-Мать снова выпрямилась во весь свой внушительный рост, и снова её необъятная фигура заслонила солнечные лучи, погрузив Источник Здоровья в холодную тьму. – А теперь я скажу, каким будет наказание Ланаксиса.

Титан стоял прямо, приободренный кратковременным объятьем солнца и знанием о том, что он спас Осторию.

- Я готов, - сообщил он, - но сперва, могу я кое-что сказать?

Ланаксис знал, что он не сможет повлиять на решение Королевы-Матери. Он всего лишь тянул время, позволяя отраве возыметь действие до того, как Отейя приведёт наказание в исполнение. Прямо сейчас где-то умирали его братья, и пройдет совсем немного времени, прежде чем Королева-Мать последует за ними.

- Можешь говорить, - разрешила Отейя. – Но пользы не будет. Я уже наложила на тебя своё проклятие.

- Что ты имеешь в виду?

- Ты не чувствуешь мою тень? – спросила Отейя. – Когда я уйду отсюда, она останется. До тех пор, пока остаёшься в её пределах, ты будешь тем, кто есть сейчас, полным сожалений и чувства вины за то, что посмел замышлять против меня. Но ты можешь уйти, когда захочешь – только в этом случае, ты больше не будешь бессмертным королём титанов. Ты станешь смертным, будешь становиться старым и немощным, и в итоге умрёшь. Выбор за тобой – ждать в холодном сумраке, в надежде, что я сжаюсь и когда-нибудь освобожу тебя, или уйти и...

Конец фразы исчез, прерванный резким вздохом. Королева-Мать схватилась за грудь и плюхнулась на землю. От столкновения колонны заходили ходуном; половина воды из Источника Здоровья выплеснулась и растеклась по полу, всё ещё пузырясь.

- Что ты сделал? – задыхаясь, спросила Отейя. Она наклонилась вперёд, и её голова нависла над колоннадой, словно огромная глыба, уже несколько столетий готовая сорваться.

- Он убил тебя, - ответил Данмор. Лесной великан появился в маленьком промежутке между бедром богини и первой колонной. – Как и своих братьев.

Лицо Отейи приобрело цвет молочного кварца, а вокруг головы начали собираться пепельно-серые облака.

- Его братья мертвы?

- Все, кроме меня, - подтвердил Данмор, бросив взгляд к выходу из галереи. – Сыны Аннама вповалку лежат на заснеженной равнине, такие же безжизненные и неподвижные, как и Улутуи в своей гробнице.

Королева-Мать застонала в агонии – из-за рассказа Данмора или от предсмертной боли, Ланаксис не знал. Затуманившимися глазами, такими же серыми, как снежные облака вокруг её головы, богиня посмотрела вниз. К удивлению титана, её взгляд был больше печален, нежели полон гнева.

- Почему?

- Чтобы спасти Осторию, - ответил титан.

Из последних сил, что у неё ещё оставались, Отейя покачала головой.

- Глупое дитя. Остория никогда не стала бы тем, чем ты – или Аннам – хотели, - она говорила голосом не громче падающего снега, мягким и приглушённым; таким тихим, что Ланаксис больше ощущал слова нутром, чем воспринимал ушами. – Империя великанов поработила бы мир – это не та судьба, что уготована Торилу.

Глаза Отейи заволокло белой пеленой; она резко выпрямилась и закинула голову назад. Глубокий, рокошующий крик сорвался с её губ и взмыл в небо, полный разрывающей облака и утихомиривающей ветра ярости. Королева-Мать опрокинулась на спину, стукнувшись об землю с такой силой, что пошатнулось само основание Мрачного Дворца. Трещины прорезали галерею, проглатывая разлитую воду из Источника, а колонны начали падать.

- Приди, Всеотец! – возопил Арно в небо.

- Отейя мертва! – вторил ему Джульен. – Спаси нас! Спаси Осторию!

- Глупцы! Всеотец не придёт, - звоном донёсся откуда-то сверху голос Данмора. – Без Сынов Аннама Остория потеряна – как и расы всех великанов. Без своих бессмертных королей они погрузятся в вечный хаос и дикое безумие – это так же верно, как и то, что вы утонете во всепоглощающей тьме своих холодных сердец.

Пол раскрошился под ногами, а вокруг взметнулись отвесные каменные стены. Ланаксис почувствовал, что падает вниз, и понял – началось его погружение вглубь промёрзшей равнины, а вместе с ним и Мрачного Дворца и всей Остории. Скоро ничего не будет напоминать об империи великанов, кроме свалившихся колонн и разрозненных остатков древних дворцов; и показалось титану тогда, что даже вечный холод тени Отейи – недостаточное наказание за такое злодеяние.

Пошёл снег – большие, тяжёлые хлопья. Как Данмор и предрёк, в небе Ланаксис не видел ничего – лишь пустой, промозглый сумрак.

СТЕНЫ ПОЛУНОЧИ

Марк Энтони

Всего одним заклинанием Цкай-эль-Цкаан возвёл башню тьмы из холодных костей горы. Он назвал её «Гуртанг», что на старом языке значит «полночь», и спрятал в её ониксовых стенах величайшую реликвию силы, Палец Цкай-эль-Цкаана. Пророчество гласит – тот, кто осмелится взобраться на стены Гуртанга, но не преуспеет, потеряет жизнь; тот, кому это удастся – потеряет душу...

Тэльфирские Эдды, 342 ЛД

Перед тёмной крепостью стояла воительница, чьи глаза цвета индиго тщательно изучали цель, а крепкие руки непринуждённо упирались в бёдра. Солнечный свет срывался с её коротких светлых волос и тонул в черноте её кожаной, плотно облегающей одежды.

Через какое-то время женщина выругалась, и от её дыхания в осеннем высокогорном воздухе закружились белые призрачные облачка. Мрачная твердыня возвышалась над гранитными стенами отдалённого плоскогорья – точь-в-точь зазубренный ониксовый нож, вонзённый в холодное, продуваемое небо. Внешняя стена казалась гладкой, точно стекло. Похоже, будет не так уж просто, как она поначалу думала. Однако у женщины была миссия, и она намеревалась её

выполнить. Воительницу звали Равендас, и давным-давно она дала себе клятву, что станет сильной, несмотря ни на что.

Десять дней назад кулак воительницы соприкоснулся с деревом врат Тёмного Оплота, западной крепости Жентарима – когда она пришла туда, намереваясь стать агентом Чёрной Сети. Этот тёмный альянс жадных до могущества волшебников, жестоких воинов и священников, служащих извращённым божествам, постоянно строил планы по распространению своей власти над Сердцеземьем. А это значит, что, скорее всего, Жентарим всё время был в поисках новых рекрутов, желающих в жизни лучшей доли. Стражи, выглядевшие так, будто вот-вот кого-нибудь прирежут, провели её внутрь, где её ожидала аудиенция у Семеммона, лорда Тёмного Оплота.

- Чтобы Жентарим тебя признал, ты должна доказать, что достойна этого, - сообщил скрытый в тенях своей подземной приёмной лорд. Он дал женщине задание – добраться до Закатных Гор, до башни под названием Гуртанг, и вернуться назад, раздобыв запрятанный там магический артефакт – Палец Цкай-эль-Цкаана.

И вот теперь, Равендас протянула руку и коснулась холодного чёрного камня твердыни. Поверхность оказалась странно скользкой на ощупь, почти масляной, хотя влаги на коже не оставалось. Стена была идеальной – ни единой трещинки или выбитой ветром впадины. Однако сама Гуртанг сложена была довольно просто: круговая защитная стена в тридцать метров высотой, и центральная башня внутри неё – острая зазубренная обсидиановая заноза.

Нахмурившись, Равендас прикусила губу. Отсутствие выступов, за которые можно было ухватиться, осложняло дело. Но всё-таки, она пришла подготовленной. Сбросив с широких плеч походный рюкзак, женщина вытащила оттуда верёвку, крючья и перчатки. Приложив один из стальных стержней остриём к стене, она замахнулась небольшим молоточком и сильно стукнула по клину, загоняя тот в камень.

- Яйца Малара! – громко ругнулась воительница, выронив разом и молоток, и крюк, и схватившись за ноющую руку. Во имя кровожаднейших из богов, это *было больно!* Она осмотрела стену; удар не оставил ни царапины.

Словно звон колокола, в холодном воздухе поплыл раскатистый смех.

С грацией хищницы Равендас высвободила меч из ножен. Солнце уже закатилось за западную кромку долины, поэтому женщине пришлось всматриваться в сгущающуюся тьму. Как кто-то смог подкрасться к ней незаметно?!

- Меч тебе не понадобится, - сообщил голос, эхом отражающийся от камней вокруг.

Но Равендас не опустила клинок. Неподалёку от гранитного валуна завертелись глубокие синие тени. К ней вышел человек, с накинутым на плечи сиреневым плащом и с сучковатым посохом в руках. По свисающим с пояса мешочкам, перьям и звериным когтям девушка решила, что этот незнакомец либо какого-то рода маг, либо выдаёт себя за такового. Но она сомневалась, что волшебник хоть на что-то способен – судя по тому, насколько он молод.

- Не стоит заводить себе привычку шпионить за людьми, - огрызнулась она. – Если конечно, тебе не любопытно узнать, какого это – ощущать, как меч скользит по твоим кишкам.

Маг изящно поклонился, принося извинения:

- А тебе не стоит заводить привычку драться с каменными стенами, - парировал он. – Если конечно, ты не думаешь, что твоя голова крепче камня.

Равендас нахмурилась. Закравшееся подозрение оставило на её языке металлический привкус.

- Итак, ученик, значит, ты украл книгу заклинаний своего учителя и шмыгнул из его башни раньше, чем истекли положенные семь лет?

В ясных глазах волшебника заплясали огоньки лукавства.

- Совсем наоборот, мои семь лет давно закончились, причём учился я хорошо, - парочка изучала друг друга взглядами; над иззубренными камнями сиротливо свистел ветер.

- Итак, - наконец нарушил молчание маг, - они и тебя сюда послали?

Глаза женщины сузились.

- Что ты хочешь этим сказать?

Вместо ответа молодой волшебник только покачал головой.

- У меня здесь лагерь недалеко. А ещё костер, который пора уже зажечь.

Равендас недоверчиво окинула его взглядом, а затем пожала плечами. Близились ночь. Воительница уже заметила несколько робких огоньков в тёмно-синих небесах. Огонь бы сейчас пригодился. Кроме того, она знала, что может просто прикончить его, если тот попытается выкинуть что-то, что ей не понравится. Она сунула меч в ножны и закинула рюкзак за плечо.

- Веди, маг.

К тому моменту, как они достигли маленькой расщелины под защитой гранитной скалы, уже полностью стемнело. Волшебник произнёс магическое слово, и аккуратно сложенный костёр зашёлся языками багрового пламени. «Хотя бы это он может сделать», - с неохотой признала Равендас. При этом золотом свете она разглядела, что незнакомец гораздо красивее, чем ей сперва показалось – прямой и длинный нос, мужественный подбородок за несколько дней зарос медноватой щетиной. Пока она наблюдала, маг начал готовить похлёбку из вяленой оленины, изюма и сушёных на солнце томатов. Никто из них не проронил ни слова, пока они ели, придвинувшись ближе к огню. Тонкий, острый полумесяц завис над дальними отрогами гор. Закончив трапезу, маг подобрал котелок и убрал остатки еды, а затем уселся с противоположной от женщины стороны костра.

- Это они послали тебя сюда, не так ли? – повторил он свой вопрос. – Дали задание, чтобы ты доказала свою пригодность – так же, как и я. – Золотые огоньки танцевали в его зелёных глазах. – Жентарим.

Женщина сразу же задалась вопросом – а не убить ли его прямо сейчас? Возможно, Жентарим отправил их обоих сюда, чтобы узнать, кто окажется сильнее. Если так, она намеревалась выиграть. Рука потянулась к обеденному ножу, висящему на поясе.

На губах мужчины заиграла полуулыбка.

- Если хочешь убить меня, воин – вперёд. Конечно, если ты это сделаешь, то никогда не узнаешь способа одолеть стены Гуртанга.

Равендас смогла лишь рассмеяться. Маг был молод, но, несомненно, умён.

- И я полагаю, ты сказал бы о нём, если бы сам знал?

- Только судьба может ответить на этот вопрос, - загадочно промолвил он, доставая из кожаного мешочка на поясе колоду карт, и ловко перетасовывая гладкими руками.

- Вытяни три, - протянул маг сложенные веером карты, - и положи перед собой рубашкой вверх.

- Старовата я для карточных игр, - ядовито заметила воительница, но сделала, что просил мужчину.

- Это – твоё прошлое, - начал маг, переворачивая первую карту. *Императрица Мечей*. Искра магического голубого света обогнула очертания суровой женщины с отливающим красным мечом в руках, стоящей перед мрачным, изломанным ландшафтом. – Женщина больших амбиций несёт смерть в стремлении получить то, что она желает.

Равендас кивнула. Карта отлично описала её. В семнадцатилетнем возрасте она покинула дом и отправилась во Врата Балдура, где вступила в ряды элитной городской стражи, отряда Пламенный Кулак. За пять лет женщина продвинулась очень высоко. Но Врата – всего лишь один-единственный город. Чёрная Сеть же плетёт свою паутину по всему Сердцеземью. Вот почему Равендас хотела присоединиться к этой организации. Она надеялась, что в один прекрасный день станет одной из влиятельнейших её членов.

- Это – путь, по которому ты сейчас движешься, - продолжил предсказатель и раскрыл вторую карту. *Скипетр*. И вновь голубой свет скользнул по рисунку. Глаза мужчины встретились с глазами женщины. – Ты ищешь могущества для себя – любой ценой.

В ответ она просто пожала плечами. Чтобы сообщить ей то, что она и так знает, колдовские трюки не требовались.

- А вот твоя судьба, - сказал маг и перевернул последнюю карту. Равендас потянулась и выхватила её прежде, чем он успел взглянуть. С неё хватит этих игр.

- Я сама творю свою судьбу, - холодно отрезала она, сунув карту в карман кожаной жилетки. Волшебник кивнул, но женщина успела заметить мелькнувшее на его лице странное любопытство.

- Ладно, послушник, повеселился и хватит, - прорычала воительница. – Теперь расскажи мне, что ты знаешь о Гуртанге.

Он встал, чтобы достать из своего ранца книгу. Предмет был обит истрепавшейся со временем кожей, а страницы пожелтели и растрескались.

- В этом томе содержатся отрывки утраченного цикла эпических сказаний, который называется «*Тэльфирские Эдды*», - объяснил мужчина. – В эддах рассказывается много легенд об этих горах и об исчезнувшем племени, когда-то здесь обитавшем – племени Тэльфирк. К сожалению, тэльфир – язык, на котором поэмы написаны – мёртв. Во время моего путешествия я пытался перевести его, но это очень утомительное занятие. Лишь сегодня я добрался до места, имеющего отношение к колдуну Цкай-эль-Цкаану.

Равендас рывком наклонилась ближе.

- Что там говорится?

Маг раскрыл древний фолиант на странице, заложеной чёрной лентой.

- Там говорится о многих вещах. Но, возможно, важнее всего то, что мы – не первые, кто попытался войти в Гуртанг.

- Что это значит?

Лицо волшебника приобрело злое выражение.

- Последний переведённый мной отрывок рассказывает о том, сколь многие пытались забраться на стены Гуртанга за столетия, прошедшие со времени постройки, - он наклонил голову, читая странные, корявые буквы на раскрытой странице. - «Направлялись они к крепости волшебника, покорять стены полуночи – Кайдел Древний, Синдара Златоглазая и Лоредок, сразивший великого вирма Орсила. Один за одним они приходили, и один за одним погибали – ибо пророчество Цкай-эль-Цкаана гласит, что ни один, даже самый великий, герой не сможет преодолеть стены Гуртанга».

Медленно, маг закрыл книгу.

- Никто никогда не забирался на Гуртанг. Никто за тысячу лет.

Равендас не смогла подавить дрожь.

- Значит, это невозможно, - прошептала она.

- Похоже, что так, - кивнул волшебник.

Воительница с душой выругалась и вскочила, начав расхаживать у костра.

- Но тогда почему Жентарим послал двух своих перспективных предполагаемых агентов на выполнение задания, которое даже мифические волшебники не смогли осилить? Бессмыслица!

- Да уж, - тихо согласился маг. - Конечно, если только они не считают этих перспективных агентов досадными помехами без каких-либо особых или полезных навыков. Если только у них никогда не было намерения позволить им присоединиться к Жентариму.

В ту же секунду Равендас поняла, что это так. Жентарим просто-напросто хотел избавиться от неё. Для них она, как и маг, *досадная помеха без особых навыков*.

- Мы – дураки, - сплунула женщина.

Волшебник лишь пожал плечами на это.

- Возможно. Но не забывай, игра ещё не завершена, - он поднялся и присыпал угли пеплом. - Уже поздно, нужно поспать.

Равендас выпустила глубокий вздох. Заперев внутри свою ярость, она решила отложить её до утра, в надежде, что она ей ещё послужит. Женщина вытянула из рюкзака одеяло и расстелила поверх спального мешка мага. Тот с удивлением воззрился на неё. «Да, - подумала воительница, - пожалуй, и впрямь красавчик».

- Ночью будет холодно, - объяснила она, криво усмехнувшись, и закопалась в шерстяную кучу. Волшебник рассмеялся – снова будто перезвон колокольчиков, низкий и мягкий – и присоединился к ней.

Следующим утром маг и воин поднялись рано, чтобы совершить невозможное – покорить стены Гунтанга. Волшебника звали Марнок, и он пришёл из города Иллефарн, что дальше к северу. Это он рассказал, пока спутники собирали лагерь в бледных предрассветных сумерках.

- Мне интересно, воин, - обронил маг, когда они складывали свои вещи. - Что заставляет тебя думать, что мы сможем выполнить то, в чём другие не преуспели за тысячу лет?

- Иногда крыса может найти лаз в замок, в который не могут проникнуть волки, - загадочно отозвалась она, цепляя ранец на сильные плечи. – Кроме того, я не позволю Жентариму одержать надо мной верх. Ну, по крайней мере, пока. Мне не впервой выполнять что-то, что другие считали невозможным, - воительница смерила сообщника взглядом своих глаз цвета синей ночи. – А что? А *тебя* что заставляет?

- Увидишь, - был короткий ответ.

Она лишь нахмурилась на это и побрела через бесплодную, каменистую долину к торчащей, точно воткнутой в небо палец, крепости. Маг не отставал.

- Так мне будет дозволено узнать твоё имя или нет? – поинтересовался он, когда парочка в очередной раз карабкалась на скопище валунов.

- Равендас.

Мужчина остановился и посмотрел на неё; холодный ветер трепал его длинные волосы цвета меди.

- Это не твоё настоящее имя.

Воительница застыла, не глядя на спутника, затем ответила:

- *Настоящее*. Теперь. Но когда я была ребёнком, меня звали Кела.

- И почему ты взяла другое? – спросил маг, когда они достигли верха.

Какое-то время они сидели, переводя дыхание. Вершины окружающих долину гор, чуть тронутые первыми лучами солнца, казались расплавленными.

- Расскажу тебе историю, Марнок. Мой отец был наёмником, и одним из самых доблестных воинов между Побережьем Меча и Городами Караванов. А потом он заметил женщину. Они поженились, и, чтобы сделать её счастливой, бывший наёмник отложил клинок и взялся за плуг. У них появились две дочери. Думаю, они оба были счастливы, - Равендас провела рукой по коротким золотистым волосам. – Пока однажды трое ублюдков не наткнулись на их ферму. Отец хотел убить их, но мать умоляла не прибегать к насилию. И он вышел к ним, сказать, чтобы те ушли. Они рассмеялись и на наших глазах – моих и моей сестры – выпустили ему кишки прямо на том же месте.

- Мне жаль, - печально посмотрел на неё Марнок.

Равендас рассмеялась резким смехом.

- Ну и зря. Благодаря этому я узнала то, что никогда не забуду. Любовь сковала моего отца, заставив забыть свою силу – и за это он заплатил жизнью. В тот день я поклялась, что никогда не буду такой слабой. И когда я, наконец, покинула дом, то взяла новое имя. Сильное. Кела – имя ребёнка. Не *моё*, - с этими словами она начала спускаться, оставив собеседника копошиться позади.

Солнце как раз увенчало вершину восточной стены плато, когда спутники достигли твердыни. Даже несмотря на свет раннего утра, Гуртанг была абсолютна черна – древний часовой, несущий стражу у входа в долину.

- Ну что, Марнок, и как же нам осуществить невозможное? – уточнила воительница.

Из одного из мириад мешочков на поясе маг вытащил глиняную баночку, помеченную странными рунами.

- С помощью этого.

Он сломал свинцовую пробку. Женщина разглядела внутри какую-то пасту изумрудно-зелёного цвета.

- Дай сюда руки.

Когда она выполнила просьбу, волшебник осторожно нанёс тонкий слой мази.

- Теперь попробуй схватить стену.

В ответ воительница уставилась на него. Он что, держит её за идиотку?

- Схвати стену, Равендас, - настаивал маг.

Женщина решила, что хотя бы сможет понять, что за игру ведёт её спутник. Подойдя к стене, она протянула руку и попыталась ухватить гладкую чёрную поверхность. Пальцы погрузились в камень. Шокированная, она отскочила, уставившись на ладони. Понемногу к ней пришло осознание.

- Марнок, где ты это достал?

На лице мага ничего нельзя было прочитать.

- У меня свои источники.

Воительница вновь повернулась к стене и опять погрузила пальцы в твёрдую поверхность. Странное ощущение – будто она сунула руки в толстый слой прохладной грязи. Она попробовала подтянуться повыше. Ведь зачем ей ждать мага теперь, когда у неё есть всё необходимое, чтобы добраться до верха в одиночку?

- Я бы не рекомендовал лезть ещё выше.

Что-то в голосе волшебника заставило Равендас замереть на месте.

- Почему? – посмотрела она вниз.

- Спускайся, и покажу.

Секунду она раздумывала. И правда, должна была быть причина, по которой Марнок просто не использовал сам эту пасту и не залез по стене без неё. Женщина отпустила чёрную поверхность и изящно приземлилась. Маг осматривал трещины и переворачивал камни – похоже, что-то искал.

- Подойдёт, - сообщил он спустя минуту.

Воительница приблизилась и присела посмотреть на находку. Это оказалась маленькая, непонятная зверушка – давно мёртвая. Плоти не было, но высохшие жилы всё ещё связывали кости воедино. По стёртым, плоским пенькам зубов в челюсти женщина поняла, что животное умерло от старости. Пара оборванных ключев шерсти ещё свисала с иссушенного остова.

- Если ты голоден, мог бы найти что-то посвежее, - едко прокомментировала Равендас.

Не обратив на насмешку внимания, маг поднёс скелетик к тёмной стене и положил на землю. Выдавлив немного изумрудной субстанции на лапы мёртвого существа, низким голосом он пробормотал нестройно звучащее заклинание. Скелет зашевелился. Равендас изогнула бровь, показывая заинтересованность. Возможно, маг оказался могущественнее, чем она думала вначале.

- Карабкайся, - шепнул он.

Оживший скелет, пошатываясь, побрёл к стене, а затем начал взбираться наверх – волшебная мазь позволяла погружать когти в гладкий, чёрный камень. Скелет забрался на высоту около шести метров над головой Равендас, когда та заметила нечто странное. Кладка на некотором расстоянии справа от существа пошла рябью, будто превратившись в жидкость. Внезапно девушка выругалась.словно вынырнув

из тёмной воды, на ровной поверхности стены возникла форма – вытянутая и изогнутая, с рогами, напоминающими кривые скимитары, и кинжалоподобными зубами. Голова дракона – такая же абсолютно чёрная, как и камень, из которого она явилась. Над носом прорезались два светящихся багровым росчерка – создание открывало глаза.

- Посмотри туда, - осторожно обратил внимание Марнок, указывая на часть стены слева от животного-мертвеца. Равендас проследила взглядом в том направлении и увидела, как ещё один дракон всплыл из камня. Каждая из тёмных, змеевидных голов повернулась к пробирающемуся между ними существу. Без предупреждения из пылающих глаз первого дракона вырвался луч жаркого, багрового света. Заряд обогнул закруглённую стену крепости и вонзился в ожившую фигурку, но та продолжала ползти дальше.

- Взгляд дракона не повредил ему, - изумлённо заметила Равендас.

- Смотри дальше, - ответил маг.

Спустя мгновение вспыхнули и глаза второго дракона. Из них вырвался другой луч, также огибая стену, и впился в создание с противоположной стороны. Как только оба луча соединились, их цвет сменился с жестоко-красного на обжигающе-белый. С ослепительной вспышкой скелет мёртвого существа взорвался. Дымящиеся осколки костей дождём просыпались на стоящих внизу Равендас и Марнока. Драконы головы закрыли светящиеся глаза и беззвучно погрузились обратно в гладь поверхности.

- Теперь понимаешь, почему я так не горел желанием взбираться туда? – тихо поинтересовался маг.

- Как они работают? – задалась вопросом женщина, всё ещё пребывающая в ужасе, смешанном с восхищением.

- Я до конца не уверен, - отозвался чародей, - но, между прочим, провёл несколько других экспериментов, подобных тому, который ты только что наблюдала.

Женщина выслушала результаты его изысканий. Выходило, что в круглой стене крепости таились четыре таких магических колонны, выровненные по сторонам света. Когда кто-нибудь – или что-нибудь – начинает ползти по стене, из каждой из двух колонн, находящихся на границах квадранта с нарушителем, появляется голова. Лучи глаз только одного дракона, похоже, не причиняют вреда, но как только встречаются заряды двух статуй, магическая дуга замыкается и объект – как они только что имели честь убедиться – уничтожается.

- Так почему бы тебе просто не взмахнуть своим посохом, колдун, и не заставить крылья вырасти из наших спин? – саркастично поинтересовалась воительница. – Тогда мы могли бы перелететь через стену, и всего делов.

- И погибли бы так же быстро, - спокойно парировал Марнок. – Я видел, как птицы подлетали к твердыне слишком близко. Взгляды драконов с легкостью находили их.

Равендас раздосадовано выругалась.

- Ну тогда, может, смажем этой твоей мазью всё тело? И пройдем прямо сквозь стену.

- Можно, - согласился маг. – А потом так же верно задохнёмся, потому что в лёгких будет сплошной камень. Микстура не делает плоть неосязаемой, Равендас. Она всего лишь заставляет камень обтекать её.

Она с отвращением подняла руки в притворном покорстве.

- Я полагаю, у тебя на уме есть какое-то другое решение, которое до глубины души *поразит* меня своей остроумностью.

В глазах Марнока заплясали весёлые огоньки.

- Нет. Не сейчас, во всяком случае. Тем не менее, я узнал, как работают защитные механизмы башни. Это уже что-то.

- Может быть, - саркастично согласилась Равендас. – Но, например, я усвоила, что лишнее знание лишь мешает на выбранном пути. Иногда знать правду – значит сдаться отчаянию, - женщина сжала руку в кулак. – А я пока сдаваться не собираюсь.

Волшебник в ответ лишь промолчал.

Утро разгоралось, а Равендас всё ещё рыскала у подножья крепости, пытаясь найти что-нибудь, что могло бы им помочь. С западной стороны она обнаружила небольшое горное озерцо - словно отражение холодного синего неба. Водоем облизывал основание внешней стены твердыни, и воительница ненароком задумалась, а нет ли под его поверхностью секретного прохода. Но инстинкт подсказывал ей, что путь в башню лежит наверх, через стену. Она вернулась и застала мага сидящим на нагретом солнцем валуне и уткнувшимся в старый талмуд, который он ей показал накануне ночью.

- Я только что перевёл последний отрывок про Цкай-эль-Цкаана, - сообщил он. Ветер трепал его сиреневый плащ.

- И?

Марнок повёл пальцем по древнему пергаменту.

- «Знайте же, что если Палец Цкай-эль-Цкаана когда-либо будет поднят со своего пьедестала, Гуртанг падёт, уничтожив всё в своих стенах. Есть лишь один путь остаться в живых – лицезреть закат и обними тьму», - маг медленно закрыл книгу. – Боюсь, это всё.

Равендас это не впечатлило.

- Ты уж прости, что я говорю это, но прочитанное совсем не помогло, - сказала она, но маг лишь молча пожал плечами. – Как думаешь, что она из себя представляет? – затем задумчиво протянула воительница, устремив взгляд на тёмный шпиль древнего оплота. – Я про реликвию.

- Может быть, волшебная палочка. Или посох небывалой силы. Но если мы собираемся это выяснить, нам нужно придумать что-то другое – не то же самое, что все эти погибшие один за другим герои.

Внезапно всё встало на свои места. Равендас шагнула по направлению к крепости.

- Вот оно, Марнок! Разве ты не понимаешь? – по озадаченному выражению его лица было понятно, что он и правда ничего не понимал. – «Один за одним они приходили, и один за одним погибали». Ты сам прочитал это в своей книжонке. В прошлом все эти самонадеянные ублюдки, пытавшиеся забраться на Гуртанг, делали это в одиночку, - она вперила в мужчину взгляд своих глаз цвета индиго. – Но теперь нас *двое*.

- И что мы собираемся делать? – потрясённо спросил Марнок. Женщина начала рыться в своём рюкзаке.

- Верёвка, - был её единственный ответ. – Нам нужна верёвка.

С недоумением покачав головой, Марнок присоединился помочь в поисках.

К полудню спутники были готовы.

Пара расположилась перед северо-восточным квадрантом Гуртанга – Равендас ближе к северной колонне невидимой защиты, а Марнок со стороны восточной. С пояса воительницы свисал моток верёвки, чей конец был прибит колышком к земле. Примерно через каждые два метра – по длине размаха её рук – на верёвке были завязаны узлы. Такой же инструмент был у Марнока. Маг уже нанёс на руки обоих сообщников магическую мазь.

- Помни, Марнок – нужно делать так, как когда мы тренировались раньше на том уступе. Мы должны быть уверены, что всегда находимся на одной и той же высоте, - Равендас не могла видеть стоявшего где-то левее волшебника из-за кривизны крепости. – Если один из нас ошибётся, мы оба – покойники.

- Понимаю, - услышала воительница, как тот отозвался.

- Тогда сделаем это!

Равендас погрузила пальцы глубоко в древний камень и начала подтягиваться. Верёвка разматывалась, пока женщина поднималась всё выше.

- Две сажени! – крикнула она.

- Две! - вторил ей голос Марнока. Хорошо. Он поддерживал ритм. Но настоящее испытание её плана ещё только ждало впереди.

- Я на четвёртой, - услышала она крик Марнока.

Женщина быстро проверила свою верёвку. На ней как раз болтался четвёртый узел. Отлично.

- Четвёртая! – крикнула она в ответ. А потом началось.

- Камень слева поплыл! – закричал Марнок. В его голосе слышны были нотки паники.

- Держись! – отозвалась воительница. Она и сама видела, как стена справа от неё заходила ходуном, словно поверхность бурного моря. Гладкая и слабо мерцающая драконья голова, вся покрытая обсидиановыми чешуйками, поднялась над стеной и повернулась прямо к ней, открывая рубиновые глаза.

- Не шевелись, Марнок! – женщина вдавила пальцы в камень так глубоко, как только могла. Взгляд дракона остановился на ней, и секунду спустя багровая вспышка ударила прямо в грудь. По ощущениям это было похоже на тёплое покалывание. Равендас ждала, затаив дыхание. Но слева, со стороны мага, второй луч так и не появился, чтобы завершить смертоносную магическую дугу.

- Работает! – услышала она торжествующий голос Марнока. – Я стою на пути драконьего взгляда!

Долгие мгновения спустя, дракон закрыл глаза и погрузился обратно в камень. Равендас не смогла сдержать крика победы. Её догадка подтвердилась. Хотя защитные механизмы Гуртанга и были бесподобны, они всё же были рассчитаны на уничтожение нарушителей, пытавшихся забраться в одиночку – как это предпочитали делать отчаянные авантюристы. Но волшебство башни не могло остановить двоих сразу – осторожно забирающихся на одном и той же секторе стены

и остающихся на одинаковой высоте. И хотя при этом они не могли видеть друг друга, находясь рядом с магическими колоннами каждый из них смог заблокировать смертельный взгляд одного дракона. Рубиновая дуга сокрушающей магии не могла сомкнуться и породить взрыв.

Это должно было сработать.

- Пять саженей! – считала она, продолжая забираться выше.

- Шесть! – отзывался маг.

Пока они взбирались, ещё три раза камень справа начинал колебаться, и тёмная выгнутая драконья голова поднималась из него и останавливала свой взгляд на воительнице. И каждый раз маг блокировал взгляд дракона с восточной стороны. Магическая арка так и оставалась незавершённой. Двое сообщников продолжали свой путь вверх. Дюжина саженей, и вот уже видна граница внешней стены.

И тут Равендас услышала полный ужаса крик волшебника.

- Марнок! Марнок! – звала она снова и снова.

Лишь леденящая тишина была ей ответом. Наконец, она услышала голос мага, слабый и дрожащий:

- Я... Я соскользнул. Но смог удержаться.

Равендас выругалась. Будь он проклят! Он потерял бдительность. Внезапно её внутренности сжались, будто от холода. Стена справа вновь пошла волнами, собираясь в ящероподобную форму. Драконья голова. И в этот раз маг не сможет прервать дугу.

- Марнок, на каком ты уровне? – крикнула она.

- Я не уверен. Верё... верёвка запуталась!

- Так распутай её! Быстро!

Дракон повернулся к ней. Веки поднялись, обнажая два тонких, кроваво-красных разреза.

- Я на десятой сажени... Нет, на девятой!

Проверить, не ошибся ли он, не было времени. Одним движением, держась одной рукой за стену, Равендас подтянула верёвку до девятого узла и обернула вокруг талии. Схватив конец, она погрузила руку глубоко в камень стены, а потом разжала пальцы и вытащила. Верёвка осталась торчать прямо из камня. Оставалось только надеяться, что она выдержит.

Глаза дракона открылись, и женщина почувствовала щекотку в области груди. Времени больше не осталось. Она отпустила стену. Второй багровый луч примчался из-за стены, с востока, завершая магическую дугу – в нескольких сантиметрах над её головой. Вспышка ослепительного огня просвистела над волосами, но женщина уже падала. Затем канат натянулся, при этом сильно её дёрнув.

- Равендас! – услышала она панический вопль Марнока. Дракон слева от меня – он поворачивается!

- Всё в порядке... - начала было кричать девушка, но осеклась, когда поняла, что это далеко не так. Во время падения верёвка проскользнула по талии – теперь воительница оказалась слишком низко. Она видела, как другая драконья голова вздымается из стены метрах в трёх выше неё, поворачиваясь, чтобы послать огненный взгляд в сторону Марнока.

Равендас рывком подбросила своё тело вверх, её покрытые пастой пальцы оставили глубокие борозды в древнем камне. Она не могла дать глупому магу погибнуть. Он был необходим, чтобы добраться до верха. В тот самый момент, как дракон открыл глаза, она вцепилась в стену одной рукой и вытянула вторую выше, выставив её на пути магического взгляда и плотно сжав зубы от усилий. Наконец, после времени, что показалось вечностью, дракон закрыл глаза и стёк обратно под стену. Выдохнув, Равендас сунула вторую руку в стену, крепко вцепляясь.

- Марнок? – позвала она.

Лишь ветер свистел, проносясь мимо твердыни. Наконец, воительница услышала его голос.

- Я... Я в порядке.

Равендас крепко сжала веки.

- Лучше бы так и было, засранец, - прошептала она, - После такого – лучше бы так и было.

Солнце уже заходило, а воин и маг шли там, где никто не ходил уже тысячу лет. Словно спицы гигантского колеса, восемь мостов вели от верхушки наружной стены к центральной башне Гуртанга, арками нависая над туманной бездной. Несмотря на изматывающий подъём, Равендас и Марнок легко двигались по северо-восточному пролёту. Достигнув портала, высеченного из тёмного в золотую крапинку мрамора, спутники быстро обнаружили, что тот заперт. Однако на дне баночки Марнока ещё остались последние крохи магической пасты. Маг размазал остатки на ладони. Затем, зарывав, сунул весь кулак прямо сквозь дверь. Бровь дрожала от напряжения и концентрации, пока волшебник шевелил пальцами в толще камня.

Равендас услышала слабое *клик*.

Марнок широко улыбнулся ей, вытаскивая руку:

- Думаю, помогло.

Воительница тяжело прислонилась к мраморной плите. Раздалось слабое шипение холодного, сухого воздуха, и дверь распахнулась внутрь. Спутники вошли. В нос ударил едкий запах – запах старой магии. Марнок призвал сферу магического фиолетового света. После нескольких дюжин шагов Равендас поняла, что коридор закручивается спиралью, медленно подводя их к центру башни.

- Спираль – символ могущества, - тихо сказал маг, пока они шли.

- Почему? – прошептала Равендас в ответ.

- Своеобразный лабиринт её формы притягивает магию, равно как и затягивает, словно в ловушку, - объяснил волшебник.

- В ловушку? – женщине совсем не понравилось, как это прозвучало.

Марнок кивнул.

- Да. И чем сильнее волшебство, там крепче становятся оковы спирали, - его глаза странно светились в зловещем полумраке прохода. – Могущество может быть сродни заточению, Равендас.

- Ошибаешься, маг, - резко отрезала девушка. – Могущество – это то, что освобождает.

Марнок подарил ей любопытный и как будто бы полный сожаления взгляд, но вслух ничего не сказал.

Неожиданно коридор кончился. Теперь двое сообщников обнаружили себя стоящими на краю круглой шахты. Прямо посередине – безо всяких видимых опор – вверх уходили ступени, растворяясь во тьме над головой. Нарушители остановились и сели, накапливая силы для последнего подъёма.

- Итак, маг, почему всё-таки Жентарим? – сразу же спросила Равендас.

Марнок посмотрел на неё с удивлением.

- Что ты имеешь в виду?

- Разве не очевидно? Мы оба собираемся нырнуть в огромную кучу проблем, лишь бы только вступить к ним в ряды. И ты знаешь, что движет мной. Но вот я твоих причин не знаю. И думаю, после произошедшего ты должен рассказать мне о них.

Маг медленно облизал губы.

- Могущество, - быстро сказал он. Даже как-то слишком быстро. – Какая ещё может быть причина?

Воительница нахмурилась.

- Не такого ответа я от тебя ожидала, маг. Я даже думала, что ты... - внезапно она смолкла. Женщина отчётливо видела ответ в его зелёных глазах. Марнок лгал. – Во имя кровавой бездны, - тихо выругалась она. – Ты вовсе не хочешь присоединиться к Жентариму. Нет, совсем нет!

Он понурил голову, его плечи опустились.

- Говори! – настойчиво прошептала воительница.

Марнок осторожно вытащил что-то из одного кармана. Колода карт.

- Твоя судьба была не первой прочитанной мною, - начал он едва слышно. – Видишь ли, последний год я всюду следовал за картами, пытаюсь отыскать свою собственную. Сначала карты привели меня к развалинам башни колдуна, где я обнаружил баночку с этой пастой; затем – к библиотеке, где я нашёл книгу с историей здешних гор. Потом, следуя за ними, я пришёл к Тёмному Оплоту. Они всё время вели меня, и я сам как будто оказался пойман в объятия какой-то непостижимой уму спирали событий. А теперь... - он вытащил из колоды единственную карту.

- Что это? – настороженно уточнила Равендас.

- Ты не хотела видеть свою судьбу, - он передал карту женщине. – Что ж, вот тебе моя.

Та перевернула протянутую карту. Искорка голубой магии обожала контур тёмного, кинжалоподобного шпиля. *Башня*.

- Я пришёл сюда в надежде найти свою судьбу, Равендас, - маг потянулся вперёд и осторожно коснулся руки девушки. – И, возможно, нашёл.

Прежде, чем воительница успела что-то ответить, Марнок поднялся и двинулся к винтовой лестнице. Вся дрожа, она последовала за ним. Ещё одно мимолётное мгновение карта мерцала на полу, там, где девушка оставила её. Затем померкла.

- Давай покончим с этим, - проронил Марнок. Он спрыгнул с края уступа – его плащ при этом развеивался за спиной, точно крылья – и приземлился на ступени. Равендас изящно повторила движение. На время подъёма она обнажила клинок, но никто не набросился на них из окружающей темноты. Лестница кончилась, и пара очутилась в круглой комнате. Из расположенных высоко под куполом хрустальных

окон сочилось серебристое сияние луны. В центре помещения высился базальтовый пьедестал. А на нём – маленький, блёклый предмет. Равендас рванулась было вперёд, но маг схватил её за руку.

- Осторожнее, - предупредил он. - Здесь магия.

Воительница кивнула и остановилась в полудюжине шагов от постамента. Наклонившись вперёд, она более внимательно изучила покоящийся на нём предмет.

- И это всё? – бросила она с отвращением, и её голос эхом отразился от холодного камня. – Это тот самый невероятный Палец Цкай-эль-Цкаана?

- Не может быть! – Марнок с недоверием покачал головой.

Ярость горячо заклокотала в груди девушки. Это что, шутка напоследок?

- Во имя всех злобных богов! – плюнула она гневно, - это всего лишь старая костяшка!

- *Это гораздо больше, чем просто кость*, - раздался голос в их головах.

Равендас и Марнок ошарашенно подняли взгляд. Позади пьедестала стоял – нет, *парил* – человек. Длинные, багровые одежды плавно колыхались, словно повинуюсь касанию едва ощутимого, далёкого ветерка. Золотая тюрбетейка покрывала его голову, а жёлтые глаза на угловатом лице устрашающе мерцали.

- Цкай-эль-Цкаан! – в ужасе прошептала Равендас.

- *Нет, я всего лишь его образ, который он создал века назад, когда воздвиг эту крепость для защиты его самой ценной реликвии.*

- Ценной? – рыкнула Равендас, осмелев от знания, что перед ней не древний колдун собственной персоной. – Что такого ценного в иссохшей косточке?

- *Аа, это не просто косточка*, - возразил образ. – *Видите ли, как бы могуч Цкай-эль-Цкаан ни был, даже его сила не позволяла узнать время и место его гибели. Поэтому он создал эту крепость, и здесь же отрезал себе мизинец, поместив на пьедестал.*

- Но зачем? – потребовала ответа озадаченная Равендас.

- Кажется, я понимаю, - прошептал Марнок. Он весь дрожал. – В книге описано, насколько Цкай-эль-Цкаан был одержим идеей вечной жизни. Должно быть, поэтому он оставил в этом месте палец – знал, что однажды кость может быть использована в заклинании, которое создаст новое тело и вернёт его душу из Королевства Мёртвых.

Оторопев, Равендас уставилась на мага.

Изображение безмятежно кивнуло.

- *Всё так. Он соорудил крепость таким образом, чтобы только тот, кто достаточно силен, могущественен и умен, кто сможет вернуть его из царства мёртвых, смог добраться до реликвии. Преодоление стен – это первое испытание, испытание силы. А теперь начнётся второе*, - призрачный волшебник взмахом указал на собственные древние останки. – *Возьмите, но помните – только тот, чьё волшебство сопоставимо по силе с волшебством самого Цкай-эль-Цкаана сможет уйти отсюда после этого.*

- Но что... что если это не так? – неуверенно поинтересовался Марнок.

- *Тогда осмелившийся будет заключён навеки*, - призрак поклонился. – *Да пребудет с вами судьба*, - и, словно туман под натиском ветра, образ исчез.

Маг высыпал немного блестящего порошка из мешочка и швырнул к реликвии. Сразу же обозначилась окружающая постамент багровая сфера. Магия сделала древнюю ловушку видимой. Дальше они пройти не могли.

- Так близко, - Равендас сжала руки в кулаки. - Мы почти можем дотянуться. Почти! - Теперь она поняла, что реликвия и вправду бесценна. Не было сомнений – Жентарим обладал силой воскресить Цкай-эль-Цкаана – а заодно и сделать легендарного чародея своим слугой. За такую возможность Жентарим заплатил бы очень много. Если бы только...

- Пойдём, Равендас, - мягко позвал Марнок, потянувшись к её руке. - Это бесполезно.

Неправда. Внезапно девушка это поняла. Способ был.

Время превратилось в лёд. В одном его хрустальном, застывшем мгновении воительница увидела будущее. Не *то самое* будущее, а всего лишь одно из возможных, одно из многих. Она стояла в объятиях Марнока на пороге деревенского дома. Золочёный солнечный свет проникал через окна, весело смеялись бегающие по траве на улице маленькие детишки. Марнок что-то нежно прошептал ей на ухо – и девушка как будто даже услышала слова. Но затем пряжа этого будущего разошлась – новая, тёмная версия сплелась перед глазами. Равендас сделала свой выбор. Время растаяло и заструилось вновь.

Она привлекла Марнока к себе. Маг не сопротивлялся. Аккуратно, она коснулась его губ своими.

- Я... Мне жаль, - прошептала девушка.

Кристалльно-зелёные глаза мужчины удивлённо расширились, но, прежде чем он отреагировал, она изо всех сил толкнула его. Маг отступил, сильно стукнувшись о возвышение. Когда базальтовый цилиндр свалился на пол, всюду замелькали вспышки рубиново-красной магии. Маленький белый предмет укатился за пределы сферы. Равендас быстро метнулась его подобрать. Палец Цкай-эль-Цкаана.

Она победно выпрямилась, но, стоило ей повернуться – и сердце подскочило к горлу. Марнок, пойманный в багровую сферу, завис в воздухе над обрушенным пьедесталом. Его изломанные конечности застыли в агонии, словно он уже умер. Но глаза жили. Они наблюдали за воительницей, полные странного выражения – наполовину тоски, наполовину понимания. Женщина не могла отвернуться. Вдруг, без предупреждения, пол судорожно качнулся под ногами, а воздух прорезал раскат грома. Хрустальные окна наверху комнаты разлетелись вдребезги, просыпавшись дождём переливающихся осколков. Пол сотрясся вновь, заставив девушку упасть на колени. Как и предсказывала книга мага, башня рассыпалась.

- Ты... должна... идти..., - прохрипел чей-то голос. Марнок. При попытке говорить его лицо искажали ужасные мучения. - Помни... написанное в книге... - в уголках губ проступила кровь. - Третье... испытание. Лицезрей... закат... обними... тьму, - башня вновь сотряслась в смертельной конвульсии, но Равендас не могла даже сдвинуться с места.

- Иди..., - выдохнул Марнок. - Иди... Кела.

Словно освободившись от заклятья, Равендас развернулась и стремглав помчалась к лестнице. Она не оборачивалась. Куски камня яростно обрушивались на пол позади неё, но воительница уже прыгнула со ступеней и бежала по

спиральному коридору. Она пронеслась по мосту к верхушке стены – мгновение спустя крепость вновь пошатнулась, и мост провалился в бездну.

Девушка не остановилась, чтобы на это посмотреть. Слова Марнока эхом отдавались в её голове. «*Лицезрей закат*». Она осторожно пробиралась по зубчатой кромке стены, цепляясь за камни каждый раз, как Гуртанг заходила в судорогах, пока, наконец, не достигла западной стороны. Воительница глянула вниз, но ничего не смогла разобрать в темноте. Луна скрылась за горами. Надежды на свет не было.

«*Обними тьму*». Да, подумала она. Не такой ли выбор она сделала? Издав утробный, словно похоронный звон, грохот, центральная башня Гуртанга начала медленно и тяжело оседать. Равендас не обернулась понаблюдать за мрачным зрелищем. Закрыв глаза, она глубоко вздохнула. И сделала шаг со стены.

Какое-то мгновение казалось, что она летит. Тьма обернулась вокруг неё плащом, плавно баюкая в своём мягком, вельветовом одеяле. Женщина громко рассмеялась. Как восхитительно! Секундой позже она погрузилась в глубокое, полное ледяной воды озеро, и величие момента было разрушено.

Закутавшись в одеяло, вытащенное из походного рюкзака, Равендас скрючилась у маленького костерка, под скудной защитой скрученного ветром кедра. Палец Цкай-эль-Цкаана лежал на камне перед ней. Девушка улыбнулась – пламя победы грело её куда лучше простого огня. Она совершила невозможное. Жентарим теперь не сможет ей отказать. Путь к могуществу лежал перед ней – открытый.

Воительница разложила одежду вокруг костра, избавляя её от холодной воды озера. Внезапно она заметила, что что-то торчит из кармана её кожаной куртки. Девушка вытащила предмет. Карта. Промокшая и порванная, она всё ещё слегка светилась лазурной магией, повторяющей силуэт нарисованной формы – спирали. Ниже подпись – *Клетка*. Зловещие слова всплыли в памяти. *Могущество может быть сродни заточению*.

- Нет! – яростно прошептала Равендас. – Я сама творю свою судьбу.

Задрожав, девушка швырнула карту в огонь.

И ЗАЛАМЫВАНИЕ РУК

Джейн Купер Хонг

Ненавижу свои руки. Пальцы длинные – слишком длинные! – и болезненно тонкие. Они выглядят так, будто расколются, если кто-нибудь приложит маломальское давление между костяшками. А сами костяшки бугрятся, словно шишковатые наросты, которые можно увидеть на деревьях. Я частенько думал, что отрублю руки напрочь и выращу новые, заменю эти рыхлые отростки здоровыми,

сильными руками кузнеца или мастера клинка. Вообще говоря, я даже рассматривал такую возможность. Один волшебник из Тэя – да-да, из Красных – сказал, что такое вполне осуществимо. Но гарантии результата он дать не может. О, я бы не отказался от рабочих рук... Но когда я уточнил, смогу ли я выполнять тонкую работу, которой занимаюсь сейчас, маг – прежде чем кивнуть и сказать «Да, думаю, да» - заколебался. Этого мне было недостаточно, и потому они до сих пор со мной.

Когда я, орудуя руками, располагаю оперение стрелы в правильном порядке, то ощущаю себя кем-то другим, словно смотрящим со стороны нескольких метров. Понимаете, мастер рассчитывает на меня, рассчитывает на то, что я правильно установлю эти перья. Ведь, знаете, то, как я размещу их, на каком расстоянии друг от друга, как плотно усажу, нужного ли они размера и формы – всё это имеет огромное значение.

Стрелы и дротики, используемые мастером, должны каждый раз лететь точно в цель, безо всякой магии. Яды – должны быть смешаны в идеальных пропорциях, чтобы нести смерть, в зависимости от обстоятельств быструю или медленную. И если за этим не следить, то какая тогда у него будет репутация? А сейчас народ с самых отдалённых земель прибывает сюда, в забытый богами уголок сембийских равнин, чтобы найти Ренека. Вы могли бы даже предположить, что ему стоило бы переехать в Глубоководье или в Сюзейл, или в Тантрас, на худой конец. Ведь какой бизнес мог бы там у него быть! Днями и ночами люди приходили бы к нему, чтобы воспользоваться его услугами. Но и без того они платили баснословные суммы.

Последняя работа принесла ему три безупречных рубина, по карату каждый, и золотой медальон, размером почти с мою ладонь. Его целью являлся Хан, один из высокопоставленных членов гильдии воров – а потому весьма приметная фигура, что, конечно же, сильно повлияло на цену. Всё же мне она показалась неоправданно, возмутительно высокой. В конце концов, используя один из сделанных мной дротиков, мастер мог поразить жертву с весьма большого расстояния одним лёгким движением, неслышным, словно скрывааемый кашель. А в случае с Ханом причины смерти были даже менее очевидными.

Я спрашиваю себя – учитывая всю предоставляемую мной помощь, стоило ли убийство Хана, или любой другой из заказов тех денег, что за них заплатили? Ведь, если подумать, следует ли вообще платить тому, кто приносит людям несчастье, кто прерывает жизни живых существ?

Думая о Ренеке и его ремесле, я удивляюсь тому, как он стал – как вообще становятся экспертами... выдающими экспертами... в искусстве убийства? Ты просто решаешь, что хочешь этим заниматься? Ну то есть, неужели Ренек однажды утром проснулся и сказал себе: «С этого дня я собираюсь посвятить свою жизнь убийствам. Стану ассасином, лучшим из лучших». Я ещё могу понять, почему люди хотят видеть разбойников и убийц – типичных жертв Ренека – мёртвыми. Но лично для меня сама *идея* хотеть кого-то убить непостижима. Полагаю, многие зададутся вопросом – а какова моя роль в деяниях Ренека? Но на самом деле моя работа никогда не требовала от меня *убивать* кого-либо. Ну правда, я обычный мастеровой – исследователь и ремесленник.

По крайней мере я всегда так думал.

Первый раз я увидел Ашану, когда работал в своей аптеке. Ну, так я называю это место. Конечно, это преувеличение - всего лишь лачуга, где хранятся различные компоненты, используемые мной в работе. Здесь я развешиваю сушиться ветки и листья, здесь же расположены точильные камни и полки. Здесь же разливаю по бутылкам и тщательно каталогизирую различные субстанции – от чернил осьминогов до цинкового порошка и парочки драгоценных камней.

Я как раз нарезал хрупкие веточки сладкого брендирута на тонкие полоски, чтобы засушить, когда увидел её в открытую дверь. Тёмные, золотисто-каштановые волосы блестели в лучах весеннего солнца. Она была того же роста, что и я, но при этом полностью лишена моей нескладности. Кроме того, она не горбилась, как это делают некоторые высокие женщины. Быстрым, уверенным шагом она подошла ко мне.

- Тин? – уточнила она.

Я кивнул. Мне следовало быть более вежливым, сказать что-то в ответ, предложить зайти – но я безмолвно стоял, созерцая и благоговей. Она шагнула ко мне, и я отшатнулся к длинному рабочему столу, отметив изящность её движений, когда она пронеслась мимо, а затем повернулась, чтобы заговорить.

- Бокун, деревенский клирик, посоветовал мне заглянуть сюда, - объяснила женщина.

Я снова кивнул. Помню, я подумал, что нужно бы улыбнуться или что-то сказать, но не уверен, что последовал своему же мысленному совету.

- Мой отец болен. Болезнь развивается, и целители не могут её остановить. Я говорила уже с несколькими. Ещё я прочитала всё, что только смогла найти в библиотеке, - настойчивость и срочность переполняли каждое её слово. – Я перепробовала всё... Эта... эта слизь, - коснувшись пальцами шеи, она поводила рукой вверх-вниз, - забила его горло, так плотно, что ему уже трудно глотать. – И она сама сглотнула, с усилием поведя подбородком вниз и вверх – имитируя потуги своего больного отца.

Её напряжение тут же захватило и меня. Женщина посмотрела на меня не моргая, а затем вновь заговорила:

- Бокун сказал, у вас есть много разных трав, включая и редкие. Он посчитал, что здесь найдётся эта... - она затихла, разворачивая бумагу, лежавшую скомканной в левой руке. Она подошла ко мне вплотную и разгладила записку, положив на стол перед нами.

Повернувшись посмотреть, я понял, что стою так близко к ней, что её аромат кружит мне голову – мне хотелось закрыть глаза и глубоко вздохнуть эту шепчущую чистоту. Я заставил себя посмотреть на листок. Рецепт от клирика, большими плавными буквами: «*Си-фенг ку ген*».

- Есть такая, - ответил я. – Небольшой кусочек.

Она неподвижно стояла, наблюдая за тем, как я просматриваю сначала свой каталог, а затем и аптечные полки, ища похожий на финик корень. Всё это время женщина говорила со мной – вежливо и дружелюбно, словно соседка или близкая подруга. Тогда она и сказала мне своё имя и где она живёт.

Меня удивило, как легко ей удаётся поддерживать беседу. Я же подыскивал нужные слова, чтобы просто ответить:

- Вот трава. Народ Ва использует её. В моих записях сказано, что название переводится как «горький корень свежего ветра».

Это впечатлило Ашану, и она так и сказала. По её глазам я понял, что интерес был неподдельным. Я не целитель, но многие «инструменты» в моей работе могут возыметь и положительный эффект, будучи использованными по-другому, и я вполне осведомлён об этих их особенностях. Я соскоблил немного стружки со сморщенного корешка, а затем смешал в пасту, добавив инертного порошка и воды. Отдав Ашане чашу с липкой смесью, я объяснил, что её отец должен нанести это на корень языка и на горло и оставить так на несколько минут, затем запить водой.

- Мазь невероятно горькая. Он может подумать, что его отравили, - добавил я. - Но смешанная в таких пропорциях, микстура будет губительна только для болезни.

Благодаря меня, Ашана взяла мои руки в свои. Первой моей реакцией было отшатнуться, но это ощущение исходящего от них тепла не было похоже ни на что другое в моей жизни. Я всегда чувствовал себя неловко при общении с женщинами, и лишь немногие из них выказывали ко мне интерес. Я понимал, что её прикосновение совсем не означает заинтересованности, но с того момента я использовал любую возможность наведаться в соседний городок, где она жила. Присматривая за ней, я старался думать о том, как ещё можно помочь её отцу... чтобы она обратила на меня внимание. И она обратила.

Знаю, я сказал, что считаю себя как ремесленником, так и исследователем. Один из шагов моего «исследования» - наблюдение за моим мастером, чтобы лучше понимать его нужды. Я всегда старался тщательно изучать Ренека, узнавать его силы и слабости – например, плавность и мощь движений или едва заметное дрожание рук, что иногда охватывает его во время «охоты». Так он это называет. Полагаю, убийство меньше похоже на убийство, если думать о жертве как о добыче, но, помимо того, это часть его убеждений – то, что он в чём-то превосходит её, в чём-то лучше, а потому заслуживает быть вознаграждённым за своё призвание.

Но, похоже, он никогда не осознавал то преимущество, а точнее, маловероятность его успехов, с которой ему пришлось бы столкнуться, если бы не я. Недавно убитый им вор был сущей змеей. Тот самый Хан. Из-за собственной злобной сущности, он был прекрасно осведомлён о всевозможных уловках и хитростях, которые ему могли преподнести остальные. И если бы Ренек попытался использовать обычные методы, чтобы прикончить его, скорее всего, он закончил бы свои дни с выставленными на всеобщее обозрение внутренностями, подвешенным на башне ближайшей палаты гильдии воров.

Но я следил за Ханом, для Ренека. Я знал, что у того есть не так много привычек и ещё меньше слабостей. После нескольких десятков дней наблюдений, я дал своему мастеру знать об одной возможности. Вор, при всём его положении в воровской гильдии, постоянно платил подати в храм Тиморы. Я не видел логики в почитании воров богини удачи. Может быть он был заядлым игроком. Или, что вероятнее, пытался умиловить богиню, действуя от лица того, по ком горевал. О его мотивах я мог только догадываться, но вот удача моего мастера полностью зависела от того факта, что на шестой день почти каждой декады Хана можно было найти бросающим жребий при помощи бусин-полумесяцев для предсказания судьбы, а затем отдающим деньги храмовому священнику.

Я долго раздумывал над способом причинения смерти, а после - укорял себя за то, что не увидел нужную возможность гораздо раньше. Как и многие другие ищущие благословения или удачи, Хан сначала будет перебирать деревянные полумесяцы в руках, а затем подует и поцелует их, прежде чем выбросить и увидеть сложившийся рисунок.

Одевшись как странствующий жрец той же веры, мой мастер получил свободный доступ к бусинам. Это одно из умений Ренека, талант, родившийся из способности незаметно смешаться с любой, даже небольшой группой людей. Он весит как средний человек, и такого же роста. Волосы - невыдающегося коричневого цвета и умеренной длины. Глаза тёмные, но не настолько, чтобы выделяться. Даже его нос - та часть лица, которая могла бы немало рассказать о многих других людях - был обычным и непримечательным. Да, ни одна его черта не привлекала внимания или заставляла выделяться из толпы.

Хотел бы я сказать то же самое о себе. Но я высок, нескладен и сухопар. Моя кожа такая бледная, что в юности я был постоянным объектом для насмешек и жестоких сравнений с рыбьим брюхом и прочими блёклыми штуками. И сколько бы я не находился на солнце, бледность не проходила. На самом деле, когда я был молод, такие шутки сильно задевали меня, поэтому я проводил солнечные дни на улице, прожаривая себя до цвета и текстуры красных маков. Но за несколько дней сожженная кожа осыпалась липкими слоями, обнажая всё тот же молочный оттенок.

Ещё, бывало, на протяжении многих дней я постоянно пихал в себя еду, в надежде создать наполнение для моей вытянутой фигуры. В результате я отращивал круглое брюшко, но не испытывал никакого увеличения общей массы или brawn, поэтому возвращался к своим прежним пищевым предпочтениям.

Ренек бы не понял таких мер. Он не красив, и даже не привлекателен, но тем не менее он никогда не ловил на себе взгляды и не слышал хихиканье за спиной. Вот почему он мог незамеченным передвигаться по храму - впрочем, как и по любому другому месту будущего убийства.

Но одна только лишь скрытность не давала Ренеку инструмента для выполнения заказа. С собой на задании у него было другое преимущество - я дал ему идеальный яд. Уверен, Хан чувствовал слабое покалывание спустя несколько секунд после перебирания полумесяцев в ладонях. И, несомненно, и его губы начало колоть сразу после того, как он прикоснулся ими к гладкой деревянной поверхности. Позже Ренек рассказал, что Хан даже понюхал пальцы и полумесяцы, вдыхая не имеющую запаха отраву. Потом пожал плечами и выбросил бусины. Мастер сказал, что они приземлились, указывая концами в разные стороны. «Дурной знак», - усмехнувшись, констатировал Ренек. Пока Хан шёл к корзине, на которую указали полумесяцы, он наверняка почувствовал, как покалывание усилилось до неприятного жжения, поднявшись от ладоней к запястьям, от губ до языка и горла, а от горла - до легких.

К тому времени, конечно, Ренек уже заменил отравленные бусины простыми, неотравленными священными предметами. Он похвалился тем, как изобразил озабоченность, когда Хан, шатаясь, побрёл к священнику, чтобы тот прочел судьбу. А когда вор зашёл в вызванном ядом бреде, Ренек даже поинтересовался у святого брата, может ли он чем-то помочь. Но два других клирика лишь отмахнулись от него, отнеся Хана на скамью и начав брызгать на него водой - акт, несомненно, добрый, но

беспольный. Не так уж много времени спустя, когда Ренек уже исчез в тенях, они наверняка увидели уродливые, темнеющие волдыри на губах и руках жертвы. Скорее всего, тогда же он начал исторгать черную слюну вперемешку с кровью. Мастер сказал, что слышал крик «Чума!», когда покидал храм.

Ренек отправился забирать оплату, а я составил ему компанию. Помню, я всё смотрел на свои руки на излучине седла, пока он легкомысленно хвалился, как гладко прошло дело. Я обдумывал слова Красного Волшебника, когда до меня дошёл смысл сказанного убийцей.

- А, ты бы его видел, Тин, - сказал он мне. - Зашёл туда, такой ничтожный, словно насекомое, как и всегда, - вообще-то это я ему об этом говорил, но Ренек вёл себя так, словно сам добыл это знание, - и подошел к столу для подношений. Никогда его раньше не видел таким смиренным – набожным даже. Можешь себе представить?

Он продолжал в том же духе, расписывая каждую деталь так, словно он первый узнал её, и объясняя действие яда, будто он сам понимал его принцип. В какой-то момент я спросил: «Думаешь, стоило использовать действующий более медленно?»

- О, нет, нет, - возразил мастер. - Эта моя комбинация отлично подошла. У меня было достаточно времени, чтобы осуществить подмену и убраться оттуда с уверенностью, что задуманного удалось достичь.

Его слова и его напыщенное, лишенное всякой благодарности отношение встряхнули меня больше, чем грубая походка моей лошади. *Его* комбинация - не «предоставленная тобой», не «благодаря твоей». Он и правда считал только себя ответственным за успех.

Когда он забрал свою плату, я был уверен, что он отдаст долю и мне. За два года моей службы я не замечал за Ренекон головокружательной щедрости, но время от времени он награждал и меня - когда, как в этом случае, мой труд выдавался исключительным. Визбравшись на лошадь, развернув её и подъехав к месту моего отдыха, где я дожидался его верхом на старой гнедой, он вручил мне мою долю и жалкую сумму сверх того - едва ли больше количества чаевых, что может ожидать официантка за половину ночной смены.

Я пытался найти утешение хотя бы в том, что Хан мертв. В отличие от большинства воров, гордившихся тем, что они выполняют свою работу скрытно и ловко, предметом гордости Хана был исключительно объём его добычи. Я уверен, что на его счету жертв ещё больше, чем у моего мастера, но нет ни толики изящества Ренека. За ним тянулся такой след трупов и увечий, которому позавидовали бы канюки и другие обитатели сумерек. Но, что странно, доказательства его преступлений были зыбки. Однажды гномы из леса Аркен судили его за убийство одной из своих принцесс, в дополнение к дерзкому ограблению целой королевской сокровищницы. Даже в тех местах, где наиболее общепринятой формой правосудия является линчевание, вору удавалось избежать наказания.

Совсем недавно Хан даже запугал весь городской совет Генделарма. Ходили слухи, что он привязал сына одной из членов совета к фургону и таскал так до тех пор, пока несчастный не был изувечен до смерти. Женщина рассказывала, что на последнем издыхании её сын всё время повторял угрозы Хана.

Но в чём ирония – убийство вора не было осуществлено по заказу этой женщины, её семьи или вообще кого-либо из совета. Нет, это один из таких же как

он, воров, захотел продвинуться в иерархии и запросил для этого услуги Ренека. Полагаю, я не должен сильно беспокоиться о причинах, стоявших за работой моего мастера – ну, Ренек точно не беспокоится – но когда какое-то оправдание можно найти в высоких целях, от этого становится несколько спокойнее.

Но со следующей добычей Ренека это не работало. Его новая цель не была преступником, как Хан, или малоприятной личностью, как многие другие, павшие от руки мастера. До этого, я всегда понимал свою роль и понимал, что помощь убийце приносит какое-то добро.

До недавних пор, я также думал, что понимаю, как меня видят другие. Но от Ашаны я узнал совсем другое. После устранения Хана, я продолжал шататься у её дома в надежде повстречаться. Болезнь её отца прогрессировала, и женщина проводила всё больше и больше времени у его постели, но иногда, выходя из дома, она заглядывала и ко мне.

Я видел, каким тяжким грузом легла на её плечи забота об отце. Усталость сказала на её осанке. Как и на волосах. Первое время, когда я её видел, они были аккуратно причёсаны и забраны гребнями, но чем больше времени Ашана проводила с отцом, тем меньше ухода доставалось её внешности. Бурные водопады непослушных локонов покрывали её плечи и спину, иногда падая на глаза. Когда мы встречались – всегда стоя на улице – я обнаруживал, что нестерпимо хочу прикоснуться к волосам, нежно убрать их с лица. Но всегда колебался. А вдруг она вся съёжится из-за касания моих рук?

Я не мог так рисковать, слишком сильно наслаждался нашими беседами. Ашана с легкостью общалась на любые темы – о погоде, об отце, о детстве, о том, как она любит смотреть на звёзды. Её голос был тёплым, с чистым, глубоким тембром. Я любил слушать его. Хотя, ещё больше мне нравился её поразительный взгляд на жизнь. Это был даже не оптимизм – Ашана и вправду находила что-то хорошее во всём, что её окружало. Например, несмотря на всю боль, испытываемую ею при наблюдении за страданиями отца, она отметила, что его состояние могло быть намного хуже, если бы она не получила от меня траву Ва. Возможно, это было всего лишь вежливое замечание с её стороны, но, тем не менее, мне оно пришлось по душе.

Ашана рассказала мне, что её отец был торговцем, и вполне успешным, в лучшие времена путешествовавшим далеко, а затем возвращавшимся домой с невероятными рассказами про охоту за перьями грифонов или яйцами драконов. По-видимому, сейчас семья могла располагать умеренным достатком. Брат Ашаны, Менг, растратил большую часть семейного состояния. Смею отметить, что это моё заключение, а не слова Ашаны. Ведомый любопытством, я пытался разузнать больше о ней и о её родных. Я узнал, что Менга отлично знали в местных тавернах и борделях. Судя по всему, он был полностью противоположностью своей сестры – гнусный паразит, неспособный ни на работу, ни на достижение чего бы то ни было вообще.

Но в своих откровениях она никогда не говорила о нём с горечью. Кажется, иногда я даже замечал в глазах проблеск печали, намёк на обиду на лице, но плохого она не говорила. Она даже не называла Менга так, как другие. Про себя я задавался вопросом, а были ли они оба рождены одной матерью. Я выяснил, что её отец становился вдовцом, но не знал, сколько раз, и, конечно, не собирался это выяснять.

Я как раз собирался приступить к выполнению задания Ренека - подготовке к добыванию сведений о следующей жертве - когда Ашана во второй раз пришла ко мне в аптеку. Прошло уже как минимум десять дней с того момента, как я видел её в последний раз. Она была измождена, а глаза запали из-за недостатка сна. Я ждал, когда она заговорит.

Она не сводила с меня взгляд несколько долгих, беззвучных секунд. Наконец, она облизала губы и начала говорить:

- Иногда он... Иногда папа видит галлюцинации, - сказала она. - И ему больно. Священник дал мне церковное масло, а целитель - кое-что, чтобы облегчить страдания, но если станет гораздо хуже, понадобится что-то... что-то посильнее.

Её слова поразили меня. До этого при каждой встрече она казалась такой неунывающей - словно никогда не теряла надежды.

А потом я задумался, а правильно ли понял её намерения. Откуда она могла узнать о ядах? Об этом я не трепался на каждом углу и предполагал, что Бокун считал меня всего лишь травником-любителем. Не было сомнений, даже если все были в курсе того, чем занимается Ренек, никто и предположить не мог, что я его помощник, а не личный слуга.

Я колебался, надеясь, что она прояснит ситуацию.

И она продолжала:

- Мы ещё можем проводить вместе время, но я не знаю, сколько так будет продолжаться. Я хочу быть уверена, что когда придёт тот момент, когда между приступами боли больше не будет перерывов, то помогу ему с этим справиться... в последний раз, - она вновь схватила мои руки. - Пожалуйста.

Она имела в виду именно это. Я даже представить себе не мог, какую же боль испытывает её отец, если она решилась прийти ко мне с такой просьбой.

- Он ещё может глотать? - уточнил я.

Женщина кивнула.

Мне было тяжело вообразить себе, как Ашана убивает своего отца, пусть и из милосердия. На самом деле, когда я думал об этом, мне становилось дурно, но всё же я попытался придумать решение.

- Есть яд, который можно подмешать в чай, - предложил я. - Он ничего не почувствует...

- Скорее всего, он не сможет сохранить способность глотать надолго. У вас есть... что-то другое?

Разумеется, я знал с дюжину различных ядов, и ещё больше других методов причинения смерти, но я всё никак не мог прекратить думать, какого же она обо мне мнения, если просит такие вещи. Я пытался придумать что-то более простое и человеческое. Наконец, я подготовил отравленный скальпель, с которым она могла бы управиться и сама.

- Это будет быстро, - уверил её я, - но будьте осторожны. Оно может уб... навредить вам или кому-то ещё так же легко, как *помочь* вашему отцу.

Ашана взяла мои руки в свои, затем потянула меня к себе и поцеловала в щеку. Поцелуй оказался таким же потрясающе теплым, как и касание рук. Думаю, это было просто проявление благодарности, но как же я хотел, чтобы это оказалось чем-то

большим. Пока я стоял, наслаждаясь этим чувством, она схватила подготовленный мною пакет и умчалась прочь.

После её ухода я работал бездумно, составляя снадобье и пытаюсь вернуть мысли к следующей жертве Ренека. Мастер объяснил, что Сил - ученик мага, чьей смерти пожелал другой, более старший ученик. Будучи свидетелем плохо обернувшегося заклинания старшего товарища, он теперь грозился рассказать всё совету магов. За это неудачливый волшебник нанял ассасина.

Как и обычно, я должен был следить за целью, разузнать её привычки и найти подходящую для Ренека возможность.

Я отправился в Долину Шрама в одиночку. Город мне показался замызганным местом, полным хаоса, загромождённым публичными домами и второсортными тавернами. Даже совершенно обычно выглядящие пабы были напичканы черными дельцами, жентийскими солдатами, головорезами и контрабандистами. Мой мастер сказал, что прибудет через две недели, якобы после выполнения условий другого контракта. Я часто задавался вопросом, чем Ренек занимается, пока я собираю сведения о жертве. Периодически он утверждает, что выполнил заказ сам, но я в этом сомневаюсь. Он всегда умалчивает детали.

Но, в любом случае, в этот раз мне удалось подобраться к предполагаемой добыче достаточно просто - я выставил кое-какие травы и особенные материалы, используемые мной в ремесле, на продажу на местном стихийном колдовском рынке. Когда этот ученик, Сил, показался поблизости, я слегка повернул лазурный кристалл, блеснувший из-за этого в солнечном свете. Ярко-синий отблеск привлек внимание нескольких людей, включая самого послушника. Он подошел ко мне, и завязалась беседа.

Сил оказался весьма молод даже для ученика – от силы лет пятнадцать. Его голос временами ещё ломался, а чтобы сохранять лицо свободным от поросли, уверен, бриться ему было вполне достаточно раз в десять дней. Он был весьма болтлив, и явно любитель покрасоваться. Как и большинство начинающих магов, он постоянно использовал магию, читая заклинания, чтобы призывать разные вещи, в то время как просто нести их было бы проще. Всё же вокруг него была особая аура. Однажды он мог бы стать могучим волшебником. Уже сейчас, похоже, у него развилась необычная способность повелевать животными.

Взрослый опоссум с упорством репейника цеплялся в плечо свободной туники юного мага, и его подозрительные розовые глазки как будто изучали каждого, кто приближался к мальцу. Сил разговаривал с ним, причем не как с питомцем, а как с равным. И он отвечал. Я мог различить движение на его морде. Грызун сделал свободной лапой какой-то знак, а потом будто бы невзначай почесал заднюю лапу, словно подчеркивая. Всё выглядело так, будто создание было результатом куда более сильного волшебства, чем неопытный мальчик мог обладать. И я был уверен - именно из-за этого опоссума Ренеку придётся проявить максимум осторожности в этот раз.

Я понял, что парнишка мне нравится, хотя легко можно было понять, почему другие могли его недолюбливать. В нём не чувствовалось смущения по поводу его смыслённости, и он излучал тот вид раздражающей самоуверенности, который свойственен только по-настоящему наивным людям. Не сомневаюсь, что история,

которой он собирался поделиться с советом колдунов, рассказывалась бы с благоговейным ужасом, словно он и представить себе не мог, как вообще его собрат мог так далеко отклониться от учения его наставника.

- Такому молодому человеку пригодился бы подобный камешек, - начал я, заставив драгоценность вновь блеснуть в ярких солнечных лучах раннего лета.

Сил был высок, почти моего роста, и потому встретил мой взгляд. Он слегка склонил голову, ожидая, что я скажу что-то ещё, но, прежде чем я смог, согнутый десятилетиями, а может, даже столетиями суровой жизни гном протолкнулся вперёд парня.

- Ты отсвечиваешь этой штукой чтобы привлечь внимание, или планируешь продать?

- И то, и то, - отозвался я, стараясь поглядывать на Сила, беседуя со старым гномом.

Он протянул изуродованную руку с двумя крюкоподобными рептильными пальцами.

- Могу я взглянуть?

Должно быть, я заколебался. Покупатель потряс короткой толстой рукой прямо перед моим носом.

- Я знаю, как с ним обращаться, - требовал он.

Я наклонился и протянул камень на раскрытой ладони - пытаюсь сдержать дрожь, когда гном коснулся кожи.

- Оооо, - протянул он, явно наслаждаясь лазурной прохладой в руке. - Этот будет работать отлично, не так ли?

Я кивнул.

Сил придвинулся ещё ближе, глядя сверху вниз на изогнутые пальцы гнома и на гладкий, безупречный камень. Оппосум смотрел с не меньшим интересом.

- Для чего его используют? - спросил юноша.

- Для ледяной магии! - хором ответили мы с гномом.

Парень явно собирался спросить что-то ещё, но гном швырнул драгоценность обратно на прилавок и вклинился со своим вопросом:

- Сколько просишь?

Я не обратил внимания и попытался закончить с Силом:

- Не сомневаюсь, такой юноша, как ты наверняка задумывался о том, чтобы вызвать снег вне сезона?

- Я пробовал, но заклинание пока не до конца подвластно мне, - ответил парнишка.

- Сколько берешь?? - гном-покупатель повторил свой вопрос, разведя плечи и говоря громче, будто стараясь сделать себя ещё более заметным между нами.

- Твоего ошейника должно хватить, - предложил я, указав на широкую полосу золота, охватывающую толстую шею гнома.

Я ожидал, что он лишь рассмеётся, но тот зарылся уродливыми руками в дикую седую бороду, расстегивая защелку под ней.

- Подожди. Возьмешь вот это? - ученик стянул с пояса большой платок цвета синей полуночи. Он осторожно набросил его на кристалл, но там, где должен был остаться бугорок, поверхность была гладкой.

- Ба! Дешёвый трюк - или воровство! - гном рывком сорвал ткань со стола, но кристалл лежал там же, куда он его и бросил.

- Положи руку на стол, - предложил Сил, приглашающе махнув второму покупателю. Тот недоверчиво посмотрел на него, но выполнил просьбу. Парнишка накинул ткань на рептильную лапу гнома, и вновь приятный материал гладким слоем покрыл маленький столик. Казалось, будто рука заканчивается прямо перед краем стола.

- Работает только на ровных поверхностях, - сказал Сил почти извиняющимся тоном. – Но вполне может пригодиться. И весьма ценная штука.

Гном выдернул конечность из-под синего покрывала.

- Что насчёт неё? – выжидающе смотрел на меня парень.

- Дешёвый трюк, - повторил гном. – *Вот* что на самом деле ценно, - объявил он, хлопнув золотой ошейник сверху на платок.

- Трюк, может, и дешёвый, но я такого раньше не видел, - быстро парировал я. У меня был выбор – либо разозлить гнома, либо сделать то, что и собирался, а именно использовать кристалл, чтобы разузнать о мальчишке побольше. – А я в своё время повидал немало волшебства.

- Люди! – с отвращением фыркнул низкорослый покупатель. – Вам отмерено столь малое время, что вы даже не успеваете усвоить разницу между детским баловством и настоящей магией. И что же малыш вроде него будет делать с таким камнем?

- Призывать снежные бури? – пожал я плечами?

- Расточительность! Распроклятушая расточительность! - гном замахнулся исковерканной рукой на ученика.

Опоссум зашипел, его мех вздыбился. Понятия не имею, какие звуки обычно издают опоссумы, если вообще издают, но этот был почти человеческим и наполненным злобой.

Гном отшатнулся и как будто стал ещё меньше ростом.

- Убери это прочь!

Мальчик успокаивающе положил руку на животное, и то сразу же смолкло.

- Она не причинит тебе никакого вреда, если ты будешь придерживаться того же, - как бы между прочим отметил он.

- Она не причинит мне никакого вреда в любом случае! – огрызнулся гном, подарив зверьку полный ненависти взгляд.

- Тронь её и умрёшь, - прошипел послушник в ответ, поразив меня своим тоном. Не думал, что в паренёке скрывалось столько яда.

Гном, казавшийся теперь совсем уж маленьким, остался беззвучен, но в его серых глазах плескался гнев. Он повернулся, будто собираясь уходить. И вдруг метнулся ко мне. Я вытянул руку, но хитрец уже схватил кристалл и швырнул в опоссума. Торопливо выплюнул несколько слов, гортанных и тайных. В ту же секунду из камня вырвался белый свет и коснулся животного.

Подёргиваясь, хищник прыгнул. А приземлился прямо на лицо нападающего, вцепившись когтями, скребя и стараясь удержаться. Гном застучал по собственной голове, пытаясь сбить зверя, но руки его оказались слишком коротки.

Вокруг напирала толпа, привлечённая зрелищем. Но те, кто стояли ближе всего, изо всех сил пытались отодвинуться подальше, видя ярость в глазах юного ученика. Из кристалла, всё ещё находящегося в хватке гнома, выбился ослепительно яркий свет. Гном закричал. Опоссум заверещал. Камень выпал из руки. А низкорослый противник стоял, недвижимый словно статуя – и весь покрытый инеем.

Послушник подобрал опоссума. Более того, могу поклясться, что он прошептал зверьку «Спасибо». Думаю, мой рот всё ещё зиял отвисшей челюстью, когда парень подобрал кристалл и повернулся ко мне.

- Так возьмёшь платок взамен?

- Как ты это сделал? – вместо ответа задал я вопрос.

- Дешёвый трюк, - ответил тот. Тень застенчивой улыбки скользнула по лицу, но спустя мгновение он вновь стал серьёзен.

Парень установил камень поверх ткани.

- Ну?

- Но... ты так молод. Я думал... думал, что ты ещё ученик, - закинул я удочку.

- И это так. Но зато у Покет опыта предостаточно, - он нежно потрепал похожего на крысу зверька.

- Опоссум, - продолжил он, избавляя меня от необходимости самому озвучивать название животного. – Мой отец отдал мне её перед смертью. Можно сказать, он был выдающимся магом. Я нечасто его видел. А когда он умер, ко мне перешли все его пожитки, но не так уж много его таланта.

- Правда? Разве вот он не... ? – я кивнул на покрытого изморозью гнома.

- Мёртв? Скорее всего. Ты ведь слышал, что я предупреждал не трогать зверька, так что мне глубоко безразлично, что скажет местная стража... - но действия парня опровергали его громкие слова: он лепетал про замёрзшего гнома, стараясь выдать это за обычное событие своей молодой жизни.

И как раз в этот момент он добровольно поделился ещё одним кусочком информации.

- Не я убил гнома. Это сделала Покет. Бросать в неё заклинания - все равно, что светить в зеркало; свет отразится обратно в тебя.

Я слышал о таком волшебстве, но конкретно это выглядело необычно сильным. И, похоже, Сил думал так же.

- Но я никогда не видел, чтобы отдача была такой мощной, - подтвердил он. - Ведь это просто отражение, а не настоящая магия. Думаешь, это из-за кристалла? - дожидаться ответа он не стал, продолжив: - Боги, этот старик наверняка убил бы меня таким заклинанием.

Я и сам был поражен силой отраженной магии. Более того, я задумался, какие же ещё непредвиденные способности имеются у опоссума. Помнится, я уже упоминал тот жест, который существо показало, когда Сил заговорил с ним. С облегчением я слушал, как он разглагольствует об особых свойствах животного, как часто делают другие владельцы питомцев. И все они были обычными. Опоссум был умен - но как была бы умна обезьяна или крыса.

Несмотря на то, что ранее он утверждал обратное, «преступление» Сила - или его зверька - беспокоило его настолько, что он даже заручился моей помощью в том, чтобы отнести тело до ближайшего сторожевого поста для опознания и погребения -

необычное, потрясающе цивилизованное поведение для местных краев. Пока мы с трудом пробирались через рынок с начавшим оттаивать телом гнома, Сил с наивным почтением и признательностью рассказывал о своём обучении. Он поведал о мечте отца, переданной ему - поделиться ограниченным магическим искусством с фермерами, чтобы помочь им выращивать более крупные и здоровые растения. Сперва я подумал, что парень шутит - никогда ещё не встречал волшебника, склонного к филантропии. Но Сил был вполне серьезен и даже планировал нести свет отцовской мечты и дальше. Он занимался собственным изучением, экспериментами с погодными заклятиями, которые могли бы ускорить рост растений. Поэтому юноша и хотел получить кристалл - чтобы изучить его влияющие на погоду свойства.

И чем больше я узнавал Сила, тем больше меня беспокоило моё задание. До этого Ренека всегда нанимали для того, чтобы убивать отребье наподобие Хана - головорезов высокого уровня, ничего или почти ничего не приносящих в мир. Я, в общем-то, гордился применением своих навыков для помощи мастеру в устранении отбросов и вредителей, чьи успех и состояние строились на ежедневной грязи подпольной работоторговли и других неприглядных делишек.

Но Силу с подобными злодеяниями было не по пути. Я не мог перестать думать, что нанявший Ренека старший ученик, желавший пареньку смерти, был не в себе. Мне хотелось вызвать ассасина к себе и настоять на отмене заказа. Но, конечно, для такого я не в том положении. Так что вместо этого, когда Ренек наконец прибыл, я предложил ему план убийства - чистого, быстрого и достойного. Уж точно я не хотел, чтобы паренек мучился как Хан.

Я предложил научить Сила всему, что знаю о лазурном кристалле - чтобы иметь возможность проводить с ним больше времени. Мы встречались на рынке. Оппосум постоянно сидел на плече послушника. Я решил, что должен из всех сил стараться выглядеть дружелюбным по отношению к нему, хотя на самом деле чувствовал отвращение к этому созданию. Предположив, что, как и все животные, он почувствует мою неуверенность, я живописал Силу тот факт, что мне интересен его опосум, но в то же время я слегка побаиваюсь зверья в целом. В ответ он пообещал, что с помощью Покета научит меня быть спокойным и в общении с другими живыми созданиями. Из его уст звучало так, будто это какая-то плата за обучение мастерству обращения с кристаллом. Святая простота.

В любом случае, уроки я проводил, и даже улыбался, когда Сил позволял поддержать его питомца. К сожалению, после этого мне всегда хотелось добежать до колодца и помыться. В отличие от меха кошек или кроликов - мягкого и приятного на ощупь - шкура опоссума была грубой и маслянистой. Хуже того, иногда я различал блох - там, где морщинистая кожа проглядывала между волосками плешивых ушей и хвоста. И, конечно, мне не было дела до того, как животное смотрит на меня своими жуткими и выпуклыми глазами.

После четвертого такого обмена знаниями, Сил пригласил меня домой. Он жил один в особняке родителей - большом, приятном здании с, как минимум, дюжиной комнат, хотя я и не видел их все. Разумеется, я знал расположение дома, и уже проходил мимо него, почти сразу после прибытия в Долину Шрама - это было частью

исследования. Едва ли не с опозданием я осознал - нужно помнить о том, что Сил вообще-то должен провести меня к нему.

Он показал мне рабочий кабинет отца, ныне его собственный. Одна лишь библиотека была больше, чем моя комната у Ренека, а соседнее хранилище магических компонентов было не меньших размеров. Оба помещения вели в огромную, сводчатую комнату, забитую растениями, которые Сил, как он сказал, использовал для оттачивания магического мастерства. Никогда я не видел подобной комнаты. Должно быть, на то, чтобы соорудить стеклянную витрину, поднимавшуюся до потолка, у самых искусных мастеров ушли годы.

Я все еще пребывал в изумлении от представшего вида, когда Сил вручил мне опоссума и сказал, что пойдет отдаст распоряжение повару - приготовить ужин. Я улыбнулся, искренне в этот раз - ведь послушник вышел из комнаты и оставил меня со зверьком на руках. Я похлопал опоссума, поговорил с ним, совсем как хозяин, а затем, услышав шаги возвращающегося Сила, воткнул иглу в огрубевшую подушечку одной из его маленьких кривых лапок.

Эффект медленно действующего яда проявился много позже, когда мы расселись на ужин. К моему отвращению, на столе для опоссума имелся своеобразный насест. Это было тщательно обтёсанное, похожее на дерево сооружение; животное вскарабкалось, оплело хвостом одну из ветвей и свесилось вниз головой. Даже просто опоссум, висающий там, словно безвкусное украшение, представлял собой достаточно мерзкое зрелище; но прямо под ним, расположившись на нижней ветви, стояла серебряная тарелка, наполненная смесью из личинок жуков и подгнивших фруктов. Мой желудок запротестовал.

К счастью, опоссум ослабил хватку и свалился с насеста. А потом начались спазмы.

Сил был в ужасе. Он сгреб зверька в охапку и всё продолжал выкрикивать его имя. Парень посмотрел на меня - на секунду мне показалось, что обвиняюще - затем окончательно потерял рассудок.

- Я знаю лекаря, - сказал я, - который занимается животными.

И я повел послушника к Ренеку, согласно плану ожидавшего нас в грязноватой камерке поблизости.

Пока мы шли, хищник дергался в руках мальчишки так яростно, что я начал беспокоиться, не помрёт ли он слишком рано, но, когда мы все же добрались до офиса Ренека, лапы ещё подергивались.

Я заметил некоторое сомнение в глазах паренька, когда мы зашли внутрь, и порадовался тому, что порекомендовал Ренеку поставить в помещении пару клеток с животными и несколько атрибутов и лекарств для животных, чтобы не вызывать подозрений. Это сработало. Держа опоссума, он бросился к Ренеку, вываливая тому симптомы внезапного приступа.

Хотя мне и было жаль, что Сил стал очередной жертвой Ренека, я всё же ощущал гордость от того, как гладко всё шло. Мальчик прибыл, как и задумывалось. Убийца должен был попросить его помощи в удерживании животного на время осмотра. Легкое движение руки - и отравленное лезвие инструмента для кровопускания вонзилось бы в руку паренька. За несколько мгновений всё было бы кончено.

Но мой мастер решил не следовать плану. Сил едва только начал говорить, как убийца ринулся к нему. Парень отпрыгнул и заслонил питомца от явно безумного человека. Но Ренек не отставал, всю размахивая ланцетом. Сил продолжал отступать. Наконец, он повернулся бежать, но слишком поздно. Ренек всадил скальпель в плечо юного послушника. Тот содрогнулся и упал на колени прямо передо мной. Его тело заходилось в одной длинной, непрекращающейся конвульсии. Ещё спазм - и он сжал опоссума так сильно, что глаза животного выпучились сильнее обычного. А потом Сил посмотрел на меня, и в его глазах я увидел осознание предательства.

Я предоставил Ренеку идеальный способ убийства. *Профессиональный* ассасин испортил его. А мне теперь с этим жить.

- В этот раз неплохо получилось, да, Тин? – спросил Ренек. – Яд, который ты сварганил, действует, конечно, быстро, но мне и самому пришлось пошевеливаться.

Когда Ренек бахвалился своей ролью в смерти Хана, это меня раздражало. Когда же он похвалялся своей ролью в убийстве Сила, мне хотелось взять содержимое тарелки Покет и протолкнуть ему поглубже в глотку. Я хотел закричать на него, лишь бы только заткнуть эту разъявленную дыру на его лице. Но вместо этого просто ехал рядом, всю дорогу до нашего дома в пустошах храня молчание. Внутри себя, однако, я негодовал – обзывал его разными кличками и награждал эпитетами, которые никогда не осмелился бы сказать вслух. Голоса нескольких богов вплетались в хор, попеременно крича на него, а затем и на меня.

И как раз тогда, присоединившись к шуму голосов в моей голове, мой мастер начал описывать наше следующее задание.

- Ашана, - услышал я его слова, - Женщину зовут Ашана.

Усилием воли я заставил голоса замолчать и вслушался.

- Её отец умирает. Брат не может смириться с мыслью, что его сестра получит всё наследство – а, согласно его словам, именно это и произойдёт, если она останется жить. Видимо её отец сделал кое-какие особые приготовления на случай своей кончины.

Ничего удивительного. Но теперь я точно знал, что речь идёт о *моей* Ашане.

- Он изучил местные законы и обнаружил, что если сестра умрет, то брат становится полноправным преемником владений семьи.

Полноправным преемником. Слова жалили своей неправильностью. Как Ренек вообще может говорить о Менге как о полноправном преемнике чего бы то ни было? Червяку просто повезло, что семья не вышвырнула его давным-давно. Каждый сосед неплохо знал, что Менг притаскивал изъязвлённых болезнями женщин домой каждую ночь после достаточной порции эля и выпивки. Я слышал, что когда отец был ещё здоров, он просил этого олуха, чтобы тот выказывал больше уважения семейному имени. Но, похоже, отец Ашаны был слишком достойным человеком, чтобы просто выкинуть сына прочь.

Вся ирония заключалась в том, что женщина, несомненно, будет и дальше поддерживать брата, вне зависимости от условий наследования. Как Менг не мог понять, насколько чист и лучезарен дух его сестры?

Как Ренек мог всерьез рассуждать об убийстве Ашаны - этой чудесной молодой женщине, заинтересовавшейся *мною*? Она не грабитель, не убийца. Даже не зазнавшийся ученик мага.

Я не знал, что думать, делать или говорить. Ренек продолжал описывать детали задания, а я внезапно понял, что единственная эмоция в его голосе – то самое злобное воодушевление, которое охватывает его перед охотой.

Я чувствовал, что должен что-то сделать, но не знал, что именно. В конце концов, Ренек был моим мастером. Из-за связывающего нас договора о долгосрочном служении не мне было судить его дела.

Но, вспомнив тот взгляд, которым смотрел на меня Сил, я всё же выдавил единственный деловой вопрос, о котором только смог подумать:

- У её брата... - я не стал называть его по имени, - ... ужасная репутация. Как ты можешь быть уверен, что он заплатит?

Ренек дёрнул поводья, замедляя движение лошади, и окинул меня взглядом:

- Он заплатил вперёд.

Я попытался представить, как Менг смог это сделать, но Ренек завершил объяснение.

- Судя по всему, задолго до того, как их отец заболел, он припрятал украшения своей жены – полагаю, она уже отошла в мир иной. В любом случае, он приберёт ценности как приданое дочери. Менг – это мой клиент – рассказал, что совершил ограбление и забрал добычу. Крадёт приданое сестры, а потом ещё и убивает – славный малый, не так ли? – Ренек засмеялся над своей маленькой шуткой. Мой желудок скрутило.

А потом Ренек начал описывать, как он провернёт это дельце. Мне хотелось подобрать нужные слова, чтобы остановить его, разрешить всю эту безумную ситуацию, заставить его заниматься своим делом где-нибудь ещё. Учитывая моё положение, я не мог придумать ничего подходящего, но всё равно заговорил вновь. В общем-то, я перебил его:

- А ты не должен беспокоиться о том, что убиваешь кого-то так близко к дому? – спросил я.

- Тин, не думал, что тебе есть дело до таких вещей, - но его тон говорил, что он на самом деле думает – что мне *не должно быть* дела до таких вещей.

- Я... я...

Взмахом он велел мне замолкнуть.

- Ну правда, Тин. Не стоит так обо мне беспокоиться. Это не одно из наших заурядных убийств видных политических деятелей, при котором всю ответственность желает взять на себя кто-то известный. Никто даже не будет знать, что я в нём замешан.

Ассасин остановил лошадь и повернулся ко мне.

- Если бы ты видел приданое, ты бы понял, почему я это делаю. Это не обычные украшения. Не думаю, что в наше время много мужчин могут получить такой трофей, беря женщину в жёны.

Жадность. Простая жадность. Вот почему так близко к дому. Вот почему Ашану... Желудок снова скрутило. Не знаю, чувствовал ли Ренек моё смятение, но он прищипил лошадь и двинулся вперёд.

Я не мог это сделать – не мог в этом участвовать и не мог дать этому случиться. Но что я *мог* сделать?

В моей голове вновь зазвучали голоса. Передо мной опять стоял взгляд, которым Сил наградил меня перед смертью. «Лжец! Убийца! Ты меня предал!» - я словно слышал его голос, надтреснутый, неистовый. Как мне не допустить, чтобы те же слова не были брошены Ашаной?

- ... задушить её, - слова Ренека вытряхнули все вопросы из моей головы.

- Что? – спросил я, слишком громко.

- Всё будет выглядеть так, будто в её дом ворвался обычный грабитель. Я задушу её, заберу пару вещей и уйду.

Он планировал убить её голыми руками.

- Тебе даже не придётся участвовать в этот раз, - успокоил он. Голос наполнялся предвкушением, когда ассасин продолжал: - У Менга не хватает духа, чтобы самому сделать это, иначе он бы уже сделал. Её брат удостоверится, что дверь осталась незапертой...

Ренек был ассасином, профессионалом. В своей работе он использовал дротики, стрелы, прочие инструменты. И я не мог понять, почему он хочет убить кого-то просто руками. Схватить за шею, сжать горло, давя до тех пор, пока жертва не задёргается, наблюдать, как выпучиваются глаза...

Голоса раздались вновь. Я знал – нужна ясная голова. Нужно было подумать, понять, что делать.

- Их отец, - искал я способ, - Он проживёт ещё долго? Или Менг и его заодно хочет прикончить?

- Менг предложил задушить Ашану прямо у него на глазах – тогда старик помрёт от шока. Не знаю даже. От такого как-то не по себе. Совсем не хочется, чтобы его призрак пришёл потом за мной.

А вот в *этом* всё же был здравый смысл. От этой идеи ему стало не по себе. Голоса в голове одобрили его чувствительность.

Я заставил себя задать стандартные вопросы – когда, где, что он собирается с собой брать.

Я хотел предупредить Ашану, но понимал, что она никогда не покинет отца – только не сейчас. Я был уверен – она не покидала дом с тех пор, как взяла у меня яд.

А потом до меня дошло – я могу пойти с Ренексом. Просто «на всякий случай». И потом найти какой-нибудь способ остановить его.

- А что, если её отец очнётся? – поинтересовался я. – Я могу тебе понадобиться.

- Он прикован к постели! – возразил мастер.

- Ну а что, если он выкрикнет предупреждение? Или женщина окажет большее сопротивление, чем ты ожидаешь?

Могу поспорить, то, как я настаиваю на участии, показалось ему странным, но, похоже он решил, что я нахожу идею удушения кого-то голыми руками болезненно притягательной. Мне плевать, что он подумал. Я должен быть там, чтобы остановить убийцу.

Когда мы добрались до дома, Ренек показал мне приданое. Вот уж точно, впечатляющая коллекция. Полно золота, да и всего остального тоже. Целое ожерелье из драконовых чешуек переливалось синими и фиолетовыми оттенками.

Ещё здесь был браслет на руку, отлитый с таким вниманием к деталям, что он мог быть лишь творением дварфского ювелира. На изящных гранях его поблёскивали изумруды. Количество сокровищ поразило меня. Я помнил рассказы Ашаны о делах её отца, но его жена, должно быть, происходила из королевской семьи, раз у неё было такое приданое. А сын – действительно упившийся дурак, если он был готов расстаться с таким богатством, чтобы завладеть семейным делом и домом, скорее всего стоившими меньше.

Свет горел только во дворе большого поместья. Мы же зашли сзади, где было темно. Дверь оказалась не заперта, как Менг и сказал. Ренек сообщил, что брат обещал на ночь уйти из дома и напиться до такой степени, чтобы ничего потом не вспомнить. Да, в этом мы могли ему доверять.

Как только мы зашли, я обыскал темноту на предмет лотка с посудой и стоек с доспехами – чего угодно, что загремело бы при падении. Я подумал, что мне стоит испугать Ашану, чтобы она закричала и встревожила соседей или случайного прохожего, прежде чем мы подберемся ближе.

В доме было тихо. Я даже надеялся, что женщина и так услышит нас до того, как мы приблизимся. А потом она начала петь.

Это был древний гимн в честь Миркула, бога смерти. Его пела ещё моя бабушка, когда дедушка умер. Голос Ашаны растёкся по огромному дому, чистый и настолько наполненный горем, что, казалось, кто-то физически давит на моё сердце. Ренек начал на цыпочках красться вперёд, но я положил руку на плечо, останавливая его. И помертвел от ужаса. Я дотронулся до своего мастера. Не помню, что я тогда подумал о том, что меня ждёт за такую наглость, но, к моему удивлению, он просто нетерпеливо махнул мне, призывая следовать за ним в освещенную комнату. Пару секунд я, не задумываясь, так и делал.

А потом понял. Отец женщины только что умер. Она исполняла свой долг, отсылая его дух в страну вечного покоя. Но ничего из этого не волновало Ренека. Он всё ещё собирался забрать жизнь своей жертвы.

Я устремился вперёд – три размашистых быстрых шага – и схватил его.

Быстрым движением руки я захватил голову убийцы в перегиб локтя. Даже если он и попытался вскрикнуть, звук был заглушен моим предплечьем. Я с силой потянул его назад и вниз. Опрокинул на пол. Уселся сверху, придавил плечи к земле – и затем мои руки сомкнулись на его шее.

Когда я надавил, в слабом освещении его глаза напомнили мне буркала опоссума. Я наблюдал, как пальцы сжимаются всё сильнее. Костяшки захрустели. Как и адамово яблоко. Ренек умер, издав слабый булькающий звук.

Какое-то время я вспоминал, как ассасин преждевременно набросился на Сила. Что ж, наверно, даже для профессионала в убийстве есть что-то импульсивное.

А в другой комнате всё ещё пела Ашана:

- Неси, неси, о, Темный Солдат. Неси, неси, наверх и прочь.

Я встал и тихо побрел к дверному проему. Высокие свечи окружали кровать в центре комнаты. Ашана накрывала тело отца тканью. Сейчас я чувствовал себя большим нарушителем, чем тогда, когда крался по дому вместе с Ренексом. Но, должно быть, женщина почувствовала моё присутствие. Она повернулась и поманила меня в помещение.

- Этого Менг хотел?

Она знала. Я кивнул.

Я видел, как в её глазах собираются слёзы. Сначала она посмотрела мне за спину, потом – прямо на меня.

- Я видела его вместе с Ренексом в тот день – после того, как Менг забрал приданое. Я знала, чем занимается Ренек, чем занимаешься ты.

Я узнал этот взгляд; я уже видел такой раньше.

- Ты знал, - сказала она. – Ты оказался здесь, вместе с Ренексом, чтобы убить меня.

- Нет, - покачал я головой. Холодный ужас сковал меня. Не могла же она подумать... - Ашана! Нет! Я...

И тогда я увидел отблеск её обычной теплоты.

- Понимаю, - обронила она. Шагнула поближе. – Ты остановил его.

Её голос сорвался. Она подняла руки к голове и пробежала пальцами по волосам, убирая пряди с лица, но отдельные локоны снова упали на глаза.

В этот раз, я всё-таки потянулся, чтобы отвести её упавшие волосы назад. От моего прикосновения женщина вздрогнула, и я поспешил отдернуть руки.

Ненавижу их. Ненавижу свои руки. И всегда ненавидел. Но теперь я не уверен – сами руки или то, что я ими сделал. Я продолжаю смотреть на них. Я даже пытался накрыть их тем платком, который мне отдал Сил. Кажется, будто они кончаются в том месте, где начинается ткань – прямо как рука гнома на рынке. Пытаюсь представить, как могли бы выглядеть новые руки – если Ашана вообще заметит разницу. Интересно, а *гном* когда-либо хотел новые руки?

Похоже, самое время поговорить с тем тэйским волшебником.

ВОРОВСКАЯ ЧЕСТЬ

Мэри Джей Герберт

Теза сдвинулась на ветке ещё на толщину пальца и напрягла глаза, вглядываясь в листву. Вот он, медленно, почти устало бредёт по лесной тропке. Девушка позволила себе издать тихий, одобрительный свист.

Во имя плаща Маска, вот это жеребец! Широкие плечи, бугрящиеся мышцами ноги, мощная шея, большие умные глаза и хвост, метущий землю, словно черная мантия. Его копыта поблёскивали при движении, а шкура отливала отполированным эбонитом. Это был самый великолепный конь из всех, что Теза когда-либо видела, а повидала она их немало. Да, была у девушки такая страсть, тяга к лошадям других людей, которая переросла в дело её жизни - продавать, как только удавалось наложить руки на какую-нибудь.

Но *этом!* На любом лошадином базаре Фаэруна такое животное будет стоять равное его весу количество золота! Всё что нужно – поймать его, и тогда конь станет её.

И в данный момент задача выглядела всё проще и проще. Девушка заметила коня сразу после восхода, на северной границе леса Эшенвуд, недалеко от Иммильмара, великого города Рашемена. Он был одинок и встревожен, а в ушах болтался надорванный недоуздок. Теза не могла поверить своей удаче. Жеребец был слишком высок для любимых Клыками Рашемена горных пони, и слишком изящен для тягловой лошади, а это значило, что он, скорее всего, отбился от каравана какого-то торговца или сбежал из конюшен вельможи.

Всё утро она следовала за ним, выжидая подходящего момента, в то время как конь бесцельно бродил вдоль окраины леса. А потом он забрел на знакомый Тезе путь и направился по нему к старому дубу, хорошо известному местным разбойникам из-за низко свисающих ветвей и плотной листвы. Девушка решила воспользоваться столь подходящим деревом.

Она беззвучно повернулась посмотреть вниз, прямо через согнутые колени. Мышцы напряжены, пальцы крепко сжали моток веревки. А жеребец находился уже всего в нескольких шагах от её укрытия, по-прежнему не ощущая присутствия девушки.

Утренний ветерок стих, превратившись в едва заметные дуновения, и теперь из-за летней жары на лбу Тезы заблестели капельки влаги. Но она не обращала внимания ни на это, ни на растущие неприятные ощущения в ногах, лишь потянулась, стараясь не терять из вида кусочки дороги под собой.

Сердце внезапно пропустило удар. Вот он! Голова... шея... и широкая черная спина.словно пантера, девушка прыгнула на неё. Умело развернувшись, она набросила веревочную петлю на морду и крепко затянула. Теперь конь её!

Лошадь остановилась, подняла голову – и на одно короткое мгновение Теза решила, что конь собирался принять её и стоять смирно. Надежда умерла, едва родившись, как только жеребец плотно прижал уши к голове. Вместо того, чтобы фыркнуть от неожиданности или заржать от испуга, создание издало полный триумфа вопль. Прежде чем Теза успела пошевелиться, конь сорвался с места, начав свой стремительный бег.

Голова Тезы откинулась назад. Судорожно вцепившись в гриву, девушка смогла пригнуться пониже и обхватить коня за шею. Стук его копыт вторил стуку её перепуганного сердца, пока она широко раскрытыми глазами смотрела на мелькающие мимо деревья. Скакун был словно берсеркер, бегущий по неровной лесной тропе. Даже внушительный вес худощавого тела Тезы, оттягивающий обвившую морду веревку, ни капли не замедлял его.

Девушка пыталась успокоить коня голосом, управлять им ногами, даже ухватиться за сломанный недоуздок. Конь лишь мчался ещё быстрее, обнажив зубы и пригнув голову – точь-в-точь атакующая змея.

Теза всегда гордилась своим умением оседлать что угодно четвероногое, но эта безумная, яростная скачка вселила в неё ужас. Похоже, не было никакого способа контролировать или успокоить животное, к тому же оно не выказывало ни малейших признаков усталости. Когда конь вырвался из леса на открытую

местность и помчался ещё быстрее, Теза застонала. Первый раз за всю свою жизнь она задумалась – а не будет ли мудрее оставить свою добычу, вместо того, чтобы потом переломанной лежать на камнях или под упавшей лошастью.

Но только тогда, когда девушка попыталась пошевелить ногами, она поняла, что у неё нет выбора. Бёдра и колени странным образом прилипли к вздымающимся бокам жеребца. Нахлынувший панический ужас мешал дышать. Она судорожно дёргала одной ногой, затем другой, но ничего не происходило – конь лишь вскинул голову и издевательски фыркнул.

В ту же секунду девушка поняла, что у неё огромные проблемы. Глаза животного были не привычного бархатисто-коричневого цвета, а лучились жестоким зеленоватым огнём, а его холодное дыхание, донесённое ветром, отдавало затхлой водой и гниющими водорослями.

- О, небесные боги! – взметнулся её крик. – Агишки!

И конь вновь заржал, в подтверждение – звук, настолько похожий на безумный хохот, что кровь Тезы застыла в венах.

Девушка склонилась к шее зверя. Попытки освободиться ни к чему не приведут. Нужно придумать что-то другое, и быстро. Она видела, что отчаянный галоп ведёт их к озеру Эшен – длинному, глубокому Озеру Сле́з, в илистых глубинах которого и обитал агишки.

Известные так же, как водяные лошади, агишки встречались редко и отличались коварством. Хотя они и нечасто попадались на глаза людям, их репутация была хорошо известна всем, кто проживал в окрестностях озера Эшен. Эти создания были хищниками и кормились неосторожными или жадными глупцами, осмелившимися их оседлать. Удерживаемые на спине магией агишки жертвы затаскивались под воду, тонули, а потом без остатка поедались. Оставалась только печень, которую потом выносило на берег.

Теза содрогнулась, вспомнив некоторые истории. Она замолотила кулаками по голове лошади:

- Стой, ты, уродливая, обглоданная рыба закуска!

Агишки всхрапнул и вытянул голову подальше, за пределы досягаемости рук девушки.

Теза уловила серебряный отблеск воды, зажатой между двумя возвышающимися холмами. Озеро Сле́з. Они приближались к восточному побережью, туда, где высокие утёсы, обрываясь, уходили вниз, в тёмную глубину. И девушка сейчас была так же далека от спасения, как и тогда, когда спрыгнула на спину агишки.

Сотрясаясь от ужаса, она сидела и смотрела на воду поверх ходящей вверх-вниз головы жеребца. Оставался только один способ, который она могла попробовать. Похолодевшими руками девушка вытащила кинжал из ножен. В своей жизни ей приходилось использовать клинок много раз, в основном в качестве предупреждения слишком назойливым мужчинам, но ни разу она не применяла оружие против лошади. Тезе пришлось напомнить себе, что это лоснящееся, великолепное существо – по своей природе создание воды, крови и неуёмного аппетита.

Сжав зубы, Теза ухватила кинжал правой рукой, подалась вперёд и со всей силы всадила лезвие в шею агишки - чуть ниже подшейка.

Ничего не случилось. Водяной конь даже не замедлился.

Женщина выдернула кинжал и ударила снова, и снова, и снова, но зверь по-прежнему мчался к воде. Теза не видела ни крови, ни какой-либо другой жидкости, сочащейся из ран.

Агишки издал вопль жестокого ликования. Он пролетел мимо небольшой рощицы, затем в просвет между двумя высокими каменными стенами, и устремился к площадке, нависшей над озером Эшен. Вдруг конь остановился так резко, что Тезу впечатало в его шею. Кинжал выпал из руки.

Теза почувствовала, что удерживающая её ноги сила исчезла. Но прежде, чем ей удалось восстановить равновесие, животное встало на дыбы и перекинуло девушку через голову. Её пальцы заскребли по воздуху в поисках того, за что можно ухватиться, но голова агишки по-змеиному выскользнула из её хватки, и всё, что Теза смогла поймать – порванные поводья. Полоска старой кожи остановила её падение – и ей как раз хватило времени посмотреть вниз.

Глаза девушки широко распахнулись от ужаса. Между ней и усыпанной камнями границей озера внизу не было ничего, кроме воздуха. Охваченная страхом, из-за которого, казалось, замедлилось само время, она видела, как, медленно крутясь, её кинжал падает вниз, отскакивает от наполовину погружённого в воду камня и скрывается из виду в водах озера.

Затем уздечка соскользнула с головы агишки, и девушка начала падать.

Теза закричала.

Внезапно что-то вцепилось в её широкий кожаный пояс. Падение прервалось весьма болезненным рывком, и девушка повисла, болтаясь над бездной. Она чувствовала, как дыхание агишки холодит спину.

- О, прошу, великолепное создание, не отпускай! - умоляла Теза самым жалобным и вкрадчивым голосом. Её взгляд оставался прикован к черным камням под свисающими ногами, и девушка старалась остаться настолько неподвижной, насколько могла.

Агишки, чувствуя её страх, ликующе фыркнул и слегка встряхнул свою жертву.

- Нет! - Теза почти визжала. - Нет! - Она давилась словами, поэтому заставила себя не впасть в истерику. - Пожалуйста, опусти меня на землю. Я не умею плавать и ненавижу воду. Но зато люблю лошадей, особенно настолько роскошных, - девушка поняла, что начала лепетать, но ей было все равно. - Поэтому я захотела тебя. Ты самый красивый конь из всех, что я когда-либо видела. Пожалуйста, опусти меня на твердую землю, и я сделаю для тебя всё, что угодно! Ты слышишь меня? - её вопль прорезал пустой воздух. - Что угодно!

- Так ты даешь слово, что пойдёшь на что угодно, чтобы получить свободу? - раздалось у неё за спиной.

Теза изумлённо моргнула. Агишки не разговаривают, даже когда их пасти не заняты жеванием ремней, так кто же ещё был здесь с ними, на краю обрыва? Из-за своего шаткого положения девушка не могла обернуться и посмотреть назад, а сам голос – холодный и властный – ничего не говорил о владельце. Подозрительность Тезы запоздало проснулась, вскинув свою змеиную голову: - Кто ты?

- Ты не в том положении, чтобы задавать вопросы, - осадил её голос. – Всё что мне нужно – твоё слово.

Теза с трудом сглотнула

- Да, - бросила она так ясно, как могла. – Клянусь честью.

Агишки фыркнул, явно разочарованный. Он сделал шаг назад и повернулся, всё ещё держа безвольно висящую девушку за пояс.

Уступ, на который её притащил конь, представлял собой широкий выступ, торчащий прямо посередине возвышающейся прибрежной скалы. Девушке пришлось задрать голову, чтобы увидеть границу стены, уходящей вверх, к кромке утёса над их головами. Насколько она могла понять, ни на уступе, ни на самой стене никого не было. Трава, водоросли и пара выносливых кустарников прорастали тут и там между камней, а на стене в нескольких местах были глубокие тени, но никаких других живых существ и никаких мест, где можно было спрятаться, здесь не имелось.

А потом что-то шевельнулось на каменном лице скалы – движение в длинных, чёрных тенях. Тёмная форма отделилась от стены, и теперь её скрытая фигура стала видна Тезе.

Девушка затаила дыхание и попыталась унять панику – сущность приближалась, и её чёрные одежды развевались позади её изящного, принадлежащего женщине тела. Существо не имело оружия, но Теза знала, что ему оно и не нужно. Бесстрастная серая маска, носимая ведьмами Рашемена, являлась достаточным предостережением о могучих и смертельных чарах, подвластных этой загадочной женщине.

- Отпусти её, - приказала ведьма.

Агишки подчинился – просто разжав челюсти. Теза словно мешок хлопнулась к его копытам. В то же мгновение девушка выкарабкалась из-под него и отползла подальше от зубов.

Водяной конь двинулся было остановить её, но ведьма предостерегающе подняла руку.

- Нет. Она от нас не уйдёт. Слово Тезы в чести даже у воров.

Женщина из Иммильмара медленно поднялась во весь рост, расправила плечи и уставилась на безучастную маску, нацепив собственную личину - личину высокомерия, за которой прятались неуверенность и страх.

Теза, благодаря своей профессии, научилась быть очень наблюдательной. И теперь она применила этот навык, надеясь развеять часть своих опасений кусочком знания, могущего стать преимуществом. Девушка сразу же подметила несколько заинтересовавших её особенностей. Руки ведьмы были гладкими и гибкими, словно принадлежали молодой женщине, а её голос, хотя и очень властный, тем не менее был полон силы молодости. Перед ней стояла молодая ведьма, не одна из этих старых карг, испытывавших Тезу годы назад.

А ещё она каким-то образом подчинила себе агишки. Этот факт восхитил девушку больше всего.

- Ты доставила меня сюда намеренно, - спокойно сказала Теза; не обвинение - просто наблюдение.

- Мне нужны твои выдающиеся таланты, - отозвалась колдунья.

Теза испустила стон неверия и скрыла дрожание рук, сделав вид, что отряхивает штаны.

- Почему бы просто не попросить? Вряд ли я смогу отказать одной из ваших.

- Так быстрее. Ты покинула Иммильмар в такой спешке, что мне пришлось отправить агишки на поиски.

- Ну, да.. Я просто устала от города.

- В точности после того, как Аронг обнаружил одного из своих призовых белых жеребцов перекрашенным в коричневый и выставленным на продажу на лошадином базаре.

Голос женщины был настолько полон веселья, что Теза с легкостью представила таящуюся за загадочной маской улыбку. Она улыбнулась в ответ.

- У него всегда был хороший вкус на скакунов, - она оборвала фразу и скрестила руки на груди. - Так чего ты хочешь?

- Я хочу, чтобы ты сделала то, что ты делаешь лучше всего. Хочу, чтобы ты кое-что украла.

Теза не позволяла себе проявлять эмоции.

- Лошадь?

- Мужчину.

Девушка опешила настолько, что даже раскрыла рот.

- Мужчину! Я конокрад, а не похититель людей! - вскричала она, подняв руки в защитном жесте. - Что ты от него хочешь?

- Он мне нужен, - кратко ответила ведьма.

- Но почему ты не заберешь его сама?

- Скажем так, тебе будет легче схватить его и притащить сюда.

Ведьма смолкла, а её серая маска почти затерялась в тени капюшона. Больше не добавив ни единого слова объяснений, она отошла к коню и ждала.

Теза со злостью выдохнула. Она дала слово сделать что угодно, но даже без этого отказать ведьме было равносильно самоубийству. И всё же в этом должна была быть выгода и для неё.

- Что мне делать? - уточнила девушка.

Ведьма подняла изящную руку. С коротким отзвуком рядом с воровкой сформировался столб красного света. Девушка отпрыгнула прочь в тот же момент, когда из колонны появился богато одетый человек, сразу же осадивший своего коня. Вежливо улыбнувшись, он кивнул ведьме.

Брови Тезы взлетели вверх. Она сразу же узнала этого человека, поскольку видела его вытянутое, смуглое лицо несколько раз за последние несколько десятков дней.

- Принц Ларик, - поприветствовала она, поклонившись всаднику. - Что вы здесь делаете?

Приятная улыбка благородного господина резко сменилась презрительной усмешкой.

В смехе ведьмы же присутствовали мягкие нотки триумфа.

- Он и вправду выглядит точь-в-точь как настоящий великий принц Тэльфламма, но это всего лишь его копия; наш гость любезно вызвался подменить

принца Ларика на время его визита ко мне, - голос ведьмы понизился до мурчания с хрипотцой. – Видишь ли, Ларик – мой возлюбленный.

Уже смеркалось, когда Теза, верхом на агишки, мчалась обратно в Иммильмар, в этот раз в более расслабленном темпе и в компании великого принца – или кто он там был.

В сотый раз она скользнула взглядом по этому человеку. Он определенно был привлекательным – в благородном, лощёном смысле этого слова – и выглядел абсолютно так же, как принц: высокий, стройный, с вытянутым лицом. Но кем же он являлся на самом деле?

Ведьма пожелала, чтобы Теза поменяла его местами с настоящим принцем на несколько дней, чтобы Ларик смог отправиться на свидание. Воровка знала, что иногда ведьмы ищут мужчин за пределами королевства для решения вопроса продолжения рода, и подобного рода осмотрительность была необходима, когда речь шла о женатом дворянине из союзного города – но зачем организовывать такую сложную схему с подменой, и зачем впутывать обычную девушку-конокрада, да ещё и для выполнения задания?

Теза не могла не думать, что члены могущественного ковена ведьм редко когда делали что-то по простым, чисто эгоистичным причинам. Они являлись той настоящей силой, что стояла за существованием Рашемена, и любой план или заклинание, которое они сотворяли, обычно основывались на нескольких слоях различных мотивов.

Девушка потрясла головой. В её распоряжении были тысячи вопросов, ни одного ответа и полностью безмолвный компаньон. От агишки тоже помощи не дождётся. Она была уверена, что ведьма послала коня, только чтобы тот присматривал за главной участницей. Но, несмотря на это, она была не против его общества. Теперь, когда жеребец не пытался её утопить, поездка превратилась в удовольствие. Он скакал по дороге так же мягко, как струится шёлк, а шкура под её руками казалась бархатом. Желание обладать конём росло в ней всё сильнее, пока, наконец, даже схемы осуществления подмены принца не растворились где-то на задворках разума. Она должна занять эту замечательную лошадь, кровь из носу и всё такое. Должен же быть способ контролировать животное, не боясь при этом закончить свои дни в качестве болтающейся на побережье Озера Эшен печени!

Теза размышляла над возможностями всю дорогу до границы леса Эшенвуд. Там она остановилась и поискала полое бревно, в котором ранее, этим утром, спрятала припасы. Пока фальшивый принц и агишки ждали, девушка копалась в мешках, выбирая то, что точно ей понадобится.

Одновременно с этим девушка пыталась вспомнить всё, что она знала о лагере великого принца. Настоящий Ларик и его окружение на две декады расположились на окраине Иммильмара, пока сам принц проводил встречи с Аронгом и его советниками. Никто в городе не знал, что же они обсуждали, но, зная, насколько ограничены влияние и власть принца даже в его собственном городе, Теза сомневалась, что разговоры носили хоть сколько-нибудь содержательный характер.

И не то, чтобы ей было до них дело. Девушку больше интересовало, как ей самой нанести визит к делегации из Тэльфламма. Огромная стоянка Ларика являлась приятной сменой её привычной иммильмарской обстановки - со всеми этими

набитыми кошельками и большим количеством лошадей, чем то, за которым могли уследить конюхи. Она изучила схему лагеря, и даже нашла парочку стражников, которые могли бы оказать ей услугу-другую. Подобраться к просторному шатру принца Ларика представлялось не такой уж трудной задачей. Вызовом посложнее было избежать внимания почётной стражи Клыка, расставленной по периметру лагеря. Они знали Тезу слишком хорошо.

К счастью, у неё имелись несколько маскировок, которые те ещё не видели. Отойдя за агишки, девушка сняла тунику, в которой скрылась из города, и развязала специальную рубашку, которую она часто носила, будучи одетой как мужчина. Вместо них была натянута длинная, облегающая красная рубашка и белая блуза с низким вырезом, едва скрывавшим весьма весомое подтверждение истинной природы Тезы. Она выдернула несколько заколок - и густые каштановые волосы рассыпались по плечам.

Когда она вышла из-за водяного коня, самозванец приподнял изящную бровь:

- О, моя дорогая, ты прятала бабочку под всеми этими тряпками, - отметил он.

Теза недобро улыбнулась.

- Итак, ложный принц умеет говорить.

- Когда есть повод, - парировал тот и махнул длинной, наманикюренной ручкой на заходящее солнце. - Скоро будешь готова?

Вместо ответа девушка пристегнула маленькую походную сумку к ремню, сложила снятую одежду в другую и одним движением вложила новый кинжал в декоративные ножны на поясе. Вскоре они снова мчались к Иммильмару в сгущающейся темноте.

- Весьма великодушно с твоей стороны выделить пару деньков твоего времени, чтобы сыграть в эту игру ради твоего друга, - нарочито беззаботно заметила Теза.

Слабая улыбка скользнула по губам ехавшего позади человека.

- Да, - согласился он. - Ради друга.

- Но скажи мне, - продолжала она тем же наполовину скучающим, наполовину вкрадчивым тоном. - Кто ты на самом деле?

Улыбка расширилась до самодовольной ухмылки, придавшей лицу самозванца жестокое выражение.

- Это не имеет значения.

Девушка согласно кивнула.

- Полагаю, так. Но меня съедает любопытство. Поскольку я, несмотря ни на что, должна доставить тебя на место, как может повредить то, что ты раскроешь мне свою истинную сущность?

- Возможно, ты права, - хмыкнул мужчина. Что-то в его голосе заставило воровку повернуть голову, и она увидела, как очертания фигуры принца начинают размываться. В высоту он уменьшился вдвое; конечности превратились в скрюченные бесформенные коряги. Тонкие черты благородного лица теперь стали мясистыми буграми, прилепившимися к лысой, кривой голове.

Стоило Тезе кинуть испуганный взгляд на неуклюжее создание с бугристой, словно покрытой застарелой плесенью кожей - и даже её закалённый желудок задргался.

- Богган, - прошептала девушка. Богганы являлись одним из наиболее отвратительных видов гоблинов, населяющих подземный мир Фаэруна – злобные, хитрые создания, способные по собственному желанию менять свою внешность. Теза даже не подозревала, что ведьмы имеют дела с ними. Хотя после встречи с агишки, ей не следовало так удивляться. Похоже, этой конкретной ведьме нравились малоприятные создания.

Ещё раз усмехнувшись, богган вернулся в обличье принца.

- Сама попросила, - съязвил он.

Более, чем удовлетворив своё любопытство, воровка прикусила губу. Всё, что она теперь хотела сделать – доставить этого боггана в лагерь и осуществить подмену. А уж потом пусть с ним разбираются вассалы принца!

После этого Теза и её спутник ехали молча. Вскоре они завершили короткую поездку до Иммильмара и забрались на гребень горы, с которой открывался отличный вид на всю стоянку великого принца. Палатки, фургоны с провизией и загоны с лошадьми, словно своеобразная деревня, раскинулись у подножья горы. А дальше на севере, точно чёрный бастион на фоне ночного неба, высился массивный дворец Аронга. На западе же поджидали шепчущие просторы глубин Озера Эшен.

- Не уходи далеко, - сказала девушка агишки, спрыгнув с его спины.

Чёрный конь повернул голову к озеру и нетерпеливо забил копытом. Богган ухмыльнулся.

- Он и не уйдёт. До тех пор, пока гиппоман у неё.

Тезе понадобилась каждая крупица самоконтроля для того, чтобы никак не отреагировать на это замечание, не выдать всколыхнувшегося внутри возбуждения. Гиппоман? Так это то, что позволит подчинить агишки? Её рука незаметно скользнула к сумкам, а точнее, к маленькому мешочку с драгоценностями, который она всегда носила с собой. Внутри лежала хрустальная чаша с тёмно-коричневым, высушенным куском плоти, срезанной со лба новорождённого жеребёнка. Она украдала его давным-давно, и все эти годы носила с собой в надежде, что рано или поздно представится возможность использовать его могучие приворотные чары. Возможно, как раз это и был её шанс. Возможно, агишки можно заманить её собственным кусочком магии.

Девушка быстро глянула на изучающего лагерь боггана. Тихо, настолько тихо, насколько могла, она вытащила чашу из сумки и сняла крышку. Маленький сушёный предмет упал ей на руку.

Гиппоман пах слабо, но ощутимо терпко. Ноздри агишки затрепетали, а глаза засветились зелёным. Теза помяла предмет в ладонях, затем протянула руку водяному коню. Он шагнул к ней.

- Вот так, - шептала она. – Запомни этот запах, дружище. Если будет подходящий случай, ты последуешь за мной?

Агишки мотнул головой вверх-вниз.

Теза не была уверена, понял ли зверь её слова, подчинится ли он силе её гиппомана, но, похоже, чары оказали на него какой-то эффект. Чтобы заклинание действовало вечно, ей нужно проглотить гиппоман в присутствии агишки, но даже тогда нельзя будет точно сказать, что её магия окажется достаточно сильной, чтобы разрушить заклятье ведьмы. В случае, если придётся испытывать её собственный

артефакт, воровка могла только надеяться, что он сработает. Вздохнув, она убрала предмет на место и запихнула чашу обратно в сумку. Подняв взгляд, девушка обнаружила, что богган смотрит на неё, широко улыбаясь.

- Приглянулась зверюга, да? - спросил он.

Теза лишь пожала плечами. Как она могла объяснить желание обладать этим конем? Он был смертельно опасен, но уникален и фантастически красив.

- Если потеряешь бдительность, он может убить тебя, - предупредил богган.

- Знаю. То же сделает и ведьма, если поймет, что я пытаюсь украсть её агишки.

Ложный принц хмыкнул.

- И то правда. Но ты мне нравишься. Хитрая, жадная и такая же интересная, как это животное. Поэтому подумай вот над чем. У ведьмы полно других полезных питомцев. Одним больше, одним меньше - это её даже не озаботит.

Девушка перевела взгляд с мужчины на лошадь и обратно. Было глупо рисковать своей шкурой по одному лишь предположению боггана. И всё же, если он прав, у неё есть шанс заполучить агишки - ценнейшую награду всей её жизни.

Теза припрятала его слова к остальным своим надеждам и переключилась на работу перед ней. Луна уже поднималась над восточными холмами; ведьма ждала своего принца.

С богганом на хвосте, воровка прокладывала путь вниз по склону, к южной оконечности тэльфламмийского лагеря.

Большие груды коробок, сумок, припасов, цепочки повозок, палатки слуг и прочего следовавшего за караваном сброда - всё это обозначило начало стихийного сообщества, собравшегося из-за визита принца. Каждый вечер солдаты, наёмники, торгошники, воры, проститутки и простые горожане собирались в этой части лагеря - для удовольствий или же по делу. Теза по своему опыту знала, что затесаться в толпу будет проще простого.

Но сперва, однако, ей предстояло пробраться мимо двух стражников Клыка, стоявших по бокам ведущей в лагерь дороги. Если они её узнают, то несомненно захотят задержать - за то небольшое дельце с украденным жеребцом железного лорда.

И будет лучше, если они также не увидят и фальшивого принца. Повернувшись к боггану, она обнаружила себя стоящей лицом к лицу с незнакомцем. Её рука рванулась к кинжалу, но прежде девушка успела вытащить оружие, странный человек оскалился. Богган уже понял их проблему и изменил свою внешность.

- Преследуй меня, - коротко бросила она перевертышу. Она приспустила блузу до плеч, и её ложбинка блеснула в лунном свете. Затем она выпрыгнула на дорогу и со смехом побежала к стражникам. Не замедляясь и не колеблясь, она проскочила мимо застывших от неожиданности стражников, хихикая и призывно размахивая сумкой - жест, адресованный бегущему за ней мужчине.

Стражники-рашми успели увидеть только вспышку белой рубашки, да эмблему Тэльфламма на бархатных одеждах дворянина, прежде чем Теза и её преследователь скрылись в толпе. Охранники лишь пожали плечами и продолжили бдительно нести свою стражу.

Оказавшись среди палаток, воровка быстро раздобыла флягу джуйлда, иммильмарского огненного вина, и всучила её боггану.

- Ты пьян и отлично проводишь время, - шепнула она ему, и тот поспешил последовать её подсказке.

Вскоре они уже следовали хаотичным путем, минуя освещённые места и радостных людей, направляясь к центру лагеря и палатке великого принца. Попутно Теза заимела ещё одну флягу с огненным вином, большой шмат её любимого съорлового сыра и кошель иммильмарского торговца, который она прицепила на широкий плетёный ремень, скрыв от посторонних глаз.

Как только они достигли внутреннего круга, богган зашел в тень и вновь превратился в Ларика. Теза взяла его за руку, и они вместе направились к кольцу тэльфламмильской почётной стражи, несшей дозор вокруг покоев принца. Один из стражников заметил приближающихся людей и подобрался.

- Ваше Высочество, - выдохнул он, - не знал, что Вы выходили.

- Я проголодался, - бодрым голосом отозвался тот, прежде чем Теза успела заговорить. Обняв девушку за талию, он душевно подмигнул солдату.

Взглянув на воровку, страж ухмыльнулся, затем поклонился, и ложный принц торопливо провёл их мимо.

- Вон туда, к большому золотистому шатру с флагами, - указала Теза. Её сердце бешено колотилось, впрочем, как и всегда, когда крупное дело близилось к завершению. Она чувствовала, как всю её охватывают всё нарастающие возбуждение и напряжение.

Они приблизились к тёмной и неподвижной палатке. Двое проходимцев почти достигли входа, когда Теза заметила королевского стража, стоявшего прямо у порога. Его тёмно-серое сюрко и кольчуга почти не выделялись на фоне ночных теней. Девушка сомневалась, что он разглядел их как следует, и её подозрения тут же подтвердились, когда раздался его грубый голос:

- Стоять! Принца нельзя беспокоить.

- О, но мы всё же побеспокоим, - рыкнул богган. Его рука сомкнулась на горле солдата. Даже не спотыкаясь, существо проскользнуло внутрь вместительной палатки, таща несчастного за шею.

Теза увидела выкатившиеся глаза и услышала хруст костей, потом человек обмяк. Богган беспечно отбросил труп в тёмный угол. Раздражённая случившимся, Теза поинтересовалась:

- Ну и как ты собираешься это объяснять?

Губы боггана растянулись в выражение злобного удовольствия и предвкушения.

- А мне не придётся. Я его сожру.

Девушка закатила глаза, выказывая отвращение. Ровно в этот же момент из отделения для сна в задней части палатки вышел человек в длинной одежде.

- Что происходит? Кто вы такие? - требовательно поинтересовался он.

Воровка обернулась к настоящему великому принцу Тэльфламма. Прежде чем тот успел вызвать стражу, она сунула ему маленький свиток.

- Всё там, Ваше Высочество.

Когда он развернул послание, серебряная руна в самом верху засветилась слабым светом, похожим на тот, что испускают звёзды.

- А! - выдохнул принц, и тень предвосхищения озарила его лицо. Прочитав свиток, он запихнул его в карман. - Буду готов через пару мгновений, - заверил он Тезу и бросился в свою спальню.

Женщина удивлённо подняла одну бровь. Никаких колебаний? Никаких вопросов? Никаких сомнений в том, чтобы оставить свою свиту и дела в руках похожего на него как две капли воды незнакомца? Что за опьянённый идиот. Так доверять ведьме, которой сама Теза не доверяла ни на грамм. Девушка потрясла головой. Неважно. Она доставит принца, выполнит свою часть сделки и уберётся подальше, прихватив всё, что сможет. Принц пусть разбирается со своими проблемами сам.

Пока богган приканчивал флягу с огненным напитком, Теза зашла за занавеску, чтобы вновь поменять свой облик. Охранники видели, что принц вошёл внутрь с женщиной. Скорее всего, они будут уверены в том, что парочка до сих пор здесь, и принца не побеспокоят до рассвета. Времени должно быть достаточно, чтобы она успела незаметно вывести добычу из лагеря и проделать большую часть пути обратно к ведьме.

Она торопливо скинула юбку, натянула обратно рубашку и тунику, и снова завязала волосы в узел на голове. А у мёртвого стражника как раз нашлось прошитое сюрко, пара отличных, в самый раз подошедших сапог, фетровая треуголка и несколько украшенных камнями колец, чтобы добавить всё это к её костюму. В завершении, она прицепила его короткий меч к поясу.

- Я готов, пора вы..., - принц зашёл, прервавшись на полуслове. – А где женщина? Теза залихватски поклонилась.

- Я здесь, Ваше Высочество.

Принц изумлённо вытаращился, затем презрительно поднял губу.

- Ну конечно. Высокая девушка – синие глаза, тёмные волосы, носит мужскую одежду. Ты – та самая Теза. Я многое слышал о тебе. За твою голову, дорогая, назначена награда.

Награда? Неприятный сюрприз. Однако Теза лишь ухмыльнулась ещё шире:

- Так что ты хочешь сделать? Забрать деньги или встретиться с возлюбленной?

Он обвёл рукой свою одежду – тёмные штаны, рубашку, плащ с капюшоном.

- Я последую за тобой, конокрад, как желает моя леди. Но потом лучше не позволяй мне вновь застать тебя в моём лагере.

- О, ты не застанешь... - едва слышно протянул богган.

Теза не удосужилась ответить ни одному из них. Развернувшись спиной к гоблиноиду, она повела принца к дальней стенке тента, и они выскользнули через небольшой задний выход. А дальше пробраться через лагерь было просто – всего лишь притвориться увлечёнными беседой друг с другом. Стража Клыка едва взглянула на них, когда пара пробрела мимо.

Как только Теза со спутником оказалась за пределами видимости стражников, она повернула на юг, и окружным путём провела принца обратно на высокую гряду над лагерем. Агишки, вместе с гнедым жеребцом, по-прежнему ждал там, но девушка сразу же заметила, что конь кое-что провернул. Его шкура была мокрой, а морда – забрызгана кровью.

Воровка подавила дрожь, понимая, что потоки и её крови могли украсить его чёрный нос. Чтобы скрыть своё беспокойство, она начисто вытерла ноздри животного плащом стражника и выбросила его в кусты.

- Мог бы и почиститься, когда закончил, - сказала Теза, похлопав коня по атласной щеке. Чувствуя свою сумку, ощущая твёрдость ёмкости с необычным содержимым, она успокоилась. Быстро улыбнувшись, девушка запрыгнула на спину агишки.

Теза и принц стремглав мчались сквозь ночь назад, к высоким утёсам между Озером Эшен и одноимённым лесом. Вскоре после восхода они добрались до незаметной тропки, ведущей наверх, к нависающим над озером скалам.

Девушка спрыгнула с агишки и оставила лошадей на привязи в тени небольшой рощицы, в то время как принц жадно заторопился по дорожке, стремясь скорее найти свою любовь. Теза раздумывала, стоит ли следовать за ним. Ведь сейчас был отличный момент для того, чтобы исчезнуть до того, как ведьма придумает ей ещё какую-нибудь работу. Но в конце концов любопытство победило. Теза не могла противиться соблазну посмотреть на свидание ведьмы и принца. Может быть, ей удастся выяснить, стоит ли за всей этой историей что-то, кроме любви.

Неслышно она поднялась по каменистой тропе, петляющей между каменными стенами, и забралась на выходящую на озеро площадку. Стоящая спиной к воровке ведьма находилась в опасной близости от края обрыва, при этом крепко обнимая принца Ларика. Тот обхватил руками лицо женщины и слился с ней в страстном поцелуе. Серая маска болталась в левой руке ведьмы.

Теза уловила черты чарующе красивого лица, когда внезапно ведьма расторгла объятия. Отойдя от Ларика, она подняла правую руку и направила палец прямо принцу в грудь.

Выражение вожделения на лице Ларика сменилось нерешительностью. Он двинулся было к ведьме, но та засмеялась холодным, жестоким смехом, заставившим Тезу поёжиться, а принца - остановиться в смятении.

Изумрудно-зеленый шар энергии вырвался из пальца колдуньи. Магический снаряд врезался Ларику в живот, отправив его отступить назад.

- Нет! - вскрикнула девушка прежде, чем успела подумать.

Принц задержался на краю, вопя от ужаса, но было уже слишком поздно. Нога соскользнула, и он сорвался со скалы. Его полный агонии крик отражался от каменных стен, пока, наконец, внезапно не прервался. Теза, открыв рот, уставилась на одетую в чёрное фигуру, спокойно застывшую на краю обрыва.

Утро было тихим - ни ветра, ни пения птиц. Наступающая жара уже разметала последние кусочки прохладных рассветных теней, а солнце заливало светом холодные и темные воды озера. Тишина сгустилась вокруг уступа, став почти осязаемой. В голове Тезы металась тысяча вопросов, пока она, наконец, не смогла больше выносить этого молчания.

- Ты его вообще любила? - гневно потребовала она объяснений.

Ведьма уже успела надеть маску обратно; когда она повернулась, красивое лицо было спрятано за безликой серой тканью.

- Да, - ответила она, - и я выношу его дитя.

Теза была поражена.

- Но почему? - вскричала она. - Зачем было отсылать меня на эту глупую охоту за дураками? Зачем менять Ларика местами с богганом?

Ведьма смотрела на воровку, беспристрастная и неподвижная, точно окружающий её камень. Затем она запрокинула голову - и рассмеялась, тёплым смехом восторга.

- Бедняжка Теза. Я сыграла с тобой злую шутку. Сначала притащила сюда на спине агишки, потом сделала соучастником похищения и убийства. Полагаю, я могу кое-что объяснить.

Девушка могла бы рассмеяться за компанию, если бы не была так напугана словами *похищение* и *убийство*. Одно дело воровство, но за эти преступления в Рашемене полагалась смертная казнь через парочку неприглядных способов. Даже если кто-нибудь поверит в её рассказ о боггане, притворяющемся принцем, и о ведьме, столкнувшей Его настоящее Высочество со скалы, никто не будет разбираться в том, какую роль сыграла она - ведь она обычный вор. Теза с трудом сглотнула и попыталась слушать дальше.

- Принц Ларик был идиотом. Мужественным красавчиком, который правил портом, контролирующим Золотой Путь, один из богатейших торговых маршрутов на всём Фаэруне - но тем не менее идиотом, - она указала на озеро, на волнах которого теперь колыхалось тело Ларика. - Они - вместе со своим отцом - позволили мощи и величию Тэльфламма перейти в руки торгового совета и гильдий, проводивших время в изучении лишь *своих* прибылей и вечно грызущихся с городами Теска. В результате их некомпетентности и недавнего нашествия Туйганской Орды всё восточное побережье Внутреннего Моря в полной разрухе. Нужен был кто-то с твёрдой рукой, чтобы вернуть города-государства, подобные Тэльфламму, под контроль.

- Кто-то, кому можно доверить расширять влияние и защищать интересы Рашемена и ведьм, - ядовито отметила Теза. Её глаза сузились. Этот план звучал непохоже на обычные методы прячущегося за масками братства ведьм. У них всё же имелись какие-никакие моральные ограничения и честь. Эта же молодая ведьмочка вела себя больше как беспринципный изгой.

- Само собой разумеется, - продолжала она, - богган хитёр, безжалостен и полностью мне подконтролен. Совсем скоро он прижмёт тэльфламмийских торговцев, и Рашемен распространит своё влияние по всему Золотому Пути и Внутреннему Моря.

- И я полагаю, ты даже добила того, чтобы сам Железный Лорд пригласил Ларика в Иммильмар, чтобы ты смогла к нему подобраться.

Ведьма утвердительно кивнула.

- Аронг уважает Ларика не больше, чем я.

- Неплохо, - девушка на секунду смолкла. - И в какое положение это всё ставит меня?

- Ты вольна идти куда хочешь. Твоя помощь была неоценимой.

- Надо думать, - буркнула себе под нос Теза. Девушка понимала *приказ* уйти, когда слышала его, и также понимала, что мало что с этим может поделать. Её использовали и отбросили прочь, и после этого, ради её собственной же безопасности, она не может никому об этом рассказать. Если эта ведьма -

отступница, то она не остановится ни перед чем, чтобы выследить Тезу и уничтожить.

Засунув руку в свою маленькую сумку, ощупывая лежащую внутри чашу, воровка побрела вниз, к рощице. Смех ведьмы следовал за ней, даже когда та скрылась из виду.

Колдунья последний раз взглянула на озеро под ногами и на всё ещё болтающийся в воде труп. Нужно, чтобы агишки помог ей избавиться от тела. Не дело это – оставлять очевидные улики, связанные с убийством. Женщина свистнула, подзывая водяного коня.

Отклика не было.

Она свистнула снова, громче и резче, с явным раздражением. Тропа оставалась пустой; не было ни малейшего следа зверя.

Наконец ведьма подхватила в охапку свои одеяния и сердито помчалась вниз по дороге к небольшой роще. Лишь одна лошадь оставалась привязана к деревцу – гнедой скакун, на котором богган добирался до лагеря Ларика.

Что-то небольшое блеснуло в траве под ногами колдуньи. Склонившись, она подобрала предмет - и удивлённо уставилась на пустую хрустальную чашу. Слабый, но всё же различимый запах достиг её носа. Гиппоман.

Её глаза, скрытые за маской, расширились, и женщина издала одобрительный смешок.

Теза заполучила своего агишки.

- Отпусти её, - сказала ведьма сама себе и отбросила ёмкость прочь. Воровка из Иммильмара заслужила свою награду.

СМЕХ В ЯЗЫКАХ ПЛАМЕНИ

Джеймс Лоудер

Спросите любого члена Общества Авантюристов Бравворт про его дом - не то место, куда он вешает свой шлем в перерыве между экспедициями, но то, где он чувствует себя в покое и безопасности - и ответ всегда будет один: библиотека штаб-квартиры общества в Сюэйле.

В этой огромной комнате выставлена на обозрение тысяча лет истории Браввортов, как напоминание искателям-участникам клуба об их ведущем вкладе в развитие цивилизации. Похожие на башни книжные шкафы заканчивались где-то высоко над головой. Обнятые тёмной древесиной, словно колыбелью, спали на них путеводные записи, обитые всеми типами кожи, какие только можно представить, и тома на языках всего мира - и среди них немалая часть считавшимися потерянными для людей, эльфов и dwarфов. Читателям, не склонным карабкаться по высоким и

узким лестницам, книги доставляли крылатые обезьяны. А когда эти редкие зверушки выполняли свою воздушную миссию, лёгкий трепет их крыльев заставлял массивную люстру качаться. Когда они пролетали рядом, магические вечногорящие свечи из Халруаа моргали, словно мириады радостно светящихся глаз.

Оставшееся пространство стены заполняли трофеи. Расколотые щиты и мечи с потёками крови, добытые с полей дальних сражений, соседствовали с полковыми знамёнами дюжин победоносных армий. Внутри шкафов из тикового дерева со стеклянными витринами отливали золотом и серебром медали и памятные плашки; награды носили гербы каждого из когда-либо восседавших на троне Кормира монархов, и ещё больше двух десятков иностранных правителей. В одном из углов, не так далеко от самой большой груды медалей, угрожающе оскалившись, пристроилось чучело йети. Вокруг лохматого белого монстра были развешены рога перитонов и минотавров, горгон и квазитов. А самый значительный и впечатляющий трофей Браввортов - голова древнего красного дракона - горделиво обозревала помещение со своего почётного места над входом в библиотеку. Даже смерть не смогла стереть жестокость из его взгляда.

Дракон наблюдал сверху за постоянно меняющимся сборищем мужчин и женщин, горячо преследовавших единую цель – как следует отдохнуть. Бароны и генералы, исследователи и их высокопоставленные покровители составляли большую часть популяции клуба, но в стенах читальни можно было найти и несколько стремящихся к знаниям душ. Эти алчные ученики корпели над древними повестями в надежде раскопать какую-нибудь незначительную деталь, которая затем приведёт их к позабытой реликвии, или к их личному граалю, магическому мечу, например. Их молчаливые, важные раскопки иногда нарушали атмосферу благочинного покоя, царившую в клубе. «Книгворты» - вот как называл этих товарищей сэр Хэмнет Хоклин, тем не менее сам являвшийся автором многих работ, над которыми размышляли увлеченные молодые люди.

- Сейчас они должны быть где-то там, снаружи, создавать свои собственные карты, - бормотал этот уважаемый искатель приключений, отмеченной годами, но всё ещё твёрдой рукой поднимая бокал портвейна. Будучи сам картографом и исследователем, он нанёс на бумагу значительные части мира. Написанные им книги и созданные им карты занимали целых два шкафа в этой библиотеке. – В этом-то все проблемы с сопливыми занудами, - продолжал жаловаться сэр Хэмнет. – Слишком много времени проводят в своих книгах, ища короткие пути, когда на самом деле должны нырнуть в своё дело с головой и отыскать собственную дорогу.

Привлекательный молодой солдат, занявший соседнее, полностью – даже чересчур – оббитое кресло, выразил своё согласие.

- Именно, - сказал капитан Гарет Трюсильвер, подбирая слова так, чтобы мастерски балансировать между энтузиазмом и вежливой сдержанностью. – То, что они что-то откроют, кажется мне настолько же маловероятным, как и то, что они смогут поймать спящего хорька.

- Да, - буркнул сэр Хэмнет. – Маленькие засранцы.

Последний эпитет предназначался и Книгвортам, и хорькам. Последних почтенный картограф ненавидел ещё со времён той экспедиции к Холму Потерянных Душ. Зверёк, который послужил основой для такой неувядающей

ненависти, оказался особенно здоровым и злобным представителем своего вида. Согласно двадцать третьему журналу сэра Хэмнета, животное сожрало запасы провизии, а также невероятно детализированную карту холма и окрестностей, сделанную благородным путешественником. А пытаясь разделаться с лаской, компаньоны Хэмнета подняли такой шум, что племя местных гоблинов вмиг узнало об их присутствии. В последовавшем сражении выжил лишь сэр Хэмнет. И это был не первый и не последний раз, когда, согласно его докладам, его непревзойдённое владение мечом сохранило ему жизнь.

Капитан Трюсильвер знал эту историю, ведь он был весьма близко знаком со всеми записями своего наставника. Упоминание самого мерзкого из животных было преднамеренным – добродушная уловка, призванная разжечь огонь внутри старого путешественника. В последние несколько десятков дней сэром Хэмнетом завладел страх. Всё чаще и чаще проведённые более молодыми искателями приключений исследования заслоняли собой его собственные работы. Иногда, как в случае с недавним сборником описаний Чульта от Артуса Цимбера, книги выскочек использовали произведения картографа как основные источники.

- Даже если вся эта свора сию же секунду выбежит из библиотеки, их исследования все равно будут зависеть от *ваших* карт, сэр Хэмнет, - великодушно успокоил капитан Трюсильвер. Приняв полную достоинства позу – что было легко, учитывая его атлетичное сложение – он с искренним восхищением смотрел на пожилого аристократа.

Хоклин проглотил остатки вина.

- Настоящая романтика заключается в том, чтобы составлять описание земель, не исхоженных вдоль и поперёк современными людьми, - ответил он; его щеки покраснели от портвейна и от обсуждаемой темы. – Только всякий сброд следует исключительно картам.

- Да, или туристы, - добавил солдат. В его устах это слово являлось ругательством.

- Славу приносят исследования, а не создание каталогов с названиями улиц Калимшана или подсчитывание количества слов, которыми бедуины называют «песок», - картограф сделал паузу и вытянул опустевший бокал в сторону. – Утер!

Дворецкий возник рядом с сэром Хэмнетом ещё до того, как его имя окончательно покинуло язык старого путешественника. Он идеально подходил своей должности в этом необычном клубе, сам по себе являясь возмутительно экзотичным. Неудачное заклинание, сотворённое в Смутное Время, придало ему примечательное сходство с обитателем Гадеса – высоким, мускулистым и с кожей того закоптело-жадного оттенка багрового, который можно увидеть только в пламени горящей церкви. Пара великолепных загнутых рогов, венчавших его голову, могла составить конкуренцию любому из трофеев, что висели на стене читальни.

- Да, сэр Хэмнет? – мягко произнёс Утер, подняв резной хрустальный графин кривыми, заканчивающимися чёрными когтями пальцами. – Налить ещё бокальчик порто?

- Нет, я держу свой бокал только для того, чтобы поймать слюни очередного слабоумного, решившего прошаркать мимо, - холодно отозвался Хоклин.

Утер склонил рогатую голову.

- Мой вопрос был излишен, - заметил он, но на его демоническом лице не отражались никакие эмоции. - Я позабыл, что Ваше Лордство предпочитает не тратить слов на прислугу, - и он почтительно наполнил стакан благородного господина.

- Так о чём я? – сэр Хэмнет побарабанил пальцами по обитой ручке кресла. – Ах, да. Бедуины. Это солнце делает их дикими и обманчивыми. И неудивительно, ведь они днями напролёт бродят по Анауроку.

Сэр Хэмнет остановился, чтобы хлебнуть вина, как будто одно лишь упоминание великой пустыни иссушило его горло. Но не успел он опустить бокал, как внезапно черты его лица исказились, словно от боли. Со стоном отвращения Хоклин выплюнул напиток.

- Утер, ты, недочеловек! Что это за помои?

Все головы повернулись на эту вспышку, и шепоток приглушённых предположений скользнул по комнате. Утер ошетинился было при столь нежелательном внимании, но сохранил свои мысли скрытыми под маской неземного спокойствия.

- Я наполнил ваш бокал тем же тетирским урожаем, что вы пили весь день, милорд, - чистосердечно отозвался дворецкий. - Если вы желаете чего-то другого...

- Тупица, - прорычал знатный старик. - Я могу отличить добрый тетирский портвейн от этого содержимого ночного горшка, - он сплюнул сгусток багровой слюны на ковер работы Шу, у своих ног. - Ты подменил хороший напиток отходами прислуги, да?

Утер нахмурился, и кончик одного из клыков налез на нижнюю губу.

- Это очень тяжёлое обвинение, милорд. Уверяю, я никогда не сделал бы подобного. Я ценю своё положение здесь слишком высоко, чтобы даже помыслить о таком.

Сэр Хэмнет вскочил со своего кресла, оказавшись лицом-к-груди с монстроподобным слугой.

- Если я сказал, что ты это сделал, значит, ты это сделал! Как ты смеешь сомневаться в моих словах! – он потянулся за рапирой, обычно во время экспедиций висевшей на поясе, но пальцы сомкнулись на пустом месте. – Тебе повезло, что я оставил свой клинок в комнате, ты, наглый громила, или я спустил бы с тебя слой-другой кожи – просто в качестве напоминания.

- Напоминания мне не нужны, сэр Хэмнет, - ответил Утер, голосом, в котором было столько же жизни, что и в йети в углу. – Вы донесли свою точку зрения крайне доходчиво. Более того, если вы оглянетесь, то, думаю, поймёте, что вы объяснили всем присутствующим, что я превысил свои полномочия.

Сэр Хэмнет Хоклин обвёл глазами притихшее помещение. Он совсем не был удивлён, увидев, что более чем несколько человек кивают головами, выражая поддержку.

С плавностью, мало чем отличающейся от присущей предательским зверькам, которых он так ненавидел, картограф развернулся и триумфально швырнул бокал в камин. Секунду осколки мерцали, словно звёзды, на фоне закопчённого устья каминной трубы. Затем залитые вином кусочки осыпались на пылающие дрова.

Огонь сердито зашипел – звук, похожий на тот, что издаёт наконечник меча, царапающий камень.

- Я прослежу, чтобы до утра тебя вышвырнули из клуба, заставив пресмыкаться перед Променадом, - пообещал сэр Хэмнет. Он встретил немигающий взгляд дворецкого и смолк, втайне надеясь, что тот ответит.

Напряжённая, неуютная тишина свалилась на читальню, нарушаемая только шипением огня. И только Гарет Трюсильвер был тем, кто, наконец, её нарушил. Небольшая частичка его жалела Утера, но по большей части он боялся, что продолжение издевательств над лакеем заклеят старого исследователя как жестокого человека.

Капитан взял аристократа под руку и усадил обратно в кресло.

- Вы хорошо отчитали Утера, даже Боги с этим согласятся, - громко отметил Трюсильвер. – Такое сильное шипение огня – это отголосок смеха Лииры. Нашу Леди Радости весьма забавляет, когда кого-то выставляют дураком – а именно им вы и выставили Утера. Никто здесь не будет это даже обсуждать.

Получив подсказку от капитана, посетители клуба тихо выразили сэру Хэмнету слова поддержки, прежде чем вернуться к своим напитками и игре в шахматы. Но исследователя нельзя было утихомирить так просто. Он отстранился от Трюсильвера и сварливо возразил:

- Эта история – вранье. Малодушная чепуха, чьё назначение – помочь крестьянам спать крепче ночью. Мир – намного более мерзкое место.

- Каждый раз, когда огонь трещит, - начал Хэмнет, устроившись в удобных объятиях своего кресла, - значит, что чей-то дух сломался. Шипение – удовлетворённый вздох Цирика, который тащит обречённую душу вниз, в Гадес, в свой Костяной Замок.

- Этого нет в ваших записях, - отметил капитан Трюсильвер, привычно облокотившись на ручку кресла. – Вы должны доверить это бумаге – может, как приложение к вашему эссе об известных магических воротах в Королевство Мёртвых.

- Я никогда не записываю то, что не могу доказать, - высокомерно возразил сэр Хэмнет. – И хотя у меня есть все причины верить в достоверность этой истории, мне пришлось бы поговорить с самим Цириком, чтобы её подтвердить, - смерив Трюсильвера ледяным взглядом, старик добавил: - Это было бы отличным заданием, для тебя, Гарет. С окончания Битвы Золотого Пути прошло уже много времени. Нельзя всё время жить былыми победами.

Со своего места, где он ползал на коленях, оттирая пятна вина с ковра, подал голос Утер, прочистив горло:

- С вашего позволения, милорд, могу ли я кое-что предложить?

Сэр Хэмнет глянул вниз на стоявшего на четвереньках дворецкого. Полное отсутствие вызова в его нечеловеческих глазах смягчило сердце старика.

- Да. Продолжай.

- Если вы решитесь на эту вылазку в царство Цирика, я... я смогу предоставить некоторые детали безопасного пути, не занесённого в журналы общества.

Исказив красивые черты, на лицо Трюсильвера набежало изумление - как облако, заслоняющее солнце.

- Если это шутка, то очень неудачная. После этой небольшой перепалки, я уж подумал...

- О, нет, я не насмехаюсь над вами, милорды, - дворецкий провёл взглядом слева направо, убеждаясь, что никто не подслушивает. - Понимаете, периодически обитатели Гадеса отправляются в миры смертных, притворяясь людьми. Некоторые принимают меня за одного из своих - такого же последователя Цирика, заточённого здесь по воле какого-то колдуна.

Он жестом показал на свою внешность.

- Это - результат обычной ошибки, благодаря которому демоны предлагают мне дружбу и поддержку. Меня до сих пор трясёт от тех вещей, о которых они рассказывали в приступе излишней общительности.

Сэр Хэмнет неуютно заёрзал в своём кресле, однако капитан Трюсильвер при этих словах вскочил на ноги.

- И ты можешь помочь нам безопасно добраться до Гадеса? - пораженно выдохнул солдат.

- Я поделюсь этим знанием, хоть и не без колебаний, милорды. Ведь путь ведёт к самому Цирику.

- Кто-то обдурил тебя, Утер, - вмешался сэр Хэмнет. - Я добавил в каталоги все известные способы, которыми смертные могут добраться до Города Раздоров. И все они слишком хорошо охраняются обитателями этого плана; лишь самые безрассудные захотят ими воспользоваться.

- Демоны рассказали, что этой дорогой ходят не герои, а простой народ, - возразил Утер. - Неудивительно, что его существование осталось в тайне от таких выдающихся личностей, как вы.

Сэр Хэмнет лишь махнул на это рукой.

- Если бы следующие рассказы были хоть чуточку правдивы, я бы сам отправился по этой дороге. Но в них нет ни крупицы правды. Так вот, говорят, вознёсшись и став частью божественного пантеона, Цирик пообещал, что любая живая душа, осмелившаяся преодолеть путь до Гадеса, получит аудиенцию у него и безопасный проход обратно к дневному свету, когда встреча будет закончена.

- И это обещание стало смертельным искушением, приведшим многих ищущих приключения глупцов к их гибели, - пожилой авантюрист насмешливо хмыкнул. - Цирик расставил посты демонов вдоль всех дорог, ведущих в его домен, и никто не смог обойти их. Вряд ли бы он оставил один из путей без охраны, особенно доступный «простому народу».

- Но что, если Утер прав? - не унимался Трюсильвер. - И нам не придётся сталкиваться с обитателями плана, с ловушками и с бесконечной дорогой через равнины Фугу. И тогда, связанный собственным же договором, Цирик примет нас у себя! Никакие писульки Книгвортов никогда не сравнятся с тем трудом, что станет результатом этой встречи.

- Трата времени, - отрезал сэр Хэмнет.

- Если вы считаете мой рассказ лживым, то я прошу прощения за ваше потраченное драгоценное время, - Утер торопливо собрал свои тряпки и щётки. - Я упомянул про этот способ лишь в качестве извинения за свою дерзость. Просто

надеялся, что эта информация поможет вам закрепить то уважение, которого вы заслуживаете со стороны ваших соратников, и смягчит ваше желание меня уволить.

Громадный дворецкий поднялся, возвышаясь и над солдатом, и над аристократом.

- Однако, если вы не уверены только потому, что думаете я неискренен, как насчёт такого предложения: если вы отыщите этот путь, но он окажется неверным, вы накажете меня в соответствии с затраченными на поиски усилиями. Если же дорога верна, но охраняется кем-либо из чудовищных миньонов Цирика, вы накажете меня в соответствии с риском, которому подверглись.

- Легко дать такое обещание, зная, что мы можем не вернуться.

- Если кто-то из вас не вернётся, я сознаюсь в умышленном убийстве и понесу законное наказание - обезглавливание, если не ошибаюсь - без суда, - сказал Утер. - Можем записать это, прежде чем вы отправитесь.

- Вот как, - выдал капитан Трюсильвер, улыбаясь. - Несомненно, Утер не стал бы предлагать свою жизнь, если бы думал, что нам грозит хотя бы малейшая опасность. А если эта дорога в Гадес окажется пустышкой, мы сможем его побить палками, а потом уволить. Клуб избавится от него, да и к лучшему.

Сэр Хэмнет ссутулился в своём кресле, пытаясь подобрать подходящий ответ, найти возможность избежать столь внезапно возникшего, нежелательного вызова.

Спустя пару секунд Трюсильвер склонился ближе. Красивый молодой солдат говорил мягко, тщательно подбирая каждое слово. По напряжению в его голосе было понятно, какую сильную боль причиняют ему его же слова.

- Я... Я понимаю, если вы не чувствуете себя достаточно, эм, *здоровым* чтобы пойти с нами. Вы уже не так молоды... То есть, возможно, клубный доктор мог бы...

Разочарование в глазах капитана было кинжалом, а таившееся в запинающихся речах едва прикрытое обвинение в трусости - ядом, покрывающим клинок. Вместе они вцепились в гордость старика, мучительной волной сотряса его до основания души. Исследователь почувствовал, как его щёки краснеют от гнева.

- Статуя сэра Хэмнета Хоклина слишком давно стоит в Зале Достойных, - процедил он, сверкая полными вызова глазами. - Я пошлю человека за моим мечом и походным плащом. Отправляемся в Гадес сегодня ночью.

Капитан Трюсильвер не ожидал, что он начнёт поездку в Город Раздоров вот так - захихнутым в шикарный, грохочущий по затянутым туманом задворкам полуночного Сюзэйла экипаж сэра Хэмнета вместе с благородным исследователем и Утером. Обдумав несоответствие пункта их назначения и совершенно обыденный способ путешествия, он смог только покачать головой. Капитан был свидетелем нескольких поразительных событий на полях сражений за время Туйганской кампании, и многие из них неожиданно развивались из таких же не располагающих к великому начинаний.

- Таверна называется «Разбитое Зеркало», - объяснял Утер со своего места на полу. Сэр Хэмнет настоял на том, чтобы слуга занял такое неудобное положение, дабы его рога не изорвали обитый потолок кареты. - На вывеске перед ним...

- Нарисовано разбитое зеркало. Ты повторил это дважды, Утер, - сэр Хэмнет театрально подавил зевок. - Это не так уж и сложно. Заходим в таверну и просим дать «взглянуть по ту сторону зеркала».

Дворецкий нахмурился, скривив кожистые губы.

- Может, демоны и не охраняют это место, но могут быть и другие опасности. Я всего лишь хочу убедиться в вашей безопасности...

- В *своей* безопасности, - поправил картограф.

- Меня совсем не волнует, если он считает, что его болтовня убережёт его голову, - отметил капитан Трюсильвер, перевернув в руках вложенный в ножны меч. - Это его маменькины предупреждения о разбойниках и пьяных забияках - вот что меня раздражает. В своё время мне приходилось преследовать одного-двух воришек. И ещё ты не можешь участвовать в военной кампании и не повидать тёмную изнанку этого мира. А Сюзэйл раза в два цивилизованней, чем любая из тех дыр, куда нас отправляли во время Туйганской войны.

- То, что вы найдёте в «Разбитом Зеркале», не имеет ничего общего с цивилизацией, - зловеще предупредил Утер, когда экипаж с грохотом остановился. Глубоко и успокаивающе вдохнув, дворецкий открыл дверь и выскользнул наружу.

Карета остановилась на пересечении улицы и незамощённой аллеи. Единственным источником света служили развешанные по окнам близлежащих убогих лачуг фонари. Обёрнутые вокруг них шёлковые шарфы окрашивали свет в красный. Это кровавое сияние придавало вихрящемуся туману - ближе к докам ещё более уплотнившемуся - жуткий, неестественный оттенок. Мрачная пелена скручивалась в плотные формы и казалась бестелесными духами, истекающими кровью в свете фонарей. Время от времени пронзительно кричащие где-то над головой чайки придавали этим призрачным фантомам голоса.

Сэр Хэмнет выбрался из кареты как раз когда один из таких траурных воплей эхом звучал в ночи.

- Единственная настоящая угроза здесь - подцепить какую-нибудь заразу, - капризно проворчал почтенный картограф, приняв хавшись к зловонному воздуху. - В Сюзэйле есть канализация. Эти дикари что, не умеют ей пользоваться?

Капитан Трюсильвер хмыкнул.

- Даже в стойлах войсковых лошадей пахнет приятнее. Возможно, им следует провести парочку лекций для местных. Ну, знаете, общественная работа.

Утер положил грубую корявую руку на плечо солдату.

- Пожалуйста, - мягко попросил он, - когда вы впервые вступили в ряды общества, ваш взгляд был достаточно незамутнённым, чтобы воспринимать меня не просто как монстра, а даже, скорее, как друга. Смотрите в оба сегодня, и вы увидите...

- Я смотрю достаточно внимательно, чтобы увидеть, как ты вновь переступаешь рамки своего положения! - прорычал Трюсильвер. Он ненавидел, когда ему напоминали о той отзывчивости, которую он показывал в отношении к слугам в первые месяцы пребывания Браввортом. Капитан похоронил эту часть своего прошлого, отрезал часть себя, став протеже сэра Хэмнета.

Трюсильвер стряхнул руку лакея и поправил плащ.

- Эта аллея ведёт к «Зеркалу», - ледяным тоном подвёл он итог. - Так?

- Да, - ответил Утер. Он кивнул кучеру и вернулся в карету. - Я уверен, что вам будет нетрудно его найти.

Члены общества Браввортов скорее слышали, нежели видели, как экипаж исчезает в тумане. Стаккато перестука копыт и скрип сбруи звучали всё тише, пока, наконец, не стихли окончательно. Чайки тоже смолкли, оставив двух мужчин стоять в кладбищенской тишине, обволакивающей перекрёсток.

- Держитесь ближе к центру, - тихо предупредил Трюсильвер, когда они начали двигаться по узкой, вонючей улочке. - Следите за дверьми. Я приглажу за верхними этажами.

Здания казались пустыми, но оба человека знали, что это не так. Погружённые в темноту коридоры вели в комнаты, где продавалось и покупалось всё, что угодно; в места, где можно было удовлетворить любое мерзкое желание, известное миру смертных. В этих хибарах не было дверей, и толстый слой покрывавшей аллею слякоти заползал внутрь, формируя всепроникающий ковёр из грязи. Крысы без опаски бегали между зданиями, хлюпая через месиво или перебираясь вплавь через широкие, заполненные чёрной маслянистой водой рытвины.

- Ступай осторожнее, - предостерег сэр Хэмнет, перескакивая особенно большую и омерзительную лужу. - В этой каше плавают такие вещи, которые ты потом никогда не ототрёшь от сапог.

Капитан Трюсильвер кивнул и отвел свой изучающий взгляд от окон и трухлявых балконов вторых этажей - на время, достаточное для того, чтобы преодолеть выбоину. Начав легко перешагивать через яму, он глянул вниз. На поверхности воды возникла рябь, затем что-то всплыло. Трюсильвер судорожно вздохнул. Это оказалось лицо, маленькое, бледное и с демонической улыбкой.

Тонкая рука взметнулась из грязи, сжимая шершавыми пальцами стилет.

- Засада! - вскричал капитан, когда нож вонзился в подошву сапога. Он кинулся вперёд, в грязь, на ходу ослабляя завязки и освобождая меч из ножен. Но прежде чем воин вытащил клинок, его враг сел, выбрался из мутной лужи и бросился наутёк. Ребёнок, не старше пяти. Запачканное лицо и пропитавшиеся водой тряпки, облепившие его ужасающе худое тело, свидетельствовали о том, что мелкий прохвост лежал на спине, погружившись в колдобину, достаточно долго.

- Смышлёный зверёныш. Нацелился на твоё серебро наверняка, - пробурчал сэр Хэмнет, протягивая руку помощи лежащему солдату. - Хорошо, что ты был достаточно проворен, иначе...

Остаток предложения умер, так и не покинув горла сэра Хэмнета; капитан не потянулся за протянутой рукой, да и вовсе не пошевелился. На его привлекательном лице застыло выражение сердитого потрясения. Он угрожающе протягивал меч к опустевшей рытвине. Другой рукой он вцепился в раненую ступню.

- Будь хорошим мальчиком и немедленно отойди от него, - сказал кто-то сиплым шёпотом. Безошибочно можно было сказать, что голос принадлежал женщине.

Сэр Хэмнет крутанулся и увидел, как высокая, вытянутая тень отделилась от дверного проёма и вышла на дорогу.

- Тебя за это повесят, - рывкнул аристократ, потянувшись за клинком.

- На вашем месте, милорд, я бы не обнажала оружие, - прошипел закутанный в туман силуэт. За предупреждением последовал стон гнилого дерева карниза откуда-то со второго этажа. Там, присев, расположилась другая размытая фигура. Она дёрнула запястьем, и легко узнаваемый звон спущенной тетивы полетел над аллеей. Сэр Хэмнет напрягся, ожидая удара стрелы.

- Всего лишь предупреждение, - успокоила шепчущая женщина. - Прежде чем твой меч покинет своё кожаное убежище, ты весь зарастёшь перьями, если понимаешь, о чём я. Крики приведут к той же участи, - она дважды свистнула, и громадная фигура, с ног до головы завёрнутая в чёрное, возникла из дверного проёма. - Твой приятель не мёртв - я больше не занимаюсь добиванием - но будет, если не позволишь нам перетащить его к нашему приятелю-волшебнику. Боюсь, мой парнишка доставил ему порцию неприятностей своим инструментом.

- Хочешь сказать, твой гадёныш отравил его? - нахмурился сэр Хэмнет, сразу помрачнев. - Теперь мне понятна твоя игра. Хочешь, чтобы мы заплатили этому магу за противоядие.

- Прстите, - вежливо попросил громила. Картограф бестолково молчал, поэтому человек просто отодвинул его. Здоровяк даже не прилагал усилий, но это движение заставило старика попятиться на полдюжины шагов.

- Пршу прощения, приятель. Нада перенести его прямо сейчас, и мы не можем позволить тебе вцепиться в него. Можешь поцарапать какую-нибудь особенную часть, которую волшебник очень сильно хчет.

Какую-нибудь *часть*? Только теперь весь ужас их положения прожёт свой путь в сознание сэра Хэмнета.

- Похитители тел! - выдавил он.

- Вежливое название - «воскресители», - поправила шепчущая. - И вам повезло, что мы из этих, а не кто-то более отчаянный. Видишь ли, нам нужен только твой друг. Ничего личного, просто за твои сушёные старые конечности маг, на которого мы работаем, не даст и медяка.

- Ну не знаю, - протянул бугай. - *Похитители тел* мне даже как-то нравится, - он вывернул меч из хватки капитана Трюсильвера и зашвырнул оружие на крышу. Даже не застонав от напряжения, он без труда поднял солдата из грязи.

- Деньги, - сказал сэр Хэмнет, роясь в кошельке. - У меня здесь двадцать пять золотых львов и... несколько серебряных фальконов. Можете забрать всё, если оставите нас в покое.

Похитители тел, все как один, рассмеялись - хрипящий, полный утробного веселья хор.

- Мы получим больше за одну только его ногу, - объяснила шепчущая тень. - Но если бросишь кошель к ногам, то купишь себе дюжину шагов обратно по улице.

- Д-дюжину? - запинаясь, переспросил сэр Хэмнет.

- Дюжину - прежде чем наш приятель, тот, у которого лук, решит попробовать всадить тебе в спину одно-два полуметровых древка, - пришёл мягкий ответ. - Твоя морщинистая задница, может, ничего и не стоит, но учебная мишень из неё получится отменная.

- Пджди, пока я отойду, - предупредил громила.

Но предупреждение оказалось излишним. Прежде чем черноробый грабитель быстро отступил на три шага назад, к своей безопасности, сэр Хэмнет бросил деньги и побежал.

Насмешки, не стрелы, полетели за ним, следуя за аристократом по узкой улочке. Но охваченный паникой разум подпитывался образами всевозможных ужасов, заставляя ноги работать и дальше. Туман хватал его за руки своими призрачными пальцами, а влажные, жадные челюсти толстого слоя грязи кусали за сапоги. Едва только воображение Хоклина поугасло, воспоминание с лицом капитана Трюсильвера вспышкой предстало перед его внутренним взором, разметав остальные мысли. Словно баюкаемый руками здоровяка, молодой солдат беспомощно, умоляюще уставился на сэра Хэмнета; ужас в глазах Трюсильвера прекрасно давал понять, что он представлял свою судьбу так же ясно, как и его похититель.

Сэр Хэмнет не раз падал, измазываясь в отбросах. Это не имело значения. Он заставлял себя подняться и мчался дальше, судорожно оглядывая тёмные развалюхи в поисках вероятного безопасного убежища.

Услышав радостные крики, беглец завернул за угол и оказался перед дверью таверны. Это здание было в не меньшей разрухе, чем соседние, но с ярко освещённым фасадом. Горящие факелы по обеим сторонам широкого входного проёма гнали мглу прочь, заставляя предметы отбрасывать густые тени поперёк улицы. Изнутри лилась беззаботная музыка – одновременно с запахами пролитого эля и пережаренного мяса.

Сэр Хэмнет вскарабкался на крыльцо как раз в тот момент, когда раздался очередной крик. Он заморгал, думая, что зрение размылось из-за долгого бега, но понял, что на самом деле это всё помещение затянуло едким дымом. Группы томных, расслабленных мужчин и женщин отдыхали, собравшись вокруг десятка или около того кальянов. Некоторые из присутствующих окинули старика мутным, незаинтересованным взглядом; большая же часть, казалось, совершенно не заметила появления нового клиента – настолько они были поглощены своей страстной погоней за забвением.

Но настоящим центром внимания – и источником весёлых возгласов – оказалась большая квадратная площадка, вырезанная в полу пивной. Шумная толпа бандитов и прочих головорезов окружила небольшую арену, громогласно делая ставки на исход кровавого боя между терьером и маленьким, юрким зверьком с вытянутым телом, покрытым гладким коротким мехом. Исследователь секунду наблюдал за ним, не понимая его природы, как вдруг существо сомкнуло челюсти на горле собаки и вырвало истекающий кровью кусок мяса, нанеся смертельную рану. Затем животное-победитель вскинулось на задние лапы, и сэр Хэмнет наконец узнал его.

Хорёк. Здоровенный серый хорёк. И глаза-бусинки изучали его, Хоклина, лицо.

- Добро пожаловать, - раздался ровный, не особо мелодичный голос прямо над ухом аристократа.

Неряшливо одетый человек шагнул вперёд, становясь перед сэром Хэмнетом. Он обладал узким лицом, носом, похожим на соколиный клюв, и высокими скулами, заляпанными грязью и отмеченными шрамами. От худого до изнеможения, носящего потёртую одежду мужчины разило дешёвым джином. Как и все остальные,

он носил оружие без завязок. Судя по виду явно ценного короткого меча на бедре, оружие было украдено.

- Ты выглядишь немного потрёпанно, старина, - широкая улыбка незнакомца как будто излучала радушие, несмотря на гниющие дёсны и выпавшие кое-где зубы. – Может, присядешь, а?

Сэр Хэмнет был слишком ошарашен, чтобы возражать, когда Соколиный Нос подхватил его под локоть и проводил до стула в задней части комнаты. Картограф сидел до тех пор, пока не нашёл в себе достаточно сил, чтобы заговорить.

- Мне нужно найти стражника, - сказал он. – Там было...

- Шшшш! – прервал незнакомец, выставив левую руку и призывая старика к тишине; безымянный и мизинец на ней оказались всего лишь обесцвеченными обрубками покрытой шрамами плоти. – Местные недолголюбивают людей короля. Будет лучше говорить потише. Слушай, я сейчас вернусь. Кое-кто здесь хочет с тобой поговорить. Возможно, он сможет помочь.

Сэр Хэмнет смотрел, как Соколиный Нос прокладывает путь к барной стойке. Только сейчас знатный путешественник детально рассмотрел окружение. Место оказалось выгребной ямой – во всех смыслах.

Тараканы размером с кулак шныряли между лужами разлитой выпивки, кусками зачерствевшего до состояния камня хлеба и напившимися до беспамятства завсегдатаями, прикорнувшими на полу; стены же облюбовали многоножки длиной с человеческое предплечье. Насекомые рыскали под и вокруг развешанных там трофеев. Грубые наброски с изображениями женщин на различных этапах оголения окружали крошащийся камин. Поблизости висела целая выставка из пальцев – как результат наказания беспечных карманников, проведённого местными хранителями порядка. Ордера на арест и объявления о розыске, подписанные королём Азуном и полудюжиной других членов Дома Обарскир были выставлены на обозрение рядом с петлями, срезанными с виселиц со всего Кормира. Многие из этих верёвок ещё носили отметины, оставленные знаменитыми проходимцами и разбойниками, болтавшимися в удушающих объятьях.

Самый ценный приз расположился прямо над дверью – шлем, когда-то принадлежавший капитану городской стражи. Пока сэр Хэмнет разглядывал его, колеблющийся свет факела упал на глазную прорезь. Голова солдата всё ещё обитала в этом проржавевшем куске металла, и её пустые глазницы обречённо пялились вниз, на набитую бандитами залу.

Внезапно зловещую добычу заслонил Соколиный Нос.

- Я же сказал, они не любят городскую стражу, - повторил он, поставив перед сэром Хэмнетом заполненную до краёв кружку. Правой рукой он держал хорька с арены. Его морда потемнела от крови, а кусочки меха терьера налипли на когти. – У него для тебя сообщение.

Сэр Хэмнет шарахнулся от животного и от держащего его безумца. Но дискомфорт, вызванный близостью зверя, был ничем по сравнению с ужасом, сомкнувшим на картографе свою хватку, когда животное раскрыло пасть и заговорило.

- Единственным хорьком на Холме Потерянных Душ был ты сам, - продребезжало оно тихо, так, чтобы услышал только сэр Хэмнет.

Старик вскочил со своего стула; его сердце бешено колотилось, кровь шумела в ушах. Соколиный Нос отошёл в сторону, когда исследователь пролетел мимо.

- Обычно он предпочитает общаться с представителями только своего вида; должно быть, это очень важное послание, - бросил он вслед удаляющемуся аристократу. - Скажи, старина, значит ли это, что ты не хочешь взглянуть по ту сторону зеркала?

Сэр Хэмнет уже пересёк порог ведущей в аллею двери, но выкрикнутый ему вослед вопрос заставил его мгновенно остановиться – так же верно и бесповоротно, как отравленный кинжал парализовал капитана Трюсильвера. Картограф заставил себя поднять взгляд. Словно повинувшись неслышиму указу, туман и тени расступились, позволив вывеске над головой ярко заблестеть в свете факелов. Побитый ветрами деревянный круг, с намалёванными полосами серебряной краски; грубая попытка изобразить разбитое окно – или зеркало.

- Да, сэр Хэмнет, - подтвердил Соколиный Нос. – «Разбитое Зеркало». Ты пришёл сюда просить аудиенции. Ты её получил.

Аристократ медленно повернулся, зная, что тщетно спастись бегством. Таверна и посетители преобразились. Кости и ухмыляющиеся черепа теперь заняли место деревянных стен и заваленного потрохами пола. Вместо пропитанных джином бродяг зал теперь наполняли демоны и прочие обитатели этого плана. Молчаливыми рядами стояли они, гвардия Гадеса во всей своей ужасающей красоте. Некоторые сжимали в лапах бритвенно-острые алебарды. У других в качестве оружия были лишь рога, клыки и когти, но и этого было достаточно, чтобы отделить душу любого человека от его тела.

И в самом центре этого мрачного сборища сидел мужчина с соколиным носом. Мириады его имён мелькали в мозгу сэра Хэмнета – Лорд Мёртвых, Тёмное Солнце, Мастер Раздора, Принц Лжи.

Цирик.

Одеждой ему служила тьма – тьма того рода, что наполняет сердца лжецов и неверных. Хорёк нежно обернулся вокруг его шеи – словно живой воротник для этой теневой рубашки. Подмётками его сапогов служили страницы святых писаний других богов, а трона – останки ложных мучеников. Свободное от грязи и шрамов, лицо бога озарялось отвратительным ликованием. За то время, пока сэр Хэмнет рассматривал преобразившегося человека, пальцы с недостающими фалангами вытянулись, заменив былые обрубки. Бог размял восстановленную руку и погладил оголовок розово-красного короткого меча, лежавшего на коленях.

- Ну, старина? – спросил Цирик. – Хочешь что-нибудь спросить?

Сэр Хэмнет потупил взгляд.

- Как отпрыск Дома Хоклинов и почётный член Общества Авантюристов Бравворт, я требую право на обеспечение безопасности и...

- Хотя кто-нибудь здесь поднял на тебя ру... коготь? Нет. Очевидно, безопасность предоставлена, - бог смерти нетерпеливо вздохнул. – Разве ты не собираешься тоже быть учтивым?

- У-учтивым?

- Я сбросил свою личину. А ты собираешься сделать то же самое? – Цирик рассматривал лицо сэра Хэмнета, надеясь найти на нём хотя бы тень понимания, но

там ничего не было. Лишь пелена обычной смеси ужаса и благоговения. – Мне что, просить хорька ещё раз объяснить? Я думал, он донёс это весьма доходчиво, но, может, нужна ещё одна попытка.

Хоклин, запинаясь, начал было что-то отвечать, но тут Цирик с силой ударил по трону рукой.

- Личину великого героя, великого исследователя! – завизжал он, словно оркестр нестройных скрипок. – Ты даже не поднял меча в защиту своих компаньонов тогда, на Холме Потерянных Душ. Ты сбежал, когда первые из гоблинов ворвались в лагерь – и всегда сбежал от любой опасности, которую когда-либо встречал! Как мой изворотливый друг сказал ранее – это ты был единственным хорьком на холме в тот день.

Лорд Мёртвых закрыл глаза и вернул контроль над собой.

- А теперь, - продолжил он, успокоившись. – Я не говорю, что ты трус. Я бы назвал твои действия... - он остановился и посмотрел вверх, как будто подходящее слово вылетело из его головы.

- Самосохранением, - проскрежетал хорёк на его плече.

- Точно! - воскликнул Цирик. Он ласково погладил мордочку животного, прежде чем развернуться обратно к сэру Хэмнету. – Обычно я аплодирую тому, кто достаточно умен, чтобы сохранить себе жизнь, но сейчас сделаю исключение ввиду недостаточно правдоподобного облика героя кристальной честности и непоколебимой отваги. В этом ты не убедил даже самого себя, нет, не до глубины души. Поэтому не оскорбляй меня, прячась за сломанной маской и ожидая, что я не замечу на ней трещин.

- Но это не маска, - потрясённо промямлил Хоклин. – Мои книги. Мои карты. Бравворты ценят всё, что я сделал, - его голос окреп, слова стали уверенными. – Они знают правду...

Цирик начал хлопать, медленно, издевательски.

- Не из рук вон плохо, конечно, но я видел и лучшие твои попытки, например, когда ты пытался отделаться от счёта за выпивку в клубе.

- Видел? Ты следил за мной?

- Не чаще, чем за любым другим лжецом.

Кустистые белые брови Хоклина напоззли на тёмные глаза.

- Так это ловушка! Ты заставил этого урода Утера заманить меня сюда, соблазнив поисками этого места!

По собранию демонов Гадеса пробежал удовлетворённый гомон.

- Вряд ли мне нужно нанимать фальшивых демонов вроде Утера, когда в моём распоряжении бесконечная армия настоящих обитателей подземного мира, - мягко отозвался Лорд Раздора. – И я оставил этот путь в Гадес открытым, приказал своим миньонам распускать о нём слухи для того, чтобы посмотреть, кто ко мне заглянет. Ну знаешь, такой перерывчик в постоянном выслушивании монотонной болтовни мёртвых об их унылых прошлых жизнях, отдых от проклятых криков агонии. Я просто узнал тебя, когда ты переступил порог таверны.

Цирик пару секунд изучал аристократа, потом тряхнул головой.

- Надеюсь, я не переоценил тебя, старина. Ты куёшь ложь довольно неплохо, но твоё сердце от неё сокрыто, как за щитом, за стеной иллюзорного уважения, возведённой этими невежами из твоего клуба.

Хорёк подался вперёд и добавил:

- Вот только проблема со стенами в том, что никогда не знаешь, в какую сторону они упадут, когда, наконец, рухнут. Может, внутрь, может, наружу.

Привычным жестом Цирик подозвал двоих самых здоровых, самых мерзких демонов из своего окружения.

- Вышвырните его – но осторожнее, не навредите. Старик под моей защитой до тех пор, пока не доберётся до королевства смертных.

Из горла сэра Хэмнета сам собой исторгся вопль, когда демоны нависли над ним. Они схватили его пальцами, желеобразными и гниющими, но мощными, точно тиски, и оторвали человека от земли. От касания чудищ холод проник в его плоть. Этот холод распространился по рукам до груди, остужая сердце, заставляя его кидаться на рёбра, словно обезумевшее животное, посаженное в клетку.

Сэр Хэмнет всё ещё кричал, когда на следующее утро, на восходе, его, стоящего на коленях в грязи перед обугленными развалинами заброшенного здания, обнаружила городская стража. Конечно, солдаты узнали его, ведь слава исследователя давным-давно вышла за пределы стен Клуба Браввортов. Это было весьма удачно, поскольку стражники были бы менее терпеливы и доброжелательны с горожанином, явно допившимся до безумия.

- Мы отведём вас в храм Мистры, сэр Хэмнет, - предложил их капитан. – Там за вами присмотрят. Потом вам нужно будет доложиться.

- Нет. Отведи меня домой.

- Хорошо. Доставим в усадьбу ещё до того, как слуги закончат готовить завтрак, - ответил капитан.

- Я сказал домой, - простонал сэр Хэмнет. – *Домой*, демоны побери! В Клуб Браввортов.

На три дня сэр Хэмнет погрузился в целительную родную атмосферу библиотеки Общества. Он спал прямо в своём кресле, его рапира всегда была неподалёку, на расстоянии вытянутой руки. Картограф общался мало, а когда говорил, то обрывками с тщательно подобранными словами, запутывавшими больше, чем прояснявшими. Всё же он открыл достаточно, чтобы соратники Бравворты составили свою, полностью вывернутую версию кончины Гарета Трюсильвера и противостояния Хоклина и Цирика. В их глазах сэр Хэмнет представал доблестным защитником, которого одолели лишь объединённые силы похитителей тел и демонов, чьё число увеличивалось с каждым пересказом.

Аристократ не возражал, и на второй день, в какой-то момент он и сам почти поверил в то, что столкнулся в бою с дюжиной убийц и отродий Гадеса, пытаясь защитить своего друга. Вскоре начали строиться планы насчёт давно потерявшей

актуальность статуи сэра Хэмнета. Хоклин к тому времени уже отошёл, вернувшись к знакомой роли бесстрашного искателя и вообще храброго малого. Ему даже удалось избавить свою голову от беспокоящих воспоминаний о событиях в «Разбитом Зеркале» - как от навешанных ядом галлюцинаций, вызванных оставленной отравленным кинжалом похитителя тел царапиной.

Лишь один вопрос являлся испытанием храбрости сэра Хэмнета в эти три дня – местонахождение Утера. Дворецкого не видели с той самой ночи неудачной экспедиции – верный признак его вовлеченности в организацию засады для капитана Трюсильвера.

Те участники клуба, что были с монстроподобным слугой в дружеских отношениях, предпочли верить, что он сбежал из страха услышать о смерти воина; но как бы они ни были добросердечны, со временем эти запутавшиеся люди всё больше поддавались всеобщему настроению. Нет, дворецкий явно стоит за убийством капитана, и всего лишь вопрос времени, когда же правосудие, наконец, настигнет его.

Последним местом, где любой из Браввортов ожидал появления внушающего страх лакея, была сама библиотека. Однако, когда на третью ночь на Сюзейл спустились сумерки, он твёрдо вошёл в огромную, заваленную экспонатами комнату.

Он не обращал внимания на удивлённые вздохи и сердитые, обвиняющие выкрики. Любого, кто вставал на пути, прислужник предостерегал взмахом великолепной рогатой головы или отодвигал в сторону лапой с чёрными когтями. И маги, тут и там торчавшие в помещении, знали, что не стоит пытаться усмирить его волшебством: то же неверное заклинание, что исказило форму дворецкого, сделало его неуязвимым для остальной магии.

Утер добрался до одной, особенной книжной полки – почётного места около камина – и там остановился. С привычным профессионализмом он начал снимать с неё книги, свитки и карты. Большинство Браввортов знало, кем написаны эти тома; немногие оставшиеся с лёгкостью могли угадать.

- Это уже ни в какие ворота! – возмутился сэр Хэмнет, прервав наконец поражённое молчание, вызванное удивительной наглостью дворецкого. – Оставь книги на месте, убийца!

- Эти книги не на тех полках, - возразил Утер, не отрывая взгляд от работы. – Шкафы у камина выделены под историю, сэр Хэмнет. Твои же работы – выдумки.

Угрожающе надвинувшись на слугу, пожилой аристократ потянулся за рапирой, вытащив её эффектным и быстрым движением.

- Я пронжу тебя насквозь, если не прекратишь.

- Трус.

Вымученный голос, с трудом произнесённое, приглушённое слово – но достаточно понятное, чтобы привлечь всеобщее внимание к фигуре, обрамлённой массивным дверным проёмом читальни. Капитан Трюсильвер злобно обвёл комнату единственным оставленным ему глазом, и зашёл внутрь.

С каждым шагом зажатый под мышкой костыль стучал, словно молоток гробовщика. Без него Гарет Трюсильвер просто не смог бы идти – правая нога ниже колена отсутствовала. Но это была не самая ужасная из его травм. Жестокие красные

кляксы покрывали его руки в тех местах, с которых срезали кожу. Разрез с обратной стороны левой руки стягивали толстые чёрные швы. Наниматель похитителей тел извлёк оттуда мышцы и жилы, оставив руку почти бесполезной. Подобные шрамы теперь иссекли когда-то красивое лицо солдата; они шли через ужасные сиреневые синяки на скулах, исчезая в провале, который раньше был носом, и в тёмной дыре, совсем недавно содержавшей глаз.

Дворецкий обернулся, держа в мощных руках содержимое двух полок.

- Вы должны отдыхать, капитан. Скоро прибудет городская стража, для снятия показаний, - на мгновение Утер перевёл взгляд на сэра Хэмнета. - Я провёл три последних дня, помогая страже отыскать капитана. Если бы ты сказал правду в тот день, когда они нашли тебя, кричавшим как сумасшедший, мы могли бы отправиться на спасение уже тогда, до того, как эти мясники успели разделать его.

- Гарет, - выдавил сэр Хэмнет, как будто даже не услышав обвинения. - Мы думали, что потеряли тебя. Клянусь Кулаком Хелма, я рад, что ты жив!

- Лжец, - медленным, полным боли голосом отчеканил Трюсильвер. То, как он исковеркал это слово, значило, вероятно, что и часть его языка исчезла под действием какого-то заклинания.

Капитан неуклюже доковылял до Утера, остановившись перед ним. Правой рукой он снял самую большую книгу с вершины груди и бросил её в огонь. Вдоль корешка заплясали языки пламени. С резким хлопком том раскрылся, показав раскрашенную вручную карту Земель Орды. Огонь жадно проглотил эту страницу и принялся за остальную часть книги.

Трюсильвер бросил ещё одну штуку, и ещё. Сэр Хэмнет поднял руку, намереваясь остановить его, но низкий, рокошующий рык Утера предостерёг его от этого.

Картограф беспомощно повернулся к остальным – его друзьям, братьям-исследователям. Но сэр Хэмнет Хоклин нашёл в их лицах лишь ненависть, отвращение и гнев. Они смотрели на него, не скрывая презрения, молча одобряя уничтожение работы всей его жизни.

Старик попытался стряхнуть это презрение, укрепить баррикады, который он возвёл вокруг своей трусливой души. Но эти стены рушились. Разделённая слава общества теперь бежала от него, как опадающая листва покидает вступающий в зиму дуб. Сотни висящих на стенах церемониальных клинков и добытых в боях щитов принадлежали и ему. Сражённые чудища и покорённый дракон были и его трофеями тоже – доказательствами доблестных деяний, превосходящих самое смелое воображение. Но не теперь. Бравворты знали правду, и каждый обвиняющий взгляд отражал её обратно, словно безупречное зеркало.

Сэр Хэмнет Хоклин был трусом.

Комната закружилась, и аристократ скрыл лицо в дрожащих руках. Он мог спрятаться от взглядов, но не мог заглушить треск и шипение огня, уничтожавшего его записи и обращавшего его карты в пепел.

И в эту секунду, за мгновение до того, как его сердце было раздавлено рухнувшими остатками позаимствованной доблести, Сэр Хэмнет услышал его – низкий, свистящий смех в языках пламени. Он был прав всё это время. Под аккомпанемент жестокой усмешки Цирика и удовлетворённого выдоха Лорда

Раздора, сама сущность старика разлетелась на осколки, а проклятая душа, вереща, провалилась в Гадес.

ЗРЕНИЕ

Роджер Е. Мур

Когда меня позвали, я находился в переполненной таверне, где воздуха из-за пламени свечей почти не осталось. Вождь моего клана заворчал, но все же отпустил меня и продолжил осыпать ругательствами другого гоблина, который якобы чем-то его оскорбил. Подобные словесные баталии, зачастую сопровождавшиеся вытаскиванием ножей и короткими схватками, после которых пол в таверне становился скользким от крови, в последнее время среди моих сородичей происходили слишком часто. Я был рад уйти.

Но я бы куда больше радовался обретенной свободе, если бы позвавший меня воин не сообщил, что меня хочет видеть Скраланг, шаман нашего народа. При мысли о встрече со старым гоблином желудок у меня завязался узлом. Я не трус, но и не дурак. Посыльный отправился восвояси, а я, обуздав свои страхи, зашагал по длинным и узким тоннелям Нижней Ночи, нашего дома под Пыльными Стенами.

В свои двадцать я был капитаном стражи и помощником предводителя нашего клана, ещё один молодой кулак среди множества рук горных гоблинов. С двенадцати лет я сражался на поверхности с людьми, которые вторгались в наши земли. Однажды я оказался схвачен и провел в плену целый год, пока не сбежал. Это научило меня больше никогда не попадаться. Я неплохо знал людей и не испытывал перед ними страха, но Скраланг не был человеком, да и гоблином, как поговаривали, тоже.

Когда я добрался до конца темного, затянутого паутиной тоннеля, дверь сама собой распахнулась. Не вставая с кровати, Скраланг поприветствовал меня кивком. Небрежно взмахнув рукой, он указал на стул, стоявший у стола, на котором неверным пламенем горела единственная свеча. Попытавшись взять себя в руки, я вошел в его жилище.

Я пересек небольшую, заваленную хламом комнату. Под подошвами моих подбитых железом сапог хрустели обломки костей, корки хлеба и прочий мусор. Скралангу было плевать на грязь. Как говорили, с каждым днем мирские дела волновали его все меньше и меньше. Я не понимал, как он может жить в таких жутких условиях, но сейчас было не время и не место об этом говорить. Кто посмеет нанести оскорбление тому, кто говорит с богами?

Усевшись, я принялся ждать, пока шаман не достанет из коробки, стоявшей у его лоскутного ложа, небольшую бутылку и глиняную чашку. Осторожно спустив ноги со своей полуразвалившейся кровати, он встал, прошаркал к табурету и передвинул его, чтобы сесть рядом со мной. Напрягшись, я приготовился вскочить и отдать честь, но ему, казалось, было все равно. Его фамильярность поразила меня – он вел себя так, словно я являлся его старым и доверенным другом.

Но, когда я смог хорошенько рассмотреть старого шамана в пламени свечи, его облик порастил меня ещё больше. От его одежды исходил запах тления, словно смерть подошла к нему на расстояние взмаха ресниц. Кожа на его лице и кистях туго обтянула кости, а руки и шею покрывали открытые язвы. И все же, несмотря на это, его светлые желтые глаза смотрели ясно и твердо. С осторожностью он наполнил свою чашку другим напитком, но пить не стал. Вместо этого он откинулся и смерил меня холодным и ясным взглядом.

- Ты скучаешь, капитал Кергис, - произнес он голосом, больше похожим на шепот. В тишине он прозвучал, словно крик. – Здешняя жизнь тебе не по душе. Ты жаждешь оказаться где-нибудь ещё.

Я чуть было не принялся все отрицать, но его глаза сказали мне, что лгать не стоит. Я нерешительно кивнул.

- Вы видите все, ваше темнейшество, - произнес я. Я знал, что при помощи своей магии дряхлый гоблин, вероятно, и правда мог увидеть все в Нижней Ночи – даже то, что было скрыто в укромных уголках разума и души.

Старик повертел в руках чашку. Его паучьи пальцы дрожали.

- Безопасное существование в границах нашего дома начало тебя тяготить? Мелочная болтовня вождей кланов скорее навевает на тебя сон, нежели разжигает огонь в твоей крови? Или же ты строишь свои собственные планы, желая занять более высокое положение, и твоя скука служит лишь прикрытием для твоих амбиций?

Обвинения в предательстве не являлись чем-то экстраординарным, но услышать эти слова из уст нашего шамана было равносильно тому, чтобы услышать приказ о своей казни.

- Я верен! – воскликнул я куда громче, чем намеревался. - Вы ошибаетесь во мне, ваше темнейшество!

Я прикусил язык. Скрананг не мог ошибаться. Он был законом, и другого закона мы не имели. Я замер на стуле, почти уверенный в том, что в ответ он вынесет мне смертный приговор. Быстрая смерть была лучше медленной, и я молил о ней богов.

Вместо этого Скрананг сделал глоток из своей чашки и вздохнул.

- Ты верен, да, - произнес он, уставившись на чашку в своих пальцах. - Ты не трус и не предатель. Ты просто кажешься... павшим духом, твой разум утратил чистоту. В последнее время ты не ведешь себя так, как полагается настоящему гоблину, - он замолчал на некоторое время, а затем перевел взгляд на меня. – Впрочем, иногда мне кажется, что это относится и ко всем нам.

Если бы он заявил, что на самом деле является халфлингом, я бы и то не был удивлен сильнее. На несколько мгновений я лишился дара речи.

- Не понимаю, - наконец произнес я. – Мы все настоящие гоблины. Мы не осквернены, как...

Предательский язык! Я был бы рад его отрезать, лишь бы вернуть слова, которые только что слетели с моих уст. Услышав их, Скрананг вздрогнул, а его старое лицо затвердело, как сталь.

- Мы не *осквернены*, как один из нас, верно? – взгляд глубоко посаженных круглых желтых глаз шамана стал ледяным. Его пальцы обвились вокруг чашки, как паутина вокруг добычи. На миг я почувствовал себя на месте этой чашки.

Но затем без предупреждения выражение лица старого шамана смягчилось, черты разгладились. Отведя взгляд, он поставил чашку на стол.

- Осквернен? Ты прав. С того дня, когда мой внук появился на свет, никто не осмеливался произнести при мне этого слова, но скрывать тут нечего. Мне проще проглотить кинжал, нежели назвать его членом нашего рода. Он осквернен, осквернен человеческой кровью, - древний шаман снова посмотрел на меня, но теперь во взгляде его не было злости – одна печаль. – Должно быть, все об этом говорят. Это бесчестье нельзя искупить. Нельзя ничем, кроме смерти, - глубоко вздохнув, он усталился в темноту комнаты.

Мне хватило ума промолчать. Все знали о его внуке-полукровке, ребенке его искалеченной дочери и напавшего на неё человека. Уже более десяти лет и она, и он не показывались никому на глаза, но слухи гласили, что они все ещё живы. И этого мы понять не могли. Если бы на её месте оказалась дочь кого-нибудь из нас, мы бы убили и её, и зародыша, чтобы смыть позор с нашего рода. Почему этого не произошло?

Шаман снова посмотрел на меня, словно читая мои мысли.

- Воле богов мы подчиняемся, не задавая вопросов, - усталым голосом процитировал он известное утверждение. – Они заговорили со мной, когда я держал нож над животом своей дочери, желая очистить нашу честь, но их слова заставили меня отвести лезвие в сторону. По их повелению Зет вырос среди нас, в жилище моей дочери, хотя они и не объяснили мне причин. Я держу девчонку и её ублюдка взаперти, ведь этого боги не запрещали, кормлю их раз в день и оставляю им свечу-другую, но не позволяю скверне приближаться к нашим сородичам. Такова была воля богов, и я подчинился ей, как поступил бы любой из нас, - он потер лицо костлявой рукой.

Я изо всех сил постарался скрыть удивление, вызванное этим откровением. Воля богов? Раз он так заявляет и все ещё жив, значит, это, наверное, правда. Снова отведя свой ясный и чистый взгляд в сторону, старик опять наполнил свою чашку и надолго усталился в неё, задумчиво пожевывая нижнюю губу.

Наконец он сделал глоток и поставил чашку. По его иссохшим губам скользнула тень улыбки, но веселья в ней не было.

- Я старше самого старого из наших сородичей, - тихо произнес он. - Если я снова увижу середину зимы, то мне исполнится сорок шесть лет. Я все время испытываю боль. Каждый раз, ложась спать, я молю богов о смерти, но они хотят, чтобы я протянул ещё немного, - взгляд его холодных глаз устремился на меня через стол. - Капитан, сможешь ли ты угадать, почему?

- Что почему? – поколебавшись, спросил я. Я совершенно потерял нить беседы и теперь с осторожностью взвешивал каждое слово, боясь навлечь на себя гибель.

- Почему боги сохранили мне жизнь, хотя я столь страстно молил их о смерти, - терпеливо произнес он. - Я гнию изнутри, и все же, просыпаясь каждое утро, втягиваю воздух в свои кровоточащие легкие. Как ты думаешь, зачем богам нужно, чтобы я прожил чуть дольше?

- Понятия не имею, ваше темнейшество, - будь я поглупее, то, возможно, и решился бы высказать свои предположения, но это был бесполезный способ рискнуть собственной душой.

Шаман поджал губы, словно сдерживая смех.

- Недавно боги снова говорили со мной, - произнес он, как будто совершенно забыв о том, о чем мы только что говорили. - Они явились ко мне во сне. Они сказали, что настало время выпустить моего внука, поставить его во главе отряда настоящих гоблинов и отослать из пещер, - сверля меня взглядом, старый шаман глубоко втянул носом воздух. - Я считаю, что пора положить конец твоим терзаниям, капитан Кергис. Сегодня вечером вы отправитесь в набег, и я уже отдал приказ троим сержантам собирать отряды. Ты пойдешь с ними, а поведет вас мой внук. Вы направитесь в земли людей, которые лежат далеко от Нижней Ночи, так что возьми с собой все необходимое снаряжение и припасы.

На миг мне показалось, что я оглох, настолько ошеломила меня эта новость. Гоблины-воины под предводительством полукровки-человека?

- И каково же будет наше задание? - наконец выдавил я из себя.

- Зет даст вам знать, - произнес Скраланг. - Слушайся его так же, как слушался бы меня. Словно руководить вами будут сами боги.

Внезапно морщинистое лицо старика придвинулось вплотную к моему, и я почувствовал аромат напитка, который он пил. Это оказался эль, смешанный с болеутоляющим из цветов трупной лилии. Запах был мне знаком – на поле боя многие воины жевали эти цветы, чтобы заглушить боль. Порой тяжелораненые, переборщив с этим средством, впадали в сон, от которого уже не могли очнуться. Мы оставляли их на съедение собакам.

- Боги велели, чтобы Зет вышел во внешний мир, - твердо произнес шаман, и я содрогнулся от запаха его дыхания. - Больше они не сказали ничего. Что же касается меня, то, когда он уйдет, я наконец смогу очистить от скверны имя моей семьи. Я омою мой род кровью дочери, но, боюсь, даже это не подарит мне долгожданную смерть. Боги хотят от меня ещё чего-то, но их планы мне неизвестны, - Скраланг откинулся назад. - Остальные мои сны в последнее время тоже были тревожны. Боюсь, боги недовольны тем, что наша жизнь в последнее время стала скучна и полна бессмысленных стычек. Ты тоскуешь, капитан Кергис, ведь ты тоже это чувствуешь. Мы уже не выходим наружу, чтобы, как в прежние времена, напомнить миру поверхности о нашем существовании. Разумом мы стали старыми, старыми и мелочными, и продолжаем скрываться в пещерах и жаловаться на темноту. Мы недостойны называться детьми своих отцов, мы не стоим даже последних из их рабов, - старый шаман опустил взгляд, и лицо его обмякло. - Полагаю, больше всего боги недовольны мной, их слугой, ведь именно я допустил появление подобного упадка. Вопреки нашему учению я предпочитал искать более легкие пути, а не бороться, и гниль моих речей распространилась среди нас и заразила нас, - он снова посмотрел на меня. - Капитан Кергис, ты когда-нибудь задумывался о том, что эта

скверна в наших рядах может являться отражением чего-то большего? Если появление Зета и то, как это произошло, было *неслучайно*?

Старый гоблин уже давно углубился в территорию, куда бы не осмелился ступить даже последний глупец. Хотелось бы мне сейчас снова оказаться в душной пещере, слушая вопли главы клана о своей никчемной чести.

- Никогда, - сказал я истинную правду.

Улыбка шамана стала шире.

- Будешь, - отпустив меня взмахом руки, он снова отпил из своей чаши с ядом и проглотил этот горький напиток, не дрогнув.

Но о многом Скраланг умолчал. Он не сказал, что кожа Зета была цвета брюха дохлой жабы, белой и сухой, словно лунный диск. Или что Зет не носил ни доспехов, ни оружия, и не знал, как ими пользоваться.

Или что Зет был слеп.

Когда я впервые увидел внука шамана, которого вывели из зева нашей Нижней Ночи на свежий воздух, то содрогнулся. Он оказался большим, с длинными руками и ногами – наследие его человеческой половины, нет сомнений – но его мускулы были вялыми и слабыми. Если бы я осмелился, то легко бы смог швырнуть его на землю.

И у него не было глаз. Его глазницы, наполовину скрытые обвисшей кожей, из-за чего его лицо казалось печальным, представляли собой лишь темные провалы. На нем была лишь короткая белая роба, подвязанная тонкой веревкой. Такую вещь одел бы лишь раб или пленник, а цвет её совершенно не подходил для боевой ночной операции.

Скраланг подвел его ко мне, пока мои воины разглядывали его с удивлением и любопытством. В угасающем солнечном свете старый шаман казался ещё более дряхлым, чем в момент нашей последней встречи, хотя та и произошла всего несколько часов назад. Его лицо и руки испещряли черные пятна – метки его проклятья. При мысли о том, что он может до меня дотронуться, меня охватил ужас.

- Зет, - произнес старый шаман, коснувшись локтя внука, – вот твои воины. Иди вперед, как приказали боги, и исполни их волю.

Большой получеловек уставился поверх меня, его невидящий взгляд был устремлен на мою макушку. Затем он кивнул, не говоря ни слова. Заметив, что Зет безоружен, я принялся вытаскивать запасной кинжал из поясных ножен, но Скраланг остановил меня, подняв руку.

- В этом нет нужды, - сказал старый шаман. – Зет не нуждается в оружии или доспехах. Всё, что ему надо – это он сам.

Кинув на меня последний взгляд, шаман вернулся в пещеры, прихватив с собой свой эскорт из охранников и слуг. Массивные двери закрылись за ним на засов. Обычно здесь была выставлена стража, но сегодняшний день являлся исключением.

Сглотнув, я уставился в глазницы белокожего получеловека. Он просто смотрел на запад, туда, где недавно скрылось солнце.

- Чего же ты хочешь? – наконец спросил я. Если мне повезет, Зет окажется не только слеп, но и безумен. Мне стало интересно, почему ему не позволялось носить ни оружия, ни доспехов – уж не затем ли, чтобы его поскорее убили в бою? В этом был резон. Если он погибнет, то мы окажемся свободны от этой миссии и перед возвращением в Нижнюю Ночь сможем немного пограбить окрестные села, прихватив с собой пару свиней и коров.

Большой получеловек медленно повернул голову к югу, словно услышав что-то в тихом шепоте ветра. Там лежало королевство Дурпар, на которое мы некогда устраивали регулярные набеги. Коротко кивнув, Зет направился туда, где лежали те отдаленные земли. Но, сделав два шага, споткнулся о бревно, которое притащили в пещере для того, чтобы на нем сидеть, и чуть не упал, но все же умудрился выровняться и продолжить путь. Никто из нас не засмеялся и не пришел к нему на помощь. Мы просто смотрели.

Я кивнул себе. Если повезет, наша миссия закончится скоро.

- Один огонь, разведчики сзади и впереди, обычный марш, - крикнул я. Мельком взглянув на меня, воины заняли свои места. Мы направились в наступающую ночь.

Под светом звезд мы шли на протяжении примерно десяти часов. У этого Зета была способность чувствовать дорогу, и по мере того, как тьма сгущалась, она проявлялась все более явно. Иногда он ненадолго останавливался, а затем не спеша переходил через ручей или усыпанное камнями поле. Порой же он вел себя, как и полагается слепому – врезался в низко растущие ветки деревьев и забредал в заросли чертополоха. Возможно, он ориентировался на слух, но я начал думать, что глаза у него были, просто очень маленькие и глубоко посаженные.

Надвигался рассвет, когда я наконец поравнялся со спотыкающимся получеловеком. Заколебавшись, я задумался о том, как к нему лучше обращаться, но затем решил, что это не имело никакого значения.

- Скоро взойдет солнце, - сказал я тихо. – Нам придется разбить лагерь.

Зет продолжал в молчании идти дальше, его невидящий взгляд был устремлен куда-то за горизонт. Внезапно он сбавил шаг и остановился. Мгновение он стоял, тяжело дыша, а затем быстро кивнул.

- Остановимся здесь, - неразборчиво проскрежетал он. Его слова больше походили на звериный стон, чем на речь разумного существа. Был ли Зет слабоумен? Что Скраланг задумал?

И все же я отдал все необходимые приказы, и прежде, чем взошло солнце, все воины уже нашли укрытия в скалах и кустах на склоне ближайшего холма. Тем временем Зет где-то бродил, но, когда еда оказалась готова, вернулся в лагерь. Я подумал, что имеет смысл во время трапезы сесть рядом с ним и посмотреть, не удастся ли выяснить что-нибудь о его планах насчет экспедиции, если они у него, конечно, были. Мои опасения, что он заведет нас прямоком в человеческий город или чего похуже, стремительно крепили.

Зету и мне досталось по тарелке с бобами и сушеным мясом. Пока мы ели, я украдкой разглядывал его и убедился, что глаз у него и вправду не было. Некоторое время слепой получеловек и я в молчании сидели на вершине холма.

- Если тебе нужен совет, - начал я, - то я к твоим услугам.

Несколько мгновений Зет продолжал жевать кусок мяса, легонько раскачиваясь взад и вперед. Внезапно он заговорил:

- Когда я был ребенком, - произнес он тихим сухим голосом, - мой дед ложкой выковырял мне глаза, - пустые глазницы смотрели на меня с пустого белого лица. – Как же он любил меня, раз пошел на это. А тебя кто-нибудь так любил?

Я в ответ уставился на него, наполовину не донеся полную бобов вилку до рта. По моей спине пробежал холодок. Зет был безумнее любого безумца. Съев бобы, я огляделся. Ни один из гоблинов не находился от нас достаточно близко, чтобы услышать наш разговор.

- Это был единственный способ открыть мне глаза, - продолжал получеловек, уставившись в предрассветное небо. – Если бы он этого не сделал, я бы никогда не смог видеть. Сейчас я почти ничего не помню. Мне сказали, что я дрался с ним и остальными, как огр, что мои вопли могли заставить мертвых завопить в ответ. Память моя этого не сохранила, - подняв тонкую руку, получеловек провел ею по подбородку. – Это было необходимо. Тогда я не понимал, почему, но теперь я усвоил урок.

Очевидно, своей ложкой Скраланг выковырял Зету не только глаза. Однако по его словам было ясно, что он умнее, чем казалось с первого взгляда.

Не зная, что ответить, я доел свой холодный паек.

- Скоро рассвет, - произнес Зет. – Мы отдохнем, а с наступлением вечера выступим в путь. Найдем деревню, - сделав паузу, он слегка склонил голову, словно прислушиваясь к каким-то далеким звукам. – Там будут фермеры, халфлинги. Там мы и начнем.

Я медленно проглотил последний кусок и принялся языком слизывать с зубов остатки еды.

- Что начнем? – спросил я, скрывая свои опасения. Опыт научил меня, что воинов Дурпара нельзя недооценивать. Если Зета и вели боги, то эти боги вполне могли быть не на нашей стороне.

Получеловек поднял взгляд.

- Начнем учиться, - тихо произнес он.

- Учиться, - повторил я.

- Да, учиться, - в голосе Зета звучал неподдельный энтузиазм. К моей величайшей тревоге, после этого он уставился на меня в упор. - Мы их научим.

- Чему? Чему научим?

- Ах, - сказал Зет, его улыбка стала шире. – Научим тому, что мы забыли.

Стрекотали кузнечики. Где-то в полях послышалось чириканье воробья.

Что боги сделают, если я тебя убью? – подумал я, глядя на бледное улыбающееся лицо. Что хотел от меня Скраланг? Подведу ли я его, если не выполню его невысказанное желание и позволю этому ублюдку жить? Нет, старый шаман выразился однозначно – я должен подчиняться его внуку. Но он был безумен и вел нас навстречу гибели.

- Я должен выставить стражу, - произнес я, поднимаясь на ноги. Мне нужно было подумать. Возможно, окажется не очень-то мудро рисковать навлечь на себя гнев богов, действуя прямолинейно. Природа может и так взять своё, если ей совсем немного помочь. От получеловека легко избавиться – достаточно просто позволить

ему вести нас, пока мы не наткнемся на какое-нибудь ущелье или приграничный лагерь Дурпара. Несомненно, его деда обрадует известие о его смерти.

Я повернулся, но успел сделать лишь три шага, когда Зет окликнул меня по имени. Я оглянулся.

Слепой получеловек протягивал мне кинжал, держа его за лезвие правой рукой. Ощупав пояс, я обнаружил, что мой клинок исчез. Должно быть, он выскользнул, когда я садился.

- Будь осторожнее, - произнес он. – Сегодня ночью нам ещё многое предстоит сделать.

Он передал мне оружие, направив его рукоять прямо мне в живот. Я взял клинок и пошел прочь, несколько раз оглянувшись.

Прежде чем солнце скрылось за низкими холмами на западе, мы уже свернули лагерь и выступили в путь. Дорогу нам освещала наполовину полная луна. Зет без труда шагал через высокую траву, росшую параллельно дороге, которая шла на полмили восточнее слева от нас. Я назначил разведчика вперед и ещё по одному – на фланги, но все равно ещё один воин следовал в нескольких шагах позади Зета, а остальные шли за ним.

Как и раньше, большой получеловек с легкостью избегал большинства препятствий на своем пути, обходя их с необычайной аккуратностью. Если же он спотыкался, то без особой грации, но быстро вновь восстанавливал равновесие. Я задался вопросом, сделали ли боги Зета безумным, а его глаза – невидимыми, или же это был какой-то трюк, придуманный Скралангом, чтобы испытать меня. Я думал о том, как паялся на меня Зет этим утром, и желудок у меня завязывался узлом.

Я уже начинал привыкать к абсурду ситуации – группа гоблинов под предводительством слепого безумца – но не забывал и о возможных опасностях. Некоторые воины начали относиться к нашему путешествию как к фарсу. Они шли, не доставая оружие из ножен, смеялись над шутками, толкали и пинали соседей по строю.

Я не позволил этому продолжаться долго. Отступив между рядами, я заметил одного из самых злостных нарушителей порядка, который до этого упал, ободрав колени и руки. Когда он в третий раз пожаловался на боль, я снял с пояса кнут и принялся его хлестать.

Первый удар пришелся ему поперек лица, чуть ниже глаз. Прежде, чем он успел завопить от боли, хлыст вернулся и огрел его по спине, обжигая, словно огонь. От второго удара у него перехватило дыхание, и его крик оборвался. Он упал на колени, пряча лицо в ладонях.

Шедшая за ним колонна остановилась, но, повинувшись моему жесту, продолжила путь, огибая его. Вместе с воином я ждал, пока они не пройдут мимо. Через несколько мгновений он встал на ноги и подобрал свое оружие. Я смотрел, как он,

спотыкаясь, поспешил за колонной, и направился следом, чтобы убедиться, что урок усвоен. Так и было. Воцарилась тишина, и оружие все держали наготове.

Мы шли всего три часа, когда Зет вдруг резко замедлил шаг, повернул голову и остановился. Следовавший за ним разведчик вопросительно оглянулся на меня. Я подошел к получеловеку.

- Вот и они, - произнес Зет, указывая вперед. – Пора начинать обучение.

Посмотрев туда, куда он указывал, я заметил слабое свечение. Мы были в двух милях от небольшого поселка, который раскинулся по обе стороны от дороги слева от нас. Я не заметил никаких следов военных, но это мало что значило. Вражеские воины могли скрываться где угодно, и у них было достаточно времени для того, чтобы приготовить нам теплую встречу.

- Нам ничего не угрожает, - беззаботно произнес Зет. Он снова улыбался и дышал не так тяжело, как прошлой ночью. – Они не знают, что мы здесь.

- Откуда тебе это известно? – шепотом спросил я. Взмахнув рукой, я дал отряду знак пригнуться и сохранять тишину. Прежде чем я успел сделать что-либо ещё, Зет повернулся ко мне, схватил за плечо и притянул к себе. От неожиданности я не стал сопротивляться.

Его дыхание было отчетливо видно в прохладном ночном воздухе.

- Собери жителей деревни вместе. Они не станут сопротивляться. Я хочу начать обучение до того, как наступит рассвет. Наши люди должны собраться вокруг пленных и тоже постичь мудрость, - отпустив меня, он с глухим стуком упал на землю там же, где и стоял.

Я уставился на него, а затем перевел взгляд через темное поле. Собрать поселян, чтобы Зет их учил? Его дед приказал мне повиноваться этому психу, словно он был одним из богов. Возможно, если мы попадем в беду, боги и пощадят меня за мое послушание, но я в это больше не верил. Я починился, чувствуя себя не менее безумным, чем Зет.

Оставив с получеловеком разведчика, я вернулся, чтобы собрать отряды. Вскоре мы направились к спящей деревне.

Схватка завершилась, едва успев начаться. Когда мы начали поджигать сарай, многие селяне ещё были в постелях. Полуодетые, они выбегали из домов, сжимая в руках ведра и одеяла, и становились мишенями для наших лучников. Других же мы избили и согнали на дорогу, а в это время наши воины подпаливали дома. Некоторые пытались дать нам отпор, используя садовые инструменты – вилы, лопаты и молотки. Этих мы убивали. Собаки доставили нам больше проблем, чем деревенские жители.

Мы заставили выживших, около трех дюжин мужчин, женщин и детей, раздеться. Обнаженные, они стояли под порывами ночного ветра, а окружавшие их воины развлекались, со смехом тыкая в них копьями и споря, кто из маленьких человечков подпрыгнет выше других. Вокруг пылало оранжевое пламя, уничтожая дома и фермы халфлингов.

Я послал к Зету гонца, но он с разведчиком уже шли по направлению к горящей деревне. Наблюдая за его приближением, я задался вопросом, какую же цель преследовал этот жалкий набег, за исключением той чуши про «обучение». Ранее я сражался только с вооруженными противниками – охранниками караванов,

доспешными ополченцами, защищающими приграничные укрепленные фермерские хозяйства. Убийство практически безоружных и неумелых халфлингов будет напрасной тратой наших способностей. От расстройства я прикусил губу и почувствовал вкус крови.

Проходя мимо пылающего коттеджа, Зет с улыбкой на лице протянул к нему руки. Согревшись, он замедлил шаг и с осторожностью направился к воинам, которые окружали съездившихся пленников. Глаза халфлингов напоминали глаза запертых в клетке кроликов. Зет обвел их взглядом, и я преисполнился уверенности, что каким-то образом он все же способен видеть. Значит, дело в магии? Я и мысли не допускал о том, что к этому приложили руку боги. Должно быть, работа Скраланга, хотя я представления не имел, как и зачем старый шаман это сделал.

Удовлетворенный осмотром, Зет поднялся на вершину пологого холма и повернулся лицом к войскам. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием угасающего пламени.

- В самом начале, - произнес Зет, голос его становился сильнее, - боги воевали с восставшей землей, и мир был повержен и убит. Тьма покрыла его поверхность; ветры и моря иссекли его труп. Ничто не росло на его голых скалах и не двигалось под холодной луной. И, пока мир лежал мертвым, из крови, пролитой богами во время боя, родились опарыши, и эти опарыши зарылись в плоть мира и принялись ею пировать, празднуя победу богов. Затем явились силы света, и над землей взошло солнце. Свет выжег опарышам глаза, и они завопили. Вопль этот долетел до ушей старых богов, и их охватила ярость. Один из них простер руку и произнес: «Перед нашими детьми, равно как и перед нами, есть долг, и теперь они его взыщут». Он превратил опарышей в гоблинов и дал им завет – никогда не забывать времен тьмы, когда старые боги торжествовали, когда в мире ничего не росло, когда ночь была глубока и вечна. И гоблины всегда будут помнить о долге, который есть у сил света перед ними и их богами, и будут его взыскивать, - Зет обвел рукой горящие здания, находившиеся за спинами собравшихся. – И вот мы собрались здесь этой ночью, потомки тех опарышей, и мы все ещё должны были помнить, что велели нам боги. Но мы это забыли, - его рука упала. – Завтра, когда солнце будет в зените, сюда прискачет группа всадников, и они увидят нашу работу. Они почувствуют на губах вкус пепла сгоревших домов и ощутят жар, исходящий от почерневших полей. Но будут ли они нас бояться? Будет ли уплачен старый долг? – получеловек выжидательно замолчал, но ни один из нас ни произнес ни слова. – Нет. Всадники уже видели сожженные деревни. Видели убитых поселян. С чего бы им бояться нас – нас, перворожденных, потомков опарышей, которые питались плотью мира?

Несколько гоблинов беспокойно заёрзали, на их лицах возникло смущенное выражение. Даже пленники стали хныкать потише и прислушались.

- Ты будешь бояться? – спросил получеловек, указывая на одного из гоблинов в толпе. – Или ты? Мы всего лишь сожгли небольшой город. Кому в мире это не под силу? Маленьким пикси под силу, - на лице Зета возникла слабая улыбка. – Даже людям. - Сделав паузу, он добавил, - Мне нужно знать.

Тишина стала глубже. Я содрогнулся. Когда он произнес слово «люди», и мы посмотрели на него и вспомнили, чем он является, в атмосфере что-то изменилось.

- Даже людям это под силу, - повторил он. – Мы так долго прожили под солнцем, вдали от ночи и истины, что забыли, кто мы есть на самом деле. Мы начали думать, - Зет сощурился, словно хотел рассмеяться, - что мы *люди*.

Ни один из гоблинов не двинулся. На их напряженных лицах застыло каменное выражение. Эти слова были смертельным оскорблением, самой гнусной клеветой. И все же Зет произнес их, словно это была жалкая истина, над которой потешался весь знающий мир. От мгновенной смерти получеловека спасло лишь то, что воины помнили, кто был его дед.

Тонкие пальцы Зета взметнулись в воздух.

- Сейчас мы - *люди*? – вскричал он. – Все, что можем сделать мы, могут и они? Помним ли мы хоть что-то из того, чему учили нас наши боги? Неужели солнце выжгло из нас память о том, откуда мы пришли? – теперь он завопил с перекошенным от ярости лицом. – Хотите ли вы, чтобы всадники, которые приедут сюда завтра, посмеялись над нашей ночной работой? Хотите ли вы, чтобы они приехали сюда и сказали: «Похоже, это сделали люди, возможно, бандиты, все те же мерзкие старые людишки, как же хорошо, что это не *гоблины*»? – получеловек простер руку к черным небесам. – Мой отец был человеком. Он проклял меня своей скверной! Мои глаза не были красными, как у вас, они были голубыми! Голубыми, как у людей! Голубыми, как дневное небо! *Где сейчас мои глаза?* – внезапно своим бледным пальцем, словно клинком, он указал на одного из гоблинов в толпе. – Ты! Скажи мне! *Где сейчас мои глаза?*

Губы гоблина задрожали, и он что-то беззвучно прошептал.

Лицо Зета исказилось от ярости.

- *Скажи мне, пес, или пусть боги испепелят тебя на месте!*

- Твоих глаз нет! – вскричал гоблин, падая на колени. – Их больше нет!

- Да! – тут же воскликнул Зет. – Их нет! Мои глаза были человеческими, и мой дед вернул их! Мой дед вернул мои глаза! Эти дыры на моем лице в тысячу раз лучше, чем скверна моих голубых глаз! То, чем был мой отец, его человеческая порча, было от меня отделено! Теперь я в большей степени гоблин, чем вы, ибо моя душа свободна! Моя душа чиста, а ваши окутаны скверной *человечности*! Вот они, доказательства этому, здесь, среди вас – эти фермеры, которых вы взяли в плен! Вы обращались с ними, как люди стали бы обращаться со своими пленниками! Они молят вас о пощаде, принимая вас за *людей*! Как же низко мы пали в их глазах, раз они подумали, что мы, дети опарышей, рожденных в теле мертвой земли, способны на *милосердие*?

Ничего не нарушало тишину, кроме потрескивания пламени. Зет весь дрожал, словно его лихорадило.

Вскинув голову, он устремил взгляд поверх наших голов.

- Я чувствую, как они смотрят на нас. Чувствуете ли это вы? Чувствуете ли вы их взгляды, устремленные на нас сверху? Через мгновение они отвернутся, и мы окажемся потеряны. Наш народ будет потерян. Наша Нижняя Ночь будет потеряна. Все, чем мы когда-то были, исчезнет. Покажете ли вы им, нашим богам, что вы помните о том, что вы не *люди*? – Опустив глаза, он обвел пленников рукой. – Докажите это сейчас! – сказал он. – Пусть боги увидят то, что не под силу мне.

Никто не двинулся. Затем один из воинов в молчании обнажил длинный нож, подошел к пленным и, ухватив одну из женщин за волосы, вытащил её из рядов селян. Она завопила. Его товарищи обрушили град ударов на двоих халфлингов, которые попытались втащить пленницу обратно.

Гоблин с ножом левой рукой сгреб волосы маленькой женщины-халфлинга, заставив её откинуть голову. Несмотря на её попытки оттолкнуть кинжал, лезвие принялось опускаться раз за разом, снова и снова, пока её руки не упали в дорожную пыль.

Остальные пленники при каждом ударе издавали вопль. Конечности женщины обмякли. Резко вырвав клинок из её тела, воин схватил его, поднял над головой и швырнул в толпу пленников, обдав их брызгами крови.

Халфлинги завопили снова. Никогда раньше я не слышал, чтобы из глотки живого существа исходил подобный звук. Ужас вытеснил из него всё разумное, и он напоминал рев животного на бойне. В этот миг во мне пробудилось что-то древнее, жаждущее крови. Я стал одним из волков в стае, которая видела, что добыча находится в полной её власти, что она не сможет встать и убежать – горячая пища, которая на вкус окажется влажной и соленой. Когда остальные солдаты набросились на воющих пленников, я тоже сделал шаг вперед.

Но только один. Сам не зная почему, я остался стоять в стороне, пока воины, которые раньше были моими, давали волю своему голоду и пытались его удовлетворить.

Обезумевшие от крови гоблины предавали пленников мучительной смерти одного за другим. Зрители потрясали копьями и топали ногами, подбадривая их криками, которые после каждой новой смерти становились все более иступленными. Я наблюдал за этим со стороны, словно меня тут вообще не было. Мне не привыкать к жестокости, но то, что я видел, не было действиями тех воинов, которых я воспитал и обучил. Это были деяния дьяволов из Аида.

Когда последний из пленников перестал вопить и сопротивляться, воины разразились резкими криками восторга. В их руках появились флаги с элем и скверным вином, и многие к ним основательно приложились. Что с ними произошло? Я даже не мог подобрать нужные слова, чтобы заставить их остановиться и снова превратить их в солдат.

- Оставьте тела, - произнес Зет. – Пусть завтра солнце взглянет на них и покажет всем нашу работу. Пусть мир увидит, что делают дети опарышей, чтобы вернуть свой долг. Наша работа только началась, - покачнувшись, он повернулся и снова направился на юг, прочь от тлеющего пепелища.

Воины с готовностью последовали за ним - воины, которые некогда были моими. Проходя мимо, никто из них не удостоил меня и взглядом.

Когда они уже почти скрылись из виду, я уже в достаточной степени оправился, чтобы заставить двигаться свои собственные ноги. Я поспешил вдогонку, хотя мой разум оцепенел от шока. Мы наполовину шли, наполовину бежали таким образом несколько часов, и только тогда воздух наконец очистился от запахов дыма и крови, которые сменил аромат свежей травы. Во время пути воины болтали друг с другом, не заботясь о том, чтобы соблюдать тишину на вражеской территории, и

обменивались флягами с алкоголем. Я, тот, кого они некогда уважали и боялись, с тем же успехом мог бы стать для них невидимкой.

Рассвет уже был близок, когда Зет наконец остановился. Когда воины поравнялись с ним, он опустился на землю, чтобы передохнуть.

Я посмотрел вниз на тяжело дышащего полукровка.

- Капитан Кергис, - выдохнул Зет, хотя я приблизился к нему совершенно беззвучно, - ты не понимаешь, верно?

- Нет, - произнес я. У меня и в мыслях не было лгать. – Такова твоя воля.

- Ты говоришь, что такова моя воля, но сам я пуст, - продолжил Зет, все ещё не в силах отдышаться. – Я – чаша, в которую налит напиток, но не сам напиток. Я – рот, а не слово.

- Я этого не понимаю, - произнес я. – Ничего не понимаю. Мы – воины. Мы не... - я запнулся, пытаюсь подобрать нужные слова. – Мы сражаемся с воинами, а не с беззащитными фермерами. Это трусость – убивать беспомощное отребье. Мы сражаемся с теми, кто может дать отпор. Войну иначе не выиграть.

Наконец отдышавшись, Зет со вздохом прилег на траву, оперевшись на локти. Откинув голову, он уставился в бесконечную ночь.

- Капитан, - мягко произнес он, - ты ещё более слеп, чем я.

Я опустился на колени в траву в дюжине шагов поодаль. Сила, казалось, утекала из меня в воздух. Вдалеке слышался громкий смех пьянствующих солдат.

- Ты хочешь убить меня, - сказал получеловек. – Я это чувствую. Иногда я обретаю зрение – когда боги пользуются моей головой, пару мгновений я могу видеть их глазами. Но другие вещи я способен слышать, чувствовать и ощущать сам. Ты будешь рад, если я умру, - Зет склонил голову в мою сторону, но на меня не смотрел. – Знаешь, на это меня сподвигло оскорбление, - не дождавшись от меня ответа, он сам себе кивнул. – Значит, ты не видишь, не видишь даже этого. Скверну. Мое рождение. Даже этого не видишь.

- Вижу, - произнес я тихо. Я подумывал о том, чтобы вытащить меч и прикончить его на месте, и будь прокляты все боги. Это будет несложно.

- Ты видишь только мое тело. Видишь, что я отличаюсь от вас. Видишь, что желаешь моей смерти. Я слышу это в твоём голосе. Но оскорбления ты не видишь. Ты неспособен научиться тому, чему я хочу вас научить, - Зет повернул голову в сторону воинов. Через несколько мгновений он встал и ушел.

Спустя какое-то время я тоже поднялся на ноги. Усталые гоблины бессистемно рассеялись по полю. Судя по небу, до рассвета оставалось не более трех часов. Нам нужно было уйти отсюда и разбить лагерь. Вскоре кто-нибудь непременно наткнется на уничтоженную деревню, и поползут слухи. Посмотрев назад, я увидел, что наш след достаточно отчетлив, и вспыхнувшему жаждой мщения отряду не составит труда нас выследить. Либо мы покинем это место, либо погибнем.

Зет сидел на земле и негромко говорил о чем-то сам с собой. Когда я к нему приблизился, хрустя ветками, он замолчал и повернул ко мне голову.

- Нужно уходить, - сказал я без выражения. – Нет времени медлить.

Зет снова отвернулся и продолжил беседовать сам с собой или с кем-то, кого я не мог видеть.

- Он не понимает, - прошептал он. – Он не может увидеть их слабости. А ведь это и наша слабость.

Некоторое время он оставался неподвижным, а затем неуверенно поднялся на ноги.

- Веди нас, - произнес слепой полукровка, - на юг. Мы должны поспешить к месту нашего следующего урока.

На следующую ночь мы напали на уединенную ферму, расположенную в двенадцати милях южнее деревни халфлингов. Двое из нас получили ранения, но остались на ногах. Мы покинули ферму через несколько часов, и Зет снова вещал о личинках, от которых мы произошли, и наблюдающих за нами богах. Дюжина людей, членов жившего там семейства, теперь болтались на потолочных балках в столовой, подвешенные за ноги и выпотрошенные, как олени.

Те, кто некогда были моими воинами, прихватили с собой немного человечины.

- Теперь ты видишь яснее, капитан?

Шагая, я не отводил взгляда от темного горизонта.

- Нет.

Зет немелодично промычал что-то под нос.

- Вот и со мной так было, - наконец произнес он. – Они спрашивали: «Стал ли ты видеть яснее?». А я плакал и говорил: «Нет! Верните мне их!». Но это было невозможно. Они уже выкинули их. Они их вернули.

- Твои глаза, - сказал я после паузы.

- Моя мать сказала, что вставит их обратно, но у неё не было рук. Мой отец отрезал ей руки после того, как напал на неё и заронил в неё свое семя, зачав меня. Он отрезал ей руки и оставил её умирать. Он был человеком, но люди так не поступают. Он был охотником, говорила она, охотником, который избрал её своей добычей. Она вышла за водой, и он её поймал. Он пытался стать гоблином. Теперь-то ты точно видишь.

Я облизал губы. Я уже потерял своих воинов, и мне стало плевать, что со мной будет.

- Нет.

Зет тяжело вздохнул.

- Оскорбление, - сказал он медленно, словно обращаясь к ребенку.

Я не стал утруждать себя ответом.

На следующей день один из разведчиков сбил с лошади всадника, который галопом скакал через наш лагерь. Это был отличный выстрел, учитывая, что солнце стояло в зените и мы едва могли видеть. Всадник попытался уползти, но мы его обнаружили. На этот раз Зету уже не было нужды произносить свои речи. Гоблины и так знали, что делать.

Человек этот был солдатом из Дурпара. Наши деяния обнаружили. Стало быть, кто-то послал за подмогой.

- Мы не можем дальше двигаться на юг, - сказал я Зету. - Опасность слишком велика. Мы должны вернуться назад или, по крайней мере, свернуть к западу, где они не сразу кинутся нас искать.

- Ты не понимаешь, - произнес Зет.

Мы продолжили идти на юг. На пути нам попался фермер с возом сена и двое сельских рабочих, человек и халфлинг. Мы окружили стоявшую на опушке леса ферму, но внутри оказалась лишь одна старая женщина.

- Мы трусы, - произнес я, глядя на тело, качаемое порывами ветра. Я говорил тихо, ведь вокруг было полно гоблинов. Я больше не чувствовал себя одним из них. Они предали меня. Лучше смерть, чем это.

- Мы – гоблины, - сказал Зет. Он стоял, привалившись спиной к дереву, на котором болталось тело старухи. Он посмотрел на вершины кустов. - Мы слишком долго ходили на людей. Мы не понимали, что от нас хотят боги. Мы забыли их уроки. Забыли опарышей.

- Я слышал достаточно болтовни об учении, уроках и забытых вещах, и меня уже тошнит от неё, - произнес я. – Скажи мне, что это за урок, или я тебя убью.

Разговоры среди гоблинов стихли. Те, кто некогда были моими воинами, неподвижно застыли, сжима в руках фляги, чашки и кувшины, позаимствованные из дома старухи. Гоблины окружали меня со всех сторон. Их взгляды были устремлены на меня.

- Слишком долго мы ходили на людей, - произнес Зет спокойным и умиротворенным голосом. – Мы забыли, что боги создали нас из самой низшей формы жизни, и зажгли в нас внутренний огонь, чтобы мы стремились стать наивысшей. Они наделили нас силой воли, чтобы мы любой ценой пытались стать лучшими. И все же люди везде и всегда бросают нам вызов. Люди думают, что превосходят нас во всем. Все это знают – гоблины, орки, великаны, эльфы, драконы – все знают, что это так. Люди верят только в людей. Никто в мире не имеет для них значения, кроме них самих. Вскоре и мы в это поверили и утратили зрение, которое подарили нам боги, чтобы мы увидели свой путь. Стоит нам утратить волю и тогда с нами будет покончено, - оттолкнувшись от дерева, Зет не спеша подошел к болтающемуся труп. Протянув руку, он коснулся тела, и оно медленно закружилось вокруг своей оси. – Только тогда, когда мой дед выковырял мне глаза, я в первый раз по-настоящему прозрел, - произнес он. – Боги дали мне зрение. Люди, которые этого не понимают, называют нас злом. Они думают, что мы творим ужасные вещи лишь потому, что хотим этого, потому, что мы эгоистичны. Они называют наши деяния злом, и я назову их так же, ибо люди питают к ним настолько сильную ненависть, - Зет уставился на меня в упор. – Итак, мы творим зло, но творим его ради богов. Люди не понимают, что наше зло похоже на любовь, ибо оно нечто большее, нежели простой эгоизм. Наше зло тянется наружу, чтобы объять мир, уничтожить его, подобно нашим богам, и сделать его нашим. Наше зло теплое и алое, как любовь, и оно проникает в мир так же, как любовь проникает в сердце – через самые незащищенные места, - полукровка раскинул руки ладонями вверх. – Ты не понимаешь, что я имею в виду под «оскорблением», - произнес он. – Это тело осквернено. Боги запретили мне пользоваться оружием и доспехами, чтобы защищать эту скверну, - уголки губ Зета изогнулись в холодной улыбке. – Напав на

мою мать и отрезав ей руки, мой отец хотел кое-что доказать. Он хотел доказать, что сильнее гоблина. Возможно, он также хотел продемонстрировать, что является большим злом, чем гоблины. Он совершенно точно знал, как мы относимся к людям и что зовем скверной – касание человечности, доброты и слабости. Да, мы являемся частью этого мира, но нас переполняет ненависть к нему. А мой отец швырнул это нам в лицо. Как мог человек оказаться сильнее, чем те, кто произошел от червей, которые копошились в ранах мира? Как он мог оказаться большим злом? Люди утверждают, что лучше нас, а деяние моего отца говорит о том, что они также претендуют на то, чтобы быть хуже, словно мы – простые ничтожества. Это было оскорблением всего нашего народа. Увидев это, боги разозлились, и я появился на свет, чтобы отплатить за него. Теперь мы учим людей, каково это – быть слабым! Чего сильные боятся больше, чем слабости? Что страшнее всего для воина, гордящегося своей мощью, чем знание, что она ничего не стоит? Мы нападаем на слабых и беспомощных, а они боятся от того, что со всей своей добродетелью не в силах их защитить! Наши боги и наш народ отмщены! Старый долг заплачен! – внезапно Зет крутнулся и наотмашь ударил вращающийся труп старухи. В лунном свете он закрутился вокруг своей оси. Получеловек оглянулся на меня, его лицо сияло, словно луна. – *Теперь ты понимаешь, капитан? Теперь-то ты видишь?*

Я посмотрел на вращающийся труп. Платье старухи развевалось под легкими порывами ночного ветерка.

И увидел.

Зет знал это. Он на ощупь вернулся к дереву. Боги, которые давали ему возможность видеть, теперь покинули его.

- Направимся на юг, - произнес он. - Наше обучение ещё не завершено.

Три дня спустя люди нас нашли.

- Сколько их? – спросил Зет. В отличие от нас, ему, стоя на плоской вершине холма, не приходилось прятать лицо от солнечных лучей. Какой бы бог или боги не использовали его, сейчас они ушли.

Это не имело значения. Мы усвоили урок.

- Около сотни, - ответил я. Скорее всего, больше, но из-за всего этого света судить было сложно. Многие люди сидели верхом, и в клубах пыли позади них могли скрываться другие отряды. Их боевые знамена были подняты, и в небесах реяли цвета Дурпара.

Мы закрепились на местности настолько хорошо, насколько смогли. Нам бы не удалось опередить их в открытом поле, где они нас заметили. На вершине холма не было никакого укрытия, но эта позиция давала нам преимущество в высоте, необходимое при сражении с высокорослыми людьми и конными всадниками.

- Сотня – это хорошо, - произнес Зет. – Больше было бы лучше, но сотня тоже пойдет.

Одна из наших человеческих пленниц что-то крикнула приближающимся солдатам. Я не понял смысл её слов. Отвесив ей оплеуху, один из гоблинов принялся её избивать.

- Прекрати, - не оглядываясь, спокойно произнес Зет. – Пусть орет. Так будет лучше. Пусть все пленники орут, сколько им вздумается.

- Они разделяются, - произнес один из воинов. – Некоторые натягивают луки.

- Они не станут стрелять, - с безмятежным лицом ответил Зет. – Они знают, что у нас есть пленные.

- Они нападут на нас, - сказал я, прищуренными глазами разглядывая отдаленные фигуры. Приняв решение, я крикнул, - Первыми пойдут всадники – поэтому вам, лучникам, необходимо убить их как можно больше. Я хочу, чтобы все, у кого есть копыта, были готовы их встретить. Сначала атакуйте лошадь, всадника игнорируйте. Когда лошадь падет, забудьте про неё. Вытаскивайте мечи и переключайтесь на других лошадей. Подсекайте им ноги, чтобы они упали. Всадники не смогут подняться сразу; их прикончат наши вторые ряды. Затем готовьтесь встречать пехоту. Воспользуйтесь преимуществом в высоте и, когда они станут подниматься по склону, бейте их по головам и рукам.

- Даже сейчас остался воином, - произнес Зет так тихо, что его услышал только я.

Я открыл рот и закрыл его, не говоря ни слова. Возможно, именно им я и был. Я не знал другой жизни. И все же я говорил дело. В результате ещё больше людей получают урок. Так было лучше.

Я наблюдал за приближающимися воинами, пыль клубилась под копытами их коней. Хоть я такого расстояния я и не мог разглядеть их лица, я ощущал их жажду крови. Я почти чуял его. Это было естественно и правильно.

- Хороший денек, - в итоге произнес я. Я хотел сказать совсем другое, но это было правдой. Наконец-то я чувствовал себя легко и умиротворенно. Это будет хорошей битвой в хороший день. Я посмотрел на приближающихся всадников, их развевающиеся знамена, и меня охватило странное чувство. Это было ощущение чистоты, подобного которому я никогда раньше не испытывал. Сморгнув, я совсем забылся, дыхание у меня перехватило.

- Ты чувствуешь это, - мягко произнес Зет. – Хорошо, не так ли?

Мои губы сложились в слово да, но с них не слетело ни звука. Я медленно улыбнулся приближающимся всадникам, улыбнулся, как ребенок. Добро пожаловать, сказал я беззвучно, переполняемый этим чувством. Добро пожаловать на наш последний урок.

- Они услышат об этом в Пыльных Стенах, - произнес Зет словно в забытии. – Я вижу, как это случится. Боги расскажут об этом моему деду, а он научит наших сородичей, и тогда они наконец позволят ему покинуть свою смертную оболочку. Наконец мы нашли себя. Мы те, кем и должны быть.

- Хороший денек, - повторил я, кивнув. Я чувствовал себя легким, легким и сильным, обновленным и полным желания действовать. Столько времени я противился этим простейшим вещам. Так хорошо было пустить все на самотек.

Всадники-люди мчались на нас, опустив головы и сжимая мечи и топоры, копыта их лошадей мелькали в высокой траве. Мир стал ярче, острее и чище, но я не отвёл взгляда.

Повернувшись, Зет подал знак. Свистнули выпущенные из дюжины луков стрелы. Люди и кони упали на землю. Позади нас воины принялись убивать пленных на глазах у их спасителей. Над полем боя пронесся протяжный женский вопль.

Много, много всадников уцелело. Они приближались быстрее, вырастали в размерах, лица их были словно высечены из камня. Зет раскинул свои бледные руки, приветствуя их.

Это был прекрасный день. Первые всадники добрались до нашего холма, поднялись по склону и прошли через частокол копий. Вместе со своими сородичами я побежал им навстречу, высоко вскинув меч. Это чувство снова охватило меня. Я рассмеялся, не в силах остановиться.

Это чувство было похоже на любовь.